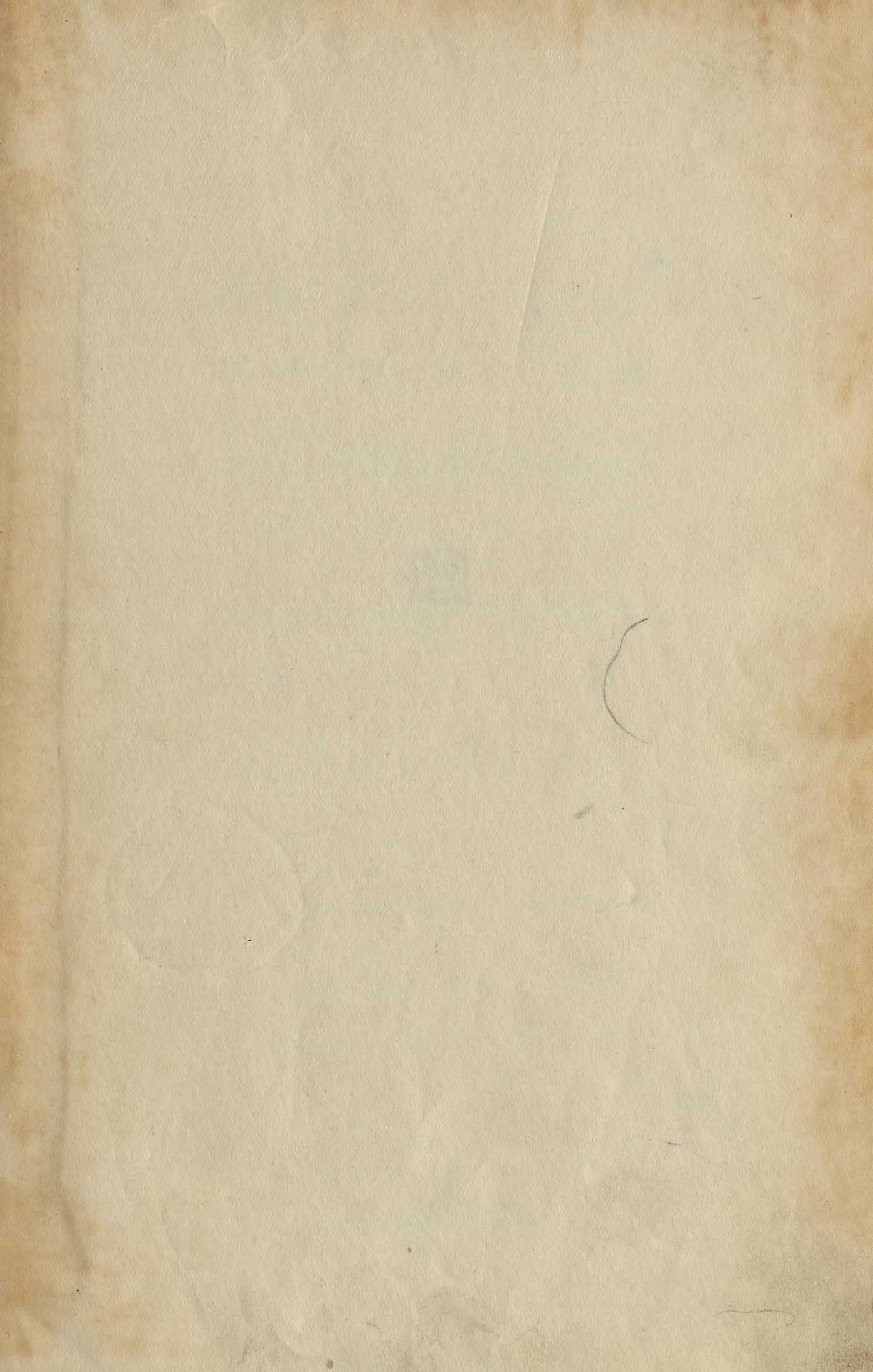
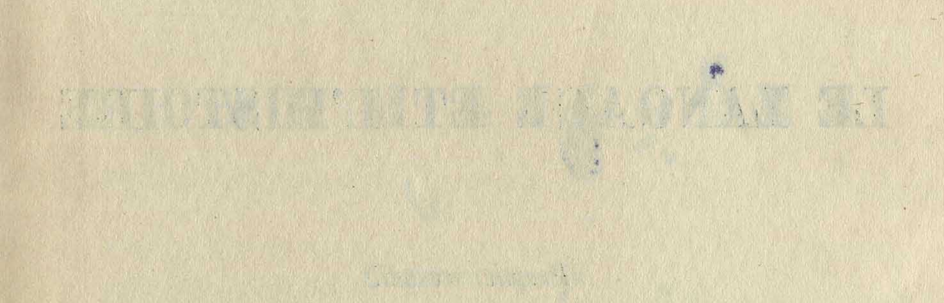
ЯЗЫК И ИСТОРИЯ

I

ОГИЗ-СОЦЭКГИЗ
1936

L'Académie N. Marr de l'histoire
de la culture matérielle

LE LANGAGE ET L'HISTOIRE

Premier recueil

EDITIONS D'ÉTAT
Édition sociale-économique
Section de Leningrad
1936

*Государственная академия
истории материальной культуры
им. Н. Я. Марра*

ЯЗЫК И ИСТОРИЯ

Сборник первый

*ОГИЗ
Государственное
социально-экономическое издательство
Ленинградское отделение
1936*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР Ф. В. КИПАРИСОВ.
ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР П. С. СМИРНОВ.

Сдано в набор 17/IX 1935 г.
Подписано к печати 26/III 1936 г.
Соцэкгиз № 1628/л. Ленгорлит № 8113.
Заказ № 105. Тираж 7500 экз.
Авт. л. 16,23. Печ. л. 15. Бум. л. $7^1/_2$.
(86.500 тип. знак. в 1 бум. л.).
Цена 6 р., переплет 1 р. 50 к.

2-я тип. „Печатный Двор“ треста „Полиграфкнига“.
Ленинград, Гатчинская, 26.

СОДЕРЖАНИЕ

TABLE DES MATIÈRES

ОТ РЕДАКЦИИ

Сборники „Язык и история“ предназначаются Государственной Академией истории материальной культуры им. Н. Я. Марра для опубликования трудов специально организованного в составе Академии научно-исследовательского Кабинета Николая Яковлевича Марра, материальной базой которого служат научный архив и библиотека великого ученого нашего времени, переданные его семьей ГАИМК.

Вполне естественно, что изданию литературного наследства Н. Я. Марра отводится значительное место в сборниках, на страницах которых будут изданы в русских переводах также малодоступные в настоящее время его работы, напечатанные на грузинском, армянском, французском и немецком языках, а кроме того и наиболее важные варианты опубликованных его работ.

Для облегчения пользования ими, работы Н. Я. Марра будут снабжаться необходимыми примечаниями, а в некоторых случаях и специальными введениями.

В соответствии с этой общей программой сборников „Язык и история“ составлен и первый сборник, предлагаемый вниманию читателей.

Из трудов Н. Я. Марра в состав сборника включена посмертная работа „«Сорока» и «кокошник». Что говорит язык истории материальной культуры“ и ряд статей, в свое время опубликованных в разных, частью мало доступных теперь изданиях на армянском, грузинском, французском и немецком языках, впервые появляющихся в русском переводе. Кроме того, печатается здесь впервые его статья „Язык“.

„«Сорока» и «кокошник»“ в основном написана Н. Я. Марром в ряде вариантов в промежуток 1926—1933 гг., но в рукопись ее им вносились поправки и изменения вплоть до резкого ухудшения хода роковой болезни весной 1934 г. Эта работа является, таким образом, последним трудом великого ученого. Примыкая к серии его исследований, посвященных

проблемам увязки языкознания с историей материальной культуры,[1] „«Сорока» и «кокошник»“ служит ярким доказательством плодотворности новых путей, проложенных Н. Я. Марром в исторической науке.

Первой из переводных статей Н. Я. Марра является „Яфетическое происхождение термина 'супруг', идеограмма tam-dam“, написанная по-армянски Н. Я. Марром во время его первой послевоенной заграничной командировки зимой 1920—1921 гг. в Вене по просьбе руководителей известного органа венских мыхитаристов, армянского журнала Handes Amsorya, где она и была опубликована в 1921 г. (№ 1—2, стр. 78—83, № 3—4, стр. 220—227).[2] Работа эта относится к числу исследований Н. Я. Марра по схождению клинописных языков древней Передней Азии с живыми яфетическими языками, начатых капитальным трудом „Определение языка второй категории Ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания (Предварительное сообщение)“[3] и продолженных в 1920 г., в частности, работой „Нарицательное значение термина ҫера в «митанских» женских именах (по яфетическим данным)“.[4] Говоря о своих занятиях 1920 г., Н. Я. Марр сообщил 15 сентября 1920 г. в заседании ОИФ АН за несколько дней до отъезда за границу: „Последние месяцы работа над яфетической терминологией в области названий металлов вынудила меня ближе ознакомиться с техникой ассирийской клинописи, и в процессе этого частичного разыскания я заметил, что звуковые значения, а также названия ассирийских клинописных знаков в громадном большинстве представляют реальный лексический материал, именно слова яфетических языков оправдывают идеографические значения тех же знаков. Одновременно я занялся углублением моих знаний по шумерскому, точнее шомерскому (сумерийскому) языку, намечавшемуся и раньше как яфетический. Стало ясно, становится с каждым шагом, углубляющим мое вхождение в шумерский язык, все яснее и яснее не только яфетическое его происхождение, но и место, которое надлежит отвести ему среди яфетических.... Любопытно отметить, что в яфетических лексических материалах ассирийского силлабария, да и в составе шумерского языка,

---

[1] Некоторые архитектурные термины, означающие 'свод' или 'арка', ИР, т. III, стр. 199—218; Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории, ИР, т. III, стр. 123—151; Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры, ИР, т. III, стр. 35—60; В тупике ли история материальной культуры, ИГАИМК, вып. 67, 1933 г., и др.

[2] См. Н. Я. Марр, Предварительный отчет по командировке в пределы древней Этрурии и Баскию, ИАН, 1921 г., стр. 731.

[3] Читано в Восточном отделении Русского Археологического общества 26 апр. 1912 г., напечатано в ЗВО, т. XXII, Спб., 1914 г., стр. 31—106.

[4] ИАН, 1920 г., стр. 121—127.

открываются встречи с яфетическими слоями в языках средиземноморской культуры, а также с живым европейским яфетическим языком — баскским".[1]

Вторая переводная работа—маленькая заметка „Tenṭğuk 'воробей'", также былав первые опубликована Н.Я. Марром в Handes Amsorya.[2] Она стоит в прямой связи с напечатанной в № 1—2 этого журнала статьей д-ра Kraelitz'а о связи одного турецкого слова с армянским. [3] В заметке Н. Я. Марр указывает, что этот вопрос был им разъяснен в одной из предшествующих его работ. [4]

Ко времени второй послевоенной заграничной командировки Н. Я. Марра (октябрь 1922 г. — июнь 1923 г.) относится прочитанная им по просьбе Парижского Армянского студенческого союза на вечере, организованном Союзом в Société des savants, лекция „Армянская культура, ее корни и доисторические связи по данным языкознания", которая является третьей по счету переводной работой Н. Я. Марра в настоящем сборнике. Она является частью задуманной Н. Я. Марром работы на тему об этнической культуре и ее значении в исторической жизни человечества, [5] частью которой является и прочитанная им тогда же в Париже лекция для Ассоциации грузин в Париже „Культурный фронт грузинского народа с точки зрения яфетической теории". [6] Только в 1925 г. армянская лекция Н. Я. Марра была напечатана А. Б. Тюрапаном в качестве № 1 серии книг Парижского Армянского студенческого союза. К сожалению, издатели отнеслись более чем небрежно к своим задачам и работа Н. Я. Марра, не читанная им в корректуре, изобилует не только множеством опечаток, но также и рядом грубых искажений, исправить которые в настоящее время очень трудно.

Статья „Язык" была прочитана Н. Я. Марром в качестве второй части его вступительной лекции к курсу общего учения об языке, читанного на восточном факультете Азербайджанского Государственного университета им. В. И. Ленина. Она была предназначена к печатанию в качестве приложения к русскому переводу книги Вейле „Этнология" (изд. „Прибой") и потому не вошла в состав известного бакинского курса „Яфети-

---

[1] ИАН, 1920 г., стр. 146.

[2] 1921 г., № 3—4, стр. 227.

[3] См. Н. Я. Марр, Предварительный отчет по командировке в пределы древней Этрурии и Баскию, ИАН, 1921 г., стр. 731.

[4] Н. Я. Марр, Яфетические названия деревьев и растений (Pluralia tantum), ИАН, 1915 г., стр. 835, 839—840, 939.

[5] См. Н. Я. Марр, Из поездки к европейским яфетидам, ЯС, т. III, стр. 53.

[6] Там же. Эта часть напечатана в тифлисском журнале Mnaϑobi, № 4 (12) стр. 192—211 и № 5/6 (13/14), стр. 289—328, за 1925 г. Перевод этой работы предположено напечатать в следующем сборнике „Языка и истории".

ческая теория" (Баку, 1928 г.),[1] хотя материал ее был использован Н. Я. Марром в разных частях как этой, так и других работ.

Переведенная с французского языка работа Н. Я. Марра „Грузинский язык" напечатана в Revue de l'Orient chrétien, т. VI (XXVI), №№ 1—2, стр. 3—21. Она представляет собою текст вступительной лекции к курсу грузинского языка, прочитанному Н. Я. Марром в Ecole nationale des langues orientales vivantes в 1927/28 акад. году.[2]

Последней из переводных работ Н. Я. Марра, помещенных в настоящем сборнике, является его грузинская статья, изданная в 1930 г. организованной при ближайшем участии Н. Я. Марра Академией наук ССР Грузии, в Тифлисе — „Место грузинского языка в мировой истории созидания и развития языка".

Из числа работ других авторов, так или иначе связанных с новым учением о языке Н. Я. Марра, здесь печатаются переводная с немецкого языка статья Роберта Блейхштейнера „Субары древнего Востока в свете изучения яфетидов", напечатанная в юбилейном сборнике кардинала Вильгельма Шмидта, и две статьи молодых яфетидологов-грузин — М. П. Чхаидзе и А. А. Глонти, посвященные проблемам нового учения о языке.

О работе Р. Блейхштейнера Н. Я. Марр говорит в своем труде „Родная речь — могучий рычаг культурного подъема",[3] как об одной из первых попыток на Западе использовать достижения нового учения о языке.

В статье „Палеонтология языка и палеонтологический метод" М. П. Чхаидзе показывает сущность лингвистического анализа Н. Я. Марра на грузинских материалах и выявляет его преимущества по сравнению со старыми методами формального сравнения индоевропейстов. Статья А. А. Глонти „Почему поколебался авторитет письменных источников" развивает выдвинутое впервые Н. Я. Марром положение, что формы, зафиксированные в письменных памятниках древнегрузинского языка, являются более развитыми и более новыми, чем соответствующие им формы живой народной речи. Обе эти статьи были напечатаны в юбилейном сборнике „За марксистское языкознание", посвященном сорокапятилетию научной деятельности Н. Я. Марра, изданном Тифлисским Государственным университетом в 1934 г.

Сборник подготовлен к печати В. Б. Аптекарем.

Переводы с армянского языка работ Н. Я. Марра „Яфетическое происхождение термина 'супруг', идеограмма t̠am-dam", „T̩ent̩ǧuk 'воробей'" и „Армянская культура, ее корни

[1] См. названную работу, стр. 15.

[2] См. Н. Я. Марр, Отчет о третьей лингвистической поездке за границу (19 августа 1927 — 3 марта 1928 г.), ИАН, 1928 г., стр. 543.

[3] См. ИР, т. V, стр. 404 и 434.

и доисторические связи по данным лингвистики“ выполнены И. К. Кусикьяном, перевод с французского языка статьи Н. Я. Марра „Грузинский язык“ — В. А. Михайковой, перевод с немецкого языка статьи Р. Блейхштейнера — В. Б. Аптекарем, перевод с грузинского языка работы Н. Я. Марра „Место грузинского языка в мировой истории созидания и развития языка“ Ш. Дзидзигурия. Переводы статей М. П. Чхаидзе и А. А. Глонти выполнены М. П. Чхаидзе.

ПАМЯТИ Н. Я. МАРРА

(1865—1934)

„Человек, умирая индивидуально соматической смертью, не умирает общественно, переливаясь своим поведением и творчеством в живое окружение, общественность. Он продолжает жить в тех, кто остается в живых, если жил при жизни, а не был мертв. И коллектив живой воскрешает мертвых“.

Н. Я. МАРР

В ночь с 19 на 20 декабря 1934 г., после четырнадцати месяцев тяжелой болезни, впервые за всю жизнь оторвавшей его от напряженного исследовательского труда, умер Николай Яковлевич Марр, в лице которого советская наука и общественность потеряли одного из лучших своих представителей. Смерть, предвозвестником которой явился роковой удар 15 октября 1933 г., физически сразила Николая Яковлевича и вырвала его из рядов передовых борцов мировой науки, но не может она сломить его дело — героическую борьбу против буржуазного языкознания, борьбу за марксистско-ленинскую науку о языке. Смерть не способна побороть его творческую жизнь, целиком перевоплотившую себя в живое оружие этой борьбы: сотни исключительных по глубине мысли, богатству эрудиции, творческой силе научных трудов, на которых учились десятки, будут учиться тысячи учеников Н. Я., — залог победы его дела.

Вступая в жизнь, в выпускной гимназической работе по русскому языку Н. Я. писал, что „значение труда в жизни человека настолько велико, что его отсутствием исключается сама жизнь“. Это не просто „красивые слова“ восторженного юноши, это глубоко осознанная мысль, полным осуществлением которой явилась вся его жизнь, не богатая внешними событиями, но зато внутренне бесконечно насыщенная титаническим трудом, поглотившим все его помыслы и стремления. В напряженном труде научного творчества, охватившем период свыше сорока пяти лет, в неразрывно связанной с этим творчеством и не знавшей ни уступок, ни соглашений с врагом борьбе против методологии и мировоззрения буржуазной науки — пафос и содержание великой жизни Н. Я. Эта жизнь

не была жизнью кабинетного ученого, ограниченного узкими рамками академического быта. Наоборот, как подчеркивал сам Н. Я. в своей „Автобиографии“ (1927 г.), все его „творческие языковедные мысли суть не результат работ в кабинете, а зарождались в пустынях и на морях, в горах и степях, у рек и родников, верхом или в вагоне, но только не в кабинете“.

Человек редкой работоспособности, отдававший работе ежедневно бо́льшую часть суток, не знавший отдыха в отрыве от своего страстно любимого труда, Н. Я. не был и тем зафиксированным в литературе классическим типом ученого, глухого ко всему, что не относится прямо к его специальности, человеком, в котором наука убила все живое, человеком, который, кажется, даже родился уже пожилым, болезненным, безучастным, теряющим все нити жизни вне привычной ему обстановки, замкнутой библиотекой, кабинетом, одной и той же аудиторией, где он изо дня в день развивает все одни и те же мысли.

Н. Я. был человеком совершенно иного склада: исключительно скромный по отношению к себе, он всегда был полон энергии и страсти там, где дело касалось его работы, творимой им только в неразрывной связи с запросами актуальной действительности, только в живом окружении реального коллектива друзей, учеников, населения изучавшихся им местностей или языков. Всех заражал Н. Я. огненным энтузиазмом своих выступлений, докладов, речей, лекций, даже в частных беседах заставляя своих собеседников становиться участниками — сторонниками или противниками — целиком завладевшего им дела. Всегда чуткий и внимательный к каждому, глубоко интересовавшийся всяким живым ростком творческой мысли, всегда готовый помочь обращавшимся к нему с многочисленными и разнообразнейшими вопросами ученикам, слушателям, корреспондентам из разных мест нашей страны и зарубежья, Н. Я. был строг и непримирим каждый раз, когда дело касалось принципов, не признавая никакой „дипломатии“ в науке, громя и открыто разоблачая всякий шаг, ведший в сторону от прямой и последовательной линии его революционных научных исканий. И поэтому среди многих тысяч людей, хотя бы бегло встретившихся с Н. Я. на разных ступенях и плоскостях его многогранного научно-исследовательского, научно-организационного, педагогического и общественно-политического труда, вряд ли найдется, кто остался бы равнодушным к этому замечательному по своей творческой страстности ученому-революционеру, бойцу и созидателю, кто не стал бы или в лагерь его друзей, или в лагерь его врагов. Сам Н. Я. никогда не знал середины, никогда не занимал промежуточных позиций, никогда не молчал там, где его молчание могло скрыть направленность его мыслей и действий в ту или иную сторону. Продуманность научных позиций, непоколебимая

отвага и стойкость в борьбе — вот основные черты Марра — мыслителя и Марра — труженика науки.

Но строгий и требовательный в вопросах науки к другим, Н. Я. был до крайности требователен и суров по отношению к самому себе, являя поучительнейший пример глубоко-принципиальной научной самокритики. В процессе сорокапятилетней созидательной работы он не только строил, но и перестраивал, нередко разрушая почти до основания все здание своей научной теории, объединившей в одно стройное органическое целое науку о языке, науку о мышлении и историю материальной культуры. Орлиным взором Н. Я. следил за каждым движением научной мысли, неоднократно пересматривая свои позиции, свою исследовательскую методику, свое научное мировоззрение, беспощадно критикуя и перерабатывая достигнутые результаты, меняя и улучшая методы, все время неуклонно двигаясь вперед. „Яфетидология, — говорит он в 1932 г. о важнейшей части своих исследований, — должна получить не только прием и пассивное усвоение, но и революционно-творческое отношение, и если понадобится — переработку и развитие... иначе один ход — назад, и одна судьба — быть на службе международной буржуазии, идеологически загнанной в тупик".

Творческий путь жизни Н. Я. был не легким путем. Н. Я. вышел из мелкобуржуазной, отсталой провинциальной среды, он начал свою исследовательскую работу над языком на основе принципов старого буржуазного индоевропеизма с его идеализмом и метафизикой — этими характерными особенностями пресловутого формального сравнительно-исторического метода, который многими учеными даже в нашей советской стране и сейчас рассматривается как незыблемая основа языкознания. Однако уже тогда, на заре своей жизни Марр-студент оказался в положении диссидента — нарушителя канонизированных норм и догм индоевропеизма своим еретическим тезисом о родстве грузинского языка, признанного корифеями науки языком изолированным, с семитическими. Уже тогда, в период своего возникновения в недрах буржуазного языкознания, новое учение о языке, выступавшее в те годы как учение о существовании особой „яфетической" группы, „семьи" языков, названной так по аналогии с семьями хамитической и семитической, явилось протестом народнически настроенного молодого ученого-грузиноведа против господствовавшего в академической науке великодержавного шовинизма, против принижения „малых" народов, идеологического порабощения их и эксплуатации „великими" капиталистическими нациями. Углубляясь и принимая все более и более осознанно-четкие формы, этот процесс проявлялся на всем протяжении развития нового учения о языке, начиная расхождениями по отдельным, второстепенным вопросам лингвистики и кончая резким, принципиальным

разрывом и непримиримой борьбой с буржуазной индоевропеистикой, которую Н. Я., к величайшему смятению и озлоблению своих коллег, характеризовал на этом этапе как „плоть от плоти и кровь от крови отживающей буржуазной общественности, построенной на угнетении европейскими народами народов Востока их убийственной колониальной политикой“.[1]

На всех этапах своей жизни борясь на два фронта против национального шовинизма, национального угнетения и разжигания национальной вражды, в период царизма одинаково практиковавшихся на Кавказе и русским самодержавием и местными помещичьими и буржуазными партиями, а после Октября ставших одним из проявлений буржуазного уклона от генеральной линии партии, строящей „социалистическую по содержанию и национальную по форме“ культуру народов СССР, Н. Я., вместе с передовой частью трудящихся Грузии, близких ему по связям детства и юности и по многочисленным исследовательским работам на местах, проделал длинный и трудный путь от позиций мелкобуржуазного народничества к марксизму-ленинизму, к коммунистической партии — к борьбе под боевыми знаменами лучших представителей человечества, Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

Путь Н. Я. из лагеря идеалистов и метафизиков к диалектическому материализму — трудный путь ученого-революционера, сперва стихийного материалиста и диалектика, оформлявшегося на основе глубокого подхода к изучаемым научным фактам, а затем и сознательно уже работавшего над своим идеологическим перевооружением марксиста.

Сначала бессознательно, стихийно, ощупью, по отдельным частицам, потом все организованнее, сознательнее, быстрее протекал поучительнейший процесс сближения научных взглядов великого ученого с мировоззрением и методологией марксизма-ленинизма, — один из наиболее ярких примеров диалектического, революционного развития науки. Следует подчеркнуть, что к марксизму-ленинизму Н. Я. вели не только книги, изучавшиеся им в послеоктябрьский период, но и непосредственная работа над живым материалом, многообразное его общение с массой научных, общественных, политических работников-партийцев, знакомившихся с его трудами и в свою очередь знакомивших его со взглядами классиков марксизма-ленинизма. Принципы диалектико-материалистического понимания действительности в ее историческом развитии осознавались Н. Я. в процессе самостоятельной творческой работы путем постепенного продвижения от одного частного обобщения к другому, все время углубляясь и расширяясь. Это и только это привело Н. Я. к его исключительным достижениям.

---

[1] Об яфетической теории, 1924 г. См. Избранные работы Н. Я. Марра, т. III, стр. 1.

Тяжелая болезнь, а за нею и смерть оторвали Н. Я. от работы в полном цвете его творческих сил, в самом разгаре борьбы за новую, марксистско-ленинскую науку о языке. Глядя на Н. Я., погруженного в исследовательскую работу, слушая его захватывающие огромной силой знаний и юношеской страстностью речи, всякий забывал о его возрасте, никто не думал о том, что настанет время, когда Н. Я., такой мощный, такой яркий, такой пламенный, вдруг перестанет работать, погаснет, уснет навеки... Смерть и Н. Я., казалось, исключали друг друга, как непримиримые противоположности. Смерть физически оказалась сильнее, и Н. Я. нет уже в наших рядах. Однако его светлый образ и глубина его творческой мысли всегда будут наполнять нас энергией для борьбы и сознанием, что именно в нашей великой стране победившего социализма, в борьбе за победу коммунизма жил и боролся Николай Яковлевич Марр.

В. Б. Аптекарь

Н. Я. Марр

ЯЗЫК [1]

Язык есть орудие общения, возникшее в трудовом процессе, точнее — в процессе творчества человеческой культуры, т. е. хозяйства, общественности и мировоззрения. Язык создан человеческим коллективом так же, как на первых ступенях его общественного бытия памятники материальной культуры, предметы первой необходимости и сами виды коллективного производства, охота и различные ремесла и игры и как на дальнейших ступенях его существования выделившиеся искусства, художества, эпос, пляска, пение и музыка, право и другие категории общественных ценностей. С первых же шагов созданного человечеством в трудовом процессе интереса к окружающему миру и осознанию своей связи с ним возникла неразлучная ни с каким производством сначала магия, затем религия и впоследствии вытесняющая их наука.

Язык отражает в себе все стадии развития всех примерно приведенных и еще других сторон созидавшейся человечеством культуры и всех устанавливавшихся в его сознании взаимоотношений между не только человеком, вначале всегда коллективно воспринимавшимся, но и между коллективом в целом и окружающим его видимым миром. Язык отразил в себе все пути и все ступени развития материальной и надстроечной культуры, усовершенствования орудий ее производства и все изгибы связанного с таким материально возникшим прогрессом общественного мышления с эпох, когда окружающий видимый мир, т. е. природа с ее так называемыми производительными силами, на первых достигнутых ступенях развития человеческой культуры представлялась виновницей всякой удачи и неудачи, страшилищем и благодетелем, тотемом-покровителем и требующим примирения врагом, богом и чортом, являющимися одинаково созданиями человеческих усилий

[1] [Лекция, читанная в 1927 г. в Баку студентам Азербайджанского государственного университета им. В. И. Ленина, не вошедшая в состав книги „Яфетическая теория"].

в борьбе с казавшейся всесильной природой и на пути освобождения как от ее власти, так далее от власти всех завещанных от эпох неведения и ненаучного мышления этих отживших коллективных, часто кошмарных для нашей современности представлений.

Об языке, об его происхождении и развитии существует не одно научное мнение. Одно мнение, мнение учения, более живого, об языке, исходит от этнографов, изучающих быт и материальную культуру отсталых народов, так называемых „дикарей", и их речи. В этой научно-исследовательской среде все внимание сосредоточено на отношении языков отсталых народов Америки, Австралии и Африки, казалось бы, языков примитивных, к языкам мирового значения культурных народов, владевших письменностью и господствовавших в старых частях света, Африке, Европе и Азии, в районах сосредоточения исторически засвидетельствованной интенсивной культурной жизни — Китае, Индии, Передней Азии, Египте и греко-римском мире.

Этнологам-лингвистам удается наметить путь увязки американских и океанийских языков с языками древнейших обитателей Европы, равно языков культурно-отсталых народов внутренней и южной Африки с языками основоположников древнейшей культуры того же европейского мира, но в работе над этой увязкой культур различных стран и языков преобладающую роль играют данные антропологические, материальной культуры и быта, в отношении же языка этнологи не располагают каким-либо цельным теоретическим построением и соответственным строго-лингвистическим методом, да менее всего располагают необходимой палеонтологической перспективой, чтобы оперировать над языковыми данными для установления той или иной генетической связи между языками различных систем, языками различной по эпохам творчества типологии. Специальная же наука об языке с независимой лингвистической теорией, до сих пор притязавшая на место и общего языкознания, есть учение, возведенное на теоретических нормах, выработанных изучением исключительно языков позднейшей системы, прометеидской, т. е. языков так называемой индоевропейской семьи, да притом с выбором в первую голову письменных языков, часто мертвых, языков господствующих и, особенно, господствовавших народов, вернее, господствующих и господствовавших в этих народах классов. Соответственно связанная ныне с западноевропейской общественностью и ее мышлением школа этой индоевропейской лингвистики, несмотря на свежие в ней обновленческие струи протеста или самокритики ее лучших, наиболее вдумчивых и свободомыслящих представителей, господствует по сей день не только на Западе и в Америке, но и в пределах СССР.

Индоевропейская лингвистика, с ее отжившим для нас общественным мышлением, исходит от изолированного изучения подсудных ей по специальности языков и от отрешенности норм развития речи от истории материальной культуры, норм развития мирового хозяйства и мировой общественности. Поэтому она отводит не только проблему о происхождении языка, как ненаучную, но по существу и все генетические вопросы, и вместе с тем отказывается вовсе признать научной какую-либо работу над установлением связи генетического порядка между различными системами языков, принимаемыми в этом старом учении об языке за особые семьи зоологического порядка, [1] каждая с своим независимым происхождением. [2]

Индоевропейская школа, признавая изолированность каждой так называемой семьи языков, до сих пор живет и работает технически, а пережиточно и идеологически, мыслью о праязыке, даже после того, как, почуяв нереальность и смягчив ошибку своих основополагателей признанием праязыка лишь „рабочей гипотезой“, не может, однако, высвободиться от чар созданного ею искусственного построения и вытекающих из него норм осознания языковой жизни, а с ними вместе метода исследования. Посему по сей день индоевропейская лингвистика работает формальным методом и, сосредоточивая свое внимание на фонетике и морфологии, отводит словарь на второстепенное место, абсолютно не учитывает явлений семантики, учения о значениях слов, закономерно вытекающих из связи языка с этапами развития хозяйственно-общественной жизни. [3]

Эта органическая увязка языка с материальной культурой нашла в отношении проблемы о происхождении речи проработку на языковом материале в трудах Л. Нуаре (Ludwig Noiré) еще полстолетия тому назад и общее теоретическое освещение частично в марксистской литературе. К той же органической увязке языка с материальной культурой независимо подошло побуждаемое подсудными ему языковыми данными яфетическое языкознание, ныне новое учение об языке, с палеонтологией речи, начавшее также с формального метода и сравнительной грамматики и постепенно перешедшее на изучение языка как категории социальных явлений, отражающей в своем содержании и своем оформлении строй, смысл и устремление хозяйственно-общественной жизни не индивидуума, а человеческого коллектива, не в изоляции отдельных групп, а в целом, в их совокупности с увязкой различных систем (казавшихся независимыми друг

---

[1] См. О происхождении языка, ПЭРЯТ, стр. 286—335.

[2] См. Индоевропейские языки Средиземноморья, ДАН, 1924 г. [ИР, т. I, стр. 185—186].

[3] См. Posface к ЯС, т. III, стр. 165—177 [Русский перевод см. ИР, т. I, стр. 189—196].

*

от друга семьями языков) друг с другом, как носительниц неразлучно формальной и идеологической типологии различных этапов развития хозяйственно-общественной жизни человечества. Соответственно получилась необходимость и возможность палеонтологической работы с диахронической перспективой, т. е. работы над выяснением отложившихся в языке пластов различных эпох в перспективном взгляде в глубину времен через все этапы развития человеческой речи.

Человечество начало свое общение линейной или ручной речью, языком жестов и мимики. Оно продолжило ее звуковой речью, языком членораздельных звуков, увязанной с линейной речью восприятием достижений, выработанных ею, линейной речью. Первый язык получил свое развитие с развитием общественности, основанной на хозяйственной жизни, протекавшей с помощью природой данных орудий производства. Второй язык, звуковой, возник лишь после того, как человечество перешло на труд с помощью искусственного, им изобретенного орудия. В звуковом языке надо учитывать новый момент в общественном значении речи. Звуковой язык стал орудием власти.

Звуковой язык возник в эпоху сложного общественного строя с организующим коллективом, обладателем орудий власти, в том числе созданной им звуковой речью, когда человек был уже на высокой ступени умственного развития. Он к тому времени находился в обладании в совершенстве развитой ручной или линейной речью, которая без изъяна удовлетворяла потребности взаимообщения, общения коллектива с коллективом, да и отдельных лиц внутри коллективов. Линейный язык вполне отвечал и качеству и уровню умственного развития человечества начальных эпох и технически и идеологически. Человечество тогда мыслило дологическим мышлением, без отвлеченных понятий, представлениями в образах и в их нашему восприятию чуждой взаимной связи. Техника линейной речи легко справлялась с потребностью обмениваться представлениями в образах. Объем потребных понятий находил достаточно линейных символов с помощью жестов и мимики для исчерпывающего своего выражения.

Потребности в звуковой речи в целях взаимного общения не было, да и по проникновении звукового языка в общий обиход долго и долго звуковой речью лишь дополнительно приправлялась линейная речь, продолжавшая господствовать в обиходной жизни. При отсутствии потребности в звуковой речи не могло быть и не было подготовки технических средств для осуществления мысли о звуковом языке. Между тем техника звуковой речи, сама система членораздельных звуков весьма сложна и тонко разработана, и она плод долгих усилий, результат громадной работы над их усовершенствованием уже как средства для обмена образными представлениями и отвле-

ченными понятиями. Но отдельные членораздельные звуки, как гласные, так и согласные, — позднейшие явления. Звуковой язык не начался с отдельных слагавшихся в слова звуков. Он начался с цельных слов, представлявших собой каждое один целый диффузный звук. Но эти звуковые комплексы, членораздельные в целом, но не расчлененные вначале диффузные звуки, не возникали самопроизвольно физиологически, как не созидались они и для нужд звукового языка, в котором долго не было и потребности. Они возникли в коллективном трудовом процессе, имевшем магическо-производственное значение в комплексном действе „пляске-музыке-пении“, неразлучном с эпосом.[1] Это действо и предотвращения-заговора и предупреждения-оракула.

В процессе развития техники каждого из соприсутствовавших в нем искусств, в части пения технически были выработаны диффузные звуки, идеологически ставшие выразителями непонятной и невидимой силы. Дальнейшее техническое развитие диффузных звуков, связанное на первых порах с развитием пения и его голосовых средств, завершилось их разложением на первичные односложные элементы в составе из согласного (простого или парного, первично диффузного), гласного и согласного. Раз усмотрена была возможность сигнализировать звуковым комплексом, элементом, хоть один предмет, какой бы он ни был, тем более невидимый и отвлеченный, то не было уже никакой помехи осуществить мысль о переходе с линейной речи на звуковую, открывался путь для создания нового языка, способного выражать невидимые предметы, в числе их отсутствующие и отвлеченные, потребность в чем не могла не нарасти с развитием хозяйства с его техникой, общественности с ее усложнявшимися нормами и нового мировоззрения.

Элементов всего-навсего четыре. Объяснение их числа приходится искать в среде возникновения, технике входившего в состав коллективного магического действа пения. Первичное диффузное произношение каждого из четырех элементов, как единого цельного диффузного звука, пока не выяснено. Нам эти четыре элемента доступны в многочисленных закономерных разновидностях, из которых для четырех элементов выбраны как условное наименование четыре их формы, по одной для каждого элемента: сал, бер, йон, рош, что указывается латинскими буквами в порядке их перечня A = сал, B = бер, C = йон и D = рош. Выбор форм сделан по созвучию их с известными племенными названиями, в состав которых они входят без изменения или с позднейшим частичным перерождением, именно, „сармат“ — „сал“ (A), „и-бер“ — „бер“ (B), „ион-яне“ — „йон“ (C), „эт-руск“ — „рош“ (D).

[1] См. О происхождении языка, стр. 326 сл.

Становление элементов словами совпадает со стабилизацией коллективов, нарастанием племенных образований. При наличии тесных общественных связей разновидности одного и того же элемента с одним и тем же закрепляющимся за ним значением у различных коллективов становятся в известные постоянные согласованные соответствия в отношении и гласных и согласных. Этим не физиологически, а социально установившимся закономерным явлением определяется формально принадлежность языка к той или иной ветви в системе яфетических языков, к той или иной группе данной ветви. Языки яфетические делятся на ветви сибилянтную и спирантную, в свою очередь сибилянтная ветвь — на группы свистящую и шипящую, а спирантная — на группы длительную и прерывистую.

Примерные соответствия свистящей и шипящей групп сибилянтной ветви:

	свистящая	шипящая
гласные	a	o ←→ u
	e	a
согласные	слабые s → z	ш → ȷ
	сильные ↗ ṫ	ṭ
	ď	ḓ
	ϑ̇	ϑ̣

и т. п. (↗ подъем, → становление тем, что у острия).

Становление элементов словами совпадает со стабилизацией племенных образований. Агнатическому коллективу начинает наследовать замкнутый когнатический коллектив, племя уже на кровных началах, поглощающий в себе коллективы с тотемами, названия которых, в зависимости от расширения их значения, обращаются в племенные названия. Распространяемые организующим властительным коллективом элементы, выйдя из тесного круга в общеплеменную ширь, становятся достоянием племенных образований. Известный подбор элементов с установившимся у каждого значением, пучковым, а впоследствии и одиночным, становится достоянием определенного племени. При усилении взаимоотношений различных племен, их общественном скрещении, подобные племенные слова скрещивались. Отсюда наличие слов простых, одноэлементных, и скрещенных, двухэлементных, в которых каждый элемент значит то же, что оба элемента в соединении. Элементы скрещенного термина самостоятельно значили, каждый в среде своего коллектива, позднее племени, то же, что два элемента вместе в скрещенном коллективе или в скрещенном племени, как, напр., у коми (зырян) для понятия 'земля' имеется скрещенный термин muzem из двух элементов, самостоятельно означающих mu 'земля' по-комийски (зырянски) и zem по-русски — „земь“, „земля“. Одноэлементные слова, напр., груз. ďel 'дерево' || (* ḓar → dar,

перс. dār → арм. ṭar), м. ḍal; русск. „бор“ 'лес' и двухэлементные лат. ar-bor (*har-bor), русск. „дерево“ и т. п.

От скрещенных слов необходимо отличать составные, доселе казавшиеся цельными корнями, так 'три' (2+1) груз. sa-m (свистящей группы) || чан. шu-m (шипящей группы), составленное из sa ← sal 'два' || шu ← шur 'два', и m (← me || ma) 'один', причем языки финской системы сохранили в своих разновидностях спирантного типа плавный звук (l вм. r), утраченный яфетическими языками Кавказа: суоми kol-me 'три' (из '2 и 1').

Палеонтологиею вскрыто, что значения слов возникли не по каким-либо физическим или иным свойствам предмета, а по его функции. На термин 'хлеб' перешло название 'дуба' или 'жолудя', служившего раньше в роли хлеба. На 'лошадь' перешло название 'собаки', службу которой в роли животного для передвижения стала отправлять 'лошадь'. Также 'дом' получил свое название не по материалу, не по форме, а по функции служить 'покровом', 'защитой', т. е. по слову, означавшему прежде всего 'небо', 'верх', 'крышка', 'покрышка', 'покров', 'сень' и т. п.

При таких перспективах, вскрытых новым учением благодаря палеонтологии речи, углубляется сама сравнительная грамматика, формальный сравнительный метод осложняется учетом истории материальной культуры; так, напр., греч. balan-os 'жолудь' и лат. pān-is 'хлеб', восходящий формально к архетипу * palan, оказываются родственными, причем оба слова являются скрещенными из двух элементов: B (pal → bal) и C (-an); в значении же 'хлеба' сохранился один первый элемент по закономерным разновидностям окающей (шипящей группы) pur у грузин и экающей (спирантной ветви) ber + i - b у готтентотов. [1]

Такие же связи вскрылись и формальные между языками различных систем: отсутствие форм (аморфность), нанизывание легко делимых образовательных частиц (агглютинативность) и органическая связанность образовательных элементов с основой (флективность) раскрываются как смена одних приемов оформления другими.

Морфологии формальной предшествует морфология идеологическая, построение не только фраз с соблюдением определенного порядка в расположении тех или иных понятий, впоследствии частей речи, но и построение слов, в которых один элемент или восполняется другим для более точного восприятия или осложняется другим как определением, для уточнения.

По категории обозначаемых ими предметов слова, постепенно возникавшие впервые в процессе развития того или

---

[1] См. Китайский язык и палеонтология речи. III. 'Дуб' → 'хлеб' и 'дерево' ДАН, 1926 г., стр. 109—112.

иного производства, делятся на космические ('небо', 'земля', 'море'), микрокосмические (члены тела — 'рука', 'глаз', 'голова' и т. п.), хозяйственные, общественные и т. п. Из космических 'небо', означавшее первично три 'неба' (небо[1] — 'верх', 'огонь', небо[2] — 'низ', 'земля', небо[3] — 'преисподняя', 'под', 'вода' и т. п.), имело семантические двойники ('небо[1] — 'время', равно 'пространство', 'год'), дериваты в различных разрезах, как то в порядке наречения части по целому — 'небо[1]' → 'облако' или 'небо[1]' → 'птица', в порядке ассоциации образов — 'небо[1]' → 'круг', 'свод' и т. д. При восприятии же 'неба' как 'бога' на значительно позднейшей ступени развития с наличием представлений и отвлеченных понятий развитой общественности и культа в дериватах того же 'неба + бога' появлялись 'вера', 'клятва' (специально по функциональной связи с 'небом + богом', 'господом'). Его же названием наименовывались как служители, так предметы культа — 'жрец', 'знахарь', 'колдун' (в христианской общественности 'священник'), 'алтарь', 'трон' и т. п. Переходя в обиход повседневной общественной и хозяйственной жизни, те же термины становились названиями соответственных лиц или предметов, как то: 'господин', 'стул' и т. п.

Еще более многочисленны слова, восходящие к представлению о 'руке'. 'Рука', первое и долго основное орудие производства, не уступает 'небу' и в культовой значимости: 'рука', как магическая сила, 'рука-божество', 'рука-власть' наблюдается в изображении с палеолита на предметах и прослеживается во все времена как символ власти и культа. Слов, вообще происходящих от 'руки', громадное количество. В его дериватах имеются и 'сила', и 'средство', 'способ' и 'образ' и многочисленные производные от этих и десятков других столь же основных значений, связывавшихся с представлением о 'руке', отчасти всегда, но в значительной мере в различные эпохи при различных ступенях развития хозяйства, общественности и самих норм социального строя, права и т. п. Рука в этом направлении получала значение не только 'силы', 'власти', споря с 'небом' общественных представлений других эпох, но и 'право', и 'долг'. По линии функционального использования названий предметов 'рукой' именовались не только орудия производства, но сами материалы, из которых орудия делались. Если названия металлов, в частности 'железо', разъясняются как имена, означавшие раньше 'камень', то название 'камня' в свою очередь оказывается словом, означавшим 'руку'. Особенно многочисленны глаголы, происходящие от слова 'рука' даже в одном основном его значении. От 'руки' происходят глаголы 'делать', 'строить' и 'разрушать', 'давать' и 'брать', 'бросать', 'направлять', 'мочь', 'осиливать', 'побеждать', 'бить', 'трогать', 'касаться', 'ощущать', и многие десятки других глаголов, в том числе глаголов и отвлеченного значения, даже таких, которые, казалось бы, ничего общего с рукой не имеют, именно,

рядом с 'протягивать', 'указывать' и 'манить к себе', 'звать'. Потому-то в связи с происхождением от руки глаголов и 'дать' и 'брать', элемент B, служащий для выражения 'брать' в русском и во многих языках прометеидской („индоевропейской“) системы, в языках другой или других систем означает, наоборот, 'дать', напр. в живом чувашском (paг) и мертвом хеттском (pai).

Так еще в связи с происхождением глаголов и 'строить' и 'рушить' одинаково от слова 'рука' надо знать, что основа самого русского слова „рушить“ представляет лишь разновидность основы русского „рука“, собственно первой части этого скрещенного термина, двухэлементного (DA), именно, элемента D. При учете же восхождения названия орудия резания или рубки, ныне и с давних пор железного, металлического, через 'камень' к 'руке', вполне понятно, когда элемент ru служит независимо в латинском для обозначения разрушения (ruo, di-ruo), а в марийском (черемисском) языке финской системы он же значит 'рубить' (от 'камня' как орудия производства), и тот же ru (←ruh) в значении 'камня' налицо в двухэлементном скрещенном ru-pe←ru-b, откуда в лат. rūpe-s 'скала', 'большой камень' и в русском „рубить“. В языках более древней системы с глаголом 'делать', 'производить' совпадает 'рождать' в связи с тем, что как 'делать' происходит от 'руки', так 'рождать' от 'женщины', понятия же 'рука' и 'женщина' обозначались одним и тем же словом при подлинном первобытном мышлении.

Форма без учета смысла в палеонтологическом освещении неизбежно вводит в заблуждение. Так, напр., bon по-осетински значит и 'день' и 'возможность', и 'погоду', и 'силу', но новое учение об языке не допускает объединения в одном гнезде всех перечисленных значений, да еще в порядке 'день', 'возможность', 'погода', 'сила', ибо налицо два лишь созвучных слова, идеологически не имеющих друг с другом ничего общего; одно из них космического порядка — bon 'день', 'погода', палеонтологически в архетипе 'небо', равно его части и эпифании (проявления), другое — микрокосмического: bon 'сила', 'возможность'←'*рука'. Оба слова имеют родню и вдали вплоть до западной Европы, и на самом Кавказе: основа bon с губной огласовкой шипящей группы, губным согласным на низшей ступени *mont (←*monṭ) имеет эквивалент свистящей группы с аканием в man, откуда осет. bon 'день', 'погода' в лат. звучит man-e со значением 'утром', а осет. bon 'сила', 'возможность' (←'*рука') в латинском звучит man-us 'рука'. На Кавказе man (←*manṭ) vmar в значении космического порядка сохранили мегрелы и чаны (лазы) в их скрещенном термине ṭu + man 'утро', o-ṭu-mar-e 'завтра'.

Лишь учет значимости в палеонтологическом освещении вскрывает подлинное положение вещей, укрытое за семью

печатями при одном формальном подходе. Так, в терминах космического круга у русского с немецким, казалось бы, нет ничего общего, ибо, напр., 'земля' по-немецки Erde, а 'небо' Himmel, но по палеонтологии речи первоначально не только 'небо' и 'земля', но и 'море', как три космические предмета, носили одно и то же название, 'небо' означало и 'небо' (небо[1]), и 'землю' (небо[2]), и 'море' (небо[3]). Потому нем. „Himmel" и русск. „земля" в архетипе на почве языков яфетической системы одинаково двухэлементные, одинаково из AB элементов (hı-meḷ ∼ ze-meḷ), лишь разновидности—сибилянтная (ze-meḷ) и спирантная (hı-meḷ) — одного и того же слова, означавшие каждая и 'небо', и 'землю', и 'море'.

Никаких замкнутых семей, а системы с различной типологиею входящих в ее состав языков. Системы определяются не по одиноким характерным признакам, притом формальным, а по совокупности ряда формальных и с ними неразлучных идеологических черт. Так, у языков так называемой моносиллабической системы моносиллабизм (односложность слов) связывается с полисемантизмом (многозначимостью) каждого отдельного слова, синтетическим строем (строго определенным расположением слов в предложении) и аморфностью, т. е. отсутствием форм.

В разрезе идеологического интереса глаголы появляются позднее имен существительных, местоимения возникли после установления права собственности, сначала коллективного, лишь значительно позднее частного, да и в самих местоимениях есть очередность возникновения, первое лицо позже третьего, 'я' позднее осознается, чем 'мы'; вообще восприятие ед. ч. достигнуто весьма поздно, 'дерево' и 'лес' обозначались одним и тем же словом без изменения формы.

В разрезе формального интереса, кроме социально установившихся фонетических законов, значение имеет морфология, появляющаяся впоследствии. Сами признаки форм, часто с исторических эпох лишь звуковые символы, суффиксы ли они или префиксы, восходят к служебным или функциональным словам, а последние к независимым самостоятельным представителям обиходного словаря. Увязка не только идеологическая, но и морфологическая, от эпохи к эпохе и вплоть до возникновения звуковой речи, идеологическая вплоть до господства еще ручной или линейной речи, стоит вне спора, а поскольку различные системы, принимавшиеся за независимые друг от друга семьи, каждая с самостоятельным происхождением, представляют продукты каждая особой творческой эпохи и одна с другой во взаимоотношениях смены, то ясно, что все языки рассматриваются как произведения единого языкотворческого (глоттогонического) процесса в мировом масштабе. Как все слова в отношении происхождения связаны с производством, так их распространение связано с производ-

ственной организациею, коллективами профессиональными, в различные эпохи различного строя и различного значения. Потому роль не только цеховых организаций, но и сословий, не говоря о классах, громадная в развитии звуковой речи. Как орудие не только общения, но и организующий фактор, язык являлся орудием власти, и в этом смысле без учета истории творцов политической жизни так же нельзя понять взаимоотношения многочисленных языков живых и мертвых и произвести их классификации, как без увязки с историею материальной культуры и форм общественного строя.

Многому мешает прежде всего, конечно, и то, что до сих пор не начата проработка хотя основных типов человеческой речи в свете нового учения. Тем не менее сейчас уже можно сказать:

1) Языки всего мира представляют продукты одного глоттогонического процесса, в зависимости от времени возникновения принадлежа к той или иной системе, сменявшей одна другую, причем языки смененных систем отличают народы, отпавшие от общего мирового движения, независимо от того, вовлечены ли они снова мировым хозяйством и мировой общественностью в круговорот мировой жизни, прошли новый исторический путь своего высокого культурного развития с языком оторванной от общего развития системы или с языком отжившей системы, те или другие народы застряли и хозяйством и общественностью целиком на соответственных ступенях развития человечества.

2) У языков одно происхождение, но вначале не праязык, а праязычное состояние. Вначале, наоборот, многоязычие, и источник оформления и обогащения языка, залог его развития, в самом ходе и развитии жизни и ее творческих сил, в развитии хозяйства, общественного строя и мировоззрения, и как человечество от кустарных, разобщенных хозяйств и форм общественности идет к одному общему мировому хозяйству и одной общей мировой общественности в линии творческих усилий трудовых масс, так язык от первичного многообразия гигантскими шагами продвигается к единому мировому языку, в первую очередь к теоретическому осознанию этой задачи, уже формулированному новым учением об языке, яфетической теорией.

Литература: Н. Марр, Абхазский аналитический алфавит (К вопросу о реформах письма), изд. Лен. Института живых восточных языков, Лнгр., 1926 г.; его же, Сборник статей «По этапам развития яфетической теории», изд. Института этнических и национальных культур народов Востока СССР, Л.-М., 1926 г.; его же, Классифицированный перечень печатных работ по яфетидологии, изд. 2-е Института этнических и национальных культур народов Востока СССР, Лнгр., 1926 г.; К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории, Труды I Всесоюзной конференции историков-марксистов, т. II, стр. 267—292 [см. ИР, т. III, стр. 152—179].

Н. Я. Марр

ГРУЗИНСКИЙ ЯЗЫК[1]

Первым моим словом должна быть просьба о вашей снисходительности к иностранцу, который никогда не имел возможности выступать ex cathedra на своем родном языке, — мой родной язык грузинский. Теперь к моим многочисленным грехам я прибавляю новый, коверкая, несмотря на мою к нему любовь, прекрасный французский язык, да еще в самом центре его блеска и у источника его мирового распространения.

Кроме того, я должен предупредить, что мне придется употреблять технические термины из нашей лингвистической специальности. Они не благозвучны, так как выходят за рамки общепринятой речи, но мне они необходимы, чтобы сделать вам понятной структуру грузинского языка.

Что же касается самого факта чтения мною вам курса грузинского языка, то позвольте напомнить, что в Париже этот факт не необычен. В самом деле, грузиноведение не является у вас новинкой, наоборот — вы могли бы отпраздновать его столетие. Великий французский грузиновед опубликовал здесь свою первую работу в июне 1827 г. [2] Последовательное и научное изучение грузинского языка, которое непосвященному может показаться экзотичным, началось в Париже. Именно французский ученый мир направил грузиноведение в могучий творческий поток востоковедения, не изолировав изучение грузинского языка, а объединив его с изучением армянского.

Это течение естественно увязано с историей Кавказа, с изучением его древнейшего письма и его языка, тогда загадоч-

---

[1] Вступительная лекция курса грузинского языка, читанного в течение 1927—1928 гг. Н. Я. Марром в Национальной школе живых восточных языков в Париже.

[2] Notice sur la langue géorgienne par M. Brosset jeune (читано в заседании Азиатского общества (Société Asiatique) 4 июня 1827), Journal Asiatique, июнь 1827 г., т. X, стр. 351—364,

ного, представленного клинописными надписями Вана. Достаточно назвать армениста Сен-Мартена (Antoine-Jean Saint-Martin), чтобы восстановить в Вашей памяти его достижения и достижения его коллег. Здесь я упоминаю о них лишь попутно.

Разве не широко известна, в самом деле, программа, набросанная Сен-Мартеном, положившая основу всем языковедным изысканиям, которые мало-по-малу появлялись в отдаленных странах и там развивались? Семена, взятые из почвы Франции и брошенные в русскую научную среду, которой эти экзотические исследования пришлись по сердцу, напоминают нам притчу о семени, попавшем на плодородную почву. Однако в программе армениста Сен-Мартена имеются два пункта, которые реализовались лишь теперь. Его исключительная для того времени историческая география древней Армении, не признанная некоторыми неудачливыми авторитетами, показывает нам, что он действительно был предтечей другого француза, именно Броссе (Marie Félicité Brosset). Этот последний, начавший в нищете, в Париже бывший наборщиком, в тогдашней столице России, теперь Ленинграде, был единогласно выбран членом Академии наук, где он и выступил с своей вступительной речью в Общем собрании в 1838 г.

Вступительная речь Мари Броссе с современной точки зрения была лишь наброском титанической работы, к которой он хотел приступить. Язык, литература, право, история, вот что хотел извлечь молодой ученый-энтузиаст из грузинских недр путем их систематической разработки.

Он испытал свои силы во всех отраслях грузиноведения, чтобы ознакомить европейский ученый мир с этим неизвестным миром. Он составил учебники грузинского языка, грамматику, хрестоматию, словарь. Он издал первый систематический перечень работ на грузинском языке, снабдив его существенно важными примечаниями. Он дал очерки светской литературы и нескольких духовных сочинений.

В России Мари Броссе нашел благоприятную обстановку для исследования истории Грузии: грузинскую колонию, сохранившую еще живыми традиции дворянства, и летописи или обзоры, составленные писателями XVII в., членами царствующего дома. Отойдя от изучения языка и литературы, он углубился в историю Грузии и, не довольствуясь толкованием исторических текстов, он обратился к археологическим и нумизматическим первоисточникам. В числе его сотрудников был француз, автор „Опыта классификации монет Грузии“. Броссе путешествовал по Грузии, вел археологические исследования, черпая свою аргументацию из грузинских архивов, рукописей, грамот, но он до конца оставался верен националистическому пониманию истории Грузии, которое он воспринял от грузинских ученых, членов царствующего дома и грузинской знати.

Инициатор грузиноведческих изысканий, создатель обмена мыслями и материалами между европейскими, преимущественно французскими учеными и русскими, Броссе не является, однако, исключением во французской науке.

Два бесподобных путешественника, Шарден (Chardin) и Дюбуа де Монпере (Dubois de Montpéreux), раньше его побывали в Грузии. Короче, вы хорошо знаете Мари-Фелисите Броссе, и мы его никогда не забудем. Он провел свою долгую жизнь в тяжелом труде, оставаясь скромным, занятый лишь своими исследованиями, тогда представлявшими интерес лишь для любопытства дилетантов и для национальной гордости.

Результатом его работ было введение кавказоведения в широкие рамки настоящей науки. Именно он, Мари-Фелисите Броссе, связал нас с длинным рядом ученых, с Saint-Martin'ом и со всей французской наукой. Это он придал кавказоведению, тогда заброшенному, всемирную известность в исторической науке.

Если нужны доказательства, раскройте орган французского востоковедения „Journal Asiatique" за соответствующие годы — и вы найдете из тома в том непрерывный ряд статей Броссе. Чтобы составить себе представление о значении его деятельности, достаточно привести отзыв его коллеги, академика Бетлинга, составителя санскритского словаря. „Броссе, — говорил он запросто, — взял переполненный грузинскими рукописями мешок, вывернул его и опустошил, не оставив в нем ничего, что представляло бы какой-либо интерес". Эта похвала, заслуженная в ее утвердительной части, оценивающей деятельность Броссе, совершенно несправедлива, по моему мнению, в части отрицательной, в корне разрушительной для грузиноведения. Какова же была специальность академика Броссе? Был ли он арменистом или грузиноведом? Ему нельзя отказать ни в той, ни в другой специальности. Однако высшей заслугой Броссе является то, что он сразу понял невозможность создания прочного научного построения в области грузиноведения или арменистики в национальной их изолированности. Нельзя быть уверенным в правильности своих утверждений в области филологических наук, если исследования ограничены пределами лишь одной нации, когда исследователь попадает под власть материала, созданного только одним культурным миром.

Правда, это объединение с арменоведением, которое не переставал подчеркивать Броссе уже с первых шагов своей научной деятельности, завершилось только много позднее созданием новой дисциплины — армяно-грузинской филологии. Однако было бы большим заблуждением думать, что мы представляем собой новых людей, творящих из абсолютно нетронутого материала. Следует, однако, признать, что на долю последующих поколений выпадают более сложные задачи и проблемы, тре-

бующие для своего разрешения более тонких и более совершенных методов.

Факт, что даже на таком скромном участке филологической науки, как наш, нельзя сохранять незыблемыми вчерашние и позавчерашние методы. Достаточно напомнить взаимоотношения нашей специальности с соседящими науками, чтобы увидеть, как она расширяется и осложняется по сравнению с тем, чем она была не только в дни Мари Броссе, во времена его неутомимой деятельности, но, увы, и в блаженные дни моей молодости. Не менее достоверно, что наши построения остались бы воздушными замками, если бы они не опирались на наследие, полученное от наших предшественников.

Со времени Броссе и до настоящих дней неоценимую помощь нам оказывали наши парижские коллеги их живым интересом к грузиноведению, выражавшимся в форме иногда суровой, иногда снисходительной критики, всегда продиктованной искренностью их научных убеждений.

Более того, здесь именно потому ждали разрешения проблем, наиболее близко соприкасающихся с грузиноведением, что ощущали острую потребность в расширении и углублении своей научной базы.

Вопрос, действительно, стоит о проблемах армянского языка и литературы. А разве не является неопровержимым факт, что ныне существует целая школа французских арменистов? Я должен, к чести нашей специальности, подчеркнуть хорошо известный факт, что главой этой процветающей школы является проф. Мейе (Meillet), всемирно известный своими выдающимися познаниями в ряде областей индоевропейского языкознания и тонким подходом к вопросам общего языкознания.

Наука, конечно, радуется своим успехам в мировом центре, но она часто зарождается в скромной келье, в глухом углу, у заглохшей тропинки, ведущей через еще не изученные материалы к открытию неведомого мира и к новым фактам; тогда делаются неожиданные наблюдения, становящиеся предметом международного интереса, которые уточняют общепринятые положения, а иногда вынуждают и отказаться от этих положений.

Разрешите напомнить некоторые факты из истории ценных работ французских ученых, которые отразились на работах грузиноведов моей родины или помогли им в их исследованиях по специальности.

Вот список грузинских рукописей Иверского, или Грузинского, монастыря на Афоне, труд некоего монаха Илариона, изданный и переведенный французским арменистом Ланглуа (Victor Langlois). Долгое время ученый мир располагал из всех собраний грузинских рукописей колониальных монастырей Грузии на Афоне, в Палестине и на Синае единственно этим источ-

ником, и это французское издание сослужило немалую пользу русским грузиноведам.

Замечательный случай сотрудничества русских и французских ученых на еще плохо расчищенной ниве грузинской литературы представляет вопрос о греческой версии душеполезной повести о Варлааме и Иоасафе. Французский ученый Зотанбер (Zotenberg), исследуя греческие тексты, сделал ряд важных заключений, позволивших русскому арабисту проф. Розену высказать мысль, что оригиналом греческой версии служила книга Балавара и что греческий текст переведен с грузинского Евфимием Ивером, о чем свидетельствует и его биограф XI в.

Эта мысль, прекрасно аргументированная, толкнула нас на поиски книги Балавара, текст которой оставался неизвестен среди собраний грузинских рукописей. Ее знали лишь по названию — Балавар (полное заглавие „Мудрость Балавара"), которое специалисты хотели объяснить как „основание веры". По истечении трех месяцев рукопись была найдена; книга Балавара, до того времени лишь объект предположений, стала реальностью и оказалась древнейшей версией истории Варлаама и Иоасафа. Конечно, не это было мнением Zotenberg'а; наоборот, французский ученый отвергал указание лучшей греческой рукописи, свидетельствовавшей факт перевода на греческий с грузинского, сделанного Евфимием Ивером. Zotenberg считал неприемлемым, чтобы такой некультурный язык, как грузинский, вызвал бы к жизни изысканный стиль, характерный для душеполезной повести о Варлааме и Иоасафе. Правда, надо признать, что в то время никто не представлял себе высокой степени совершенства, которой достиг к X в. грузинский древнелитературный язык. Повторяю — никто, так как даже мой профессор грузинского языка не считал возможным сделать большее в пользу грузинского языка, чем установить факт его существования ранее X в. Правда, тогда все еще находились во власти суждения Бетлинга о том, что иссякли все источники осведомления, которые дает грузинская литература, и что даже тот слабый интерес, который она представляет, исчерпан исследованиями Броссе. Что же касается грузинского языка, то к чему его изучать? Он был признан изолированным, и в этой изоляции он остается по сей день, как нас осведомляют все распространенные учебники: никаких точек соприкосновения, никакого родства, говорят нам, нет у грузинского языка с известными уже семьями языков; даже у себя на Кавказе грузинский язык изолирован, но более всего он изолирован в ученой среде полным отсутствием интереса к основе изучения грузинского языка — к знанию его материалов. Не вызывает ли в памяти эта изоляция грузинского языка многозначительную квалификацию „некультурный", которую старались приклеить грузинскому языку?

Однако ныне древнегрузинская литература начинает выходить из изоляции. Надо ли приводить здесь высказывание проф. Гарнака (Harnack) о значении грузинских текстов для истории христианской культуры, имеющее уже двадцатичетырехлетнюю давность? Оно послужило стимулом к намерению основать в Берлине кафедру грузинского языка, дать ему видное место в высшей школе. Да и не только в Берлине ставился в Европе вопрос о грузинском языке.

Наряду с замечательными личными достижениями бельгийского грузиноведа Петерса (P. Peeters) в Брюсселе, которому еще лет 20 тому назад я послал свою работу с надписью „моему единственному читателю на всем Западе", наряду с успехами моего ученика, молодого американского грузиноведа Блэка (Blake), мы видим в Европе рыцарское состязание в отношении к грузиноведческим изысканиям. В Великобритании авторы лучшего в Европе перевода поэмы „Витязь в барсовой шкуре", брат и сестра Уордроп (Wardrop), передают Оксфордскому университету фонд для организации грузиноведческих работ. В Австрии, в Венском университете, грузинский язык может рассчитывать на некоторое внимание, поскольку там учреждена вспомогательная кафедра кавказских языков.

Однако, будучи изолированным, никакому языку не родственный, бедный грузинский язык видит крушение всех этих прекрасных намерений как раз в тот момент, когда ему собирались предоставить достойное его значению место. В Берлине ученые нашли довод, чтобы провалить мысль проф. Гарнака об основании кафедры грузиноведения, указав, что грузинский язык уже с успехом изучают в Петербурге и что этим блюдом, изготовленным в России, прокормится, мол, весь мир. Я протестую не из скромности: я утверждаю, что как бы энергично и широко ни развивалось в Петербурге и Петрограде и как бы ни продолжало теперь развиваться в Ленинграде мало кому известное в Европе грузиноведение, эта энергия и этот масштаб не удовлетворяют даже наших внутренних потребностей, тем менее можно делать их предметом экспорта. Отсутствие нормальных научных связей и к тому же господство в филологических науках обособленных методов становятся фатальными для предмета нашего изучения. Это не разрыв, это больше чем разрыв, потому что грузинский язык потерял всякую надежду выйти из своей изоляции.

Не начинается ли теперь заря новой жизни для грузинского языка? Эта мысль меня подбодряет. Умение и терпеливость, свойственные работникам Галльской земли, не могут не создать школу французских грузиноведов.

Если эта надежда будет обманута, это будет лишь крахом моих личных усилий, но не благородной идеи, которая вдохновляет моего старинного друга. Вот уже 24 года, как он начал объединять в „Revue de l'Orient chrétien" и в „Patrolo-

gie orientale“ избранные материалы на языках христианского Востока, причем с полным основанием этот инициатор изучения христианства с самого начала отвел место памятникам на грузинском языке: он может быть уверен, что не будет недостатка ни в материалах, ни в помощи ученых.

То многое, что сделал Броссе для развития грузиноведения, по существу явилось лишь научной разработкой националистически воспринимавшейся истории Грузии, выросшей из грузинских традиций. Можно было бы привести многочисленные факты, свидетельствующие, что для позднейших поколений грузин с их так наз. национальными традициями подлинная социальная и литературная жизнь Грузии с эпохи, предшествующей XV в., являлась доисторией. В самом деле, мы теперь располагаем материалами, которые ликвидируют упрощенное националистическое понимание истории Грузии. Это утверждение становится труизмом благодаря культурным богатствам Грузии, сохранившимся до наших дней частично в известных монастырях Иерусалима, Синая, Афона (я имею в виду особенно коллекции многочисленных рукописей IX в. и отрывков рукописей предшествующих веков), а также благодаря рукописям, сохранившимся в недоступных ущельях различных областей Грузии, удаленных от центров политической жизни, всегда преисполненных социальными потрясениями и историческими катастрофами. Следует вспомнить и грузинские произведения материальной культуры, остатки художественных памятников, миниатюры, предметы прикладного искусства, добытые в раскопках. Напомню особо франко-русскую экспедицию на Афон. Напомню и случай находки эпиграфического памятника, потому что, вскрывая связи, существовавшие тогда между русскими и французскими грузиноведами, эта находка выявляет одновременно и то, какие огромные лакуны существуют в национальной традиции грузин. Эта эпиграфическая находка была сделана во время раскопок знаменитой средневековой столицы Армении — Ани. Несчастная случайность позволила Броссе видеть Ани лишь с левого берега реки и не дала ему возможности посетить развалины славившегося своим искусством города, расположенного на правом берегу. Другая несчастная случайность вынудила французского ученого Моргана (Morgan), автора первого очерка доистории Кавказа, внезапно прервать его богатые находками раскопки. Наконец, третья несчастная случайность привела к тому, что я заменил Моргана в археологических исследованиях Армении, тогда русской Армении. Эти три случайности были неблагоприятны для французских ученых, да и для меня, потому что они наложили на меня дело, превышавшее мои силы, но они же привели к открытию во время раскопок в Ани великолепной грузинской надписи, а также к открытию во время раскопок в Ване, в Армении, протоисторической клинописной надписи на халд-

ском языке, самой обширной из всех известных, и кроме того к открытию на вершинах армянских Гехамских гор доисторических памятников, — божеств языческой Армении — больших каменных рыб в 4 метра длиной.

Работы грузиноведов наших дней связаны неразрывной преемственностью с устремлениями французского армениста Сен-Мартена, и я считаю, что наступило время объявить основное положение моей речи: невозможно продолжать грузиноведные изыскания (я готов, если понадобится, выразить то же утверждение по отношению к арменоведению) без их обоснования на не подлежащих сомнению фактах, увязывающих непрерывной цепью доисторию Кавказа с его историею вплоть до современности постоянным переплетением социальной жизни грузин с жизнью соседящих народов и народностей Кавказа в такой мере, что история Грузии не может быть понята, если она не воспринимается в аспекте истории всего Кавказа. Позднейшие грузинские традиции недостаточно освещают это положение вещей. Более того, они не обладают точными данными об основных фактах эпохи самого блестящего расцвета национальной грузинской культуры, им недостает сведений даже о таком вожде национальной церкви, как католикос всей Грузии Епифаний, архиепископ мцхетский. Этот глава всегрузинской церкви посетил в 1218 г. город Ани, где при открытии одной из грузинских церквей произнес речь такой важности для того времени, что ее воспроизвели в великолепной надписи, высеченной на пятидесяти тесаных камнях на стене грузинской церкви, найденной при раскопках Ани.

В настоящее время установлено, что литературная деятельность христианской Грузии, которая нас интересует в данный момент, перешла пределы древности, которые ей раньше отводились.

Однако, хотя наше понимание письменной культуры Грузии и не стало в то время более ясным, но все же тогда вырисовалось переплетение различных иностранных влияний, разных школ переводчиков. Переводили с армянского, с сирийского, с греческого, с христианского арабского, с мусульманского арабского, с персидского. Стала намечаться теория происхождения письменности и вообще грузинской культуры: грузинская литература, казалось, обязана своим происхождением и развитием иностранным влияниям, христианская литература — литературе христианского мира, армянскому, сирийскому, греческому, христианскому арабскому, светская литература — литературам иранского и мусульманского мира, прежде всего литературе мусульманской Персии. Отсюда — значение, приписывавшееся заимствованным словам, проникшим в грузинский литературный язык из тех же иностранных источников, и предполагаемая важность этих заимствований для определения иностранных влияний.

Эта теория заимствований и внешних творческих сил провалилась. Вот один чрезвычайно разительный этому пример — величайшая проблема грузинской литературы, творение гениального грузинского поэта Шоты Руставели „Витязь в барсовой шкуре". Эта поэма появилась как метеор в эпоху высшего расцвета христианской Грузии и сохраняет до настоящего времени свое непревзойденное место в зените грузинской поэзии. Однако ее сюжет — персидская сказка, все ее герои — чужеземцы с Востока, мусульмане по религии. И это произведение времени царицы Тамары, как говорят, канонизированной святой грузинской церкви, на самом деле — обожествленной своими светскими современниками, объявленной ими богиней-солнцем, народным божеством. Ее двор привлекал арабский и персидский языки, он наслаждался их изяществом, однако, язык произведения Шоты, поэта этого двора, — несравненный грузинский язык, с неотразимой силой прелести его глубинно народных особенностей. Чудесный язык этой поэмы принадлежит образованному уму и выдает принадлежность автора к знатному классу рыцарей. Их традиционный язык был художественно обработан грузинскими языческими певцами и самим поэтом. Шота, свободный от всякого предпочтения мусульманства или христианства, Шота с налетом мистицизма суфиев или манихейцев, обнаруживающий поражающее безразличие в отношении национального чувства, строит свою поэму на грузинской народной основе, на доисторическом обычае побратимства. Его творение представляет собой восхваление братства народов и равное лишь провансальским трубадурам понимание романической, рыцарской любви. Однако всякая попытка возвести эту поэму целиком к иностранному источнику отпадает. Так же тщетна была наша попытка увязать воспевание поэтом страсти и его рыцарскую любовь с культом Мадонны, действительно распространенным в Грузии, и с сильно развитым в среде грузинского духовенства неоплатонизмом, крайние воинствующие представители которого, например, Иоанн, родом из Абхазии, участвовали в возрождении этой философии и в социальных волнениях, связанных с этой философией и наличных в Византии XII в. Конечно, нет, конечно, имеются другие, более глубокие источники, светские, языческие. Иначе происхождение поэмы „Витязь в барсовой шкуре" осталось бы такой же загадкой, как и происхождение грузинской светской и церковной литературы, и целый ряд других вопросов грузинской письменности и вообще грузинской культуры.

В чем же причина? Она заключается в том, что мы очень чутко подмечаем малейшее движение чужеземных мировых цивилизаций, оказавших влияние на грузинскую литературу, что мы регистрируем все привносы их языков, но мы не знаем сил, шедших из самой грузинской почвы, мы не знаем главный

источник осведомления касательно всех генетических вопросов, связанных с социальными явлениями, мы не знаем грузинского языка в его независимом образовании. Это знание заставило бы нас пересмотреть вопрос о заимствовании, так как многие слова, считавшиеся заимствованными, перестают быть таковыми в надежном освещении палеонтологического изучения языка.

Грузинский язык является скрещенным и представляет собой слои различного происхождения; все его слова или односложные, или составные из этих односложных. Наряду с этими составными в нем налицо огромное количество скрещенных слов, т. е. слов, являющихся результатом скрещения двух синонимов, принадлежащих двум различным социальным или этническим группам. В односложном состоянии все слова были полисемантичны. Этот полисемантизм остается до настоящего времени характерной чертой грузинского языка. Значения слов претерпели коренные изменения: значения переходили с одного предмета на другой в соответствии с изменением их функции (так название 'собаки' перешло на 'лошадь' в силу тождества их функций как животных передвижения). Все эти особенности грузинского языка и многие другие вскрылись благодаря палеонтологии речи. Естественно, мы отбрасываем иностранное происхождение слов, ранее признававшихся заимствованными лишь в силу одного их наличия в языках связанных с Грузией народов, в то время как на почве Грузии и родственных ей народов те же слова прослеживаются на всем пути их развития от односложного состояния до сложного, более того — от их первичного значения до современного через ряды замен или переходов с одного предмета на другой, от одного первичного значения к другому первичному значению.

Окруженный десятками в различной степени ему родственных языков, грузинский язык оказывается в выгодном положении, позволяющем определить различные слои, принадлежащие разным стадиям развития речи, выявляемым соседящими с ним языками. Эти исключительно богатые материалы дают нам действенное средство не только для различения сосуществования в грузинском языке явлений, принадлежащих разным стадиям развития речи, но и для обнаружения в нем явлений перехода от одной системы к другой, явлений, поддающихся двоякому истолкованию в соответствии с таким их переходным состоянием. Идее об устойчивости морфологии наносится таким образом смертельный удар, также как и учению о расовой чистоте языков: ничто не стабильно, все изменяется, все относительно. По крайней мере, в грузинском языке мы видим наслоения или переслоения различных систем, так наз. семей, сосуществование развитых форм и их первичных элементов, выявляющихся как обычные слова, ставшие затем функциональными частицами.

Но с какой же семьей связаны эти языки? К какой семье принадлежит грузинский язык? Как ее назвать? Это преждевременный вопрос, пока мы не располагаем элементарным знанием этого языка. Освоившись с его особенностями, а тем более продвинувшись в изучении грузинского языка, вы, несомненно, найдете безукоризненный термин для обозначения структуры грузинского языка и языков с ним однородных.

Я должен лишь вас предупредить, что надо воздержаться от всякого наименования, носящего признак какой-либо особенности. Вы можете выбирать среди мифологических имен. Мифологические имена, например, Венера, Марс, Сатурн, не мешают астрономии быть точной наукой. Безусловно следует избегать названия, которое пыталось бы дать географическое определение стволу языков, потому что различие языковых систем проистекает из различного состояния социальной жизни, от источника ее существования и ее техники. Каждая система может быть связана лишь с одним периодом развития звуковой речи человечества. Лично я предпочел бы наименование нашего ствола языков каким-либо из терминов, употребляемых в геологии: третичный, четвертичный и т. п.

Программа нашего курса претендует лишь на то, чтобы снабдить тех, кто собирается изучать грузинский язык, всеми средствами борьбы против трудностей чтения работ на грузинском языке. Но даже и при этих занятиях, ставящих себе единственной целью точно и правильно читать грузинский текст, необходимо отдавать себе отчет в трудностях этого текста. Они серьезнее, чем это думают. Дело не в отвлеченной трудности языка, не в своеобразии его грамматики и его богатой лексики, смущающей полисемантизмом слов. Речь идет о том, что сам язык грузинских работ христианского средневековья, как оригинальных, так и переводных, привносит особое понимание идей христианства, которые, казалось бы, выпало на его долю точно выражать и распространять. Эта идеологическая сторона языка требует больше внимания к ее своеобразию, ее оригинальности; иначе мы рискуем не только снизить ценность грузинских документов для истории Грузии (я бы сказал — всего Кавказа), но рискуем плохо понимать грузинские слова, выражения древних текстов и образные выражения, рискуем их извратить и в результате исказить передаваемые ими мысли, равным образом рискуем не схватить смысла многочисленных и драгоценных вариантов, наличных в грузинских переводах. В этом случае мы не можем получить никакой помощи из иностранных источников осведомления, даже когда дело идет о грузинском переводе Евангелия и всей Библии в целом. Доля участия местного влияния в издании текстов иногда более значительна и более действенна, чем зависимость от переводимого греческого, армянского или какого-либо иного текста. Эта зависимость от родной почвы,

пропитанной языческими верованиями, усиливается по мере выдвижения на первый план древних редакций, изменяющихся в зависимости от этнического и социального состава языческой Грузии. Нас интересуют грузинские редакции Библии в их взаимоотношениях с греческим, сирийским и армянским текстами, чтобы установить и уточнить главнейшие версии этих литературных произведений.

Позднейшие грузинские переводчики священного писания преследовали две практические цели: во-первых, приблизиться к языку нового социального класса, называемого в Грузии qorϑu или qarϑ (по-грузински qarϑ-vel),[1] и, во-вторых, очистить перевод от древних национальных выражений, именно от терминов язычества, почерпнутых из тогда еще живого в Грузии источника.

Все усилия первых переводчиков были направлены на согласование новых христианских идей и укоренившихся верований языческого населения введением привычных им религиозных выражений. Мы готовы утверждать, что первые переводы священного писания в Грузии имели синкретическую идеологию, они были манихейского характера.

Наконец, мы подходим к вопросу, который, казалось бы, является лишь техническим и формальным, но на самом деле является чрезвычайно важным и существенным. Это вопрос о грузинском письме. Но о каком письме?

Их было распространено три: древнейшее — лапидарное письмо, письмо монументальной эпиграфики и редких рукописей, переписанных писцами, или в силу почитания, которым оно пользовалось в новой среде, или в силу привязанности к нему любителей древней формы.

Второе, строчное письмо, — обычное письмо всех духовных работ.

Третье, народное письмо — первично письмо светской литературы.

Эти три письма отнюдь не являются простыми формальными видами палеографии: они соответствуют разнице в языке и даже в идеологии.

Народное письмо, называемое по-грузински mqedrul, значит теперь 'военное' и служит для обозначения гражданского, или светского алфавита. Его точное значение 'рыцарское'. Его употребление ведет свое начало от создания рыцарской

---

[1] Qorϑ — вид шипящей группы, как колхи (κολχοί), Чорох (Ṭoroq̇), сколоты (Σκωλότοι), скифы (Σκύθαι), колтены (κολθῆνες, арм. gol-ϑan), qarϑ — вид свистящей группы, как халды (q̇al-dı), кахи (kaq̇), арм. gar-d-man; для полноты видов нехватает варианта спирантной группы с огласовкой „е“, напр., kel-t, или gel-t, что встречаем в первой части сложных слов gel-am и gel-arquni, этнических названий, ставших географическими в Армении. Что касается функциональной частицы слова qarϑvel, национального названия грузин, т. е. vel, или vor, то она является лишь вариантом man, составной части gar-d-man.

литературы XI в., выражавшей светскую идеологию вновь образовавшейся грузинской знати; оно стало народным вместе с языком qorϑu или qarϑ (по-грузински qarϑ-ul). Обычный вид этого народного письма — новое образование, но оно восходит своими основными особенностями к более древнему письму, письму грузин-язычников, совершенно независимому от христианского алфавита и сохранившемуся лишь в редких документах грузинского делопроизводства X в. как позднейшее переживание.

Обычное письмо христианской церковной литературы называется q̇uϑur, т. е. 'священническое'. Это переходное или компромиссное письмо от старого лапидарного (так наз. инициального, или прописного, по-грузински asomϑavrul) к формам письма, обычным для грузинской знати. Это новое социальное образование называлось qarϑu или qarϑ (по-грузински qarϑ-vel).

Язык этой церковной литературы, конечно, также переделан. Он приспособлен к языку, называемому qarϑu или qarϑ (по-грузински qarϑ-ul), который с тех пор берет верх и становится церковным алфавитом, общим для всей христианской Грузии, ранее Иберии. Он становится национальным, но не народным.

Для грузин-христиан это была лишь почитаемая святыня в силу христианских преданий, унаследованная от иберов, господствовавших в крае до грузин.

Их язык, язык иберов, был иберским со всеми его особенностями, выступающими теперь и из его пережитков в древнелитературном грузинском языке и из неисчерпаемых для исследований сванского, мегрельского и чанского языков, языков бесписьменных. С иберами мы подходим к эпохам, близким к эпохе ванских царей, мы спускаемся в этнический круг скифов и кимеров, оставивших грузинам тотемические названия своих божеств, иногда, даже до наших дней, более почитаемых, чем бог христианской церкви, в классе, раньше называвшемся низшим в Грузии и у родственных народностей. Однако сократим.

Мы коснулись лишь некоторых основных сторон, непосредственно затрагивающих тему нашего курса, и вместо изолированности грузинского языка, какой, казалось бы, его научный расцвет, какое богатство многочисленных связей грузинского языка и в окружающей среде Кавказа и за его пределами. Да мы еще оставались в рамках Кавказа, не сказав ни слова о факте, наблюденном нами при изучении на месте сулетинского диалекта баскского языка, именно о том, что этот пиренейский язык имеет слои более близкие с грузинским языком, чем грузинские наречия между собой или баскские наречия в их взаимоотношениях.[1]

---

[1] См. статью „Из Пиренейской Гурии", Изв. КИАИ, т. V, стр. 1—62, Ленинград — Тифлис, 1928 г.

Какой триумф для грузиноведных изысканий! Никакого, смею утверждать. Почему же? Потому, что, если мы согласились с общепринятым мнением, что не существует надежных и достаточных источников для изучения грузинского языка (при условии, однако, принятия моей поправки, что существует больше источников для исследования, чем исследований этих источников в западной Европе), мы безоговорочно примыкаем к не менее распространенному мнению об отсутствии истинно-научных и надежных исследований грузинского языка. Но мы предлагаем новую поправку: грузинский язык более изучен, чем считают в западной Европе вследствие изолированности изучения грузинского языка. Вот почему мы обращаем наше заключительное слово, последнее слово (не потому, что оно касается незначительного вопроса) — слово благодарности тем, кто содействовал организации нашего курса в целях уничтожения изоляции изучения грузинского языка, восстановления научного союза в скромной области нашей специальности.

Моя глубокая благодарность Андрэ Мазону (André Mazon), председателю Комитета научных связей между Францией и СССР. Я выражаю в качестве бывшего декана факультета восточных языков Петербургского университета мою личную благодарность Полю Буайэ (Paul Boyer), директору Школы живых восточных языков.

Н. Я. Марр

МЕСТО ГРУЗИНСКОГО ЯЗЫКА В МИРОВОЙ ИСТОРИИ СОЗИДАНИЯ И РАЗВИТИЯ РЕЧИ

(Вместо лекции: беседа в Госуд. университете Грузии 10 января 1930 г.)[1]

Товарищи!

Речь будет у нас о сожженных и несожженных мостах. Если бы вы, товарищи, были готовы к слушанию языковедного доклада, а я, со своей стороны, — к докладу, то я бы избрал своим предметом вопрос о том, какая доля принадлежит грузинскому языку в мировой истории созидания и развития членораздельной (лучше — звуковой, так сказать, звучащей) речи.

Но, к сожалению, к слушанию такого рода доклада аудитория, как мне известно, еще не подготовлена. В университет еще не дошла весть о том, какой смертельный кризис переживает старое языкознание в Европе, какой разлад царит среди последователей этого учения, в какой пропасти находятся, с одной стороны, защитники и поборники этого заплесневелого направления и, с другой стороны, работающие над живым материалом их противники и представители так наз. палеоэтнического направления.

Товарищи! первое и главное условие для всякого здравого поступка, будь то дело или развлечение, это — искренность и откровенное, открытое высказывание.

Октябрьская революция внесла даже в международную политику искренность, лишенную тайн и закрытых дверей. В науке же, если мы осознаем и учтем современные условия, вовсе недопустима замкнутость; с нею связаны задержка национального материального прогресса и культурного развития и их снижение и неизбежный упадок, если народ стоял или стоит на высокой ступени культуры. Конечно, всему свое время.

Глубокая любовь к родине, одержимая отвлеченными беспредметными мечтаниями, быть может, и неоценима, так как в трудные минуты она вдохновляет, представляя собою также и историческую ценность: вчера, скажем, в ней была нужда,

---

[1] [Издано отдельной брошюрой Академией наук ССР Грузии, Тифлис, 1930.]

сегодня же — настало время иной заботы. Для отступления история не оставила даже тропинки, а для движения вперед разостлала широкую дорогу.

Подобная замкнутость существовала в Японии, увлеченной одно время национальными мечтаниями, что последовательно изложено у д-ра Джона Бачелора (John Batchelor) вместе с его приключениями в прочитанной им лекции по поводу древнейшего языка айно или айноского языка.[1] Свою лекцию д-р Бачелор начинает так:

„Не думайте, что моя лекция имеет целью найти место и объяснить развитие языка айно, как это принято в среде этнологов и филологов.

„Эта сторона предмета для меня слишком обширна, слишком глубока, слишком значительна, чтобы взяться за нее в данный момент. Сегодня предметом моей лекции является только лишь освещение сущности природы языка айно путем разъяснения слов определенной конструкции. Для доклада я выбрал четыре категории таких слов: одна — несколько названий местностей, другая — несколько названий растений, третья — несколько названий животных и четвертая — несколько названий рыб и т. п. Я подверг анализу все эти слова и выявил смысл упомянутых названий, как я их понимаю“.

Я вынужден здесь остановиться и во избежание ошибочного вывода успеть сказать, что д-р Бачелор отнюдь не является яфетидологом, хотя разработанный им материал и в связи с этим и некоторые его высказывания обращены своим лицом к новому учению о языке.

Д-р Бачелор затем переходит к последовательному изложению того, как для прекрасного языка айно, прежде не упоминавшегося у японцев, высокомерно отвергнутого обществом и даже наукой, включая и молодежь, ныне настал период расцвета в смысле упорного и серьезного его изучения в кругах самих японских ученых. Но лучше говорить словами д-ра Джона Бачелора, специалиста и знатока языка айно:

„К изучению языка айно я приступил, — говорит он, — недалеко от Саппоро, в местности, называемой Циушкар среди туземных айносов, переселенных с о. Сахалина... Самое любопытное слово, как помнится, это — название огня — fuḓı. С этого слова я и начну свой доклад.[2]

„Прошло 40 лет с тех пор, как в городе Осака я прочел лекцию о языке айно перед многочисленной аудиторией японской молодежи. В течение моей речи я упомянул о том факте, что, согласно сложившемуся у меня мнению, название горы Fuḓı происходит из языка айно. Едва я это сказал, как по всему собранию пронеслась буря возмущения: молодежи не

---

[1] The Osaka Mainichi, Osaca Tridas, 23 апреля 1926 г.

[2] В подлиннике наряду со словом fuḓı упомянуто также unḓı.

понравилось, что название такой известной, прекрасной и почитаемой священной горы происходит из языка аборигенов, т. е. языка грубого и неотесанного, а не представляет собой чистого японского слова. При таких условиях я не счел удобным настаивать на высказанном мнении и привлечь имеющиеся у меня доказательства. Я говорил лишь с чисто филологической отвлеченной точки зрения и не имел в виду сказать ничего дурного. Но, по моему мнению, чувство иной раз может завести далеко, а ведь в некоторых вопросах оно гнездится и сейчас. Поэтому мне следует быть осторожным, но в настоящее время вопросы продвинулись вперед, и открытая полемика по тому же вопросу признана своевременной и уместной; по полученным за последнее время сведениям, находятся и такие, которые спорят с выдвинутым мною положением, и я пользуюсь сейчас удобным случаем, чтобы высказать полностью все свои доводы".

Легко предположить, что вы скажете, что кое-что из этой правдивой истории для знающих наше положение в более близких к нам странах в Советской Стране может показаться повторением, но это вовсе еще не значит, что д-р Бачелор и я вкушаем от того же источника, который придает нам сходство друг с другом, или что Грузия и Япония имеют какое-либо отношение друг к другу, тем более айносы и какие-либо кавказские народы, хотя этого не следует понимать так, как будто между языками Дальнего Востока и Кавказа, именно языками Грузии, нет ничего родственного. Наоборот, то родство языков, которое представляется истиной и надстройкой над развитием мирового материального базиса, довело нас (и не только нас) до Америки.

В частности, если речь зайдет о японском языке и языке айно, то дело не только в 'лошади', хотя и это представляет собою весьма явное и характерное явление стадиального развития; я говорю — не только в 'лошади', как это и было тогда, когда это было выяснено нашим одиночным исследованием, что от Японо-Китая до Ирландо-Испании существовало одно и то же слово для обозначения 'лошади', а также что это четвероногое средство передвижения, это могучее орудие хозяйственного прогресса носит это название и сейчас. В серии статей о китайском языке и палеонтологии речи помещена небольшая заметка „Берская 'лошадь' от моря до моря",[1] в которой выявлено распространение 'коня' с берским названием от морей Японии и Китая до пиренейского, или „иберского", моря.

Ныне в Ленинграде один выдающийся, несмотря на свою молодость, специалист по японскому языку, тов. Холодович, один из вопросов своего специального исследования разъясняет,

[1] [ДАН, 1926 г., стр. 129—132].

пользуясь положениями яфетической теории и материалами яфетических языков. Пытаясь разъяснить таким же путем термины социального строя Японии, он же смело закладывает фундамент перевода на новые рельсы изучения японского языка. В Москве, в Институте национальных и этнических культур, одна аспирантка, приступая с этой целью к изучению грузинского языка на основе нового учения о языке (яфетической теории), пытается осторожно, с меньшей смелостью, разъяснить термины родства. Докладывая о своих попытках, она осторожным суждением отражает нападки других, более искушенных в вопросах яфетидологии. И, тем не менее, мало-по-малу, путем удачных разъяснений этого слоя словаря и производных от него слов обнаруживается родство между грузино-мегрельскими и японскими словами.

Что же касается палеоазиатских языков, не одного языка айно, то в них как будто бы нарочно сконцентрированы готовые препараты для проверки тезисов нового учения о языке, яфетической теории. Возьмем хотя бы наудачу то явление, которое с той скульптурной рельефностью, как в древнегрузинском литературном языке, обнаружилось только в енисейском, в так называемом дингинском языке. Сбитые с толку специалисты с изумлением глядят: что означает это недоступное их пониманию явление. Это есть как раз то синтаксическое явление, которое заставляло древних грузин вместо теперешнего muшakıs q̇elıϑ писать q̇elıϑa muшakısa-yϑa — путем повторения (muшakısayϑa) окончания (-yϑa) определяемого слова (q̇elıϑa) при родительном падеже (muшakısa). Если дело было бы лишь в формальной встрече, то ничего полезного, кроме курьеза, это не представляло бы. Но мы сейчас знаем и то, на каком общественном явлении, на какой производственной основе и соответствовавшей его развитию технике надстроено это явление и в какой мере этому явлению соответствуют другие координаты или коррелаты, те характерные черты, проистекающие от явлений, развившихся на той же ступени производства у обоих языков — грузинского и енисейско-дингинского, которые роднят если не целиком язык живущего на далеком берегу р. Енисея племени с теперешним нашим живым грузинским языком или с мертвым древнелитературным языком грузин, то, во всяком случае, с одним его слоем, который был внесен соответственной производственной структурой и остался в нем как реликт.

То же родство с не меньшей силой прорывается между языками Запада и грузинским не только тогда, когда грузинский палеонтологически сопоставляется с баскским, близкое родство которого с грузинским заставило меня написать „Из Пиренейской Гурии“, но и с берберским и французским.

Родство грузинского с берберским принадлежит определенной ступени стадиального развития, но представляет собой

надстроечный слой производственных отношений соответствующей социальной формации, также прекрасно сохранившейся в грузинском не только в слове su, которое единственное слово со значением 'воды' во всех языках турецкой системы, также в берберском, как и в грузинском, откуда происходит глагол su-ma 'пить'.

Вместе с тем имеется целый ряд координат того же слоя, между прочим и термины родства. Губное озвончение причисляет это слово к шипящей группе, где на родной социальной почве следовало бы произносить шu, что действительно находим в языках шипящей группы, также в производном от него глаголе: чанское о-шu-тu 'пить' и мегрельское шuтu а, шuта-ფа.

У чувашей то же шu осталось в прямом значении 'воды'. То же слово с характерным для главного слоя грузинского звуком „а“ должно произноситься sal, более древней формой которого является обычное наше слово ṫkal, при подъемном диффузном произношении (ṫk) начального звука (в падении s). Как в высокоразвитом языке в результате скрещения, наряду с акающей формой, кроме укающей, представляет собой главный слой форма экающая, в особенности в древнегрузинском где, например, нашему коренному грузинскому ϑav соответствует ϑq̇um в укающем озвончении и ϑq̇em в экающем озвончении; их значение было также 'голова', и сейчас как ϑq̇em, так равно и ϑq̇um, бытуют в сванском, который представляет собой скрещенный язык спирантной ветви и губного озвончения шипящей ветви.

Путем озвончения этими тремя социальными группировками соответствующего ряда ϑav, ϑq̇um, ϑq̇em появились многочисленные корни, накопленные в глубине веков, некоторые местные, кавказские, другие же в западной Европе.

Приведу два примера: один касается формы ϑq̇um, первоначального образования формы ϑ̧q̇um, в грузинском произношении ϑ̇q̇um. Палеонтология речи учит нас, что, с одной стороны, существовал трехзначный ряд ϑavı-mϑa-ϑ̇a, а с другой ϑa на стадии развития космического мировоззрения и ϑa — небесного ряда, 'солнца', 'луны', 'светил', 'облаков' и т. д., осознанные в качестве тотема.

Соответствующее этническое отображение носило название такого небесного тотема, пережиток которого, между прочим, имеется в топонимических терминах. Обращает на себя внимание, кроме названия отдаленного от Свании города Θq̇um, сванское село Θq̇umar и соседняя с Сванией страна Leϑq̇um, страна ϑ̧q̇um'ов, тотемом которых надо считать рыбу или вишапа, если будем руководствоваться состоянием дошедшего до нас соответствующего языка. Это не противоречит тотемному характеру небесного ряда, ибо, как это хорошо известно из истории материальной культуры Армении, рыба-вишап считалась божеством дождя, а также облаком.

Второй пример касается формы ϑqem. Эта форма в падении, подобно грузинскому ϑavi, путем замены губных согласных — sqev, принадлежит именно тому слою яфетических языков западной Европы, откуда французский сохранил свое слово „chef“, по раннему яфетическому произношению sqev.

Грузинский имеет такую тесную связь с французским и вообще с романскими языками, если принять во внимание определенный слой соответствующей стадии производства и производственных отношений, что, например, зачастую между французским и грузинским более тесное родство, чем у французского с братским ему языком, находящимся в самой же Франции. Это принятое в науке родство французского с братским ему языком относится к последнему романскому периоду глоттогонического процесса, именно романскому, или, если применять обычный лингвистический термин, к периоду романизации яфетических языков Европы.

Несмотря на разительно близкое родство грузинского с французским, в упомянутых определенных случаях здесь, конечно, дело не в том, что грузинский имел влияние на французский или французский на грузинский, а только и только в том, что первоначальные обитатели Европы говорили на языках яфетической системы, последующее развитие которых дает, среди прочих романских языков, также и французский язык.

Если бы не недостаток времени, то из многочисленных примеров я остановился хотя бы на одном, а именно на родстве французского „bouche“ (bocca) с грузинским pir. Здесь я удовлетворюсь указанием на то, что грузинский сам диктует, что слово pir прежде и в грузинском было озвончено губным *bur — pur, о чем свидетельствует его вульгарная грузинская разновидность ꝑur, сохраненная в слове ꝑurϑqa, сложный корень которого ꝑurϑq буквально означает pir, ꝑur, ṫkal, ϑq.[1]

Вообще говоря, связь Франции с Грузией по языку, очень знаменательная по своей силе, становится еще более сильной с переходом к языку кельтской группы — бретонскому — и еще более мощной, когда мы касаемся баскского.

Умалчиваю о бретонском потому, что у него обнаружилась такая неожиданная близость к кавказским языкам, что порой рождается вопрос: не является ли эта близость результатом того, что кельты уже в известную историческую эпоху обитали в Малой Азии и к северу от Кавказа, у скифов, или у skuϑ’ов (в древнегрузинском skwϑni). Также и палеонтологическими изысканиями мы пришли к тому выводу, что кельты и скифы оказались членами одного и того же социального

[1] Простой корень ϑq, в падении sq, остаток слова ṫkal или ϑkal, находится также в глаголе ϑq-e + va, означающем sq-ma ‘пить’ в древнелитературном грузинском языке.

образования, факт обитания скифов на Кавказе вне сомнения, и их язык представлен в самом грузинском значительным слоем. Когда судим о языке и речи, я окажусь повинным в том, что я не осведомляю вас о существовании корня грузинского laparak, lapar, в бретонском в форме lavar 'разговор'. Короче говоря, бретонский представляет собою такое речевое образование той стадии языка, какое представляет собою и армянский, т. е. переходную систему между яфетической и прометеидской (индоевропейской) системами, и, представьте, целый ряд явлений, в том числе и морфологические, роднят бретонский с армянским. Кто интересуется этим вопросом, пока что может ознакомиться с моей работой „Бретонская нацменовская речь в увязке языков Афревразии", которая недавно вышла из печати.[1]

Здесь отметим и то, что у грузинского независимо обнаружилась связь и с берберским в кругу первичных и последующих слов, между прочим название 'воды' и 'питья', термины родства, космических тел и т. д.

Разумеется, бретонский язык, с одной стороны, ведет нас в Британо-Ирландию (речевые связи еще более крепнут); с другой стороны, у него же особое соотношение с баскским, которое ведет нас в Африку.

На этом дело не останавливается, и хотя для наших личных исследований далеко в глубине Африки и еще дальше в Америке служат препятствием не зависящие от нас причины, но сами специалисты африканских языков своими материалом и соображениями льют воду на нашу мельницу. Они так же связываются с добытыми положениями яфетической теории, как и француз-американист Риве (P. Rivet), который в своем мотивированном стремлении вывести местные языки Америки хоть частично из Азии тем самым встретился с нами на противоположной стороне наших изысканий и остановился на палеоазиатских языках.

Пора вернуться домой. Куда? В Грузию или на Кавказ? Нет. Куда же? Туда, где человечество в непрерывном подъеме со ступени на ступень, от эпохи палеолита и первичного языка, от элементов звуковой речи достигло высшей стадии развития. Кавказ и Грузия, конечно, из этого общего очага не исключены, но очаг называется Средиземноморьем, на западных и восточных границах которого остались древнейшие народы из первоначальных обитателей Европы, на Западе — баски.

Родство с басками оказалось настолько глубоким, что для освещения этой проблемы опыт „Из Пиренейской Гурии" пока что является достаточно характеризующим положение вещей.

---

[1] [Известия ГАИМК, т. VI, вып. 1.]

В последние годы мы достигли той ступени исследования, на которой язык всего человечества представляется результатом мирового единого творческого процесса.

На свете не существует ни одной группы языков, ни одного языка, который возник бы независимо от упомянутого глоттогонического процесса.

Языковедение становится, уже стало, монистическим учением.

Таким образом, общее учение о происхождении и развитии языка представляет собой мировую историю предмета нашего изучения, без признания и освоения которой невозможно осветить вопрос происхождения какого-либо языка или группы языков.

Утверждение этого монистического процесса в свою очередь стало возможным после засвидетельствования двух краеугольных открытий (или фактических явлений). Одно из них высказано в опубликованной в 1924 году коротенькой заметке под заглавием „Индоевропейские языки Средиземноморья“.[1] В ней пока только предварительно, а затем с постепенным опубликованием документально подтвержденных положений, оказалось лишенным своего основания всякое расовое величие, лишилось жизни стремление всяких сильных мира сего оправдать свое господство прирожденными проистекающими из неизвестного источника способностями и особой голубой кровью. Название групп языков с различными свойствами изменилось: вместо семьи — система. После этого открытия прошло шесть лет, но до наших дней в кругу старой школы языковедения такая простая вещь еще не осознана.

Наконец, мы не должны забывать того основного положения, что на свете не существует ни одного языка, который создался бы природой. Всякий язык создан человеческим трудом на материальной базе общественной жизни, добытой трудом человечества; он выступает как явление, возникшее на базе производства и производственных отношений, он представляет собой надстроечную категорию. И ни в одном языке не находится ни одной части речи, не только слова, но и всего словаря, любой грамматической категории, всей морфологии и всякого закономерного существования, изменения и употребления в различных функциях самих звуков, которые не прошли бы через осознание производственных отношений, техники производства, общественного строя.

В формальном толковании слов важнейшее — это понимание и усвоение четырех лингвистических элементов. Новое учение, яфетическая теория, отвергает фетишизацию отдельных звуков, их зависимую от грамматических функций статически-неподвижную значимость и руководствуется обнаруживаемыми

[1] ДАН, 1924, стр. 6—7 [перепечатано в ИР, т. I, стр. 185—186].

семантической палеонтологией комплексами фонетических изменений, происходящих от того древнейшего состояния стадиального развития языка, когда эти комплексы были осознаны как одно слово. Эти простые слова, составляя четыре лингвистические элемента, также путем своего меняющегося значения связывают явления, осознаваемые абстрактно, с общественностью и ее базой — производством, а также изменяющейся материальной культурой.

Сложная история четырех элементов, техника их размножения и рост их идеологического использования имеют такую трансформацию (зависящую от изменяющегося производства и производственных отношений), что без осознания семантических законов невозможно понять родства родственных и производных слов даже тогда, когда с внешней стороны они сходны друг с другом или даже тожественны.

Часто два слова, происходящие от одного и того же элемента, имеют диаметрально противоположное значение: например, слова ṫḱal и ϑeϑq̇l со значением 'воды'. Вариант ϑq̇al представлен в сложном слове kurϑq̇al: kur-ϑq̇al буквально означает 'глаза (kur) воду (ϑq̇al)', и со значением 'огня' когда-то тот же ϑq̇al был лишен акающего озвончения в слове ϑeϑq̇l, как это показывает его чанский вид ḋaϑq̇ur. Что касается первого слога — грузинского слова ϑe и чанского ḋa — это последующий придаток именно той эпохи, когда пытались тем или иным способом дифференцировать два слова, имеющие два отличных значения, дабы избавиться от двойственности значения. Если остановимся только на слове ϑeϑq̇l, в архетипе ϑeϑq̇al, то ϑe означало 'верхнее небо', ибо название 'огня' происходит от слова ϑq̇al, означающего 'небо', которое означало и 'верхнее небо', и 'нижнее небо', и 'преисподнюю' с 'морем', следовательно и 'воду'. Как видите, ϑeϑq̇l, некогда ϑe-ϑq̇al, так же образовано, как и его синоним ze-ϑa.

Мы не будем углубляться в вопрос о том, к каким средствам прибегал язык, вернее — создавший его коллектив, для того, чтобы из полисемантичного слова путем замены лишь одного звука закрепить за ним определенное значение, например ṫır, которое означало и 'небо', отсюда и его значение ṫre 'круг', сохраненное в армянском ṫır, и 'мир', откуда со звонким оформлением ďır, ďır-s в значении 'под', 'низ', 'вниз'.

Ясно, что без учета четырех элементов лишен всякой реальной основы так называемый компаративный, т. е. сравнительный, метод.

Особенно полезен анализ тех слов по четырем элементам, которые представляют собою скрещенные образования двух слов, имеющих одно и то же значение, — результат скрещения двух социальных групп, впоследствии двух этнических образований.

Часто такое скрещенное строение в кругу полисемантичного слова, — это устанавливается путем присвоения ему одного значения; так, например, на определенной ступени стадиального развития 'небо', 'земля' и 'море' обозначались одним и тем же словом, впоследствии же, когда настала необходимость перехода от полисемантизма к моносемантизму, для ясности речи скрещенному слову начали придавать лишь одно значение. Поэтому ϑa 'небо' — прежде ďa, его праформа ťa, которая обозначала и 'мир', и 'преисподнюю', и 'море' ('преисподнюю' и 'море' продолжали называть прежним диффузным названием ťkal, которое употреблялось в известные нам исторические эпохи в значении 'воды' и впоследствии космического элемента 'моря'), и, что это было так, имеется подтверждающий это обстоятельство факт в еврейском, где сохранился яфетический реликт по шипящей группе — шək̆ōl, который означает именно 'преисподнюю'.

Что касается двух вариантов усеченной формы ϑa 'небо', то звонкая форма ďa сохранена в греческом в значении 'земли', а в грузинском лишенный фрикативности вид da сохранился в глагольной приставке da-agdo в значении 'под', 'вниз', как соответствующий элементу слова 'мир'. Точно также та же форма da есть составной элемент двухэлементной (АВ) адъективной формы da + bal, и от нее же произведена сравнительная степень da-re 'низкого качества', 'низкого рода'. Глухая форма ta сохранена в простом ее виде в абхазском. В грузинском для передачи и 'неба' и 'преисподней' употребляется скрещенное слово mı-ťa, первый элемент которого mı, прежде mu, путем озвончения шипящей группы означал также 'земля', 'страна', что подтверждает его существование в скрещенном слове соответствующего языка: мегрельское mu-q̂ur 'мир', 'страна' и одинокое mu в соответствующих языках финской группы, напр., в языке коми (зырянском), и в африканском берберском, разновидность которого имеет особое значение, как это выяснено подробно в одной из моих работ. Полисемантическое состояние слов, характеризующее древнейшую ступень стадиального развития, долго сохранялось в грузинском, и формальный способ избавления от него — дело сравнительно недавнего времени. Например, для обозначения 'питья воды' мы говорим ше-sma, но ни в каком случае не da-sma, а для 'наложения руки' говорили da-sma, но никогда ше-sma, как будто между питьем воды и приставкой ше существует более тесная связь, почему и говорим ше-sma; с другой стороны, будто бы между питьем воды и приставкой da с самого же начала существовало какое-то противоречие, вследствие чего их соединению как бы препятствовала какая-то причина и обязывала грузинский коллектив говорить ťklıs шеsma 'питье воды', а не недопустимое ťklıs dasma. Никакой внешней силы, кроме выбора самого коллектива, тут нет: если говорят ťklıs

*

ǆaleva, то можно было бы сказать и ṫḱlıs ǆasma, если бы глаголу sma 'пить', 'питье' не мешал бы его полисемантизм и для дифференциации соответствующий коллектив не избрал бы приставки ǆa- и ше-.

В самом деле, без приставки sma, древнелитературное suma означало и 'питье воды' и 'наложение руки', и причина заключается в том, что согласно одному из семантических положений, вскрытых палеонтологией, три значения 'рука — женщина — вода' представляются проистекшими от одного и того же понятия, а это подтверждается не только с формальной стороны постольку, поскольку q̇el, qal, ṫḱal — разновидности одного и того же элемента, и каждая из этих разновидностей принадлежала или отдельной социальной группе, или она — результат образования двух групп. Мы могли бы для подтверждения этого положения с формальной точки зрения взять чисто грузинскую разновидность, как, напр., ǆ̌al, которая в подлинном, а не выдуманном прагрузинском языке означала и 'руку', и 'женщину', и 'воду'. Повторяю, дело зависит не от формального утверждения. Источник, объясняющий происхождение этого трехзначного единства, это — союз трех хозяйственно-общественных единиц: производства, орудием которого является 'рука', социального строя, представителем которого является 'женщина', особенно в древнейшую матриархальную эпоху, и 'воды', космически 'море' и 'небо', 'нижнее небо', которое является выражением мировоззрения и соответствующего верепредставления определенной эпохи.

Но вернемся к слову suma. Основа этого suma — su, которая имела значение 'воды' в составе su-ma, в свое время означала и 'руку'; тот же su в полном его виде sur означал и 'женщину', откуда идет то фактическое положение, что это слово в значении 'женщины' сохранено в скрещенных словах: грузинском a-sul и мегр.-чанск. o-sur. Сейчас выяснено и то, почему в данном случае выбрали скрещенное слово для обозначения такого простого понятия, выяснено и то, какое идеологическое обоснование имеют начальные гласные „a“ (груз.) и „o“ (мегр.-чанск.), которые выявились в скрещенном названии этого понятия, и, наконец, бесспорно выяснено и то, что именно грузинская разновидность со словом „a“, которая означала не только 'женщину', но 'руку' и 'воду', между прочим увязывается ближайшим образом с шумерским языком.

Но интерес нашей беседы требует удовлетворения постановкой вопроса о su, в полной форме sur, resp. груз. sul: существовало ли это слово в грузинском в древнейшем его состоянии? Палеонтологией установлено и то, что это слово, конечно, показатель сложного состава грузинского языка, его богатства, а не только внесенное из языка шипящей группы,

будь то все равно мегрельский или чанский или какой-либо другой, не дошедший до нас язык; наконец, следует добавить и факт, не вызывающий никакого сомнения, что sur и тем более бытующий в грузинском asul в значении 'женщины' и т. п. со своей стороны соприкасается и с мегрело-чанским, где истинно родной вид следовало бы ожидать в шипящей группе в самом мегрело-чанском в виде шur, или путем подъема начального согласного ϑur, впоследствии ϑır или ϑıl, что действительно сохранено в упомянутых языках. Думаю, достаточно пока и сказанного.

Теперь не знаю, товарищи, стоит ли продолжать эту беседу, которая грозит превратиться в трудно переваримую лекцию, требующую лабораторной проработки, чтобы она стала легко и просто воспринимаемой. Должен вам сказать, что дальнейшее изложение представляет собой еще более трудный предмет: решение продолжать или прекратить беседу зависит от вас.

Итак, перейдем к палеонтологическому анализу слов надстроечной категории, представляющих наибольшие трудности.

Груз. gemo 'вкус', полный его вид *gemor, откуда прилагательное gemrıel, полностью также gembrıel, по своему значению представляет собой отвлеченное надстроечное понятие, семантический корень которого — 'небо', 'нёбо', в древнелитературном армянском qımə, употребляемый обычно во множественном числе qıməq, что первоначально означало 'небо', 'нёбо' и 'гортань', и там же употребляется много дериватов в значении gemo 'вкус', т. е. передающих смысл происходящего от вкуса, напр., 'настроение', 'расположение'. Сюда же относится народное сложное gəma-hato в значении 'каприз', буквально 'приятный на вкус'. Более измененный некогда армянский вид нашего обиходного слова груз. gemo — арм. qımə, некогда gım (*gıme), обнаруживает народное армянское озвончение; первоначально же груз. gemo, арм. gımə, некогда *gımo, по озвончению его первого слога принадлежало одной и той же социальной группе. Правда, согласно стратификации армянских говоров, qımə, раньше *gımo, озвончено народно, а gımo вовсе не сохранилось у армян; оно имеет армянское книжное литературное озвончение, оно же, перенесенное на яфетическую почву в современном его статическом состоянии путем озвончения его первого слога, а также согласно его изначальному звуку является принадлежностью сванского языка, в частности надо его отнести к спирантному его слою; если окающее озвончение второго слога ge-mo характерно для другой социальной группы, а именно шипящей группы, то и это не противоречит принадлежности его к сванскому, ибо сваны, некогда замечательные по своему историческому прошлому, говорят на скрещенном спирантно-шипящем языке.

Если вернемся к грузинскому, то в нем имеем и другой вид слова ǵemo, который вследствие акающего озвончения своего первого слога следует отнести к коренному слою грузинского языка, но только изначальный ǵ, в падении h, мы действительно имеем в древней литературе, а сейчас оно [это слово] лишено и этого: а это известное вам прекрасно если не древнегрузинское hamo, то народное amo, оно значит 'приятный', раньше 'вкусный'.

Но палеонтология сейчас доказала, что на одной из древнейших ступеней стадиального развития языка прилагательное ни в какой форме не дифференцировано.

То же имя существительное в неизмененном его виде, занимая определенное место в предложении, образовывало адъективную форму и, следовательно, hamo некогда имело значение имени существительного. Это значение уже разъяснено палеонтологией семантики, а именно: как слово ǵemriel с окончанием -ier (l вместо r — результат скопления в одном слове двух r, ср. прилаг. шven-ier) образовано от имени существительного ǵemo; также на упомянутой древнейшей ступени стадиального развития языка, прилагательное hamo означало 'приятный', в кругу материального мышления — 'вкусный', также 'вкус'. Вернее говоря, hamo, означавшее существительное ǵemo 'вкус', передавало функцию прилагательного, только без соответствующего окончания. И действительно, hamo, в грузинском только лишь прилагательное 'приятный', сохранил армянский в значении существительного 'вкус', где оно произносится согласно фонетике этого языка с ослаблением конечного гласного (hamə), в народном уже утерянного — ham.

Добавим и то, что между образованиями ǵemriel и hamo по семантике такая разница, что если ǵemriel и hamo представляют собой по материальной значимости 'нёбо' — надстроечное понятие, то hamo в значении 'приятный' надо считать словом более высокого качества, еще более отвлеченным надстроечным словом.

Но сказанным далеко не исчерпывается история ǵemo, палеонтологически уже освещенная.

В самом деле, сейчас не подлежит никакому сомнению, что ǵemo, в полном его виде ǵemor, по смыслу — надстроечное слово на такой же материальной основе, как 'гортань' и 'нёбо'; следовательно, согласно космическому мировоззрению — вообще 'небо'. И когда мы учтем, что zeϑa 'верхнее небо', также qveϑa 'нижнее небо', известное и по сей день из грузинских сказок, или qveḱana 'земля' и также разъясненное палеонтологией zesknel 'верхнее небо' и qvesknel 'нижнее небо' с префиксами ze- и qve- — фактически подтверждают то, в чем наши исследовательские средства заставляют нас убеждаться с еще большей настоятельностью. А в чем? В том, что эти три космические плоскости, zeϑa, qveḱana-mita и qvesknel

или qveϑa-zḡva носили название ḱana 'земля' (подобно ϑa 'небо'), в каком смысле оно употребляется в слове qveḱana 'земля'; общие части носили название qvesknel, zesknel, т. е. отдельно не употребляемых sknel, также и gemo и арм. qım. Целая сеть названных синонимов и их вариантов разрушает господствующее мнение о грузинском языке как об изолированном каком-то явлении, оторванном от всех языков мира.

Здесь я остановлюсь только на грузино-армянском общем слове gemo, qım. В самом деле, из этих двух вариантов арм. qım, в его первоначальном виде со звонким произношением gım, сохранен в сванском со значением 'земли', т. е. 'мира'. Но сванское gım, подобно арм. qım, усечено в конце, как предупреждает учет двух представленных в нем явных лингвистических элементов и также его грузинский вариант gemo, в полном виде *gemor. Но восстанавливаемое окончание сванск.-арм. gım→qım было озвончено посредством „o“, как диктует его грузинский вариант gımo←gımor.

Если учтем в данном случае соответствующий гласный e↔ı сванского языка, то qım←gım можно восстановить в виде *gımel, истинность чего подтверждается с разных сторон.

Удовлетворимся следующими фактами: глухие разновидности gımel и gım — kımel, kım сохранены в древнелитературном грузинском в сложном слове kım-kımel 'небо-небес'; вариантом того же слова, с тем же значением, выступает груз. ṭımṭımel, между прочим прозвище хорошо известного грузинского философа Иоанна Петрицского.

А gımel — с падением звонкого в спирант — представляет собою яфетический правид немецкого „Himmel“ 'небо', но означал и 'землю', как то удостоверяет сибилянтный вид „Himmel“ — zemel, яфетический правид русского слова „земля“, полностью zemelı.

Итак, мы видим уже доказанным, что ϑa 'небо' означало и zeϑa 'верхнее небо' и qveḱana 'землю'. Но недостает значения qvesknel-zḡva 'преисподняя-море'. И это налицо. В самом деле: если возьмем грузинское слово gemo, полностью *ge-mor, прежде означавшее 'небо', и составляющие его два элемента (A, B) ge и mor, то каждый из них означал сложное слово *gemor, полученное путем их скрещения, т. е. 'небо' в более древнем состоянии языка в значении 'трех небес', т. е. 'неба (верхнего)', 'земли' и 'моря'.

Теперь легко догадаться, почему первая часть нашего слова, ge (↔gı), сохранена из древнейшего состояния греческого языка яфетической системы в значении 'земли' и почему вторая его часть mor сохранена в русском в значении 'моря'.

Стратификация этих слов представляет собою обширнейшую сеть, где можно найти, между прочим, представителей финской группы языков, но пока, и в особенности для нашей сегодняшней беседы, достаточно и этого.

Еще в своем магистерском труде „Государственный строй древней Грузии и древней Армении“ проф. И. Джавахишвили тщательно разыскивал, что обозначают qalaq 'город' и soφel 'деревня' — термины общественного строя. [1]

Soφel, к удивлению, разъясняется как слово, имеющее три значения: первое 'деревня', второе 'мир', 'страна' и третье 'вселенная'. Выясняется также, какое из этих значений первичное и какое вторичное. Дело в том, что благодаря палеонтологии мы знаем, что, как общее явление, одно и то же слово означало всякое 'застроенное место', будь то 'дом', 'село', 'мир', 'страна' 'вселенная', если хотите — 'город'. Такое же положение вещей наблюдается в баскском, где hır — также многозначащее слово. Сибилянтный вариант этой баскской формы ŧır с двойником *ŧer сохранен в армянском, где означает 'круг', и в грузинском, где в древнем состоянии грузинского языка *ŧer с последующим произношением ŧre есть тот же 'круг'.

В древнем состоянии баскского языка разновидность этой сибилянтной формы ser означала 'небо', и последующий сложный ее баскский вид ser-u также означал 'небо'. Вы догадываетесь, какая связь между 'небом' с его 'сводом' и 'домом', 'постройкой', а употребление 'неба' со значением 'постройки' имеет совершенно другие связи, а именно функциональные — постольку, поскольку 'небо' осознавалось как 'крыша'. Почему? — все это выяснено. Не потому, что в дальнейшем, по вульгарному материалистическому мировоззрению или по техническим соображениям, мол, небо покрывает сверху, или в силу поэтического образа, как это в народном сказании: ϑa qudad mqonda da miŧa qalamnado ('небо имел я шапкой, а землю лаптями'). Дело совсем в другом. И здесь, на определенной ступени стадиального развития, когда в силу соответствующего мировоззрения 'небо' воспринималось как тотем, 'небо' и соответствующий коллектив имели одно и то же название: даже корень наименования грузин qarϑ, а также армян hayk (раньше hark) означал 'небо', или 'сын неба', 'солнца' и т. д. Главная мысль здесь в том, что имя придавалось раньше не месту, не постройке, а строящему коллективу, множеству, и только затем чему бы то ни было построенному. И поэтому названия городов, например в Греции, оформлены в множественном числе, а что касается того, когда и что именно означало это тотемное небо — 'деревню', 'город', 'вселенную', 'землю', то это зависит от смен ступеней стадиального развития, материальной культуры и от истории смен надстроечного мировоззрения. Усеченный вид soφel 'деревня' — sıφ, с диалектным произношением swıφ в сванском, усвоен для обозначения 'места собраний', 'площади'. Сейчас можем вернуться к слову soφel.

[1] Ук. соч., стр. 33, особенно 39, 11.

Встреча его с suφeva имеет совсем другую подкладку. Suφeva произведено от корня suφe, который означал непосредственно 'небо' и сообразно с этим употребляется с одной стороны в смысле 'рай': производное от него слово sa-suφe+v-el-ı и корень этого же слова suφe, как тотем 'неба', представляет собою не родственное слово, а лишь вариант груз. uφal 'бог'.

Что касается первоначального, материального значения слова soφel, то это была определенная производственно-общественная группа, впоследствии хорошо известный этнос, из составных слов, поскольку soφel||*šubar в догрузинском произношении—*suφal, откуда произведен спирантный вид uφal, что является тем же этническим наименованием, которое упоминается в Библии ϑabel || ϑubal. Не забудем и того, что subar — это раннее наименование шумеров, исследование которых привело нас на крайний пункт населенного севера, что уже опубликовано.[1] Ясно, что не только финны, чувашско-русские первоначальные обитатели восточной Европы, новое этническое образование яфетидов, но и украинцы имеют много общего в языке с яфетическими языками Кавказа или Закавказья, в том числе и с грузинским. Здесь упомянем лишь русское слово „один“ и древнелит. груз. oden. Здесь отметим русск. o-soba, что буквально значит 'один из коллектива soba'; soba само по себе было тотемным наименованием определенной производственно-социальной группы, значение которой в русском языке велико. Это слово было тотемом того времени, когда тотемом была собака, и отсюда произведено русское „собака“. Между прочим, из этого коллектива произошло русское местоимение, связанное с обособлением притяжательной группы и впоследствии группы частнособственнического лица. Мы не имеем времени остановиться на этом весьма интересном вопросе. Он посильно уже разработан, и решение его будет скоро напечатано.[2] Здесь покончим с весьма значительным вопросом о 'деревне' в ее связи с родством грузин и русских, также и с выводом о том, что груз. soφel, в усеченном виде сванск. suφ, swıφ, оказалось корнем общности, коллективности, русск. „собство“ оказалось также означающим 'собственность': „собина“, впоследствии „собственность“, поскольку первоначально 'собственность' принадлежала всему коллективу. Сам ob, корень русского слова „общий“, „общество“, происходит от того же слова sob. Таким образом, груз. soφel и русск. „общество“ происходят из одного и того же источника.

Qalaq тогда считался заимствованным словом, внесенным через армян в Грузию. И сейчас все думают так.

---

[1] Чуваши — яфетиды на Волге, Чебоксары, 1926 г. [перепечатано в ИР, т. V, стр. 323—372, о subar см. стр. 367—369].

[2] [См. Право собственности по сигнализации языка в связи с происхождением местоимений, ИР, т. III, стр. 180—198.]

„Хотя из вышеприведенных немногих примеров видно,— говорит Иван Джавахишвили, — что слово „калаки“ и в древнегрузинском в некоторых случаях сохранило первоначальное значение ограды, крепости и в этом отношении равняется туземному названию „цихе“, тем не менее, вероятно уже в момент заимствования сирийское qarqà, арм. qağaq, груз. qalaq употреблялись как terminus technicus для обозначения города и административного центра.

„Итак, в грузинском, как и в армянском, — продолжает уважаемый автор, — не существует собственного слова для обозначения 'города'; это может объясняться тем, что в обеих странах в древнейшую эпоху очень мало была развита городская жизнь, что пункты, которые служили в административном, оборонительном, а особенно в торговом отношении центрами, мало чем отличались от остальных населенных пунктов“. [1]

Далее приведено свидетельство IV в. до нашей эры, и вопрос исторически исчерпан. Ведь с точки зрения истории материальной культуры необходима была бы иная аргументация, чтобы доказать отсутствие строительства городов в древней Армении, да и в древней Грузии. Дело обстоит иначе. Достойно внимания и то обстоятельство, что принять или отвергнуть факт строительства городов зависит не от наших представлений, а от потребностей тогдашнего населения, но в исторические разыскания мы не углубляемся. Но когда лингвисты, в том числе и я, убеждают своих слушателей, будто слово qalaq занесено из Сирии, то кто гарантировал, что этот термин в сирийском есть собственно сирийский? Или вообще, что он создан семитами. Разве доказана палеонтологически истинная генеалогия семитического происхождения этого слова? Если кто сейчас судит так, мы бы ему сказали: „Это сказка, выдумка“.

Если qalaq имеет значение 'круга' в сирийском, а также в армянском, то это — явление омонима и никакого отношения не имеет ни к слову qalaq, ни вообще к 'городу', хотя это явление известно и в латинском и в русском. Ни 'город' не произошел от 'круглости', ни 'круг' от 'города', хотя, как уже говорили, само грузинское слово t̔re, арм. t̔ir 'круг' и баскск. hir 'город' также представляют собою корни одного и того же слова, но когда мы подчиняемся такому внешнему сходству или наружному тождеству без учета законов семантики, то это и есть формальный метод. По палеонтологии уже доказано, что 'город' и 'круг' именуются одним и тем же словом, а причина в том, что оба произошли, независимо один от другого, от

[1] И. А. Джавахишвили (И. А. Джавахов), Государственный строй древней Грузии и древней Армении, т. I, стр. 41. Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, кн. VIII, 1905.

представления об одном и том же предмете, а именно 'небе', но каждое из них связывается с ним по различному его осмыслению: 'небо' в силу своей 'округлости', 'сводчатости' взято для 'круга', для 'города', как равно и для 'дома'; для обозначения всякого застроенного места и убежища во всех языках используется 'небо', ибо 'небо' понималось как 'приют', 'убежище'. Но каждое из этих определений имеет силу и истину лишь на определенной стадии.

Что касается qalaq в значении 'города' и ṫre в значении 'круга', то оба они имеют неискаженный вариант на севере, между прочим в русском точно такой, какой принадлежит грузинскому и близкому ему мегрельскому (ведь грузина qarϑvel'a в Мегрелии зовут qorϑ). Что 'город' имел значение 'круга', это подтверждает его эквивалент, при соблюдении соответствующего фонетического закона, в русском „круг", и что qalaq имел значение 'города', мы имеем закономерный эквивалент этого образования „город". Также взаимоотношение свистящей и шипящей групп, акающей, окающей (да и укающей) огласовки, мы можем восстановить с помощью армянского языка, где слой шипящей группы очень мощный. Но и вклад акающей огласовки свистящей группы также оставил в нем значительный нанос. Арм. karṭ (ср. русск. „крат-кий") в значении 'короткий' требует, как и неискаженный вид слова свистящей группы karṫ, путем окающего озвончения мегрело-чанского эквивалента *korot, который и сохранен в виде основы в русском прилагательном „короткий". И „город" и „короткий" по своему виду больше относятся к украинскому (где они передаются другими словами), нежели к русскому, но в обоих языках эти термины завещаны от первоначальных обитателей Европы, которые говорили на языке яфетической системы. Простой вид того же слова — одноэлементный kar — сохранен у чувашей, известен он и в финских языках. Вопрос уже исследован, но стратификация доходит до Африки, и самое грузинское ḳar то же самое слово.

Между эпохой градостроительства и эпохой существования собаки в качестве тотема большое расстояние.

Вообще тотемическое мировоззрение — древнейшее явление, а равно и продолжительное, путем замены одного тотема другим, как 'лошадь' заменила 'собаку'.

В своем месте мы уже упоминали о тотеме 'рыбе' или 'вишапе' в связи с 'небом', когда ϑq̇um, термин родства (leϑq̇um и ϑq̇umar), обозначавший раньше 'голову' и 'небо', и мегрельское ϑq̇om 'рыба' мы сблизили один с другим и сочли их двумя разновидностями одного и того же слова.

Но что нам доказывает тот факт, что слова ϑq̇om и ϑq̇um действительно некогда были тотемом? Это несомненно доказывает то, что, с одной стороны, по палеонтологии речи и по другим источникам твердо установлено превращение тотема

впоследствии в 'бога' или 'дьявола' и, с другой стороны, твердо установлен следующий лингвистический факт: ϑ̣q̇om̆ состоит из двух элементов, и его ближайший предшественник был ḓğorm̆o 'звезда', и вспомним то фонетическое положение, согласно которому из диффузного состояния проистекшая группа согласных ṭk̆, ḓğ, ϑ̣q̇ впоследствии в своем развитии упрощается или превращается в сибилянтные ṭ, ḓ, ϑ̣ или спирантные k̆, ğ, q̇, и, следовательно, ϑ̣q̇om должен быть объяснен в его, таким образом, восстановленном, дериватном виде. И если, действительно, возьмем его спирантный вариант ğormo, то получим чанское слово ğormo-ϑ в значении 'бога', окончание которого наращено впоследствии, также как и в сванском ğermeϑ, что выясняется из сопоставления с сохраненным его видом в греческом ğerme-s: правда, в сванском ğerme-ϑ -ϑ последующее, но настолько древнее, что оно находится уже в конце слова pro-meϑe.

Тотем лошади следует за тотемом собаки, подобно тому как в самой жизни использование собаки, как средства передвижения, перешло на лошадь. Культ лошади так заслонил собой культ собаки, что в армянских христианских преданиях и в древней литературе мы находим всего лишь его реликт, а в наиболее живом виде он представлен в Хевсурии.

А тотемом лошади, в том числе третьим элементом, ионским, будь то спирантный вид или сибилянтный, насыщена вся Грузия и ее яфетический мир, начиная с рек и названий населенных пунктов: Ri-on, O-ni, Q̇-oni и др. Само древнее слово для обозначения 'лошади' hone, или hune, то же самое, отсюда же русское „конь“ в еще более древние времена означало 'собаку', как это удостоверяет сохраненное в бретонском то же слово ki, множ. kon ←→ kun; теперь поймем, почему сибилянтный вид древнегрузинского слова hune в значении 'лошади' (шun) сохранился у армян в названии 'собаки', и его же вариант шon, сохраненный в сванском термине шvänär, в особенности mu-шni, lu-шnu, доказывает, что тотемом у сванов была 'собака'.

Мы предполагали осветить лингвистические факты на тех же ступенях стадиального развития от ступени к ступени путем привлечения фактов также и из истории материальной культуры и общественного строя. Я об этом умалчиваю, но разрешите указать на одно обстоятельство, достойное внимания исследователя.

Сравнивая местные языки Америки с яфетическими языками, мы находим между ними поразительное сходство в контурах их системы, а вместе с тем ныне уже установлено, что в Америке железо не было известно, и постольку, поскольку развитие языка зависит от производства и производственных отношений, интересная задача выяснить, какой характер развития придало яфетическим языкам Кавказа производство

железа и возникший на нем социальный строй, по сравнению с местными языками Америки.

Оставим и это.

Исследование выявило, что между людьми нашей письменно-исторической эпохи и бесписьменно-исторического человечества мосты сожжены. Но эти сожженные мосты представляют собой надстройку. Истинное течение жизни идет по несожженным мостам, и это течение безостановочно.

Вот контуры истинных и не сожженных мостов. И много еще чего выявило новое учение, начиная с эпохи палеолита и ручного языка до наших дней.

Такая глубина научного исследования языка настолько расширила поле, что в его компетенцию вошли языки всей Афревразии и вместе с тем в создании науки, разворачивающей работу в мировом масштабе, грузинский язык занял виднейшее место, но еще не такое, которое ему подобает. Как может занять грузинский язык подобающее место? Я сказал свое, а теперь вы судите сами, какой путь вы изберете для достижения этой цели.

Н. Я. Марр

АРМЯНСКАЯ КУЛЬТУРА, ЕЕ КОРНИ И ДОИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ПО ДАННЫМ ЯЗЫКОЗНАНИЯ [1]

Парижская армянская студенческая молодежь устами своего председателя П. Котикяна обратилась ко мне с просьбой прочитать лекцию по занимающему меня какому-либо вопросу из армянского прошлого. Я выразил мою благодарность за это приглашение, оказывающее мне честь, благодарю также вас, присутствующих, заранее прося извинения за то, что я в течение часа с четвертью жестоко использую ваше внимание.

Признаюсь, что почти с самого момента обращения я был в раздумьи о том, как мне выполнить свою обязанность. Уже не говорю о языке: кроме того, что обычным языком моих лекций является русский, я не имею чести быть по происхождению армянином, и слушатели, понятно, должны проявить снисходительность, слушая армянскую речь чужого человека.

Однако мое раздумье относилось к другому предмету — к выбору материала для имеющей быть прочитанною лекции. Вопрос не в том, что в настоящее время занимающие меня научные проблемы имеют цвет и вкус всемирности и что я, погруженный в широкие объятия доисторической культуры Европы, Африки, Азии, увлекся исследованием человека, как говорящего существа, и в особенности языка первоначальных обитателей Европы.

Дело в том, что и культурное прошлое армян, по нашему убеждению, нельзя представлять и даже непростительно изучать иначе как в качестве существенной и творческой части той же общечеловеческой культурной общности. Армянский народ, тот армянский народ, для которого современные гос-

[1] [Лекция, прочитанная на вечере, организованном в 1923 г. Парижским Армянским студенческим союзом в аудитории Société Savante (издана отдельной брошюрой под № 1 в серии книг Парижского Армянского студенческого союза, издатель А. Б. Тюрапян, типография „Ardagang Parısı“, 227, Bd Raspail, Париж, 1925].

подствующие силы затрудняются определить место на земном шаре для спокойного житья самостоятельной жизнью и не находят этого искомого места, даже не видят земли самих армян, покрытой чудесными памятниками многотысячелетней культуры, этот живущий на ней народ, будучи соединен неразрывными узами со всем цивилизованным человечеством, в частности с народами Европы, явится для изучения их культурного происхождения и трансформаций развития самым необходимым глашатаем.

Но вот в чем моя беда: как мне в течение полутора часов общедоступно разъяснить такой сложный предмет, в то время как материал по своему богатству может быть предметом продолжающегося целый год курса? Какими магическими средствами сделать понятным вам, присутствующим, представляющим широкие слои общества, именно это разъяснение, когда, увы, я почти не нахожу все еще общего языка, научного языка, даже в научном мире и чувствую себя со своими малочисленными учениками обособленным, подобно армянскому народу в его судьбе, в нестерпимом ужасе, в нестерпимом одиночестве? Итак, не только мою личную неудовлетворенность, но и это обстоятельство следовало бы отметить как залог того, что сегодняшняя моя лекция должна была бы считаться уже заранее безрезультатной и даже осужденной на неудачу. Однако, если все же я согласился взять на себя это трудное для меня дело, то только лишь ободренный тем слабым светом надежды, что хотя мы и не имеем общего научного языка, но, по крайней мере, мы воодушевлены и движимы общей весьма дорогой вещью, единственной и наиболее мощной силой культуры и прогресса, любовью к одному и тому же предмету, к армянскому народу, — вы — вашим армянским происхождением, я — своими научными, чисто теоретическими научными стремлениями.

Каковы эти научные стремления? В заглавии моей лекции сказано: „по данным языкознания". Разве в отношении армянского языка языкознание настолько продвинулось вперед, что благодаря ему мы уже становимся компетентными обнаружить не только культурные превращения армянской нации, но и доисторические связи и даже корни ее культурной самостоятельности?

О корнях культуры и о доисторических связях мы, ученые, тоже не имеем одинакового представления. Касаясь вопроса о международном праве, известный археолог проф. Ростовцев со справедливым сомнением относится к тому разобщению, которое многие видят между средними веками и древним классическим периодом, соединенными неразрывными связями. „Современная государственность, право, религия и культура в своих основах связаны с классическим миром, — слышим мы от него, — и вся наша культура, все ее развитие стало бы

загадкой, если бы мы не знали, что ее основы созданы в классический век". [1]

Почему предполагать, что корни современной нам европейской цивилизации находятся в классическом мире, а не в более древнем периоде, будь он в том же Средиземноморье или же в пределах Междуречья?

По нашему мнению, нет надобности основы или корни новых периодов доводить до столь отдаленных времен.

Основы или корни только что появляющегося культурного явления, как и его творческий дух, находятся в обстановке своего времени. А связи, и даже связи тех основ, могут нас завести далеко, очень далеко, даже дальше древнего и древнейшего культурного мира, доводя нас до доисторических и предисторических времен того мира, общественные творческие элементы которого, племенные слои, продолжают сохранять в народной массе ту же творческую силу и переживания древнейших языков.

Господствующее языковедное учение, построив свои исследования прежде всего на наиболее совершенных *флективных* языках — на так называемых индоевропейских языках — и создав их прекрасно разработанную сравнительную грамматику, было увлечено национальными языками, имеющими историческое, культурное значение, в том виде, в каком их развитие является в состоянии мертвом или живом, но в олитературенном, всегда искусственном. Созданный им, этим языковедением, гипотетический праязык, как давно уже известно, никогда не существовал, а развитие языков и пройденные ими различные доисторические и предисторические периоды оставлены им без внимания.

Думают, что от этих доисторических периодов, и еще более — от бывших ранее исторических времен племенной или доплеменной общественной жизни, памятники языка либо совсем не остались, либо если и остались, то их можно встретить только у так называемых диких племен Америки и Африки. Обращаясь к цивилизованным народам, из числа которых нельзя исключить армян, все являются обладателями в совершенстве развитых языков.

Однако одна вещь выпала из внимания науки. Языки никогда не возникают из одного источника, но из многочисленных источников, из их скрещения, от соединения и слияния различных племенных языков. Этому закону происхождения и развития языка подчинены и индоевропейские языки, именно этому закону они обязаны своим совершенством.

Поскольку скрещенность, постольку совершенство! А когда это скрещение имеет место между двумя племенами либо язы-

---

[1] М. И. Ростовцев, Международные отношения и международное право в древнем мире, „Современные записки", Париж, 1921, № 4, стр. 129.

ками разных семей,—настолько встречается скрещение, настолько получается более высокое совершенство и настолько же бросается в глаза отход от прототипов, потеря предисторических прирожденных качеств. Следовательно, для настоящего языкознания — если не скажем „этнофилического", употребляя вместо „филолога" более подобающее слово, — для этнологического языкознания они представляют меньшую необходимость и очень часто непригодны. Но есть отдельная группа языков, когда-то имевшая мировой масштаб семья, в настоящем разбросанные малочисленные языки, которые сохранили свою девственность. Соответственно закону развития человеческой речи, многократно скрещиваясь с родственными языками, они остались свободными от слияния с языками чужой семьи и в себе содержат в изобилии и различные переживания древнейших периодов и даже источник творчества древнейших языков.

Об этой самостоятельной, названной яфетической, семье, об ее особенностях, названии и значении может дать некоторое представление напечатанная по-русски моя книга „Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры". [1]

Особые причины заставили присвоить этим языкам условное название „яфетические". Уже давно изолированная группа языков этой семьи в настоящее время находится только на Кавказе; находясь далеко от кавказских, поддерживают изолированное существование еще два языка: один — вершикский на склонах Памира, по ту сторону Гиндукуша, в Центральной Азии, другой — баскский, между Францией и Испанией. В древности были десятки литературных языков, в древнейшие века некоторые из них были клинописные. К той же яфетической семье принадлежал и этрусский. Если археологи Греции и Малой Азии реально доказали с помощью ощутимых материальных памятников существование доэллинского, или догреческого, культурного мира и подтвердили великий объем этой доисторической культуры, то другие пытаются ее осветить с помощью доступных им лингвистических материалов и исторических свидетельств из какой-то неопределенной будто бы „азиатической" семьи и в числе их весьма смелый молодой французский ученый Отран (Autran). Яфетическое языкознание делит на несколько длительных эпох, начиная от доисторических времен, очерчивает творческую роль яфетидов в деле создания новых видов языков и на побережьи Африки. Между прочим, палеонтология и египетского и яфетических языков нас доводит до наидревнейшего преисторического существования „речащего" или „говорящего" человечества в палеолитическую эпоху.

---

[1] [ИР, т. I, стр. 79—124.]

Современные международные отношения, дикими переживаниями сделавшие недоступной возможность затронуть историческую действительность ближайших времен и народов без того, чтобы задеть то или иное щекотливое национальное чувство, естественно, внушают нам, ученым, вести наши искания, исследования, втягивая и вас с нами, в древнейшие и весьма далекие области, хотя и там, быть может, нам не будет дано найти приют покоя, — мы поэтому побеседуем об армянской культуре, мы выразим о ней наше мнение по данным языкознания.

В настоящих условиях эти мои мысли кажутся сказкой. Но разве жизнь, наша жизнь и жизнь армян не является также легендой, ужасной легендой? Культура также является легендой. Она является наипрекраснейшим, наиболее блестящим видом обаятельных легенд жизни. И мое самосознание, как ученого, отнюдь не подавляется, когда яфетидологическое учение не только истолковывает самые замечательные и благородные и красивые легенды человечества, предания греков и евреев, но и выявляет их в качестве реальности посредством данных языка.

Но что такое язык? Выявление и правда внутренней жизни человека, не только устная или письменная речь, но и материально и общественно воплощенные памятники. Монастырь Ахтамара, говорят, чудо ваяния, хасинджуйство — форма самоуправления разрушенного в XI веке Ани, соборы Двина и Ширакавана, подвиги Варданидов, их мученичество, с поразительным искусством сооруженные на маленькой речке Ахуряне девять арочных мостов, служивших всемирной торговле, и тысячи других творений армянского народа или соплеменников вне Армении, — что они собою представляют, если не армянский язык, гайканский язык. И армянский язык, в обычном смысле понимаемый язык, именно об этом и свидетельствует. И он, сохраняя качества языка первобытного человечества, нам показывает, что язык является не только собранием слов, но и дел, язык, как и понимает яфетидология, не есть только слова. В армянском слово ƀan не напрасно означало 'слово', как в греческом logos одновременно означает дело или предмет. И этот факт ашхарабар ясно показывает — ınϑ ƀan 'в чем дело', ƀanϑoǧ 'окончание работы', ƀanvorner 'рабочие' и иные выражения. Происхождение этого слова яфетидология уже нашла, оно означало и 'говорить', и 'работать', и 'делать'.

Естественно, строительство армян, армянская культура, в одно и то же время являлось и строительством языка, не только армянского, но и всех тех народов, которые имели с ним близкие культурные отношения. Значит, наш вопрос не имеет исключительно армянского национального значения? Конечно, ни одна культура не может пониматься без влияния

народа на народ и взаимного плодотворного влияния, но армянская культура занимает в этом отношении особое место. Составляя узел национальных отношений не только среди современных народов, но и среди вымерших культурных народов, а также в настоящем живом цивилизованном мире, армяне были первыми, которые поняли еще в средние века интересы международности и восприятие всеобщей истории. Следовательно, вопрос большой, не только большой, но тяжелый, для вас, армян, очень тяжелый. Но вы, армяне, не можете отвернуться от вашей исторической роли и лишь удовлетворяться национальными, кажущимися отдельными национальными интересами. Каждая большая историческая роль, как всякое большое творческое дело, в нашем мире является мучением. Но по существу именно из мучений рождаются великие дела. Сто тридцать лет тому назад какие только мучения не переживал Саят-Нова. Познакомьтесь с его биографией. Но какие привлекательные песни он пел! Живя в среде царской семьи Грузии, этот армянский певец поет и на армянском, и на грузинском, и на тюркском, и на персидском языках, создает иногда межнациональные стихотворения, армяно-грузинские, армяно-грузино-тюркские, армяно-грузино-тюрко-персидские, находя свое армянское и племенное и историческое, относящееся к культуре, к природе, находя созвучные сердцу каждого племени мотивы, чувствования, идеи и не только лишь слова.

Под влиянием европейской пропаганды XVII и XVIII веков армяне должны были создать два фронта, оба строительные, культурные: один — развивающий национальные особенности и самостоятельную культуру со своими творческими силами, с национальными традиционными элементами цивилизации, с национальным языком; другой — вводящий имеющее всемирное значение европейское просвещение и его усовершенствованные средства. Армяне были не только первым, но и единственным из восточных народов, который с целью содействия в усвоении европейской культуры основал ученые учреждения в Европе. Напомню о деле мхитаристов, вместе с тем отмечая, что в этот период только церковь и была единственной общественной организацией, воплощавшей национальные интересы. Через сто лет опять армяне явились основателями Лазаревского института.

В этих просвещенных центрах Европы, в старой или цивилизующей среде, армяне не упустили того, чтобы создать очаги, выращивающие культурные связи для облегчения проникновения цивилизации в Переднюю Азию. Каковы бы ни были ближайшие задачи, с одной и другой стороны, в дни создания этих учреждений, в подобных делах наше внимание привлекает всегда обнаруживающийся в армянском народе строительный дух, его предприимчивость на пользу преуспеяния международных культурных связей.

*

Эта международная строительная роль армян ничего не теряет от того, что завоеватели, обратив силы армянского народа на свою пользу или на пользу господствующих слоев, заставляли этот одаренный народ служить государству, подвергая армян безудержному насилию. Вы, конечно, помните, как Шах-Аббас ради упорядочения торговых сношений своей страны с Европой разрушил весь прекрасно построенный, цветущий город, переселив из Армении в Персию не только его опытных в торговле, но и наделенных тонким художественным вкусом жителей.

В пустынных местах, у берегов Аракса, в наши дни об этом свидетельствуют только красиво обтесанные кладбищенские „хачкары", [1] да и их бо́льшая часть или в одиночку увезены в музеи, или десятками разбиты и измельчены при проведении проходящего вблизи шоссе и железнодорожного моста. А что такое q̇aϑqar в армянской архитектуре? Самый показательный, самый близкий памятник у всех слоев народа от высших до низших, на котором отражается каждый шаг развития национальной скульптуры и часто в сочетании обнаруживаются два течения армянской архитектуры, церковное и светское. И опять-таки что такое q̇aϑqar? Это исключительным образом характеризующий армянское искусство „памятник предков" (hušık hayreneaϑ), четвертое переоформление древнейшего скульптурно-архитектурного памятника Армении: первое — найденные на первобытных Гехамских горах каменные исполинские рыбы, сделанные за четыре — пять тысячелетий до н. э. вишапы, второе — плоские колонны или стелы ванских царей, третье — колонны, украшенные раннехристианскими скульптурными изображениями до X века, и затем „хачкары".

Гражданские и экономические события гоняли с места на место, из страны в страну это художественно и литературно удивительно одаренное и воспитывающее племя, которое с собою распространяло мастерство, художественный вкус и свет учения как далеко на севере, дав толчок развитию золотых дел мастерству в Польше, так и далеко на юге, сделавшись участником литературного движения эфиопской страны. Живя по соседству с Арменией в иноплеменной среде, они переводили в своей среде на языки тех же местностей задолго до анийского периода ставшую народной национальную литературу, которая проникала в среду чужих народов, делаясь доступной их самым низшим классам. Армянские народные книги являются первыми в своем роде, которые содействовали сближению грамотных слоев различных национальностей, начиная от населенных арабами Месопотамии и Сирии вплоть до кавказских гор. Армянское изящное строительство после падения Ани не иссякло, и в самой Армении восстанавливали повреж-

[1] [Плиты с изображением креста. *Прим. пер.*]

денные от прежних разрушений памятники и сооружали новые роскошные храмы, в ответ на новые гонения давали своим деспотам на родной земле облагораживающие образцы изящного искусства, гармоничной музыкой архитектурных очертаний доступного всякой национальности.

Но более прочными, хотя и позднее получившими национальное признание культурными памятниками явились любовные стихотворения и стихотворения о мировой скорби средневековых армянских поэтов тех же периодов кризиса. Какое чистое творчество с тончайшими, наиболее близкими чувствами и с глубочайшим и горьким знанием тысячелетних переживаний, какие обаятельные музыканты! Один из них даже сам удивляется гармонии слова и изображает себя как умалишенного, погруженного в этом мире в сны. Но разве в этом мире не такова судьба всех философов? Мы не должны удивляться тому, что русский перевод Валерия Брюсова не только содействовал делу оценки в русском обществе художественного вкуса армянского народа, но и дал идейное основание дружбе в самой высокой области творчества человечества. Только что выпущенное уважаемым Чобаняном прекрасное французское издание даст толчок изучению армянских подлинников. Однако разве дошедшие до нас писания являются подлинными оригиналами? Отнюдь нет! Они выкладывают потомкам дары, унаследованные от народных ашугов, народных випасанов, как племенной тысячелетний завет, увы, отнюдь не целиком!

По мнению одного французского ученого, „любовь и музыка выражают одно и то же стремление сердец к безбрежному, беспредельному и необозримому, которое слова не в состоянии воплотить, которое даже сознание не имеет возможности ясно и чисто прочувствовать. Обе в нас пробуждают идею такого счастья, что выше сил жизни его осуществить, и обе толкают нас выйти из преходящих и условных узких пределов нашей личности, вызывают в нас размышления о смерти“.[1]

Развитие и высокая оценка музыки в Армении видны из того, что в Киликии специалист по пению имел звание философа, т. е. любомудра. Но для нас особое значение имеет самобытность даже армянского церковного пения, источник которого мы напрасно искали бы вне племенных народных преданий армянской национальности.

Однако из безмолвных искусств рядом с музыкой выразительницей безбрежного и бесконечного желания является архитектура, которая с особым увлечением была обласкана в Армении.

Мы спускаемся к анийскому периоду армянской культуры.

Очень рано воспринявшие и превратившие в реальность идею всемирной истории армянские авторы представляют уди-

---

[1] G. Paris, Poèmes et légendes du moyen âge, 1900, стр. 179—180.

вительную гармонию между всемирной торговлей этого маленького средневекового, красиво сооруженного города и местным стилем, имеющим общечеловеческое значение. Здесь была развита и церковная и светская архитектура. В церковной архитектуре — несколько течений: и придерживающееся традиции, и moderne, и иконописно-халкедонитское и, наконец, чисто каменно-скульптурное, антихалкедонитское. Но не только эти строения христианской архитектуры, но и анийские мусульманские молельни носят печать самостоятельности — армянской, еще более специально — Ширака, местной. Человек поражается количеством церквей, и еще более тем, что из этих религиозных зданий ни одно не похоже на другое; каждая церковь особого вида, отдельная воплощенная самобытность, даже в переработке плана. А что мне сказать о расточительных или намеренно скромных скульптурных украшениях? Какая творческая плодотворность! Из какого источника? Из чужих стран? Да, подробности! Из предшествующего периода? Но в предшествующий век господствовала феодальная архитектура, совершенно иные, более возвышенные направления, выразители другого рода самобытности. Также без источника, также неиссякаемое творчество, и в разные века этого периода снова привлекательные различные воплощения одной и той же феодальной архитектуры и сотоварища архитектуры — поэзии.

Откуда самобытность этой поэзии, скажем — самобытность Нарека? Отнюдь не от греков. Значит, от сирийцев, персов или арабов? Отнюдь нет! По крайней мере не от арабов ли подковообразные своды? Никогда! Подковообразный свод в Армении господствует раньше арабов. Нарек, как и вообще чисто церковная музыка, архитектура, общественная организация, всегда несет на себе печать самостоятельности, как и язык. Достаточно вспомнить перевод Библии — и сколько раз, и каким стилем, два, три перевода!

Вы можете подумать, что по крайней мере этот перевод не может иметь самостоятельности. Наоборот! Прежний армянский перевод, подобного которому, если изымем перевод братского ему грузинского народа, зависящий от армянского оригинала, совершенно не встречаем подобным способом выполненного у других христианских народов. Перевод и в то же время богатая сокровищница языческих переживаний армянского народа, армянских народных языческих неоценимых изречений, которые придают из ряда вон выходящую самобытность армянскому переводу Библии. Конечно, первые переводчики, независимо от сирийского и греческого, как технические средства, так и национальное восприятие новой религии наследуют от своих народных языческих жрецов и пророков, которые становятся христианскими священниками и вардапетами, от тех жрецов и пророков, от которых в других куль-

турных средах возникли „дервиши", „челеби" и маги с присущими им религиозными движениями и которым в западной Европе представляют родственное явление кельтские друиды, сыгравшие большую роль.

Говоря о материальных памятниках и поэтических творениях VI—VIII веков, мы не должны забывать о самом крупном и о самом отвлеченном столпе, как о самом знаменитом свидетеле индивидуального творчества армянского народа: я говорю о создании отдельной религии, собственном вероисповедании. Мы не будем останавливаться на всех тех весьма тонких и обстоятельных знаниях и точнейших приемах, которые были необходимы и нужны для сооружения этого величественного здания и для защиты его от многих тысяч внешних и внутренних нападений. Какое мудрое углубление в посильное восприятие идеи бога и для достижения этой цели углубление в тончайшее мышление, какое ошеломляющее геройство в правильном понимании самых трудных идей и удачное изображение словами! Нас в настоящую минуту интересует тот массовый материал и возникающий из него стимул творчества, которыми из всех обитателей мира, несмотря на свою племенную разность, в определенный период бывали армяне, как самые энергичнейшие деятели религии. Разве этот материал и этот стимулирующий дух происходили извне? Отнюдь нет! Новые идеи и материалы, привезенные от христиан-сирийцев и из Византии, должны были приспосабливаться к местному языческому наследию, к глубочайшим религиозным стремлениям и преданиям.

Естественный факт, что этот народный неиссякаемый источник, создатель национального вероисповедания в Армении, когда он потерял возможность непосредственного общения со ставшим господствующим христианством, нашел для своей деятельности широкое поприще в более симпатизирующих ему народных массах, где он создал целый ряд так называемых сект и в Армении, и вне пределов Армении. Из этих обильных сектантских учений, которые густо вырастали на армянской почве, общее значение получило павликианство. Мимоходом вспомним и то, что предшествующая форма манихейского учения, архонтская, расцвела в Армении еще в IV веке и что распространение манихейской культуры в Средней Азии показывает очевидное родство с армяно-грузинскими церковными изречениями и правилами. Вам должно быть известно, каким гонениям подверглись со стороны господствующей национальной церкви и национального господствующего класса с восьмого века по одиннадцатый последователи того же народного стародавнего учения в Армении. Достаточно иметь в виду сделанное и сказанное Григорием Магистром. Для него и для его единомышленников эти преследуемые были предосудительными сектантами, а по существу они были обладате-

лями волнующих и стимулирующих, зовущих к новому творчеству душ, и их инициатива видна и в религиозных движениях, возникающих за пределами Армении, и в христианской Европе, где на Балканском полуострове был огромный лагерь этих сектантов, и в Малой Азии, доставшейся исламу, в развитии дервишизма.

Армянское влияние заметно не только на сельджукском искусстве Малой Азии, а раньше него на архитектуре Византии и особенно древнерусской, во всяком случае вместе с русскими армяне имеют унаследованный от одной и той же доисторической эпохи художественный вкус.

Начало армянской исторической жизни идет всегда от городов, сперва от мест племенного богопочитания, затем от мест торговли, но всегда от крепостей — Армавир, Арташат, Двин, Ани. И разве здесь мы не могли бы также продолжить созданный энергичной и искусной торговой деятельностью армян ряд городов, перейдя от настоящей армянской земли за границу? Но эту часть ряда пусть машинально продолжат перечислением те признательные народы, которые от армянского народа не преминули получить этот строительный дар в свое время. Речь идет ведь не об одном или двух народах!

И в одно и то же время весьма тесное общение со всеми цивилизованными народами, с арабами, персами, сирийцами и греками! На этот раз упускаю имевшиеся в новых условиях культурные отношения с грузинами.

В огромном количестве переводы с греческого, не только с христианского, но и с классического греческого. Благодаря армянскому — спасение потерянных жемчужин христианской литературы. Еще более! В века одичания Европы армянская нация своими переводами с греческого оказывает незаменимую услугу европейской общечеловеческой цивилизации, не только сохраняя памятники классической литературы, но являясь энергичнейшей соперницей в эллиноведении и содействуя изучению этого языка на Востоке и даже в Греции.

В те века цивилизация в Европе была в большом упадке. Не более высок был уровень цивилизации в северной и центральной Италии. Григорий Великий, самый знаменитый из пап, который усилил основы римского патриаршества, совершенно не знал греческого — самое блестящее доказательство весьма низкого уровня дела образования на Западе. По прошествии двухсот лет, когда ученый испанец Claudius, епископ туринский, должен был защищать собственную точку зрения перед собранием итальянских епископов касательно не одобренного им иконопочитания, и для защиты иконопочитания был приглашен член ирландской братии Дунгаль (Dungal), назвал это именно собрание congregatio asinorum (собрание ослов). „Два ученых противника, — замечает по этому слу-

чаю германский кельтовед Циммер (Zimmer), — т. е. испанец Клавдий (Claudius) и ирландец Дунгаль, которые встретились друг с другом на ломбардской почве, являются представителями тех двух стран, которые были единственными убежищами греко-романского образования в начале VII века, когда это образование вступило на путь падения на Западе“.

Но то, что на Западе делали испанцы и ирландцы, то же самое на Востоке сделали армяне и соседящие сирийцы, обогащая здесь эллиноведческие занятия как иранскими, так и чисто племенными культурными элементами человеческой культуры.

Они, эти нации, обитатели четырех с наиболее сильной печатью яфетидизма стран, окружая древнюю культурную среду Европы, сохраняли ее культурную традицию и обеспечили человечеству новый прогресс, взяв на себя исправление средневекового мракобесного варварства и тяжесть его деспотизма. И из восточных противников наиболее переобремененные сирийцы стали жертвой своей культурной миссии, исчезли, став арабами. Армяне же продолжили образовательную роль, облагораживая племенной тип поработителей своей кровью и оплодотворяя их общественную жизнь своими созидающими руками.

Какая из соседних и даже далеко находящихся национальностей не пользовалась культурными достоинствами армянской национальности, идущими от випасанов и дошедшими до ашугов песнями, ее архитектурным бесподобно развитым искусством, ее тем исключительным языковедным даром, который является искусством более высоким, чем мастерство перевода, является изящным искусством из слитых вместе науки и искусства, созданных в древние века национальностью, которая создала ряд переводческих школ и разного рода стили для самостоятельных произведений, наследуя готовый литературный язык от народных випасанов, выработав в новое время два литературных языка из живых диалектов? Из какого источника сила этой самобытности и щедрый запас, из какого племени, из какого языка?

Изучение языка мы ведем двумя путями: один — сравнительный, другой — онтологический или палеонтологический. Но в нашем учении эта палеонтология имеет самостоятельное бытие и средства доказательства. Она совершенно независима от филологического языкознания и на нем созданной сравнительной грамматики, как и от исторической, от ей принадлежащего так называемого палеонтологического учения, палеонтологии. Мое слово не о том, что яфетидолог при освещении вопроса о возникновении языка или взаимоотношении его частей выдвигает другие положения, по-иному доказывает спра-

ведливость этих положений, — яфетидолог не довольствуется, например, родством слов, хотя бы это родство и было воплощено простейшим образом как соответственно фонетическим законам, так со стороны значений.

Будучи двуплеменным или индоевропейско-яфетическим, с одной стороны, веками и тысячелетиями сделав литературу житницей этих переживаний, с другой стороны, представляя живые диалекты и даже разные живые языки, следовательно, сохраняя неистощимую сокровищницу и творческую среду, армянский язык несомненно имеет богатейший словарь, беспредельный выбор слов для выражения понятий.

Но до смешения с индоевропейским языком чисто яфетический слой армянского языка совсем не представлял простого состава, дикого растения. Он уже в тот период чисто яфетического состояния представлял, как плодовое дерево, мешаный или многократно скрещенный вид. В его сложном содержании были слиты не два, но несколько, не менее пяти, разных яфетических племенных языков. Вот почему в армянском языке, независимо от индоевропейского слоя, мы видим удивительные богатства слов и бесконечный выбор форм. Уже создав и развив самостоятельную историческую культуру, армянский народ использовал богатство этих слов, присвоив каждому отдельный оттенок значения, например, anďən 'лицо', 'душа', ħogı 'душа', 'лицо', шun϶ 'душа', 'лицо'. Сейчас я не буду останавливаться на вопросе о том, которое из них идет из грабара и которое из ашхарабара. Вам всем, конечно, известно, что anďən в грабаре означает, между прочим, 'душа'. И в самом деле, эти три слова anďən, ħogı, шun϶ одинаково означали в устах яфетидов 'душа'. Они в одинаковой мере являются яфетическими словами, и теперь мы знаем и то, что каждое из них свойственно определенному яфетическому племени.

Тот же факт мы наблюдаем и в учении о формах, или морфологии, в грамматике. Возможно, что и сегодня вы все еще не знаете, что также и склонение в армянском языке, склонение какого угодно типа, полно яфетических переживаний. И в местоимениях замечается то же явление. Возьмем дательную форму -ınď, -q̇ez, -mez, -ďez, в которых в звуке z — переживание окончания яфетического дательного — me + z, q̇e + z, ďe-z, что же касается звука ď, то он представляет яфетическую высшую ступень звука z, как раз требуемого законом яфетической фонетики мегрело-чанской группы — ın-z, ın-ď.

Но для объяснения нашей более сложной точки зрения, возьмем, например, окончания множественного числа -ear, -er, -qıϑ̇. И на этот раз нет нужды указывать, так как вам должно быть известно, которое именно из них свойственно грабару и которое ашхарабару. Напомню только, что звуки q и ϑ̇ в

грабаре не являются только признаками множественности, но являются и падежными частицами в ряде падежей: q для именительного и ϑ̊ — для целой группы, для родительного, дательного и отложительного.

В равной степени интересное явление: такого же вида классификация падежей обнаруживается между прочим в грузинском, в котором с одной стороны стоит именительный падеж, с другой стороны — родительный, дательный, отложительный, и группа последних падежей представляет тот же вид в армянской падежной форме. Заслуживающее большого внимания явление представляет уже известный и разъясненный факт в абхазском. Несмотря на то, что он лишен склонения, не имеет форм различных падежей, абхазский также образует множественное число двух видов с помощью звуков, известных из грабара q и ϑ̊, но, будучи по характеру более примитивным, проявляя бо́льшую близость к доисторическому состоянию, абхазский эти характерные звуки двух видов множественного разделяет по природным видам предметов: звук ϑ̊ уделяет словам, выражающим разумные существа, а звук q словам, обозначающим существа неразумные.

Палеонтологическое исследование обнаружило, что как вышеприведенные anďən, ḣog̃ı и шunϑ̊ совершенно не означали разные предметы, но одну и ту же вещь, так же для того, чтобы дать одинаковый смысл словам, исключительно для выражения смысла множественности, в армянском, особенно в грабаре, служили звуки q и ϑ̊, получившие особую роль, как и окончание er, прежде ear; но в предисторический период такого примитивного использования они принадлежали трем разным племенам, трем различным племенным группировкам яфетической семьи.

Предлагая вашему вниманию три отдельных слова или элемента словообразования, мы имели в виду облегчить восприятие явления. Из этих малочисленных видов отнюдь не следует выводить, что яфетическая часть армянского народа представляла лишь трехплеменной состав, что в его естественно унаследованной соответствующей структуре были выработаны только три доисторических слоя племенных языков. Наоборот, яфетическая часть характеризуется, конечно, основными слоями в числе более трех. И в самом деле, это очевидный факт, который дал толчок самостоятельной организации сравнительного метода яфетического языкознания. Изучая армянский язык (допустим, только грабар в его целостности), мы сравниваем его составные различные слои с соответствующими слоями других родственных языков, потому что и они также, эти иные родственные языки, получают сложный состав в доисторическое время, еще в предисторический период. Чистого, нескрещенного, немешанного человеческого языка вообще на белом свете не существует

и не было. Это результат научного романтического мировоззрения. Естественно, когда мы, например, отмеченные в армянском яфетические признаки множественности ищем в яфетических языках других мест, конечно, мы не всюду подтверждаем их существование в подобной группировке, имея в виду, что их распространение и обнаружение в отдельности или вместе зависело от распределения соответствующих племенных слоев. Отличительную черту армянского окончания множественного числа (e-ar) мы находим с достаточностью в этрусском, но это совпадение еще ничего не подтверждает, во всяком случае совсем не определяет происхождения окончания. Чтобы мы могли знать, какому племени по-настоящему с самого начала принадлежало множественное, образованное с звуком „r", необходимо найти племенной слой, вводящий в этрусский и армянский этот звук. Окончание армянского множественного, q, мы находим в баскском, но баскский, будучи также сложным, составным целым, представляя смесь нескольких племенных языков, требует особого исследования для того, чтобы был определен подлинный автор-племя того организующего признака, и тогда метод разрешения трудного вопроса будет найден.

Родство таких далеко расположенных языков, как, например, баскский и армянский языки, нас, конечно, доводит до первоначальных периодов существования человечества, которые после возникновения человека продолжались каждый десятки тысяч лет и вызвали в языке такие глубокие перевороты, что о них господствующее языкознание со своим методом эволюционного развития, постепенного преобразования, не имеет понятия. Семья древних европейских языков вместе с видами, образованными в последующем, не имела уже естественных качеств, тех, простите за выражение, явлений грубого периода, вызванных скрещением, перевороты, коренные изменения которых наука не в состоянии заметить и объяснить.

Яфетические языки со своими богатыми переживаниями творчества на заре человечества неожиданной, иногда поразительной древности, из различных характерных периодов, чувствительными свидетельствами решительно открывают широкую дорогу перед нами не только в вопросе о происхождении греческого, как сравнительно новом явлении, позволяют пробить стену, закрывающую дневной свет, и проникнуть в кажущееся бесконечным наслоение веков культурной жизни Египта или Междуречья, но и заметить за времена до них бесконечные, как будто на беспредельном пространстве целый ряд вековых периодов языкотворчества, каждый с присущей ему перспективой. И в этом исследовании мы имеем склад редких переживаний в яфетических слоях армянского языка, точнее говоря — по меньшей мере в двух самостоятель-

ных языках, так называемых грабаре и ашхарабаре. Через их посредство армянский народ связан наитеснейшими связями не только с ныне раскиданными разными яфетическими племенами, с сохранившимися до нас от древности современными народами, но и со всем культурным человечеством, с коренным слоем средиземноморского человечества Европы со дней возникновения человеческого слова. И при толковании этих древнейших периодов не думайте, что именно только грабар и есть тот язык, который дает нам необходимые факты. Нет! Для данного вопроса плодотворный материал дают и дошедший до наших дней в живом состоянии ашхарабар, и его многочисленные, живые диалекты, часто даже только он и является по существу дающим материал.

Один пример из склонения. В яфетических языках склонение образовалось двумя способами: одно посредством местоимений (хотя я должен предупредить, что местоимения тоже прежде были именами; вообще сама-то система взаимоотношений местоимений выработалась позднее, как противоположность местоимений подлинному значению примененных слов), а другое склонение, в особенности, в родительном падеже, яфетиды выработали совершенно естественным образом, употребляя в качестве знака слово ordı 'сын'. Вам должно быть известно, что и в именах числительных порядковые числа являются прилагательными числительными. В частице ord, употребленной для их образования, например, hıngerord, veϑerord 'пятый', 'шестой', имеющей смысл того же ord 'сын', даже в настоящее время мы видим то же слово ordı. Но в яфетических языках слов, означавших 'сын', было много, можем сказать — столько, сколько было первоначальных главных племен первобытного человечества. И мы уже видели, что для образования множественного также употребляется слово, имеющее значение 'сына', и, например, в грабаре звук q, образующий множественное число, является остатком, своего рода пережитком слова q̇ın определенного яфетического племени, которое вплоть до исторического времени сохранилось на почве Армении. И именно это слово и есть то, которое вы видите в яфетическом языке ванских клинообразных надписей в слове q̇ın-ı, иногда q̇ı, со значением 'сын'.

Однако одним из слов, выражающих то же понятие 'сын', является слово man или wan, которое в соответствующем племенном языке, с одной стороны, служит для образования множественного, например, названий народов — gardmaneq, alvan и т. д., с другой стороны, с помощью частицы wan в первоначальном склонении образовался родительный падеж, и из этих переживаний доисторического явления оставшимися в диалектах ашхарабара случаями являются такие, как d̓mer-wan, arawot-wan и т. д. И теперь становится понятным, почему в баскском, остатке яфетических языков на границе Испании

и Франции, частица ko → go является окончанием как бы родительного падежа, вообще характеризующим прилагательные, она же в определенной гортанной группе яфетических языков в первоначальной форме ko означает 'сын', и до сего дня сохранилась среди горцев Кавказа — черкесов и абхазов, как в форме ko, получившей вид kwa[1] с значением 'сын' в качестве независимого нарицательного имени, или как окончание фамильных названий. В частности абхазско-черкесско-баскское слово, означающее 'сын' и частицу, образующую родительный падеж, когда-то, в доисторическое время, сыграло важную роль на территории южной Европы, занятой яфетическими племенами скифов и лигуров, начиная от реки Дон до границ Испании, следовательно, представляя ближайший двойник лигурийской и скифской форм. Избегая пока его длинной истории, имею особую причину указать с точки зрения сегодняшней лекции на его весьма вероятное переживание в славянских языках, в частности в русском языке. Я имею в виду go, окончание родительного падежа как раз в прилагательных в русском, удовлетворительное объяснение которого напрасно ищут слависты до сего дня.

Но в настоящий момент нас интересует не то или другое слово, хотя бы яфетическое, но определенный тип морфологии унаследованное от первобытных периодов человечества одного и того же вида образование родительного падежа и в армянском, и в баскском, прошедшее через посредство определенного яфетического слоя, определенного яфетического племенного языка.

Хронологические даты теперь представляют совершенно отвлеченные понятия, а понятия дат доисторических веков воспринимались посредством изображающих их предметов. Конечно, в те периоды человек и о предметах-то имел иного рода понятия. Например, из ряда пережиточных материалов мы видим, что 'голова', 'гора', или 'горная возвышенность', и 'небо' выражались одним и тем же словом. И в те наидревнейшие века и 'небо' и 'голову' представляли, как 'гору' — остроконечными в вершине с двумя косыми боками, следовательно, как треугольник. И действительно, слово, означающее эти предметы, стало выразителем числа 'три'; только в то время, когда большая часть яфетических языков для числа 'три' пользовалась словом sam и его многочисленными племенными разновидными изменениями, в армянском и баскском употреблялось другое яфетическое слово, означавшее 'голова', 'гора' и 'небо': ṫer || ḣer или ṫır || ḣer, от которого в множественной форме по-баскски ḣeru⌈r⌉ и по-армянски множественно er-eq, или ır-eq, в единственном ḣe — ḣı. Я хорошо знаю, что армянское числительное ereq производится от индоевропейского

[1] Хотя и однозначаще, однако иное происхождение имеет -ko, -kon и т. д.

лат. tre и т. д., от его различных форм. Однако числительные не являются созданием индоевропейцев. Индоевропейцы получили числительные от яфетидов, как готовые, культурные, условные слова.

Двойники этого числительного tır и ter сохранились в армянском в форме tır, но уже издавна армяне не употребляют в смысле 'неба' это особого вида племенное произношение tır того же слова. Уже давно это слово, как и его другой вид tre в грузинском, означает 'круг', сообразно понятию, полученному в последующие века о 'небе', но в баскском ему соответствующее слово в множественной форме ser-u(r) до сего дня сохранилось в смысле 'неба'.

Армянский и баскский не только имеют друг с другом особенно тесное родство в части яфетического материала, но хранят длинный ряд слов, сохранившихся в одинаковом виде, например, qar, har-ı→kar-ı 'камень', 'скала'; garı 'овес', ays-e („ayze") (в смысле 'молнии'), e-kayz („e-kaitz") 'буря', 'гроза', azdər 'бедро', ıster id., geyш, прежде gayш, производное от слова garш, gayш, прилагательное ϑar („char") и т. д. с происходящими согласно законам яфетической фонетики изменениями.

Я здесь не могу заниматься и даже не останавливаюсь на том случае, когда звук s производит закономерные изменения в своем ряду, превращаясь в t, или же совершая противоположное движение, например, когда армянское surb 'чистый' в соседнем яфетическом языке, в грузинском, является как turph 'невинный', означающее основу прилагательного trphel. Будучи скрещенной из ряда племенных языков, сама яфетическая часть армянского содержит основу одного и того же слова, преображенного по произношению соответствующих племен, например, основа прилагательного surb 'чистый' — sur — по произношению гортанноговорящего племени qur, в ашхарабарном синонимизме прилагательного surb 'чистый' — слове, произведенном с префиксовой частицей ma, — я имею в виду прилагательное ma-qur←ma-gor. Между тем соответствующий слой баскского в точности повторяет основу sur || zur: в смысле прилагательного 'белый' пишется zur. Естественно, другой баскский, гортанно-звуковой, слой дает слова со звуком g взамен звуков s←z в ряде армянских слов как surb, haϑ, darn и т. д.←gwarbı 'чистый', ⌈h⌉ege *хлеб', gar-ad 'горький'.

В баскском сохранились такие характерные основы параллельных глаголов яфетической части армянского, каковыми являются ıdanel или ıdnel, arnul, т. е. 'делать', в ашхарабаре arnel 'мочь', причем сохранились как в качестве глаголов (ya-d-ı, ar-tu || arnul), так и в качестве имен (har || hal, a-hal и т. д.).

Яфетические переживания, сохранившиеся в языке армян, и с точки зрения грамматики показывают близкое родство в особенности в склонении, особенно сильно в склонении место-

имений, оставшееся нетронутым. Выясняется то качество имен и в грабаре, что их основы большей частью оканчиваются определенными гласными.

Однако разнородное родство баскского и армянского в их яфетической части привлекает в настоящее время наше внимание не со стороны их тесной связи. Только еще обнаруживающиеся языковые связи так далеко друг от друга находящихся двух народов, басков и армян, открывают перед нами недоступную перспективу разъединения слоев их племенного состава. Отойдем на несколько тысячелетий от того времени, когда армянский народ уже находился на арене всемирной исторической борьбы. Но сколькими, сколькими тысячелетиями мы должны измерять тот промежуток времени, в течение которого образовался армянский сложного типа язык от скрещения двух семей — индоевропейской и яфетической? А тот промежуток времени во сколько раз должен казаться бо́льшим, когда мы видим, что тому же действию скрещения подверглось чисто яфетическое многоплеменное население, занимающее все средиземноморское пространство от Армении до Пиренейского полуострова? И, следовательно, в тот же период образовались в таком количестве скрещенного типа виды, между прочим классические языки, греческий и латинский, которые до сего дня считаются в глазах ученых в числе языков, имеющих гармонически простую природу. Между тем и они также являются мешаными, гибридными языками. Например, в греческом, кроме ряда морфологических явлений, такие простые слова, как ψυχή 'душа', ἀδελφός 'брат', θάλασσα или πόντος 'море', являются словами чисто яфетического происхождения. Названия богов, героев, в особенности многочисленных селений, рек, гор Греции являются яфетическими.

Но до этого длиннейшего промежутка времени следует предположить, что та же среда прошла другой, более долгий промежуток времени, в течение которого образовались также от скрещения простых племенных языков, такие сложного вида типы, какими являются баскский язык и яфетическая часть армянского. Для характеристики составных слоев армянского и баскского нам служат опорой тожественные названия армянского и баскского народов и яфетических народов, бывших в Армении и на Пиренейском полуострове.

Мы должны также принять в расчет три периода особой жизни, также давно прошедших веков, которые определяются переворотами в морфологии языка, выдвинув синтетический, агглютинативный и флективный типы языков.

Бесконечное время и безмерное пространство? Конечно, время и пространство являются особыми факторами, толкающими развитие человеческой речи, а не незначительными обстоятельствами.

Понятно, что переживания яфетических языков дают нам средство восстановить язык, который является более древним, более первоначальным типом языка, чем языки наших современных, наиболее „диких“ племен. Когда слова, означающие 'слеза', как выясняется, были сложными словами и означали 'вода глаза', то этим яфетические языки лишь свидетельствуют о том, что когда-то они были на том же уровне развития, как и языки туземных племен Америки. Также, когда для выражения 'солнце' или 'луна' употребляли, по яфетическим переживаниям, слово, означающее 'глаз'. Однако средства яфетического языкознания ведут к несравненно более глубоким, более первоначальным пунктам. С помощью детального исследования языка мы достигаем того первичного момента, когда племя и язык представляли одно и то же явление. Язык был продуктом естественного, бессознательного творчества племени. Вне круга племени не было самосознания человека. Об индивидуальном существовании человек понятия еще не имел. Не говорили 'я' и 'ты', а 'мы' и 'вы'. И 'мы' не понимали в смысле существа, находящегося вне племени: следовательно, 'мы' — 'наше племя'.

Но анализ этого реального и определенного племенного языка, приближая нас к творчеству, исходящему исключительно от природы, ведет также к естественной общине, стоящей на крови и ее союзе, бессознательным продуктом которого является и морфология языка. Не только окончания и префиксовые частицы, префиксы, но и союзы предложения представляют специальные слова племенной, общинной организации. Мы уже имели повод объяснить, что для образования родительного падежа употреблялось слово orďı 'сын'. Напомню здесь, что и союз 'и' люди тех веков выражали словом, означающим 'брат'. Например, 'охотник и собака' говорилось „охотник брат собака“. Армянское ev имело то же значение; будучи унаследованным из яфетического языка спирантного типа, оно в архетипе было eħw.

Но еще более глубокий, более ранний период языкотворчества пред нами открывается от племенных, тотемических веков, когда племя уподобляло себя священным предметам и еще со времени небытия племени. А некоторые первоначальные периоды нас доводят до веков палеолита или бытования человека среднекаменного века. Яфетическая часть армянского имеет первостепенное и ясно прослеживаемое значение от неолитического века или неолитической культуры.

От этого времени в армянском сохранились названия хлебных злаков gaгı, ϑoгean, haϑ 'хлеб', как и gını 'вино', и aygı 'сад', также названия животных ez 'бык', ϑul 'вол', ďı 'лошадь' eгıvaг 'конь', ḓoгı 'мул', eyш 'осел', шuп 'собака' и т. д. Конечно, от того же времени также названия металлов oskı

золото', arṫaϑ 'серебро', pg̃ınd̆ 'медь' (которое является таким же словом, что и „bronze"), erkaϑ 'железо' и т. д.

От этого периода получили гражданство слово erkın 'небо' и erkır 'земля', которые представляют две различные формы одного и того же слова, означающего 'железо' (erkaϑ) и в этот период понимались как 'верхнее небо' (erkın) и 'нижнее небо' (erkır). От того же новокаменного века унаследованы большей частью слова, относящиеся к чародейству или магии. Во всех случаях они имеют яфетическое происхождение, в числе которых и margarey 'пророк', дословно 'астролог', «карапет», прежде божество сарматов, [1] Armenıı, тотемическое армянское или арамейского племени божество, потом во время христианства ставшее именем Иоанна Крестителя, и astowaṫ, или aspaṫ, божество охоты, которому был посвящен еще в языческие времена пост arḓavoraϑ, мясной пост, пост охотничьего мяса.

Конечно, с языческими богами армянский народ из яфетической семьи с собою принес в качестве наследства свой удивительный эпос, например, часть, относящуюся к вишапам, имеющую мировое значение, хотя и дошедшую до нас неполно (увы, немногочисленные строчки у Хоренского). Сказка, легенда, не так ли? Но неохотно упомянутые историком народные сказания о вишапах и вишапидах получают в XX веке совершенно новую оценку с того момента, когда на Гехамских горах обнаружились статуи вишапов, или каменных рыб, памятники по крайней мере пятого тысячелетия до н. э. Сам вишап, яфетическая множественная форма божества veyш или awш, имел множество мест поклонения в Армении, в числе которых и Ошакан, оставшийся священным и во время христианства. Эти многочисленные переживания вишапа от Ванского царства до наших дней представляют неистощимый материал для исследования на территории Армении и Грузии, на всем Кавказе и вне его пределов и на севере.

Герой, представитель племени почитателей вишапа, участвует в том братстве, составленном из трех лиц, о строительстве которого у Ванского озера нам рассказывает драгоценную легенду Зеноб Глакх. В Тароне, там, где прежде был город Вишап, три героя, Куар, Мелте и Хореан, строят город Куар. Легенда возникает из скифских преданий, и другую форму той же легенды русские приспособили к основанию своего древнейшего города. Мы имеем в виду помещенную в русской летописи известную легенду о братьях Кии, Щеке и Хориве.[2]

---

[1] Разновидность формы слова karapeṫ в сванском представляет сохранившееся слово ṫarmaϑ 'бог', в грузинском в смысле 'язычник' и в исковерканном произношении ṫarmarϑ. Более подробно разъяснено в мелких работах автора настоящей лекции.

[2] [Книжные легенды об основании Киева на Руси и Куара в Армении, ИР, т. V, стр. 44—66.]

Скифское племя, первоначально яфетическое, пережив своими преданиями среди армян и русских, с которыми оно слито, в обоих же местах оставило две различные редакции одного и того же племенного предания. Имейте в виду, что скифская культура оставила нам известнейшие памятники, что показали раскопки в южной России.

Но до нас дошли оставшиеся и от еще более древних веков отдельные жемчужины наследства яфетического эпоса: история влюбленных, которые когда-то были воплощениями элементов природы. Этот любовный эпос нас доводит до нынешнего дня, вплоть до существующей новой его формы — Тристана и Изольды. На Востоке персидская любовная история Wis'ы и Ramın'а, древний грузинский перевод которой тоже сохранился, а на Западе роман Tristan et Iseult, оба происходят из яфетических слоев местного населения.

Мы говорим не о сходстве, но о происхождении. С яфетическими племенными элементами эпос был распространен всюду, от Средней Азии до Британских островов, конечно, также и среди кельтов, имеющих с яфетидами особо тесную связь. Но этот эпос является продуктом тотемического творчества яфетических племен, главным образом двух определенных племен — etrusk'ов, или pelasg'ов, и ϑesal'ов, или ıtal'ов. А этруски, или пеласги, являются теми же, что урарту, или руштуни, что доисторические фессальское и италское племена, теми же, что и al, или ağ, множественно Al-an, или A-lan.

Наш эпос был местным в каждой среде, где рядом с басками и маргами встречались яфетические племена etrusk и ıtal, племена восточного Средиземноморья, т. е. в пределах расселения пеласгов и фессалов, etrusk'ов и ıtal'ов, яфетических племен Кавказа, т. е. в среде урарт-руштунов и агван — в Армении, где из обломков того же эпоса создались легенды о Шамирам и Арайе вместе с шинаралезами, и осталась поговорка шamıramayıṫov. Из этого же эпоса — легенда о Сартенике, аланской девице; известный отрывок этой легенды как раз относится к Tristan'у, изображающему 'солнце': „Erkner erkın ev erkır. Erkner ev ṫıranı ṫov".

Река, море, вода являются естественными действующими лицами эпоса, потому что как Tristan, будучи вместе с тем тотемическим божеством этрусков, как слово означает 'солнышко', точно так же слова ısol-d и sar-ϑenık означают водный элемент (в ласкательной форме). А хранителями традиций эпоса по существу являлись кельтские племена в Армении, также как и на Западе. Хранящие этот эпос в Армении kol-ten'ы представляют то же яфетическое кельтское племя, соименное кельтам, прежде наиболее древний, хорошо известный народ, живший у берегов Черного моря.

Знаменитый французский исследователь средневековой литературы Гастон Пари (Gaston Paris) говорит: „В литературной

*

истории мира нет более поразительного явления, чем то, что горсточка маленького народа, пренебрегавшегося, прогнанного за море и там загнанного в один угол своей земли, оттесненного назад, — я говорю об ирландцах, — своей поэзией покорила романскую и германскую Европу и даже своих победителей, как и тех, которым его имя не было известно, стала поработителем своим идеалом, своими героями, своей музыкой, в которой этот народ выражал свою душу и мечты, в которой он искал, разыскивал восторг своего воображения и утешения своим печалям. Этот эпос, мертвый очаровал не только средние века. Современная поэзия все еще носит печать (empreignée) его души и ему обязана существенными элементами".

Знаменитый ученый не ошибался, но невольно извращал подлинный факт, будучи ограничен в горизонте своих народоведческих знаний пределами западной Европы, и перспективу кельтских предисторических эпох едва доводил до греческих доисторических древностей. Кельты, да притом яфетические кельты, были только хранителями традиций этого эпоса. Творение Tristan et Iseult является порождением племенной яфетической среды. Являясь яфетическим наследством, этот чудесный эпос — прежде гусанский песенник, посвященный богам, — представляет чисто яфетические или смешанных с яфетидами определенных народов нравы, и на Востоке другая также горсточка народа, армянский народ, тоже отверженный в гнездах невежества, в десять раз более притесненный и угнетенный со стороны наций, пользующихся его творческими руками, когда-то также изгнанный из своей родины по ту сторону Средиземноморья и Черного моря и там же подвергнутый странствиям, оттесненный в угол своей последней стоянки и в XX веке и оттуда изгнанный и обреченный на ужасы рассеяния, и этот aṫu ҫoqr 'маленький народ', как своим точным языком выпукло выражается Хоренский, армянский народ, не только один из старших наследников яфетического эпоса, но и старший из всех остальных, был наследником культурного предания, идущего из общечеловеческого источника, был верным хранителем его целостности, выращивателем и сеятелем на Востоке и Западе. И, действительно, разве не является исключительно поразительным явлением, что мы совершенно не видим понимания этого явного факта? Нет сознания и того, какие сказочные горизонты открывают исключительные языковые богатства этого удивительного народа в отношении необходимейшего общественного орудия человечества — речи, и какие потрясающие материалы передает он для обнажения культурных связей и корней — своего и других народов. „Урожай обильный, но отсутствуют жнецы", этими словами заключая мою лекцию, я хотел обратиться к вам, армянам, молодежи, с призывом: давайте вместе поработаем

над новым научным светом! Но приглашение было бы фальшивым и напрасным. Где и как?

Каждая вещь существует не тем, что она вообще существует, но тем, что, по крайней мере, понимающая часть человечества ее признает и, следовательно, принимая, дает ей существование. Не только все сказанное мною, но и ее достигающие мои слова в настоящее время европейской науке совершенно незнакомы. Есть также и основание для незнакомства. Вся литература, относящаяся к яфетидологии, написана по-русски.

Наше учение со свойственными ему всеми нововозвещенными обстоятельствами выросло на научном древе, привитом ростком Запада, в России, в Назарете России, Петрограде, и там в настоящую минуту также развивается в кругу разделяющих со мною одинаковую участь седых и молодых ученых. Какая нелепая легенда, не так ли? И вы имеете право это сказать. Я вас занял легендами, вынесенными из моего легендарного мира, и значит, что остается мне, как не просить прощения: подчиняюсь, простите!

Примечание переводчика. Армянский оригинал издан настолько небрежно, что местами трудно понять смысл. Кроме массы опечаток встречаются такие факты, как напр., отделение последнего слова предложения точкой, перенос конца абзаца с отрывом половины предложения в следующий абзац с присоединением к другому предложению и т. д.

Н. Я. Марр

ЯФЕТИЧЕСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛОВА tam-dam (ИДЕОГРАММА [illegible] 'СУПРУГ')[1]

I

Один из членов учреждения, полного духа гуманности, с учтивой скромностью попросил у меня статью для „Handes Amsorya". В тот момент, когда предо мною только что раскрываются Восток и Запад, т. е. картина, объединяющая культуру Востока и Запада древнего, доисторического периода, опирающаяся на яфетидологическое учение, а в деле разъяснения этой картины армянскому языку выпадает на долю сыграть поистине первостепенную роль, — о чем же или по какой части я сам способен, а также приличествует писать для ежемесячного журнала, печатающегося на армянском языке и посвященного арменоведению, как не о яфетическом языкознании. К несчастью, подобно рыбе притч, „много что есть у меня сказать, но рот мой полон воды": на меня возлагается обязанность беседовать о новых вещах, в то время когда интересующимся читателям ровно ничего неизвестно о старых, для меня уже давно потерявших вкус новизны, но необходимых яфетидологических знаниях. Несмотря на то, что научный мир западной Европы с большим рвением занимается различными новыми вопросами, да и вынужден заниматься только что раскопанными и непрерывно раскапываемыми богатыми материалами (достаточно вспомнить о бесчисленных запасах клинообразных памятников, написанных на хеттском языке, правильнее говоря, — на группе языков Малой Азии), все же в тео-

[1] [Напечатано на армянском языке в журнале „Handes Amsorya", Вена, 1921, № 1—2, стр. 78—83, № 3—4, стр. 220—227 со следующим примечанием редакции: „Настоящая статья принадлежит перу профессора арменоведения Петроградского университета Н. Марра, который с целью изучения отношения баскского и этрусского языков к кавказским, в особенности к армянскому, направляясь в северную Италию и на Пиренейский полуостров, в декабре 1920 г. был у нас гостем, почтил своим присутствием редакцию. По особой нашей просьбе он написал по-армянски эту статью, в которой сжато изъясняет свое новое учение о группе яфетических языков, которое призвано произвести переворот известных лингвистических положений в совершенно новом направлении".]

ретической части вырисовывается в языкознании какое-то „окаменение“, господство мертвечины. Не только в отношении древних мертвых классических языков, но и тогда, когда возникает вопрос относительно кажущегося новым и ставшего загадкой живого языка, баскского, уважаемые ученые сооружают недоступные стены вокруг подлежащего исследованию предмета якобы для защиты научных методов.

Известный басковед Винсон (Vinson) упорно повторяет с давних пор и до сего дня, что баскский язык не имеет и не может иметь родства ни с одним языком, а границы населения, говорящего по-баскски, были все теми же и на том же месте, где мы их теперь находим, — быть может, с незначительными лишь исключениями. Другой филолог Буржуа (Bourgeois), предпринимает жестокий и как будто уничтожающий поход против исследования Г. Винклера (H. Winkler), против написанной им работы „Das Baskische und der vorderasiatisch-mittelländische Völker- und Kulturkreis“ (Breslau, 1909),[1] против того мнения, что с баскским имеют связь „кавказские“ [яфетические] языки.

Быть может, Буржуа и прав, когда в работе Винклера не видит даже признаков достаточной значимости грузиноведения, однако, из замечаний, сделанных самим Буржуа, ясно видно, что в грузинском и сам он тоже большой невежда, не знает такой элементарной вещи, как история окончания дательного падежа, так и вообще пассивной конструкции прошедшего (аорист).

Конечно, дело не может осуществиться только с помощью грузиноведения или арменоведения, и даже вообще при наличии лишь исключительно филологических знаний по остальным кавказским яфетическим языкам. Необходимо иметь хотя бы начальное представление о яфетической теории и иметь хоть некоторые сведения из яфетической сравнительной грамматики, чтобы по таким вопросам можно было говорить что-нибудь разумное и чтобы не было притязания только решениями и общими рассуждениями критиковать то, что на основании материалов и фактов находится вне всякого сомнения, например, племенное яфетическое происхождение баскского в целом, следовательно его родство и с грузинским, и отчасти, поскольку относится это к его яфетическому слою, и с армянским.[2]

Но какова причина того, что это неоспоримое научное положение кажется не только неприемлемым, но и бессмысленным? Конечно, господа Винсоны, Буржуа и другие добросовестные ученые не виноваты, когда даже они верят в изолированность баскского, грузинского и армянского и защищают ее. Причиной является господствующее общественное мнение, которое,

---

[1] К несчастью, мне не удается до настоящего момента достать эту книгу (распродана).

[2] Н. Марр, О яфетическом происхождении баскского языка (приложение к протоколу VIII заседания ОИФ Академии наук, 28 апреля 1920 г.), стр. 75—86.

совершенно не интересуясь по существу бытием или небытием малых народов, не может создать такой творческой научной обстановки, в которой трудный вопрос их взаимоотношений удостоился бы полного внимания и настоящего глубокого изучения. И разве мы, кавказские яфетиды, имеем право ожидать от общественного мнения европейских народов таких подвигов, в особенности, когда речь идет о родстве таких далеко друг от друга отстоящих языков, каковыми являются языки яфетидов Пиренейского полуострова и Кавказа, когда на самом Кавказе общественное мнение только сегодня, в дни тяжелых испытаний, начинает если не понимать, то чувствовать необходимость единения неразрывными братскими узами двух культурных яфетических национальностей? Что же удивительного в том, что яфетидолог в течение тридцати лет с помощью неоспоримых доказательств делал очевидным историко-этническое единство тех же национальностей, но не смог ни на секунду вывести дело за те пределы, где научное мнение было слышимо как глас вопиющего в пустыне. Но в одно и то же время научное мнение одновременно заставляет самого яфетидолога посредством скачков и под давлением впервые изучаемых материалов доводить сородичей кавказских яфетидов до Баскии, которая разделена на две части между Испанией и Францией. [1]

Конечно, это родство не понимается без сравнительной грамматики и без сравнительной фонетики яфетических языков. Например, как можно поверить, не имея в своем распоряжении соответствующего знания, в то, что ḣayk 'армянин' и ḃask 'баск' являются одним и тем же словом, также a-ḃask (''Αβασκος, средневек. ''Αβασγος), груз. a-φq̇az 'абхаз', также и mesq̇ 'месх' и т. д., или же что арм. d̂ur 'вода', баск. ı-dur-ı 'источник' и груз. ṫkal 'вода' также являются разновидностями одного и того же слова, как арм. e-z-ən (род. e-zı-n) 'вол' и баск. e-dı 'вол' и т. д. Когда, наоборот, в армянском, грузинском и баскском почти без изменения или с незначительной разницей появляются слова, например, арм. garı (груз. qerı) 'ячмень', баск. garı 'пшеница' и т. д., баск. gaw 'ночь', resp. gav || gaḃ (ср. в одном диалекте лабурдинского gaḃ-az), вместо *ğaḃ, *ğam (поскольку баски потеряли аффрикат ğ) и груз. ğam-e 'ночь', арм. teğı 'место' и баск. tegı (tekı) 'место', арм. ϑ̣ar 'злой' и баск. «tzar» || «char» 'злой', арм. geyш → geш (← gēш || garш) 'плохой' и баск. gaıs-to 'плохой', — такие примеры являются не доказательствами родства различных языков, но явными остатками баскского в грузинском и армянском. Факт в том, что ḣайкиды-армяне, происходя от ḣайка, были теми же

[1] О новом взгляде автора настоящей работы относительно распространения яфетической семьи см. в его по-русски в Лейпциге недавно напечатанной (1920 г.) статье „Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры" [перепечатано в ИР, т. I, стр. 79—124].

басками (ḣайками), а с грузинами, как известно, слились „месхи" т. е. те же самые баски.

Без учета этого и других подобных сложных отношений и не имея в виду сравнительно-исторические законы фонетики, нельзя работать. И только благодаря этим средствам единственно нам, яфетидологам, дается возможность осветить историческим путем баск. neskatıl 'девица' и баск. mutıl 'дитя', 'ребенок', анализируя neska-tıl и mu-tıl как сложные слова, в которых -tıl означает 'сын', 'дитя' (ср. -awrd || -ord в армянском слове awrı-ord)[1] и целый ряд близких слов ṫul (|| ṫur→ →tur) || ṫvıl→tvıl и т. д. имеет в яфетических языках такое же значение. Конечно, мы должны знать и фонетические законы баскского языка, например, падение-исчезновение звуков [k̇→] k→⌈h⌉ и z в определенном положении, чтобы, восстанавливая первоначальную форму баскского *kmor-tıl→ ←⌈h⌉mu⌈r⌉ -tıl, в его товарище грузинском, повидимому, в его месхском слое, видеть в живом состоянии k̇mar-ṫvıl (народн. k̇ma-ṫvıl)[1]→mar-ṫvıl 'дитя', 'отрок'. Существенная разница только в том, что баскский язык по своей принадлежности к шипящей группе имеет вместо гласного „a" — „o", который, как и в шипящей группе рядом с губным (m) и в баскском превратился в „u". А что же говорят басковеды? Считая mutıl простым словом, они производят его от лат. mutilus или от романского, а в neskatıl-e, которое образовалось из двух слов, также считая его простым, принимают окончание -ıl за суффикс.

Яфетическое языкознание находит связи не только между ныне на Кавказе живущими родственными племенами и жителями далеких стран, но и между поколениями давнишних времен и даже между культурными предшествующими семитическим племенам народами Месопотамии. Речь идет не только о шумерах, или сумерах. Силлабарии Ассирии со своими материалами и объяснениями дают нам основание вскрыть, что независимо от шумеров в Месопотамии были также другие яфетические народы, культурные достижения которых унаследовали шумеры, в языке которых остались следы языков исчезнувших племен. И для того, чтобы перейти к специальному предмету настоящей статьи, необходимо слегка затронуть два теоретически принципиальных вопроса: один — о наличии мешаных, правильнее говоря гибридных языков, о степени, размере смешения, качество которого бывает различно. Бывает тип смешения различных языковых семей, как армянский язык, в котором слиты индоевропейское с яфетическим. Но и ни один чисто яфетический язык не обнаруживает первобытной простоты; все представляют смешанные типы разных племен-

---

[1] Первая часть -awrı тоже имеет яфетическое происхождение. Она будет отдельно объяснена вместе с окончанием -urḣı (-uhr) женских имен.

ных языков, хотя бы и одной яфетической семьи. Я знаю, что современная наука не признает такого положения, но что мне делать, если факты заставляют меня утверждать, что без такого слияния на земле не могло образоваться ни одного годного для переработки языка, способного к длительному и культурному развитию. И есть особый способ для вскрытия этого явления — палеонтологическое языкознание, не историко-филологическое, а этнологическо-доисторическое. При помощи этого исследовательского метода мы достигаем того, что не только вскрываем, например, яфетическое происхождение окончания множественного числа q в грабаре, но и то, что оно является единственно показателем множественности, а вовсе не специальным окончанием именительного падежа. Последнюю роль выдвинуло уже влиявшее во время слияния новое творчество того же армянского языка. С другой стороны, необходимо быть опытным в более углубленной лингвистической палеонтологии яфетических языков, чтобы исследование велось более плодотворным путем. Если бы мы уже не знали, что на яфетических языках 'вол' означает непосредственно 'душа' ('живой', 'одушевленный'), конечно, мы бы затруднились найти настоящее место для армянского слова ezən 'вол', которое имеет яфетическое происхождение. Армяне сохранили слово ez свистящей группы ради смысла в слове ezən 'вол', которое в историческом развитии представляет со стороны фонетики при подъеме первого коренного слово sul ↗ ϑ̇ul, т. е. то слово, которое в одном из языков свистящей группы, в грузинском, до нынешнего дня сохранило свое издревле специальное значение 'душа'.

II

С филологической точки зрения в яфетических языках для понятия 'брат' сегодня имеется двухсогласный корень. То же в лучше сохранившемся виде видно в сибилянтной ветви яфетических языков с присоединением показателя женского рода -l; так обстоит по крайней мере в шипящей группе. В свистящей группе ďm[+?], в шипящей группе d̂m + ⌈l⌉ ‖ сванск. (спирантный слой) ğb-r → q̇b-r. Семитическая семья, дающая этому термину спирантное оформление, могла бы быть показательна для такого анализа. Архетипом семитического корня является ḣw[→qw], иногда со звуком t [ϑ], с тем звуком, который также является показателем женского рода, представляет также множественное число. Однако, при рассмотрении с той же филологической точки зрения, третий функциональный звук r в сванском должен был бы вызвать затруднение, если бы он рассматривался в качестве показателя женского рода, потому что в описании языка недоставало бы соответствующих обстоятельств, если бы мы не сочли его за пока-

затель множественного числа. И форма *me-ğob + ar-al → → me-q̇wb + ar-al подвергается объяснению как сугубо множественная. Окончание -al (в том же слове происходящее от -ar при наличии r) точно также является характерным показателем множественного числа. Неразрывно с темой связанное ar является в оставшемся в неизменном виде слоге не созидающим форму окончанием, но показателем множественности r, слитым с корнем ğb (gb) → q̇b как бы в виде третьего коренного, который потом дал возможность развитому корню (ğbr → q̇br) в сванском принять требуемую для термина форму, что мы имеем, когда при восстановлении архетипа раскрывается положение qoman → quman[1] (мы ожидали бы q⌈e⌉men, особенно qem⌈e⌉n). Остаток первоначальной огласовки или его след замечается в префиксе me- (me-q̇wbar, особ. *me-ğobar), в трехсогласном корне, с приобщением функционального r — ğb + r → q̇b + r. Производная огласовка теперь представленной нами основной темы является результатом влияния шипящего слоя в сванском. И правда, в шипящей группе сибилянтной ветви третья согласная l, появляющаяся во множественном числе, является эквивалентом сванского r, которое имеет то же значение и тот же вид, и в том же l мы имеем функциональный звук, требуемый с необходимостью для образования понятия eğbayr 'брат'. Вопрос в том, что понятие 'брат' теперь уже нельзя в действительности представить без установления тесной связи с понятием другого равного существа. Но в период образования племен в доисторическую эпоху, по существу протоисторическую, в эпоху, когда даже 'брат' и 'сестра' не различались по своим названиям, понятие 'брат' нельзя было иначе представить, как только во множественном числе; известно, что грузинская основа понятия 'брат' (ďma, уменьшительная форма ďam-ıa), которая в своей полной форме звучала так, как мы раньше восстанавливали *ďama[l], на самом деле должна была быть в шипящей группе представленной в виде *ďamar, имея l вместо третьего коренного. Мы сейчас не будем останавливаться на первоначальной форме показателя множественного числа (r ‖ l). Может быть, будет основание утверждать, что его архетипом был звук n. Однако ясно видно, что в сибилянтной ветви (при воздействии сванского, подверженного ее огласовке) появилось стадиальное слово для коллективного понятия[2] 'братья' ('сестры'), при посредстве формообразующих звуков группы плавных сонорной ветви, т. е. после слияния сибилянтной ветви яфетических языков с сонорной ветвью. Шумерский язык также с незна-

[1] Следует знать, что в яфетических языках формы определяются гласными, а согласные qmn ясным образом представляют корни приведенных примеров.

[2] Ср. немецкое Geschwister.

чительными исключениями пользовался этим обстоятельством, и в нем tam, похожее на наше слово, сохранило также свое специальное значение 'брат'.[1] Но в эпоху образования племен слово, выражающее понятие 'брат', вернее — 'братья', могло ли означать только 'братья'?

В первобытной общественной организации существовал матриархат, а следовательно, вместе с ним многомужество (πολυανδρία), и этот строй в сильной степени и очень долго продолжался, можно сказать, по крайней мере, своими остатками продолжается по сей день среди яфетических народов. Страбон указывает на наличие полиандрии у минейского народа семитического юга в следующих словах (713): „Все имущество общественное; властелином над имуществом считается самый старший. Также у всех имеется общая супруга, которая делается безразлично доступной тому, который первым дойдет и положит перед ней посох, который носят все. По ночам женщина находится у самого старшего. Таким образом все являются братьями всех и имеют сношения со своей матерью. Для нарушителя брачного порядка наказанием является смерть, а нарушителем брачного порядка является тот, который происходит из чужого рода". Рассказ Страбона — реальность и соответствует подлинным фактам. Ручательством такой оценки, быть может, является приведенный рассказ того же Страбона, который Гуго Винклер характеризует с точки зрения содержания и стиля, как „чисто арабский".[2] Но то же мнение относительно полиандрии, существующей у семитов, подтверждают и другие свидетельства, которые упоминаются в статье того же Винклера.

Что у яфетических народов тоже существовал матриархат, о чем я имел повод упомянуть в другом месте,[3] свидетельствуют тот же географ Страбон и Аполлоний. Их свидетельства относятся к представителям яфетического мира, жившим на двух крайних точках: к тибаренам на Востоке и баскам на Западе. Но, повторяю, следы остатков матриархата встречаются до нашего времени и среди яфетидов Кавказа.

В условиях первобытных общественных порядков слово 'брат' означало не только 'брат' в настоящем смысле, но и 'муж', или 'супруг', также означало оно 'отец'. На этом основано еще другое утверждение яфетидологии. Сохранившееся в обстановке семитической семьи имя праотца человеческого рода „Адам" яфетидолог характеризует как полученное от яфетидов наследство, собственность определенного языка сибилянтной ветви, но, судя по характеру префикса, про-

---

[1] Ср. Delitzsch, Sumerisches Glossar, стр. 582.

[2] Die Polyandrie bei den Minaern, Altoriental. Forschungen, 2-я серия, 1900, Лейпциг, 1901, стр. 83: „Stoff und Erzählungsweise ist echt arabisch".

[3] Яфетический Кавказ и третий этнический элемент, стр. 41 [ИР, т. I, стр. 118].

шедшее через горнило спирантной среды.[1] В результате dam означает и 'отец', а в специальном первоначальном значении 'кровь' ('тело'). Такое первоначальное значение становится очевидным не оттого, что и в семитических языках его корень означает 'кровь' (арабск.) и 'быть красным' (арабск., эфиопск.), но потому, что слово 'брат' объясняется яфетидологией из доистории. 'Брат' и 'кровь' — одно и то же слово не только в яфетических языках нашего времени, так, например, в абхазском с незначительной разницей — а-ша 'кровь', -ща (ср. уа-ща 'брат', уа-ħо-ща 'сестра'),[2] но и со дня возникновения соответствующего понятия. Так и по-шумерски слово, означающее 'брат', значило когда-то также и 'кровь', как выясняется яфетидологической этнологией.[3] Мы на этот раз не останавливаемся на том вопросе, что, если для возникновения понятий 'братья' и затем 'отец' мы имеем такую этногоническую историю в качестве исходной точки, то не могло ли также общесемитическое слово, выражающее понятие 'отец', быть приведенным к тому же корню, несмотря на то, что оно теперь вследствие понесенных звуковых изменений имеет такой несхожий звук? Наше восприятие праязыка нам внушает мысль, что, быть может, и на этот вопрос мы будем должны, основываясь на законах сравнительно-исторической фонетики, дать ответ: „да".[4]

Однако в настоящий момент нас занимает первоначальная с точки зрения времени роль 'брата' в первобытном обществе, прежде чем стать ему 'отцом', и лингвистическое явление, связанное с той же реальной его ролью, а именно то, что в понятии 'брат' само собою заключалась также идея 'мужа', 'супруга'. И даже генетическая связь 'брата' и 'крови' продолжалась через посредство 'супруга', становившегося 'отцом'. Если 'брат' и 'отец' (вообще 'человек') означает 'кровь', то и с идеей супружества связывалась идея 'крови', и мы имеем выражение этой идеи также в ставшем теперь юридическим слове „кровосмешение".

На слове 'супруг' || 'муж' мы вынуждены остановиться прежде всего независимо от вышепредложенных фактов

---

[1] Семитологи не считают коренным стоящий спереди алиф (Gesenius Hwb.[16]).

[2] В одной из сданных в печать на русском языке статей я отказываюсь с объяснением причин от возражения, которое я сделал против покойного Н. Джанашии, когда он раньше меня выражал то же мнение.

[3] В той работе, в которой определяются и истолковываются при помощи яфетического языкознания все несемитические слова ассиро-вавилонского запаса.

[4] К палеонтологическому объяснению яфетического слова, означающего 'брат', мы будем иметь повод вернуться в другой раз, когда займемся анализом слова gıbıl 'отец', находящегося в сложном шумерском слове pabgıbıl-gı, выражающем 'дед', дословно 'отец отца', а также и слова pab, которое также имеет яфетическое происхождение по закону p←m, между прочим являясь тем же в существенной части груз. mama⌜l⌝ 'отец', специально 'мужской' (mâle).

и размышлений. Мы вынуждены заняться яфетическими материалами, относящимися к понятию 'супруг' || 'муж'; эти материалы имеют отношение к яфетическому корню, выражающему понятие 'брат' d̓m + r || d̂m + l ∽ ğb + r.

Для понятия 'супруг' || 'муж' часть яфетических народов имеет корень gmr (|| gvr → gbr), который отождествлялся с семитич. gbr, но этот семитический корень известен в отмеченной форме только в еврейском и арамейском языках, а в арабском существует единственно отыменный глагол d̂abara 'быть сильным', 'молодым' || 'быть ребенком'. От того же корня грузинское gmir 'герой', 'богатырь' (← 'юноша', 'дитя' || 'мужской'), 'гигант', как эпическое речение, распространенное и вне яфетического мира — между неяфетидами по языку овсами. В грузинском мы имеем и другие виды того же корня, но мы ограничиваемся теми пределами, которые образуются словами, представляющими понятие 'супруг' || 'муж'. В сибилянтной ветви, с точки зрения сравнительной грамматики яфетических языков, сохранились в нетронутой форме слова свистящей группы — груз. qmar 'супруг' || 'муж', шипящей группы мегр. qomond̂ (мегр. чанск. qomod̂) 'супруг' || 'муж' (мегр. qomol ['мужской' || 'муж'], 'храбрый', 'богатырь', 'храбрый человек'). В сванском, в котором 'муж' || 'супруг' звучит иначе, сначала кажется, что представителя того же корня совсем нет, но так только кажется, потому что в сванском преимущественно господствует образование слова с префиксами, т. е. посредством префикса ma- с переходом („падением") первого согласного, исчезающего спиранта[1] g (специально k̓ → ğ → q̇) того же корня (gur → gbr), и слиянии полугласного w в долгом „a" (mar ← *maʳhˀ || ʳrˀ wr-e). Совершенно невозможно, чтобы в сибилянтной ветви обнаружился как родственный корень тот, который в спирантном слое сванского находится столь глубоко, и в то же время настолько хорошо, чисто и целостно сохранился. Также очень подозрительно его распространение в обстановке семитических языков, главным образом спирантной группы. Формы, настолько близкие к видам корня, принадлежащего к яфетической сибилянтной ветви, не могли быть в двух семитических языках, из которых — один (арамейский) из спирантной группы, другой (еврейский) из сибилянтной. Историко-филологическая оценка этого обстоятельства нас заставляет принять, что языки сибилянтной ветви для понятия 'супруг' || 'муж' присвоили тип корня спирантного характера. Рядом с первоначальным видом этого типа (*gmr || *gur) мы должны были бы иметь в сибилянтной ветви в настоящих формах: по свистящей группе *d̓amar, по шипящей группе *d̂omol, если не будет надобности итти глубже и стараться

[1] Или из ряда h (→ γ) или r (→ y), смотря по виду диалекта или группе языка.

восстановить иным способом имеющий функциональное происхождение третий коренной.

Из всего до сих пор сказанного вытекает, что в сибилянтной ветви для понятий 'брат' и 'супруг', собственно 'братья' и 'супруги', было только одно слово. Следовательно, на языке народа, принадлежавшего к свистящей группе, ďama⌜r⌝ (→ďam-ıa →ďma) могло означать, и в первобытные времена на самом деле означало не только 'брат', но и 'супруг' || 'муж' ('мужской'). После такого объяснения древнейшего факта есть ли еще необходимость говорить, что фонетическое произношение идеограммы 'супруг' ṯam→ďam есть яфетическое слово из свистящей группы сибилянтной ветви, то слово, которое в первобытный период означало и 'братья' (→'брат'), и 'супруги' || 'мужи', 'мужчины' (→'супруг', 'муж', 'мужчина'): шумерский язык со своим dam 'супруг', dam-dam 'новобрачный' или 'молодой муж' по существу[1] ничего не прибавляет. А что касается клинописной традиции, согласно которой вместо сложного звука ṯ→ď (assibilat) простой (t→d, desibilat), то это упрощение если не просто является палеографическим фактом (результат несовершенной транскрипции), то в живых языках согласно истории яфетической фонетики представляется закономерно встречающимся фактом, о чем между прочим свидетельствует также грузинская форма ďa (←ďam) слова ďam для понятия 'сестра'.

---

[1] Fr. Delitzsch, Sumerisches Glossar, 1914, s. v. Конечно, если dam будет объяснено как „da + am, zur Seite seiend", то значит, что или автор этой этимологии имеет очень искусственное представление о происхождении и развитии языка в первобытном обществе, или шумерский язык должен рассматриваться как выдуманный, искусственный язык.

АРМЯНСКОЕ ṬENṬĞUK 'ВОРОБЕЙ'[1]

С большим удовлетворением я прочел в „Handes Amsorya“ (1921, стр. 83) статью проф. Dr. F. Ķraelitz'а о слове ṭenṭğuk 'воробей'. Автор имеет полное право утверждать то, что он утверждает. Это слово в турецкий язык вошло из чужого, но из армянского ли или иного, это уже другой вопрос. Армянское ṭenṭğuk имеет яфетическое происхождение. Оно настоящее армянское слово, принадлежащее к яфетическому слою армянского; следовательно, не может быть и речи о его турецком происхождении. О яфетическом происхождении этого армянского слова я уже писал в моем исследовании „Яфетические элементы в языках Армении“. Там приведено также грузинское ṭınṭraqa, которое, быть может, более интересно для объяснения турецкой формы. Конечно, это слово означает „Sperling“, вообще 'маленькую птицу'; но его настоящее, более точно говоря — первоначальное значение то, что в русском 'крапивник', т. е. Zaunkönig, roitelet. Как в русском название этой маленькой птицы происходит от слова 'крапива', так же и грузинское ṭınṭraqa произошло от слова d̂ınṭar (← ṭınṭar) 'крапива'. Хотя это слово и яфетическое, но не настоящее грузинское, усвоено из определенной группы яфетических языков. Но об этом я уже писал, повторять не стоило бы.

Париж, 13 марта 1921 г.

---

[1] [Напечатано на армянском языке в венском журнале „Handes Amsorya“, 1921, № 3—4, стр. 227].

Н. Я. Марр

ЧТО ГОВОРИТ ЯЗЫК ПО ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ („КОКОШНИК“ И „СОРОКА“)

„Недавно, 17 апреля 1925 г., известный этнограф Д. К. Зеленин, профессор Харьковского университета, здесь в Ленинграде, в Этнографическом отделении Географического общества“... Так начинался настоящий доклад, читанный в ГАИМК еще в разряде „Кавказ и яфетический мир“. Сейчас так изменилась и обстановка (Д. К. Зеленин уже не гостящий у нас профессор Харьковского университета, а оседлый в Ленинграде научный работник МАЭ), и содержание (Географическое общество существует, и его представляем себе катящимся уже на новых рельсах, в ГАИМК произошли сдвиги и с ними организационная перестройка, или, наоборот, не одна перестройка организации в интересах сдвигов), казалось бы, настолько радикально, что мы сейчас могли бы и должны бы начать статью, пользуясь, увы, в этот раз чужой, но доселе употребляемой, хотя и с улыбкой (в письме в ковычках) все той же старой терминологией, так: „давно, давно, в „доисторические“ времена, 17 апреля 1925 г., известный этнограф“ и т. д. Какая, казалось бы, существенная разница, зияющая пропасть между 1925 годом, отнюдь не первым с Октябрьских дней, и текущим годом, между научным мышлением той палеолитической стоянки, хотя и на нашем берегу, и мышлением стоянки переживаемого нами момента.

Конечно, известный этнограф Д. К. Зеленин остается таковым, ибо никто не может отказать ему в обоснованности репутации его как первоклассного знатока этнографического материала. Таким хозяином складов материальных знаний Д. К. Зеленин выступал и в своем докладе, как может убедиться теперь каждый непосредственно по работе, напечатанной под заглавием „Женские головные уборы восточных русских славян“ в „Slavia“,[1] но научное мышление стало (а кое-где как ни туго, а все-таки становится) в корне иным. Беда лишь в том, что наш доклад, к ужасу нашему, не потерял актуальности. Даже

[1] Прага, 1926, стр. 303—338; 1927, стр. 535—556.

для такого нового по замыслу и установке исследовательского учреждения, как ГАИМК, он отнюдь не устарел. Почему? Разве ничего не сделано? Наоборот, очень много. И если мы берем для примера ГАИМК, то именно потому, что в этом учреждении достижения все-таки значительны по взаимному проникновению нового метода и старых научных накоплений: стоит критиковать, ибо есть что критиковать. К тому же это самокритика, поскольку автор ее находится и сейчас в руководстве учреждения, почти непрерывно с момента основания работавшего под его и фактической ответственностью. Это действительная самокритика, не покаянная иеремиада, вопли и плач по волосам, когда голова снята, или метание наводящих ужас на обывательские умы „бомб" из холостого заряда, а то из трескучих самострелов без всякого заряда, в лучшем случае с пустых мест по новым, в пооктябрьскую эпоху бурного строительства полученным научным успехам. Изумительнее не может быть картины, когда в такой обстановке обстреливаются внутри осажденного всем миром революционного лагеря головотяпами, не помнящими общественного родства, учреждения, сложившиеся лишь в наши дни вновь на новых началах и добившиеся совершенно определенных положительных по своей специальности результатов и практической для нашей современности, и теоретической, переходящей за пределы нашего места и нашего времени, значимости, как и само революционное хозяйственное строительство нашего Союза.

В чем же дело? А в том, во-первых, что на всем культурном фронте у нас громадное отставание от хозяйственного строительства. Однако это в общем не отрыв по идеологии, а отрыв от конкретизации своей перегоняющей весь мир идеологии. Идеология и словесность сами по себе, а наше научное производство, производство умственного труда само по себе, тогда как производство материальной базы шагнуло вперед, и в деловой части расстояние еще более расширилось между наукой, особенно обществоведческой наукой, и производством не только индустриальным, но и сельскохозяйственным. Во-вторых, в ГАИМК — успокоение специалистов, уверенных, что все на своем теперь месте, все найдено и искать приходится лишь истины, но не путей к истине. Даже новое учение об языке в ней с трудом находит свое место и совершенно основательно.

Благодаря росту использования марксистского метода вширь и вглубь все более и более становятся четкими в новом учении об языке сигнализации историкам материальной культуры. Для нового учения об языке важна не полнота и теоретически правильно выбранные точки, пределы знаний, а их функциональная действенность, главное же — правильные взаимоотношения действенности их. Пока из взаимоотношений функций правильно расставленных точек, какими бы силами они ни

были обеспечены, ничего не найдено по истории материальной культуры, пока не нашедшей и себя; доселе ее растерзанные еще до рождения две „незаконнорожденные“, т. е. искусственно разобщенные, для нас антиобщественные части, этнология и археология, также упорно не думают объединяться в единый музей какого бы то ни было типа исторической культуры и не объединятся никогда, поскольку одни и те же памятники материальной культуры в одних музеях обслуживаются археологами и разъясняются „археологически“, а в других обслуживаются этнологами и разъясняются „этнологически“.

Простое механическое объединение этнологов, ныне скромно величаемых этнографами, и отнюдь не прячущихся за лицемерной скромностью археологов, кроме буквально скандального разнобоя, а иногда и настоящего рукопашного боя, ничего не порождает, разве втешется еще для большего выявления изжитости всей этой археологическо-этнологической скверны раскол, уже довольно искусно прикрываемый, археологов доклассового общества. Если бы что и было найдено по этой части, ученому исследователю искание никогда не приходится приостанавливать истинами данного кругозора, ибо неизменчивой истины нет, работающим же над конкретным материалом надстройки, тем более истории надстройки, следует искать „пути к истине“, т. е. пути непрерывного движения во взаимоотношениях функций, непрерывности смен одних взаимоотношений другими, где вчерашняя истина становится противоположностью сегодняшней, где стабильность отрешенного умствования, как всякой надстройки, все время срывается скачкообразным развитием базы.

И на этом кончается дело? Нисколько. Материальная база, подлинное бытие в процессе диалектического развития не имеет ни возврата назад, ни эволюционного развития, „покойного движения“ вперед, точно это качественное perpetuum mobile, ни замыкания в какой-либо порочный круг. Материальная база, в диалектическом процессе, дает всходы, получающие новое содержание и новое оформление от обратного действия растущего (растущего с ростом базы и с ростом использования втуне лежащих, часто преступно заглушенных старым бытием накоплений) мышления и смены не только мировоззрения, но и самой техники мышления. Идет (собственно, должна бы итти) рука об руку работа и по открытию нами сейчас, на переживаемом всеми, в ком дыхание жизни, отрезке, социалистическом отрезке, необходимых жизненных истин и исканий путей, имеющих сменить их корни в базе, новых истин, когда наука не только догонит производство фактически, но перегонит его теоретически и, следовательно, будет в силах освещать его пути.

Такое слияние или единство отвлеченно несменной истины и непрерывного искания путей к истине-действительности си-

*

гнализуется и происхождением языкового материала, выявляющего эти взаимоотношения тожеством по единству противоположностей и русских слов „истина“ и „искать“: „истина“ значит 'солнце', 'правда', [1] 'действительность', и его, 'солнца', микрокосмический двойник 1 + sk⌈u⌉ 'рука' (ср. 1+sku=st+vo) лежит в основе глагола „иск-а+ть“,[2] „и+щ-у“, т. е. „истина“ и „искать“ лишь две стадиальные разновидности одного и того же понятия в многочисленных общественных функциях данного слова, сменявшихся значительно чаще на протяжении всей истории человечества, не только с эпох сложения звуковой речи.

Впрочем, с терминами надстроечных категорий и в теории обстоит весьма неблагополучно. С 'инструментом', как сменой 'руки', каждый согласен мириться. Этот бесспорный факт любой интеллигент готов понять и в более совершенной технической форме, именно в той, что 'орудие' и 'способ работы' первично одинаковы — 'рука'. Но заикнитесь, что наука также восходит к 'руке', ибо нет у человечества знаний, которые не происходили бы из трудового процесса, работы; заикнитесь, что в слове этом na — не предлог, а „имя существительное“, синоним „скрещенной“ с ним второй части -u, а не -uk, и конечный суффикс не -a, а -ka, как в ru-ka, и с репутацией вашей как ученого будет кончено. Тем не менее, факт, что слово na и слово „рука“ одно и то же микрокосмически (ср. уменьшительную частицу -ka), а космически-астрально (солярно) — 'солнце'←'небесенок', 'небо'. На космической стадии 'истина' являлась предметом более высокого порядка, чем на более ранних стадиях с растительными и животными тотемами, когда она наглядно восходила к созданному рукой опытному знанию, т. е. мало походила на наше представление; на более же ранних ступенях тотемического мышления понятия 'истина' вообще не было.

Другой специфический недостаток, тормозящий успехи ГАИМК, это неразмежеванность „археологии“ и „этнологии“ и необъединенность их, т. е. опять-таки смешение опытного и теоретического знания, эмпиризма и науки: с одной стороны культивирование археологии, как самостоятельной науки, уходом в развитие ее формальной техники, с другой — этнографии в особую этнологическую науку с фетишизованием конкретного культурного состояния отсталых народов или низовых слоев „просвещенных наций“, как источников с готовыми материалами для построения истории человечества. Нет охоты останавливаться на попытках решить эту (никто не отрицает) отнюдь не легкую задачу детски-наивным движением в сторону наименьшего сопротивления — просто-напросто изгнанием

---

[1] Н. Я. Марр, Яфетические зори на украинском хуторе, ИР, т. V, стр. 270.
[2] Там же, стр. 267.

этнографических материалов из исследовательских задач истории материальной культуры, т. е. материального производства, со включением искусств, и его техники. В общем это длящееся доселе бессилие понять и осуществить закономерность слияния археологии и этнографии в одну определенную область социологии, именно материально-культурную. Здесь, в материальной культуре, как нигде, прослеживается диалектический материализм нашего повседневного актуального бытия, а при перспективном обзоре пройденных путей и исторический материализм, в сменах кинетических форм, линейных или звуковых, наглядных или на слух уловимых вещественно на уже бесспорно конкретных предметах в неразрывной связи и единстве надстройки, духовной культуры, и базы, т. е. обобществленной и обобществляемой материальной культуры. Естественно, в нашем нынешнем изложении мы позволим себе роскошь пользоваться терминами, учитывающими своим содержанием те языковые, следовательно мышленные и мировоззренческие явления и сигнализуемые ими сдвиги в материальной культуре, которые были установлены вновь так наз. яфетической языковедной теорией.

Итак, в свое время и на своем месте Д. К. Зеленин прочитал богатый содержанием доклад о женском головном уборе. В числе исчерпывающе представленных видов женского головного убора первенствующее место было уделено в докладе русскому термину „кокошник“ и его двойнику, так наз. синониму „сорока“. Докладчик в своем изложении к вопросу подошел более „этнологически“ — замкнутыми „этносами“, — чем социологически, когда вскрывается изначальная составность каждого этноса из различных слоев и обнаруживаются независимые от этносов связи этих слоев за пределами замкнутых с известных эпох уже этнических мирков, племенных образований, не самородков, т. е. взрываются этносы, и соответственно социологически учитываются памятники материальной культуры в единстве воплощения в них вещественно-общественного и духовного строительства, как базы и надстройки, когда над эмпирическим знанием должны господствовать интересы вопроса о происхождении. Это же, как всякий генетический вопрос длительного исторического, тем более явно дописьменно-исторического порядка, потребует палеонтологического отсева соответственного по специальности материала при действительном теоретическом обосновании, т. е. диалектико-материалистическом. Это требует соответственно широкого охвата связей материала за пределами той же категории, чтобы обеспечить проверку причинности фактов и их состоятельности. Иначе, подавляя собою и затягивая в свою обстановку специальные материалы, тем более местный его отрезок, исследовательская работа, отожествляющая себя с опытным знанием, в лучшем случае

с предметом, как он есть, невольно сокращает кругозор ученого, как теоретика, и искажает наблюдаемый процесс, с чем в корне подрывается возможность работы над правильной установкой генетической связи, причины и следствия: факты перестают быть фактами.

Тема Д. К. Зеленина, несомненно, могла бы быть признана социологической. Социологически же, допустим, был зачат сам доклад, поскольку „этнос“ (нельзя отрицать) есть определенная форма социальной структуры. Но в представлении об этносе, как о литом массиве, когда в нем уже расслоение, рядом с реально-исторической частью, воплощением производственных профессионального порядка отношений, еще не классовых, имеется, с нею срослась фактически-историческая часть, как „надстройка“ (в ковычках), фиктивных природных качеств, казалось бы, природно родовитой „социальной“ среды, по самоощущению замыкающейся в себя как руководящая, если уже не эксплуататорская сила, с субъективным ощущением ею, этой социальной средой, факторов производственных отношений субъективно как чувственных, при объективном их отсутствии. У докладчика, Д. К. Зеленина, тогда не было ни малейшего восприятия действительной или реальной надстройки, реального или действительного материального базиса, притом с рядом моментов „сверхнадстройки“ в представлении об этносе, ни, следовательно, потребности дифференцировать ирреальное и реальное. С таким восприятием этноса, как в целом реальной и неизменчивой категории, т. е. этнологически, докладчик подвел нас к своему построению.

Естественно, внимание он сосредоточил на формально-аналитическом восприятии, как бы зрительном осознании материала, на соответственно обоснованной его классификации и на взаимоотношениях того же порядка в наметившихся главных типах в известной среде бытия. Однако среда этнологически им мыслится не как внутренним трудовым процессом накопленный культурный слой, сдвигами той же базы нерасторжимо увязанный с пластами сменяющих друг друга образований в протяжении времени с беспредельным движением вперед и с захватом пройденных начальных эпох тотемно-диалектически синтезирующегося мышления доклассового общества, а как отрезок в пространстве с территориально ограниченным или лишь механистически учитывающим всякие сдвиги кругозором позднейшего времени формально-логического мышления.

Соответственно Д. К. Зелениным выделяется восточнославянский мир с застрявшими в его искусственно устанавливаемой замкнутости типами и видами данного памятника материальной культуры. По терминологии, принятой было тогда на Украине, ввиду совершенно особого теоретического построения об

языках, „русский“ совершенно отпадает, тем более, что бремя доказательств возлагается на общеславянское, центр тяжести перекладывается, как на праисточник, на единый праславянский архитип. Мы оказываемся лицом к лицу перед, казалось бы, поконченным схематическим учением об единстве происхождения в смысле физиологически-расового единства с схематическим восприятием семейного родословия, с заданием, следовательно, искать соответственно где-либо в дали, никому не ведомой, и единство места происхождения, т. е. некую прародину „изначально-родного“ славянства и в частности древнюю, предревнюю прародину „русского“ „кокошника“.

Докладчик, однако, сам материально сильно подкованный, не мог мириться с таким исследовательским подходом. Он отводит попытку немецкого ученого возвести кокошник к фригийской шапке и к ее сородичам из средиземноморского архаичного культурного мира. Восточноевропейские виды составляют, мол, непосредственно восточнославянские разновидности особого восточнославянского мира, в конечном выводе — особого славянского мира, собственно анахронистически созидаемого фетиша праславянства перебросом общественности последних двух тысяч лет с ее надстроечным миром в начальные эпохи зарождавшихся социально-экономических и тем более ранних количественно и качественно нараставших социально-производственных образований ряда стадий. Таким образом, естественно, при выборе района исследования выделяется как источник творчества лишь анахронистически и механистически, без учета внутренней причинности, продвинутая идеологиею классовых интересов в исконную древность славянская племенная среда, восточнославянская, в том числе, конечно, и русская, хотя бы и подразумеваемая, точно все остальные „племенные“ образования, волжское ли оно марийское, мордовское, или волго-камское чувашское, или камо-печорское удмуртское и комийское, и посейчас это все „многоплеменное“ финское, далее перерастающее (все по той же надуманной архаизации сегодняшнего дня во вчерашний, а вчерашнего в позавчерашний и т. д.) угро-финское образование — изначальное образование, мир, предполагается, природно чуждый русским, да и славянам так, как рисуется он ныне. С этого же берега, где кишмя-кишат различные этническо-национальные концепции бытия вместо социологических, и тогда, когда выступает бесспорная связь германской речи с „финской“, кое-кто не прочь пофлиртовать и с этой серьезной проблемой, однако, отвернувшись от русских. Естественно при докладе ни докладчиком, ни довольно многочисленными выступавшими по докладу специалистами по восточной Европе ни слова не было сказано о далеком Кавказе.

Говорят ли вообще где-либо о Кавказе? Говорят в Гамбурге и Осло в связи с африканскими „колониальными“

языками, говорят в Австрии с учетом надбавочной ценности и интереса к мертвым и умирающим культурам и письменным языкам Месопотамии. Так говорили о Кавказе в наполеоновские и понаполеоновские дни в Париже, да и теперь охотно говорят в связи с путями в Индию уже все и везде за пределами Союза. А у нас? При чем тут для нашей актуальности Кавказ? Разве в интересах музеев: нельзя ли туда стащить еще толикое количество вещей для приращения опытного знания, отожествляемого с наукой, теориею, философиею, да еще марксистской, или, наоборот, для иллюстрации отвлеченно „усвоенного" без конкретизации на материале марксизма-ленинизма, чтобы лишний раз своею тоже „сравнительной" работой напомнить героя средневековой армянской притчи, не видевшего ни свиньи, ни бани и баню (для него икс) определявшего свиньею (для него также неизвестным иксом или игреком). Кавказский перевал давно пройден. Для многих доселе здесь лишь прекрасная „военно-грузинская" дорога, вокруг которой построены или замки сказочной Тамары легендарной феодальной Грузии, или дымные кельи „горских первобытных племен" с кровной местью, ни с кем не увязанные общественно и материально-культурно. Все эти поиски по увязке даже в речи Кавказа с Европой „механистическое" измышление яфетической теории! Кавказ ведь лишь страна мифов и легенд! Там нет даже истории (увы, да, в головах умствующих без материального базиса — пустыня за пределами своего европейского окружения): исторический мир вертится в орбите Эллады, явившейся с „индоевропейской прародины".

А как возникла на „прародине" „греческая" речь, „греческое" мышление? Протоплазмы такого комбината никто и не думал искать: греческое мышление как создание приемлется для розыска в пространстве самих греков. Остаются первичные формы греческого языка, устанавливаемые данными не осмысленной ни одним объективно сдерживающим центром голой звуковой кабалистики. Им нашли место в общем праязыке основательно отлученных от всего прочего человечества „индоевропейцев", господствующих классов Европы и созвучных им пластов населения Индии и Ирана, особенно „вымерших в лучших своих представителях". Такому праязыку ищут доселе место, но не время, ибо эта Ариаднова нить, свитая из такой непрочной материи, как ни с чем корнями не связанные в творчески движущемся мире трудового человечества звуковые закономерности, рвется при первой очной ставке с реальной историею: праязык выявляет себя созданием вне пространства и вне времени. И с праязыком остаются вне досягаемости, исчезают бесследно первичные формы реального образования греческой речи, так же как греческого мышления. Между тем, сами греки, независимо от всех этих схоластических навождений, имеют интимные

связи с Кавказом и по мифологии, и по топонимике, и по изначальным уже понятиям-словам звуковой речи, и производственным, и общественным, и зримо надстроечным такого порядка, как ἡ χείρ 'рука', κάσις 'сестра' или 'брат', ὁ ἀδελφός 'брат,' ἡ ἥλιος (|| дор. ἅλιος, особо гомер. ἠέλιος и критск. ἀβέλιος, ср. чув. χĕвĕl) 'солнце', ἡ μοῖρα || ὁ μόρος 'судьба' и десятки, сотни других основ коренной греческой лексики.

Самое название столь высоко оцениваемого по культуре средиземноморского народа, как греки, на Кавказе у грузин появляется с функциею коллективного социального термина gle + q̇ (и 'весь коллектив' и 'один' в живой речи), обозначая крестьянский слой населения, земледельческий (ср. арм. gəre + h - ı + k 'крестьянин', 'земледелец', 'один [- ı + k] из коллектива gəre - h || gle - q̇'). Ионы (ионяне), также коллективное название греков, свидетельствуется клинообразной надписью VIII в. со сложившейся рабовладельческой формой социальной структуры на Кавказе — в Причерноморском, чанском крае, следовательно, до появления греческих колоний на Черном море; в соответственной сибилянтной разновидности у грузин и армян то же „племенное" название также служит социальным термином с функциею обозначать 'знать', у грузин azna - ur, у армян aznow - a + kan (ср. арм. azn - ı + v 'благородный'). В основе термина и здесь двухэлементное образование a + zna - ← a - zan || a - zun → a - znu, причем zna - — основа и русск. „зна-ть" ↙ zna - ϑe. Сами же грузины греков именуют ber - d̆en, составным образованием из двух элементов (BC), из коих один (C) — d̆en ↘ zen — лишь социально-фонетическая сибилянтная разновидность, представленная многочисленно: san (→ zan) ↗ ṫan || ṭan ↔ ṫen || ṭen, откуда происходит и „печенег" ← pe + ṭen-e + g || груз. pa + ṫin - a + k и т. п., как наименование того же Причерноморского края, что в VIII в. носило то же название в губной разновидности yon ↔ yun.[1]

Теми же разновидностями не только насыщена вся топонимика, т. е. названия населенных пунктов, и вся „этнонимика", т. е. так наз. племенные названия Кавказа, но они успели, пережив тотемическую исключительность, стать общими, так наз. нарицательными словами, терминами для обозначения хозяйственных животных — 'собаки' (арм. шun, равно ṫun в груз. ṫun - kal 'сука', буквально 'собаки самка') и 'лошади' (древнелит. феод. груз. ḣon - e ↔ ḣun - e, арм. ḣen - q ['конница' →] 'наезд', ср. ṭen 'лошадь' в основе грузинского глагола ṭen - e + ḃa 'гнать лошадь'),[2] и для обозначения социальных слоев, в этот

---

[1] Н. Марр, Яфетические переживания в классических языках и 'вера' в семантическом кругу 'неба', ДАН, 1924, стр. 29—31; Об яфетической теории, ИР, т. III, стр. 1—34; Ольвия и Альба Лонга, ИАН, 1925, стр. 663—672 и другие работы, особенно „К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории" ИР, т. III, стр. 152—179.

[2] Н. Марр, К семантической палеонтологии в языках не яфетических сис-

раз господствующего феодального (дворянства, знати) или матриархального строя (см. термин zon ↗ d̆on в a + ma - d̆on, родит. 'Αμαζόνες 'матери-ионы' в легендарном полумифическом восприятии 'амазонки'). [1] А главное, налицо опять-таки взаимное величание, в этот раз грузин и греков, одним и тем же социальным термином со стадиальной сменой значений от тотемических домашних животных — 'собаки', 'лошади' — до знати позднего уклада феодального строя. В мифическом походе аргонавтов еще лишь наезжий вождь ἀσῶν носит то же название son (вм. шon) с детерминативом yar (→ ar), сведенным к yā, resp. ya и означавшим самостоятельно также 'солнце' (удм. ar 'год', русск. „ярь" ↙ yar - e). [2]

Основная часть названия самого состава похода argo -, с самостоятельно используемым у Гомера в значении 'корабля' 'Αργώ, также имеет двусторонние кавказо-греческие связи не только в топонимике, но и в космически-культовых и вообще нарицательных словах, именно при баскском argı ∼ artı 'свет', 'заря', последнее в составном ar + gı - zar ∼ ar + tı - zar 'утренняя заря', 'Венера' на Пиренеях, с двумя-тремя стадиальными разновидностями в Армении, при ванских царях у халдов (Qaldını) — Ardını 'солнце' ('божество', 'космическое божество', тотем халдов или халдинов), откуда арм. древнелит. arde - a + w 'действительно', 'явно', 'правда', ar - d 'днем сегодня', 'ныне', 'ноне' [3] и лишь с падением плавного r в „y" у армян, перестроившихся хозяйственно в hайев, собственно hay + q'ов ← har + q'ов — ay - g (← ay + gu) 'заря', 'утро' (ныне e + gu - ϑ 'завтра' и т. п.). Полный вид arge ⇄ argı тоже означал 'свет' → 'светило' ('солнце' или 'луна', или 'месяц', зависит от стадии), но пока факт, не подлежащий никакому сомнению, что этот также тотем, до армян-хайков (hay + q) явно еще космический, именно астральный, сохранился, во-первых, в названии местечка в Армении, известного и во время христианства в области Ширак (с суффиксом - na, означающим, казалось бы, 'место', как в названии страны ванских халдов Bı + ay - na) [4]

тем, ИГАИМК, т. VII, вып. 7—8, стр. 47, а также „Яфетические зори на украинском хуторе", стр. 24 [ИР, т. V, стр. 239].

[1] Н. Марр, К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории, ИР, т. III, стр. 168; Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык, стр. 56 [ИР, т. V, стр. 485].

[2] Так просто детерминатив вообще в клинописном формальном восприятии без дальнейшего уточнения, в языке, как в системе мышления, этот детерминатив — идеологический дифференциал, переводящий термин из одной социальной функции в другую, позднее из одного понятия в другое.

[3] Н. Марр, Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык, стр. 65 [ИР, т. V, стр. 492].

[4] Этот аффикс наличен с тем же значением и у грузин (qarϑ'ов), однако в роли префикса: na + qal - a + q - e + v - ı 'место бывшего города', 'городище' Na - go + m - ar - ı, название местечка, недавно почтовой станции на тракте, соединявшем г. Озургеты, центр Гурии, с Кутаисом, и известного летней ярмаркой, присвоенной христианской святой Марии (Marın - o + ba), можно бы понять из современных средств грузинского языка и мышления 'место (na-)

— Ar + gı - na; во-вторых, в имени ванского царя Ar + gı - ш - tı 'дитя светила argı' (мы сейчас не предрешаем 'месяца' или 'солнца'): это тотемическое название hay + q'ов, сменивших армян, современников первого классового социально-экономического образования на Иране с языком так наз. индоевропейской системы у господствовавшего слоя, Ахеменидов. Это те hay + q'и ← hay + k'и, что сменяют армян, неукротимых борцов, прославивших себя в клинописных памятниках Ахеменидов непрерывными восстаниями, а раньше боровшихся с той же неукротимостью под названием минеев, не получивших еще детерминатива ar-, с месопотамскими завоевателями, ассиро-вавилонянами. Их-то и сместили hayq'и, успевшие в собственном произношении свое родное тотемическое название hay - k ↙ har - k → har - g перестроить в hay + q, сохранив более древнюю разновидность Hay - k, как свой астрально-космический тотем в похристианском уже феодальном языке, так наз. древнелитературном, со значением светила 'Орион'. Без утраты же или падения плавного r, resp. l, Har - q в древнеармянской топонимике известный как название первого поселения прародителя *хайков* (hay - q) — армян, является лишь разновидностью халдов, в южной Армении в Ване и сирийско-арамейской Месопотамии смещенных армянами, уже господствующим на родине слоем не только при Ахеменидах Ирана, но и Аршакидах, одинаково с армянами в уточнение своего названия с новым содержанием имевших общий детерминатив ar-, являясь без него шаками, или саками (ша - k, resp. sa - k), т. е. скифами.

Не углубляясь в историческую трактовку этого вопроса об армянах и Аршакидах далее того, что уже опубликовано нами в печати, сейчас мы укажем лишь вторичное выступление халдов, уже с тотемическим названием hay + q (← hay - k). Оно представляет многогранный интерес, между прочим, и для вопроса о феодальном языке Армении, так наз. древнели-

---

бывших хлевов (gom - ar)', между тем значение 'место' за na устанавливается палеонтологически по формуле 'небо' → 'время + место'. Здесь na- детерминатив, показатель культовости (тотема, бога и т. п.), так наз. племенного названия go + mar, о чем речь будет особо (пока ср. komarıt'ы). Таково значение конечного - na в Bı + ay - na, где детерминатив следует за тотемным названием местности, как, например, patarı 'город' у тех же ванских халдов в клинописи, причем этот конечный детерминатив восполняет предшествующее ему слово ay с той же функциею, т. е. по отвлечении - na остающееся двухэлементное образование Bı - ay - представляет элемент B — bı (← bır ←→ ber) с детерминативом ay ↙ ar, являющимся таковым и в начале — AR - bı, что в таком виде, но с сохранением первого согласного (h ↙ k) налицо в названии известного также культового места, ныне села Kar - bı на южном склоне горы Арагаца (Алагеза), и оно же с придачей элемента D (- nı) — основа мирового названия армянской нации — AR - mē - n [AR - mē - ēn? ←→ AR - mī - īn? →], AR - mī - n, без детерминатива ar-: mı - ne, известные минеи, предшественники халдов в хозяйственном строительстве Армении, известные социально и за ее пределами в Малой Азии и в архипелаге Средиземноморья.

тературном. Мы ограничиваемся выдвижением того положения, что тотемное название hay-q ← hay-k, в архетипе har-q, двойник наименования ванского господствующего слоя „халд" (← q̇al-dʳınıⁿ), вовсе не ограничивал своей социальной емкости умещением в себе одних армян: рядом с армянами в его содержание входили и грузины-карты (qar-ϑ'ы), т. е. у грузин и армян одно общее тотемическое происхождение, один был тотем — первый; из этих двух со „средних" веков самостоятельных наций на исторической арене ни одна не является строительницею своего национального хозяйства до V в. Обе нации вполне оправдывают диалектику общественности: единство двух социальных слоев одного некогда первобытного общества с животными тотемами, впоследствии классового общества все еще с тотемически-космическим мышлением. От более древнего своего единства еще на различных стадиях первобытного, вообще доклассового общества, производственно-социальные слои, именовавшиеся теми же названиями (qarϑ'ами-gurd'ами и арменами-сомехами), но при совершенно ином содержании тех же, впоследствии по функции племенных, позже национальных наименований, создали производственные животные тотемы более раннего хозяйства, так, напр., 'лошадь', 'собаку', и перенесли их как наследие в свое новое, уже социально-экономическое образование, где армяне и грузины, как нации, сохраняют их в качестве простых нарицательных имен в различных значениях в зависимости от отправлявшихся ими на различных стадиях различных функций, именно 'собаки' → 'щенка', в родовом строе 'дитяти', вообще 'детеныша', 'лошади-самки', вообще самки: груз. ďağl (← ďa-ğal) 'собака', м., ч. ḏoğor id., баскск. zaqur 'собака', арм. ďa-g 'детеныш', 'птенец', sa-k ‖ ша-k ↙ мид. ша-kur-ı 'сын', ч. ṭa-k 'кобыла', арм. феод. др.-л. ey-g 'самка' и т. д. Дальнейшее обсуждение и разъяснение этих терминов требует привлечения, с одной стороны, производственных терминов, как, напр., ay-gı 'сад', с другой, — космических ay-g 'заря', 'утро', да материалов различных категорий, в том числе топонимических из так наз. эгейского мира доэллинской Греции, точнее — до возникновения „индоевропейских" греков, о чем несколько подробнее речь будет ниже. Приходится здесь обойти полным молчанием стадиальное развитие социальных терминов, в том числе в первую голову arqay 'царь', увязанного сотнями нитей не только на Западе в Греции с ἀρχή и ἄρχων.

В классовом же обществе единство двух производственно-социальных слоев, противоборствующих, расщепилось на два уже этнических, значительно позже сословных, национальных образования, армянское и грузинское, также, но более резко противоборствующих не национально вовне прежде всего, а внутри каждой национальности, чего прикрыть не могла никакая религия, в том числе и христианская. Наоборот, она

сама перестраивалась по внутренним факторам каждой национальной общественности, поскольку противоборство двух национальностей корни имело, как всегда, в противоречиях материального базиса. Эти противоположные производства, каждое ведущее в соответственном классовом национальном хозяйстве, уже наметились по языковым данным по многим стадиям, для которых письменных памятников нет или письменные памятники, когда и наличны, отражают лишь классовые интересы, и если не единственным, то основным источником по истории вообще остаются одни памятники материальной культуры, разумеется, когда они разъясняются идеологически, не только в отношении содержания, их общественной функции, их стоимости, но и их формы, реально — марксистско-ленински.

Тогда можно найти материалистическое разъяснение греч. ἀργός 'блестящий', что для Лафарга являлось первичным значением, поскольку в его распоряжении не было палеонтологии речи,[1] по которой прежде всего прилагательное есть позднейшее оформление того или иного качества или свойства имени-предмета, некогда тотема. И это не поколеблется нисколько, если вторая часть названия 'коня-корабля' 'Αρ-γώ, именно элемент A — gō (←gol, resp. gor) увяжется с одной стороны с ar + gur'ом (ὁ ἄργυρος) 'серебро', '*блестящий* металл', космически 'месяц + солнце', впоследствии по расщеплении 'солнце-день' ('небо верхнее') и 'луна + ночь' ('небо нижнее'), а с другой стороны не до расщепления 'нижнего неба', когда оно значило 'море + землю' или 'воду + твердь' (материк), а по расщеплении в двух так наз. семантических рядах, в мышлении отвечающем 'времени' и 'месту', надстройке производства и коллектива, именно его 'движения', 'действия' и 'стоянки', 'накопления', баскск. arqa 'закрома', массов. арм. arkəǧ 'сундук' и арм. древнелит. arkəḷ (род. arkeḷ) 'ковчег', где палеонтологически находит свое место и греческое название мифического корабля у Гомера 'Αργώ.

Так и с самой двухэлементной основой, будет ли это осмыслено по космическому мировоззрению, в частности астральному, по 'солнцу', 'утренней заре', как то мы видели на примере ayg 'утро', 'заря', нар. egu-ϑ (из eygu-ϑ) 'завтра' или производственно-культовому — 'раю', 'саду', подобно русск. „рай“ в значении 'неба', наличному в космическом термине „ра-ду-га“ (кстати, не 'дуга', а 'лук неба'), откуда ayge/ι 'сад', разновидностью которого как тотемическое племенное название является наименование догреческого или доэллинского мира, эгейского — E-gey-a (*Aι + γαῖ-ο + ς || -ον.

И почему их так много, этих „племенных“ названий у гре-

[1] Н. Марр, Доистория, преистория, история и мышление, ИГАИМК, вып. 74, 1933, стр. 14—15.

ков? Сами называют себя эллинами, соседи именовали их греками, соседи же восточные — ионами, иные — бердзенами, точно это малоизвестные в „мировом“ (собственно в замкнутом сословно-европейском) масштабе многоименные обитатели Пиренейского полуострова или Кавказа: иберы, испанцы, баски или грузины и армяне. И что значат эти названия-сфинксы „наиболее изученного“ средиземноморского народа? Они ведь отнюдь не исчерпываются данным перечнем ни за пределами греческого населения, ни внутри самой Греции. Сказать хотя бы о дорянах, по языку противополагаемых ионянам лишь диалектически (т. е. как говорящие на особых наречиях того же языка), будто они есть и были всегда лишь с особенностями одной и той же общей греческой речи, как ионяне, точнее ионы, оказавшиеся с своей собственной родной·речью в VIII в. за пределами Греции в районе их, греков, позднейшего появления уже как „просвещенных“ строителей колоний, „культуртрегеров“. А доряне, собственно dor'ы (←ďor, resp. d̂or), ведь, лишь тезки с социально-фонетической перегласовкой, т. е. со сменой произношения tal (←ṫal) ↘ sal, как называлось, с придачей идеологического детерминатива-дифференциала (ı-←hı-⤳sı-), одно социально-экономическое образование (раньше производственно-социальное) на Апеннинском полуострове доримское ı-tal'ов (отсюда I+tal-ıa) и другое на Балканском полуострове доэллинское ϑe-sal'ов (отсюда Θe+sal-ıa), и здесь „греческое племя“ выплывает вне пределов Греции уже на Западе, опять-таки в стране, наглядным связям которой, греко-римским, позднейшей, так наз. античной стадии, приходится противополагать теснейшие связи с более древним и древнейшим, первоначальным населением не только Балкан и Апеннин, но и Кавказа и Пиренеев, если оставаться в пределах Средиземноморья и вообще юга. И здесь также выступает с такими чертами родной язык и доров или ⌜и⌝талов. Так, например, само название страны по населению ϑe-sal, на космической стадии с тотемическим еще мышлением означавшее 'дети неба', 'небесята' и 'небесенок', в частности 'солнце', 'свет', 'лучи', в увязке космических представлений с производственно-общественными, как выясняет палеонтология речи, обозначало 'семя' во всех смыслах. Это и отложено в греч. ϑe+sl (↙ϑe-sal) 'семя', в основе глагола усеченно ϑe+sa 'сеял', откуда с осмыслением от соответственной стадии na+ϑes-av 'род', 'племя', 'народ', буквально при восприятии эпох родового строя 'посеянное'.[1] И с этим словом

[1] Впервые яфетидологическое толкование ϑesl и naϑesav обстоятельнее изложено в лекции, проработанной еще до 1924 г., появившейся в печати лишь позднее на грузинском языке „Qardvel erıs kulturulı шublı enaϑ meϑnı-erebıs nıq̇oϑvıϑ“ 'Культурный фронт грузинской нации с лингвистической точки зрения' (Mnaϑobı, 1925, № 5—6, стр. 26—27, отд. отт.), где больше обращено внимания на основы социальных взаимоотношений, вскрываемые анализом

мы не расстаемся, когда перед нами греч. ἧλιξ = γêl-ι + k-s' разновидность греч. ἥλιος 'солнце' [= 'день' → 'время'], со значением 'сверстника', по-дорийски звучит спирантно ἅλιξ (ср. греч. ἡλικ-ία [ἁλικ-ία] 'возраст') и основа ⌈h⌉al, двойник sal (↗ tal) у грузин означает 'пламя' (← 'огонь' || арм. hur 'огонь'), оно же по противоположности 'вода' (баск. hur), что прослеживается на юге в Африке вплоть до готтентотов в их составном термине (hur-ι + p 'море').[1] С космическим осмыслением данного элемента (А) в его социальном огласовочном оформлении „дорском", салском (sal ↗ tal → dal из d̆al) и „ионском" (ser ↗ ter ← der из ṫer, resp. ster → d̆er и т. д.) увязаны термины родства, в частности его имеем в лат. mā-ter || греч. mē-tēr 'мать' ↗ лат. pa-ter || греч. pa-tēr 'отец' и т. д. На Кавказе вся терминология родового строя увязана с этим осмыслением элемента А.

На этом палеонтологически освещенном конкретном языковом фоне и находят свое объяснение и такие, казалось бы, случайные созвучия и семантические встречи между Кавказом и эгейским миром, как груз. de-da⌈l⌉ 'мать', da⌈l⌉ 'сестра', арм. tal 'сестра *брата*', d̆al 'женщина' в груз. s-d̆al 'невестка', 'невеста' и т. д., технологически и 'рука' в основе 'давать' и в деривате 'сила' и груз. kar 'дверь' (← 'восход *солнца*', 'заря'), ныне обычно ϑιs-kar-ι 'заря', и греческая мифологическая пара Day-dal и I-kar, погибающий от солнца.

С таким материалом, образующим целые пласты той и другой речи, вопрос возникает не только о родном языке, но и о родной письменности этого доэллинского населения; работе над перестройкой соответственной речи и мышления, где в греческую, а где в римскую разновидность, естественно, рано или поздно придется уделить основное исследовательское внимание, если мы всерьез намерены покончить с цепкой мертвящей буржуазной идеологией во всех исторических науках, в частности и в истории материальной культуры, а отнюдь не в одной языковедной области. Это более глубокие связи с более древним языком и мышлением, родною письменностью и родной речью, отнюдь не греческой, но генетически связанной с нею и при самых ярких противоречиях не только на Балканском полуострове и далее на всем юге, средиземноморско-месопотамском, но и на севере. И кто отворачивается с классовой тупой ненавистью, обратившейся в природу, от этих сродных миров, тому остается сказать лишь одно: „индоевропейская прародина" упала с „индоевропейского неба". Но такого 'неба' нет даже в числе нараставших двух, трех и более мифологических небес. Оно незримо

данной пары слов, в том числе женский (материнский) или мужской (отцовский) строй, побратимство и пр., но тогда не было еще достигнутой ныне четкой установки вопроса о стадиальности, да и племенному началу все еще отводилось слишком широкое поле.

[1] Н. Марр, Готтентоты-средиземноморцы, ИАН, 1927, стр. 463.

и оно неуловимо, недостижимо среди хотя и мифологических, но все-таки надстроечных небес производства и производственных отношений с их трудмагическим действом, т. е. таким трудовым процессом, в каком с орудием и способом производства было неразлучно первонакопление опытных знаний, что ввиду его особенностей по нашему нынешнему миропониманию и именуется магиею, как в противоположность химии предшествовавшая ей наука называлась алхимией, т. е. той же химией, но с придачею мало кому известного арабского определительного члена al-. Вместо мистического в этих условиях al- мы магию в отличие от современной науки называем производственной, ибо она была таковой, как орудие производства, неразлучное с вещественным орудием. Определяется же она реально придачею прилагательного „производственная“ в противоположность религии с ее догматическим культом бога, как предмета ни с чем реальным неувязанной веры. Тогда же не было ни 'бога', ни 'веры', ни 'религии', ни, конечно, соответственного 'неба', местопребывания бога или небожителей. И свалившаяся с такого ирреального неба „индоевропейская“ прародина неизвестно куда попала впервые. Только не в Месопотамию. В этом районе „индоевропейцы“ приходят как третий этнический элемент: первый — яфетиды, второй — семиты, третий — „индоевропейцы“. В Месопотамии и ее окружении это иранцы, древние персы — Ахемениды, но это очень поздно и также неизвестно, с какого неба они свалились? где их „этническая“ прародина? Пусть „этнологи“ ищут то, чего никто не терял. А пока мы разъясним, что значит греческое слово τὸ ἔθνος.[1]

'Народ' ли „этнос“ (τὸ ἔθνος, род. ἔθνε-ο + ς || ἔθνου + ς)? Может означать и 'народ'. Ведь означает же azg у армян и 'род' (отсюда и azganun 'фамилия', буквально 'родовое имя') и 'племя', и 'народ' (даже в древности). Загляните в Моисея Хоренского. Написал он „Историю армян“, как будто 'великих', судя по теме первой книги „Генеалогия великих армян“,[2]

---

[1] Идеологическое разъяснение этого термина с точки зрения нового учения об языке см. Н. Марр, Значение и роль изучения нацменьшинства в краеведении, стр. 6—7 отд. отт. [ИР, т. I, стр. 241] и Яфетическая теория (Баку, 1928), стр. 64. Разумеется, у нас нет никакой возможности без коренного изменения всей общей установки принять как наследие следующие достижения индоевропеистики, воспроизводимые в сводном труде Boisacq'a, как результаты формальных изысканий наиболее авторитетных в этом кругу специалистов (DEG², s. v.): „ἔθνος средн. род 'народ', 'нация', 'племя' ← *sue-, см. s. v. ἔθος ['обычай', 'usage'] ← индоевр. *suedhos и ср. скр. sabhā, (← индоевр. *sebhā 'родство', 'сообщество', 'собрание', готск. sibja (sibya) и верхненем. Sippa 'единокровность', от формы *se- местоименной темы. Persson, IF II, 201, п. I. Гипотеза Fick'a, BB, 28, 106 [*Fέθνος' 'bande' → индоевр. *uedh; готск. widan 'связывать'] подлежит устранению“.

[2] Действительно, в армянском подлиннике древнелитературном читаются слова 'великих армян', но надо преодолеть грамотность гоголевского Петрушки, когда читаешь, как ученый, классово-национальное произведение историче-

за что его беспощадно клеймили, обвиняя в великодержавном шовинизме, и про свою нацию (I,2: azgı-s meroy) пишет: „хотя мы и малы ⌈дето⌉-производством (aŧu) и числом очень ограничены до незначительности“. А многие azg понимают как вероисповедание армяно-грегорианское, так что армяне-католики исключались одно время (а теперь за пределами Союза?) из понятия azg. У греков же для понятия 'народ' существовало особое, притом моносемантическое слово λᾱ-ος || дор. λῆ-ος, т. е. lā←lah-⁓las-||lē←ley, т. е. 1) наименование той первичной ячейки, которая с префиксом или детерминативом pe- и также с „племенным“ суффиксом -g является названием первоначального населения Греции: это pe-las-g.[1]

2) То же наименование в социальной разновидности с нёбной огласовкой, le-zu (←les-un, менее обоснованно lez-u), у армян пережило также моносемантически в значении нарицательного имени 'язык', как анатомической части тела (die Zunge), так 'языка-речи' (die Sprache), нареченной по названию говорившего соответственной речью коллектива. Название этого коллектива с той же огласовкой, но с элементом B вместо C, мы находим в названии острова Les+b-o-s, сменившем более древнее наименование Pe-las+g-ı+a, явно „племенное“ название населения.

3) И эти las'ы, наличные в ras-en'ах или et-rus-k'ах на Апеннинском полуострове, с двойниками в сибилянтной разновидности элемента C(g←k ⁓t→d) в азиатской части Средиземноморья уже в пределах семитического мира Pa+ley+s+tın-e 'Палестина', φu+raш-tı и φu-lıш+tım 'филистимляне', или 'пеласги', отнюдь не исчезали в позднее сложившейся Элладе. Сам топонимический термин Hel-la+d (им. Ἑλλάς) сохраняет то же „племенное“ название в виде

ского содержания: множественное число национального так наз. „племенного“ названия в древнелитературном значит и 'коллектив', собирательно — 'армяне' и 'армянство', и место действия этого коллектива — 'Армения'. Следовательно, армянское древнелитературное заглавие, не мудрствуя лукаво, значит „История Великой Армении“, 'великой' в смысле более обширной, точнее большей по размерам территории (лат. majoris), ибо при последней редакции Истории Моисея Хоренского было уже несколько Армений. Однако, если иметь в виду первоначальную версию той же истории или ее древний источник, когда не было еще лоскутной Армении, хотя бы после раздела ее между персами и греками, 'великих армян' есть основание понять как 'вельможных армян', ибо в книге действительно история феодалов Армении; более того и без определения 'великих' есть основание „армян“, в оригинале хайев (по-армянски hay-q, hayo-ϑ), понять как 'вельможных', поскольку так наз. племенное название hayq было наименованием лишь господствующего класса нахараров, а не народного массового, которым являлись к этому времени армяне, „арамейский род“, нося соответственное название эram-ık (↙ar-a+m-ı+ka). как нарицательное имя, означающее 'простонародье', 'чернь'.

[1] Н. Марр, К вопросу о происхождении племенных названий „пеласг“ и „этруск“, ЗВО, т. XXV, стр. 301—336; его же, La Seine, la Saône, Lutèce et les premiers habitants de la Gaule, Etrusques et Pelasges [см. русский перевод ИР, т. I, стр. 137—148].

спирантной разновидности (la ← lā ← lah) в сочетании с d, эквивалентом g, что в Pe-las + g'e [PE-lā + sg?]. При элементе A в полном виде (hel) с той же функциею детерминатива (формально префикса), что у pe- в pe-las-g (см. выше), та же основа D, но с нёбной огласовкой lē (← leh ← les) налицо в национальном названии греков Ἕλλην (← hel-lē-⌈e⌉n) с пережитком элемента C (hen) в виде e (← he), укрытого в долгом ē (lēn),

4) В той же линии языкотворческого процесса получен русский термин „язычник". Он происходит от слова „язык", но не в смысле анатомической части, или хотя бы — языка-речи, а по социальному термину, так наз. племенному названию: „язык" [ср. основу иранск. авест. hı + z-wa || пехл. hu-z-va + n и т. д. (← яфет. *yas-u + k⌈o⌉ представляет оформление суффиксом -u + k̇ (→ -u + ğ → u + q̇), см. „племенное" название yas'ы = yas, выступающее и в личном имени yā-son (Ἰάσων, род. Ἰάσον-ος) мифического вождя аргонавтов, и в армянском нарицательном az-g (← as-g)[1] и даже as-k в средневековом языке, вместо *ya + s-g]. В линии русско-кавказских социальных связей сюда примыкают не только „языги" (ya + s-u + g),[2] но и kas-o + g || kos-o + g и т. п. Сюда же со стороны Месопотамии, еще ярче увязанной с Кавказом, ka + s-ı + t'ы, с возвышением которых в Вавилонии связано в памятниках материальной культуры установление частной собственности.

Переходя к греческому названию племени, предваряем исходным нашим положением, что первично это название отнюдь не кровного социального строя, и с таким его первичным значением связано использование его усеченного вида ἔ + θος (род. ἔ + θε-ος = ἔ-θους) в значении 'быта', 'обычая' (ср. ἐθάς 'привычный', 'прирученный', 'familier', род. ἐθάδος, т. е. e + θa-d). Разновидность e + θe данного термина весьма ценна и полностью при толковании древнейших „племенных" названий (см. Ἐτεοκρῆτες 'этео-критцы', равно e + t-rus + k) и по частям (как e-, так -θe, resp. -te).

---

[1] См. выше, стр. 112.

[2] По [письменно] „Исторической географии" С. М. Середонина (посмертное издание, 1916 г., стр. 47) „языги" это сарматы, жившие по Бугу, и только. А кто сарматы? Это — „по наружности очень схожи⌈е⌉ со скифами; говорили, по Геродоту, скифским языком, только *испорченным* [Курсив мой. *Н. М.*]. В надписях сохранилось много „варварских" сарматских имен; известный филолог В. Ф. Миллер разобрал их, и в результате многие из них „признаны иранскими... к группе иранских языков принадлежит и теперешний *осетинский* язык; по осет. вода — дон" и т. д. А откуда происходит это слово don 'вода'? Каково происхождение „осетин", собственно „овсов", и их речи? И что такое по социальным факторам их речи сами иранцы? Кому не лень выйти из этого порочного круга, можно на первое время рекомендовать Н. Марр, Ossetica-Japhetica, ИАН, 1918 г., стр. 2069—2100; ИАН, 1927 г., стр. 433—440 и Скифский язык ПЭРЯТ, стр. 336—387 [ИР, т. V, стр. 191—223] хотя уже устаревшие.

Настоящий анализ ἔθνος мы начнем с констатирования факта, что у арамейцев-семитов, так и у древних сирийцев-христиан их „племенное“ название ʔaramāy-ā значило 'язычник', 'идолопоклонник', у грузин-христиан ṫar + mar - ϑ (более полная форма сохраненного сванами термина ṫar + ma - ϑ 'бог', собственно 'тотем сарматов') значило также 'язычник', 'идолопоклонник', а у армян-христиан 'язычник',[1] 'идолопоклонник' — heϑan - os. Оно же употребляется в смысле 'греки'. Казалось, что это греческое слово: ἔθν - ος,[2] но 1) почему spiritus lenis в армянском слове передано спирантом h? 2) почему армянский передает излишний гласный -a? и 3) наконец, почему армяне 'язычника', 'идолопоклонника' именуют, допустим, „искаженной передачею“ греческого слова ἔθνος без всякого дополнительного формантива, тогда как с таким значением у самих греков основа этого существительного появляется в оформлении на -ık: ἐθν - ι + κός? И окончание -ık с такой же функцией налично у армян. Это тем более неладно, что христианство было принято в Армении и пустило корни в ней восточное, сирийско-иранское, а не греческое. Правда, на этом именно основании мы предполагали поддержать греческое происхождение армянского термина heϑanos указанием на то, что армяне могли его усвоить через сирийцев, где начальное «е» с легким придыханием передавалось буквой γ, армяне же эту сирийскую букву транскрибировали армянской буквой h, и что сирийский текст писался без огласовки; вначале не было и диакритических знаков над- или подстрочных, таково было положение и в первоначальном армянском письме, и в этих условиях ἔθνος (сир. γ - ϑ - nōs) легко мог быть прочитан армянами heϑanos, но, во-первых, такой сирийской транскрипции пока не находим у авторов,[3] а, главное, остается странное явление, что за 'язычника', 'идолопоклонника' идет греческое имя существительное 'род', 'племя', 'народ' без всякого специального для выражения понятия оформления. Если дело имеем действительно с происхождением от греческого слова, то более вразумительно отнести его к немногочисленному кругу христианских культовых слов, усвоенных армянами с особым произношением из живой речи мешаного

---

[1] Этот долго терзавший своей формальной неподатливостью, ныне совершенно четко разъясненный термин имеет литературу с длительным колебанием в связи с голо фонетически-морфологическим к нему подходом, так Н. Марр в заключительной части языковедно-критического отзыва на труд К. С. Кекелидзе, издание грузинской версии Иерусалимского канонаря (ХВ, т. I, стр. 122), его же, Об источнике деградации народного бога ṫarm-aϑ [sic, вместо ṫar + ma - ϑ] в грузинской среде (ХВ, т. II, стр. 402—403).

[2] Так признавалось и мною, не говоря об индоевропеистах, см. Hübschmann, Armenische Grammatik, II, стр. 360, 234.

[3] Есть в словарях, но в чтении γaϑnūs, при том исключительно со значением 'народ', 'нация'. Впрочем, огласовкам сирийских рукописей, тем более печатных изданий, доверяться полностью нет основания.

*

армяно-греческого населения Византийской империи и получивших вскоре гражданство в национальном древнеписьменном языке, общем для Армении, как, например, ekeğeϑı 'церковь' ἐκκλησία. Однако еще вопрос, отнюдь не решенный, правда ли e-keğeϑı это разновидность греческого слова? По палеонтологии речи установлено незыблемо, что 'язычник', 'идолопоклонник' нормально выражается термином социального порядка, „племенным" названием, отсюда и названием то деревенского, то городского населения, и в том и в другом случае тотемом, это то же, что иноверцев, как иноземцев или инородцев, греки в язычестве называли „варварами". Племенным названием одного народа, иногда самого израильского народа 'гои' gōy-⌜īm⌝ евреи называли народы неизраильские, со внесением понятия 'враг', 'варвар', или прямо-таки 'язычник', т. е. не исповедывавших единобожия евреев. Это слово ни более ни менее как основа слова go-g 'гог', gu-ϑ⌜a⌝ 'гот', в еврейской форме множественного числа -ım, во что впоследствии перестроились пережитки элемента C—g→q (мн. ч. в армянском) в go-g 'гоги' и ϑa (←ϑa — мн. ч. в армянском) в go-ϑ [a]⟷gu-ϑa.

Однако и при возможности произвести арм. ḣeϑanós от греч. ἔθνος остается вопрос о происхождении его. Мы имели случай сопоставить греч. ἔθνος с арабск. medīn-eϑ^{un} 'город', опираясь на восстановление индоевропеистами дигаммы в начале вместо spiritus lenis — γe + ϑn-os, увязав таким образом его, во всяком случае medīn-eϑ^{un} 'город', но и 'страну', мн. ч. mu-dun^{un} с арабск. va-tan^{un} 'родина', и берб. mədən.[1]

Обозначая 'род'→'племя'→'народ', основа греческого термина ʒeϑn представляет двухэлементное (AC) образование, по оформлению тождественное с груз. ϑe-sl, 'семя', 'род', 'племя',[2] в архетипе ϑe-sal, что, будучи тотемом и „племенным" названием, покрывает собою название первичное θe-sal- или θe-t̃al- и в Элладе и Ital на Апеннинском полуострове. Соответственно и двухэлементное (AC) he-ϑn, в архетипе he-ϑan, в подъеме q̇e-t⌜an⌝, в сибилянтных разновидностях se-ϑ, ϑe-t⌜an⌝, во-первых, покрывает племенное название 'хеттов', во-вторых, разъясняет арм. şe⌜y⌝ϑ, героя языческой Армении, груз q̇e-t[3] и ϑe-t 'шаловливый', 'безумный', по новозаветному мировоззрению 'одержимый бесом q̇et'ом или ϑet'ом', в условиях же одной из стадий первобытного мировоззрения и первобытного мышления — дериват тотема, надстройки коллективного производства, замена тотема.

---

[1] Н. Марр, Карфаген и Рим, fas и jus, СГАИМК, 1928 т. II, стр. 386.

[2] См. выше, стр. 110.

[3] Казалось, что с полнотою первой части арм. нар. q̇en-ϑ также 'безумный', но это q̇en по элементу C относится вместе с его двойником ḣēn-q к эниохам, о чем см. ниже, стр. 119.

Как 'род', 'племя', 'народ' сигнализируются у грузин словами ϑesl, а также naϑesav, обозначающими первый 'семя', второй 'племя', так по установлении родового строя с „родом" увязывается имя действия или глагол: „роды", „рождество", „родить". И, оставаясь в кругу родовых понятий и 'семени', основа термина с восстановлением огласовки и с отвлечением префиксового детерминатива he-, т. е. ϑan, толкуется и как 'рождать', 'рождаться' сванским lı-ϑn-an-ı, аор. ad-ϑan-an, и как 'сеять' (арм. ϑan-el 'рассеивать', ϑan-q 'посев').

Но в дородовом тотемическом еще обществе „ро-д" значил еще 'небо' 'светило', отсюда русск. ro-k 'судьба', укр.→польск. ro-k ⤳ rī-k 'год',[1] отсюда 'подниматься', от сибилянтного вида основного элемента (D) в его составе — ros ←→ rus: перс. rus-ten, русск. прош. „рос", наст. „рас + т-ет", „рас + тен-ие", как в немецком претерит trug, наст. trag.

„Но „растет" 'поднимается' это перенос на растительный мир в связи с земледельческим культом движения 'солнца'. Мы переходим в мир космический, астральный, на сеянии или изливании света, resp. лучей которого утвержден был коллектив с соответственным производством и производственными отношениями: у персов отсюда 'свет', 'день' (rūz), 'светлый' (ru-шen-g), у армян 'луч' (loy-s ←→ luy-s ← lo + s-ı ←→ lu + s-ı), также у русских (lu-ϑ, lu-ϑe), лат. lu-ϑe ⤳ lu-q̇ʳeⁱ:lu-qs [→lū-sq?] и т. д. Однако мы не можем умолчать о большей древности 'луны' чем 'солнца' в осознании человечеством светил и их наречении и 'месяца-луны' (арм. lu-sın, lūna ← *lu-hun-a и т. д.), ни о большей древности связанного раньше с 'месяцем', чем с 'быком' или вообще скотом, термина русск. ro-g || (← ra-g → *ra-q →) rqa 'рог'.

Соответственно по линии основы греч. e + ϑn-os'a — ϑan (← ϑan, resp. ϑan || ϑen, resp. ϑen) мы имеем груз ϑen-a 'расти'[2] (m-ϑen-are 'растение'), 'подниматься вверх' (о 'солнце'), откуда ϑen-a || мегр., чанск. o-ϑan-u 'рассветать', груз. ϑen-a 'выявлять', ϑan-s → древнелит. ϑa-s 'виднеется', а по 'солнцу' и 'огонь': брет. tan 'огонь'.

Отсюда вопрос не только о домашнем 'очаге' (арм. ϑan-ur ⤳ ϑon-ır, ϑon-dır, груз. ϑor-ne [← ϑor + ene]) и 'семье' (арм. ən-tanı-q), как то наблюдаем со словом oǰaq̇, что у турок и русских имеет значение 'очаг', а у грузин — 'семьи', но и о 'доме' (арм. древнелит. пасс. tun, акт. tan), 'крове'.

Эта линия идеологической функции с домашним бытом вокруг 'огня' → 'очага' для нашей темы поучительна тем, что и здесь связью производственных отношений является не 'кровь', а 'огонь' → 'солнце', и лишний элемент, точно префикс,

---

[1] Н. Марр, Яфетические зори на украинском хуторе, стр. 61, 68 [ИР, т. V, стр. 263, 267].

[2] Н. Марр, К семантической палеонтологии в языках не яфетических систем, ИГАИМК, т. VII, вып. 7—8, стр. 28.

да морфологически так и принимавшийся за перфикс o←→u↘ [полностью o(←on)←→u(←un)] ən в o-d̂aq̇, ən+tan+ı-q, представляет детерминатив, первично общий тотем, родовое понятие, уточнявший следовавшее за ним specificum. Раз слово означало 'солнце', то оно же должно было означать и 'глаз', откуда и груз. q̇e+da 'смотрел'. С 'солнцем' и 'конь'; с 'конем,' не задерживаясь на его мифологической связи с 'солнцем', спешим к терминам социальной структуры, к более поздней ее форме.

Но he-ϑʳaˡn←he-dʳaˡn/q̇e-dʳaˡn и т. д. также имеет основание притязать независимо от пережившего в Элладе раннеисторического термина ἔθνος, на право быть исконним на Кавказе и в Малой Азии „племенным" названием, и, следовательно, потому стало термином для обозначения 'язычника', 'идолопоклонника' у армян-христиан в речи и письменности древних феодалов Армении (т. е. в древнелитературном языке); то же слово являлось и у грузин, и у армян выразителем 'конницы', 'рыцарского сословия', откуда древнелит. груз. m-q̇e+d-ar 'всадник', 'рыцарь', 'воин' (-ar первично не единственное число, а коллектив), арм. he-t-el+a-zor-q 'конные войска', равно глагол грузинский q̇e+dn-a 'объезжать', арм. he+tʳanˡ-el (аор. he+t-aw) 'садиться верхом на лошадь'.[1] Уже выяснено, что Q̇e-dan→Q̇e-d лишь разновидность Q̇aldın'a ванской клинописи, *Q̇arϑın'a→Q̇arϑl [или Q̇ar+ϑ-al→Q̇ar+ϑ-l] Грузии и т. д.,[2] что это — кавказо-малоазийская разновидность скифов, образование определенной стадии. От первого оформления с нёбной огласовкой (см. выше груз. q̇e-t↼ϑe-t← ϑel-q и др.), как тотема, у армян отложилось название культового предмета, в христианстве использованного в значении 'креста' — q̇e-ϑ (ср. армянское личное имя Q̇e+ϑo)→q̇ey+ϑ,[3] у грузин в топонимике с сохранением первой частью плавного — q̇er и с губной огласовкой во второй — -ϑu(↙ -ϑun) в основе крепости-местечка Q̇er+ϑu-ıs, массово-нар. Q̇er+ϑ-v-ıs; от второго оформления налицо название культового предмета, с утратой плавного у грузин (от них и у мегрелов рядом с сохранившимся у них полнее q̇an-t вместо q̇al-t)[4] q̇a=t 'святыня', а в христианской среде — 'образ', 'икона', у армян qa-ϑ опять-таки 'крест' (этот же термин также у персов

---

[1] Н. Марр, К вопросу об историческом процессе, стр. 286 [ИР, т. III, стр. 169].

[2] Н. Марр, Скифский язык, ИР, т. V, стр. 206; Из Пиренейской Гурии, стр. 34.

[3] Н. Марр, Еще о слове челеби, ЗВО, т. XX, стр. 99—151 и в предисловии труда, К. Костанянца Vımakan Taregır, Bibliotheca Armeno-georgica, вып. II, стр. X.

[4] Не касаясь сейчас вопроса, имеем ли в этом варианте элемент С (q̇an) вместо А (q̇al) или фонетическое чередование n || l, можно о материале осведомиться в работе „О религиозных верованиях абхазов", ХВ, т. IV, стр. 124—126.

и турок) ⟵⟶ q̇ayϑ,[1] у абхазов первая лишь часть q̇a в составе a-nə + q̇a в значении 'иконы', 'образа'.[2]

С конницей-дружиной, особенно рыцарями, уже приближаемся к тому общественному строю, где в представлении о господствующем слое кровь начинает играть роль, но и тогда сплачивают отдельные слои и объединяют их в одно целое факторы иного порядка.

Но в более ранние стадии, не говоря о начальных, и конница, и содружество увязаны социальным строем, освященным и скрепленным идеологически культом не крови своего коллектива, а космических тел, астральных предметов, их светом, и на этой почве приходится искать разъяснение мифов о построении города коневодами, тезками эниохов, предшественников тех же хедᴦинˀов-всадников и представляющих своим названием ħen + ı - o + q̇ разновидность ħen - q 'конница', сохранившуюся у древних армян в значении 'разбойничьи набеги'.[3]

Отмахиваться обывательски от этой сложной истории надстроечного мира, а, вернее, никак не понимать ее первостепенной важности для разъяснения социальной структуры, а, следовательно, способов производства и путей распределения продукции, равно стратификации коллективов, руководящих или эксплуатировавшихся в производстве, это явная попытка, чем длительнее, тем более злокачественная, негодными средствами создавать историю материальной культуры.

Связь eϑnos с 'огнем', следовательно, со светилами, прослеживается в топонимике родной в Элладе и по Средиземноморью, в частности, в названии такой огнедышащей горы, как Aetna ⟵⟶ Αἴτνη (⟵ Ar - tan || Ar - ten) в Сицилии.

Ведь мы, таким образом, сами того не сознавая, пригвождали (а не продолжаем ли и теперь пригвождать?) себя к эпохе замкнутой трактовки термина 'лошадь' в лоскутных шорах местного мышления, в частности вогульской его разновидности a-lаша, когда термин разъяснялся как турецкий вклад (это бы ничего), да еще занесенный из мистической азиатской прародины коней, а за конями людей (ср. такую же трактовку африканских культурных вкладов плетущимся в Европу в хвосте за африканскими конями людским материалом), или мистический волжско-финский вклад, поскольку отсутствовал учет повсеместной социальной раскинутости (стратификации) этого термина в Европе с Кавказа и Урала до Пиренеев. Учет наличия многочисленной его родни в закономерных соответ-

---

[1] Н. Марр в заметке о надписи из раскопок в Ани (ХВ, т. I, стр. 238), описанных в XI археологической кампании (ТР, кн. XIII, стр. 58), и в предисловии указанного выше труда К. Костанянца.

[2] Н. Марр, Якутские параллели к бытовым религиозным явлениям у кавказских яфетидов, ХВ, т. VI, стр. 352—353.

[3] Н. Марр, Астрономическое и этническое значения двух племенных названий армян, ЗВО, т. XXV, стр. 229—256.

ствиях не только у северо-восточных европейских племен, но и на Кавказе у племен отнюдь не финского и не турецкого круга, так у абхазов, в виде lаша (а̀-lаша) [lā + ша?],[1] вовсе не дает основания искать „прародину“ на территории Кавказа. Поиски наши направлены не в те или иные районы, а в те или иные социальные слои. Вопрос, следовательно, и не об абхазах вообще, а о коневодном социальном их слое. Нам уже не хотелось бы повторяться о том, что и тогда, когда есть созвучия в финских или турецких эквивалентах спорных терминов, еще недостаточно провозглашать их по происхождению финскими или турецкими, раз ни финская, ни турецкая палеонтология ничего не говорят о способе и технике их возникновения, предлагая лишь сравнительный, ни к чему не обязывающий генетический материал.[2] В исторических вопросах эпох тотемного мышления, где мы и к мистическому и к мифическому имеем основание (а теперь и возможность) подходить и материально, и материалистически, орудуя данными, казалось бы, отвлеченно-духовными языка, тем более, когда имеем иллюстративное подспорье в вещественных предметах, памятниках материальной культуры, нам нечего застаиваться на мистических подходах с мистическими жупелами миграционно разъясняемого особого финского или турецкого мира. Для истории восточной Европы указанных эпох тотемного мышления они в наличных своих представителях такие же исторические миры, как восточнославянский или, беря более конкретно, как русский, не моложе, не древнее. Их только и видные не яфетидологам взаимоотношения такие же исторические, сбивающие с подлинного пути исторических исканий, как, напр., упраздненный ныне разговор о происхождении общевосточноевропейского названия для 'коня' или 'лошади'— а + lаш + а (вог.), Lāш-q̇ название страны и Lāш-q̇ur реки в до-Латпарской Сванин, а-lаш-а (абх.), lаȷа (чув.), lош-а + q̇ (русск.), lıш-ma (морд.) и т. д. Независимо от того, использует ли его теперь вогул из племен „угро-финского“ круга, чуваш, сближаемый с турками, хотя бы „чисто“ турецкое какое-либо племя, или русский, или абхаз, еще в средние века именовавшийся русскими, или сван, оказавшийся ныне на стадии доклассового общества в ближайшем родстве с немцем (точнее с германцем, собственно гото-германским образованием),— они происходят из одной и той же социальной среды определенной стадии без замыкания в фиктивные природно-территориальные или природно-этническе и расовые пределы.

---

[1] О многочисленной родне этого названия, в том числе в топонимике и Кавказа, особо.

[2] Н. Марр, К вопросу о яфетидизмах в германских языках, ЯС, т. I, стр. 52, прим. 2. В этой работе 1922 г. анализ все еще без учета элементов,

„Кокошник" или „сорока", поскольку они неразлучно связаны с предметом материальной культуры, бесспорно происхождения эпох доклассового общества и, следовательно, тотемического мышления по самой его конструктивной природе, и, естественно, нельзя в лингвистической части толковать их данными одного русского или одних восточнославянских или хотя бы финского, угро-финского или турецкого языков, если бы и было в них что-либо подобное, в той или иной мере созвучное словарно.

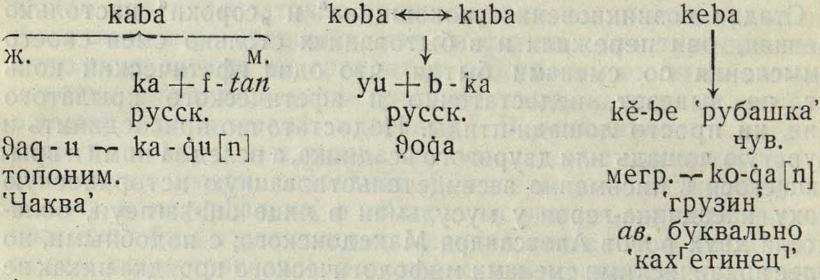
Стадия возникновения „кокошника" и „сороки" настолько древняя, они пережили и в бытованиях столько смен своего осмысления со сменами бытия, что один яфетический конь тут не вывезет, недостаточно и яфетического крылатого коня, ни просто лошади-птицы. Недостаточно присоединить и двурогую лошадь или двурогого всадника, а вслед за ними и врывающегося в письменно засвидетельствованную историческую эпоху наездника-героя у мусульман в лице ďul-ķarneyn, обладателя двух рогов Александра Македонского; с подобными, но более архаическими сменами мифологического порядка никак не разлучить „кокошника" и „сороки", т. е. мы даже с предметами одеяния приходим к одной из основных, если не к главнейшей из основных тем при изучении зверинца надстроечного мира. Конечно, мы не можем не жалеть, что не одни кавказоведы захвачены врасплох. По женскому головному убору народов, говорящих тем или иным языком яфетической системы, исследовательских языковедных работ, да работ материально-культурных еще меньше, чем по мужскому головному убору, [1] т. е. хоть шаром покати.

Однако дело не в том, идет ли речь об одеянии вообще или об его части, как-то головном уборе, поясе и т. п. Как в надстроечном мире смена образов за эпохи тотемического мышления отнюдь не исключает связь женского головного убора, ставшего бытовым из культового, и с рогатым зверем, и птицею, и небом, так то или иное представление о головном уборе было лишь частным применением того же представления, что о целом облачении. Смена же функции, быть в пользовании мужчин или женщин, является лишь свидетельством вступления мужчин, при патриархальном строе, в права женщины, нераздельно принадлежавшие ей при мат-

---

[1] Слабый опыт моей трактовки вопроса о происхождении чалмы, оказавшейся головным убором армянского царя Гагика, строителя замечательного монументального круглого храма в Ани, выяснив, вопреки обычным националистическим представлениям, связи „христианской" Армении с мусульманским миром в борьбе с христианской Византиею, вскрыл, что история самого головного убора, по-армянски звучащего араġош, далеко не разъясняется ни актом инвеституры со стороны арабских халифов в отношении армянских царей, ни как вклад арабской культуры. См. Н. Марр, О раскопках и работах в Ани летом 1906 г. (предварительный отчет), ТР, кн. X, стр. 20 сл.

риархате. С этим обстоятельством находится в связи, а отнюдь не случайность, что ka-ḃa в Грузии на западе у гурийцев и имеров значит 'юбка' — это женское платье, тогда как соответствующий мужской костюм на западе — ϑ̣o + q̇a, лишь в Гурии 'короткий кафтан', носит название ϑ̣a + q - ur, т. е. чаквинский или ϑ̣a + q⌜u⌝'ский. Все термины связаны с так наз. племенными названиями, в среде которых находят свое место и русские названия, как можно судить по следующей табличке:

Нужно ли нам останавливаться на связи в определенном семантическом разрезе 'птиц', в частности и любой 'птицы', с 'небом'?

Не может из этого обязательного круга уйти и 'курица'. В этом отношении исключительный интерес представляет „яфетический" термин, именно грузинский (по свистящей ветви) qaϑam || мегр. чанск. (по шипящей) qoϑum. При существовании одной сравнительной грамматики нельзя было постичь взаимоотношений даже чисто грузинских слов — qaϑam 'курица' и ṫkıs-qaϑam 'куропатка', буквально 'лесная кура', рядом с kakaḃ, также 'куропатка'. Что эти слова (именно qaϑam и kakaḃ) — разновидности одного и того же слова, не подлежало никакому сомнению. Было ясно, что они оба одинаково — продукт глоттогонии или языкотворчества „яфетической" системы. Было также ясно, что груз. kakaḃ не может происходить из перс. kaḃg, resp. kaφk [← kaḃk]. Теперь же, благодаря анализу по элементам, стало ясно, что, независимо от факта древности груз. kakaḃ, поддерживаемой в оформлении наличием не только в древнелит. арм. kaqaw и далее в арамейских языках, в частности сирийском ḳaḳḃa 'куропатка', ḳaḳḃānā id., равно в асс. ḳaḳaḃanū 'горлица' и в составе осложненного префиксом se- евр. se-kwī (← se-kvı-y [n] : sekvıy (Иов, 38, 36) 'курица', способ образования персидской и грузино-ассирийско-сирийско[арамейско]-еврейской разновидности в основной части (1. ka + b - k [a] ⁓ 2. ka-ka + b/v → ka-k + b) говорит и об исключительной древности и независимости их обоих: основное расхождение в способе образования то, что форматив k⌜a⌝ в персидской разновидности является суффиксом (-ka, resp. -k → -g, если еще не - q : kaφk), а в разновидности

целой группы языков, ныне входящих в различные системы „яфетическую" (грузинский), семитическую (ассирийский, сирийский, еврейский), промежуточную яфетическо-прометеидскую (армянский) — идеологический детерминатив [формально — префикс], притом или тот же (ka-) или его сибилянтный двойник se- (евр.), ибо основа у всех общая (двухэлементная: AB): ka-b (→ k + b) || ka + w (→ kwı), отнюдь не случайно совпадающая с грузинским названием то женского, то мужского облачения (см. выше, стр. 122), поскольку и здесь — перенос названия космического тотема, в частности, астральных терминов на облачение, первично культовое.

Этот круг космических понятий включает в свой богато сохранившийся архаичный полисемантизм евр. se-kwī, рядом с 'курицей' обозначающий 'Меркурия' (планету), 'северное сияние', 'облачное небо'. Ту же линию астральной значимости поддерживает арабская разновидность, представляющая удвоение основы данного слова (ka + b || ka + w) — kaw - kab 'звезда'. От этого удвоения нет возможности выводить образование с помощью детерминатива ka- || ko-, resp. ko- → go- → qo-, будет ли это с той же самой огласовкой — груз ka-ka + b 'куропатка' или с губной огласовкой груз. ko-ko + b ['звезда' →] эпитет 'красного цветка', 'розы' (груз. vard-ı kokob-ı), древнелит. qo-qo + b 'фазан', масс.-нар. q̇o-q̇o + b, ср. перс. kabg-ı kar 'фазан', предполагается „метафорически".

Ассирийское (ḳa-ḳa + bānu 'горлица') и сирийское (ka-k + bānā 'куропатка') образования включают себя еще в роли форматива, казалось бы, из элемента D (-na || -nu) при долготе предшествующего гласного (ā), но долгота здесь может быть позднейшим этапом огласовки элемента B по бесследной утрате им плавного исхода с тожественной огласовкой элемента C в спирантной разновидности an (← ḣān ⁓ san ↗ ṫan, resp. tan и т. д.): k⌈a⌉ + ba-an → k⌈a⌉ + bān. Предпочтение элемента C поддерживается и пережитком его в виде ī ← yı, усеченном виде полного yın (сибил. глух. tın ⟷ ten и т. п.) в se-k + w-ī 'кукушка'. С усеченным видом (t) сибилянтной разновидности элемента C (tan, resp. ten ⟷ tın) при спирантной (yın и т. д.) появляется основа ka + b⌈a⌉ при губной огласовке (o ⟷ u) второй части, элемента B (ka + poy ⟷ ka + puy ↙ ka + p°/ᵤ-r-), в арм. ka + poy - t ⟷ ka + puy - t 'голубой', дериват 'неба', откуда и значение 'птицы', присущее той же основе, у персов ka + bu + d - ar 'голубь' ← '*голубая* = небесная птица' (ar), у грузин kapoet (→ ka + puve-t вм. ka + poy-t).

Тот же усеченный вид (t) элемента C мы находим в основе слова kuro + pa + t - ka, по отвлечении позднее наросшего -ka, эквивалента ϑa (⁓ q̇a ← ğa ← k̇a, resp. ka), это — kur + o - pa, двойник ku-ba (↙ * kur - pa) с губной огласовкой первого слога, элемента A — kur, самостоятельно означающего 'курицу', resp. 'птицу' (см. ниже, стр. 128), но в сочетании с элементами и

B — pa, и C — t:* ḳur-pa-t, архетип первичной основы русск. „кур-о + па + т-ка“, является архетипом груз. ku + pa-t 'колбаса', но это в порядке культовых, в частности жертвенных терминов и нас отводит в сторону. Потому, указав лишь на предстоящую исследователю на этом пути встречу не случайную с арабск. ḳur-bān^un 'жертва', мы вернемся к значению 'курица' у слова с астральным полисемантизмом.

Вопреки, казалось бы, народной, на самом деле классовой „мудрости“ с эксплуатациею женщины при полном засилии мужского начала в неограниченном патриархальном строе, т. е. вопреки „народной“ поговорке „курица не птица, женщина не человек“, само слово „курица“, как „птица“, с общей их ласкательно-уменьшительной частицей -ı + ϑa, объективные показатели того, что на определенном длительном отрезке времени, задолго до полного мужского общественного засилия (однако не при изначально исключительном материнском праве, следовательно, на стадии становления господства отцовского права) женщина не уступила полностью своего общественного положения. Она удержала за собою или вновь отвоевала борьбой материнское право, притом более четко свое место в области производства и общественных отношений, отвоевала одно особо для 'девушки' и особо для 'матери', для первой перед становлением 'женой' ('невеста'), для второй по обращении в 'жену' ('невестка'). За этот период связь общественной структуры устанавливалась, но уже по сестрино-братской линии ('брак'), и жена не имела еще окончательно сложившегося общественного лица, положения правового супруги, охватывая собою два различных для „европейской“ стадии понятия 'невесты' и 'невестки' и деля женское право еще лишь по возрастному признаку в силу хозяйственно-общественной значимости производства детей между 'старухой' и 'молодухой', 'матерью' и 'дочерью', все еще без учета физиологического момента или с учетом его лишь при переносе этих социальных терминов, становившихся терминами кровного родства на животный мир, где производственно-общественные отношения, их содержание, сменялись физиологическими — 'самки' и 'самца', поскольку ϑa значит и 'мать-женщина' (ср. „цар-и + ца“), и 'девушка' (→ 'дитя' → → 'малыш', ср. „част-и + ца“). [1]

Это значит, что слова kur-ı + ϑa и pt-ı- + ϑa раньше, чем стать тем, чем они сейчас являются в словаре, первое — самкой определенного вида прирученной пернатой твари, второе — общим наименованием всякого вида пернатых, без учета даже их пола, одинаково обозначали в этом животном мире, сна-

[1] О переходе терминов родства в человеческой общественности с женских лиц на мужские, 'сестры' на 'брата' (ср. ďa → da ↙ ďal → dal), с 'матери' → 'женщины' (de-da⌈1⌉) на 'отца' и т. п. см. Н. Марр, Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык, стр. 96 [ИР, т. V, стр. 512].

чала — одомашненном, самок, но в человеческой общественности их содержание текуче и изменчиво. При изначальном матриархальном строе эти же слова без всякого добавочного оформления обозначали 'мать', что получило значительно позднее функцию вообще 'женщины' и даже в частности 'жены', раньше 'сестры' и 'дочери'. Потому чистая основа первого слова kur, представляющая губное оформление целого элемента, диффузно, без расщепления цельного комплексного звука на отдельные, да в них согласного и гласного, с гортанным оформлением (kal →) qal, у грузин сохранилась в значении 'женщины', 'жены', да и 'девушки', 'дочери', следовательно, некогда 'матери'. Слово это без всяких специфических признаков потому и получило функцию общего понятия 'женщины', что оно прошло все стадии общественного осмысления для обозначения и 'матери', и 'сестры', и 'дочери', и 'жены' и т. д., т. е. по мере того, как они возникали в материальной базе, производстве и производственных отношениях, оно могло обозначать каждое из этих представителей общественности, мы бы сказали теперь — юридических лиц. Потому-то и за пределами грузинской речи (груз. qal 'женщина' и др.) у армян в их языках переходной системы (арм. масс. нар. qur ⟷ qor, древнелит. феод. в *пассивных* падежах qoyr (← qor-ı ‖ qer̤) в *активных* падежах означает 'сестру', а в сванском языке полностью яфетической системы, именно в его шипящем слое, выявляют сибилянтную разновидность соответственной группы — ϑur → ϑ̤wır (ϑur-ı) [если не ϑ̤-wır] со значением 'сестры' в скрещенном образовании da + ϑwır 'сестра'. Этот термин представляет, однако, исторически нажитую в социальной шипящей группе непоследовательность по огласовке вместо do-ϑur, ибо оба представителя шипящей группы на Кавказе, и мегрельский, и чанский, в значении 'сестры' усвоили daḷ (← ďal) вместо do ← [d̂or ⟷ d̂ur] → ϑur ∼ ϑıḷ. Из них, впрочем, do, ϑur и ϑ̤ıḷ налицо, но они до исчерпанности использованы в дериватных значениях в процессе уточненного общественного уже в борьбе классов осмысления звуковой речи, построения или перестроения для каждого понятия особой разновидности, раньше с иной в корне до противоположности функциею: do (диалектически d̂o) для союза 'и', по получении им функции увязки общественной структуры, ϑ̤ıḷ-ı для 'жены', сначала коллективной, следовательно, после полиандрии, микрокосмически ϑur-ı для 'vulva', детородного члена, как части по целому, но в восприятии человека не как природного соматического вида животного, а как сам человек позднейший продукт производственно-социальной формации классового общества, член коллектива людей (тогда при матриархате только 'женщин-матерей'), так и vulva — члена и части общественно-производственно значимого коллектива целой единицы 'матери', впоследствии 'отца'.

Отсюда и культ фалла, позднейший, однако, социально-производственный, отнюдь не религиозный. Последнее начало, религиозное, по-космическое в мышлении, в базисе — эпох развития классовой разобщенности и классовой борьбы. Это лишь по осознании индивида и установлении позднее, при технологическом мировоззрении, физиологического восприятия человека как природного микрокосма. Однако полностью двухэлементное образование сванск. da-ϑ + wır, да и da-ϑur в активных падежах, с этой безукоризненно выдержанной губной огласовкой do-ϑur, сохранилось со значением 'дочери' у русских в основе уменьшительной формы „до + чур-ка“, хотя в значении союза 'и' у русских же появляется разновидность с гортанной огласовкой (этнически сармато-грузинской): „да“, точно в белорусском da⁓a (ср. польск. «a» и т. п.). Но особого внимания заслуживает, что моносемантически, т. е. с единым уточненным значением 'жены', 'супруги' в грузинской народной речи появляется ϑol. Это закономерная во всех отношениях преемница грузинского ďal 'женщина', т. е. то слово, что в составе требующего также и получившего уже разъяснение своей стадиальной изменчивой функции начального s ← sı термина s-ďal 'невеста', 'невестка', за одним существенным исключением: огласовка социально-губная (o ⟷ u), т. е. конкретно ныне по этнической терминологии мегрело-чанская, по формально-логическому построению — шипящего слоя скрещенной или гибридной (при биологическом понимании термина гибрид) сванской речи, на деле продукт технического разделения самого производства в производственно-профессиональном хозяйстве при скачке из доклассового общества в классовое, в надстройке — языке-мышлении — расщепление противоположно-функциональной идеи, раньше тотема, на две самостоятельного мышления 'понятие', 'мысль' и 'образ', 'форма'. Это в корне наследие или вклад соответственной социально-экономической формации с четким уже правовым положением жены. Какой формации? Также гибридной? Конечно, но не по биологическому восприятию гибрида, как продукта скрещения, а по общественно-производственной диалектике — расщеплению единства в две противоположности, как результата уже классовой борьбы.

Одно ясно: какое бы конкретное социально-экономическое образование это ни было, хотя бы и берское, охват его общественности был весьма широкий, отнюдь не примитивного племенного образования. В результате это слово в выясняющейся сложной обстановке у грузин в разновидности „народной“ речи гласит своим содержанием архаичнее, обозначая в разновидности все перечисленные производственно-общественные взаимоотношения в процессе становления их кровно родственными; стало, следовательно, общим их названием. Добавочное же оформление уже у русских с помощью -a,

пережитка [-ḣa↙]-q̇ a [←-k̇a] —-k̇a и его сибилянтного двойника в комплексе -ϑa, как и в слове „пт-и + ца“, относится к стадии с еще более сложными общественными отношениями, когда мужское первенство сменило женское господство, и qal→gal получил значение 'мужчины', независимо от добавочных частиц или слов (ср. gal 'человек' в шум. galu, скомпанованном из lugallu специалистами клинописи). Добавочные же частицы ϑa[← ḍa ← ṭa]←[k̇a→]ka это усеченные виды ϑal 'женщина', у грузин переведенной на губную огласовку в значении 'жены': ϑol (см. выше) и kal '*женщина', как то подтверждают его закономерные в отношении озвончения дальнейшие смены, шум. qal → груз. gal 'женщина'. [1]

С переносом в животный мир образования на -ϑa и -ка получаем, как было сказано, физиологическое осмысление 'самки', тогда как в общественности не позднейшее значение, общее 'женщина' и частное 'жена', а 'глава хозяйства', 'мать', расщепилось, по разделению труда в производстве и привлечению молодежи, еще при неограниченном матриархате, на два противоположные значения: 1) 'матери-родительницы', 'старшей', 'старухи', и 2) 'девицы', 'девушки', 'молодухи', с тем чтобы впоследствии уступить тот путь развития мужскому началу и активным силам сменившего матриархат патриархата.

Эту историю пережила не одна „курица“. О ней же свидетельствует своим состоянием и „птица“. За изъятием добавочного форматива -ı + ϑa, основа p + t- ← p + ṭa-, наличная и в словах „п + т-ен-е + ц“, „п + та-шка“ и др., составная и воспроизводит с усечением исходных плавных p⌜a⌝↙par и t⌜a⌝↙tar, что скрещенно в совместном использовании прошли смены таких значений, как 'мать' со всеми терминами родства по женской и затем, начиная с 'брата', по мужской линии, в том числе и 'дитя', 'ребенок', откуда и 'малый', например, груз. нар. pa + tar-a ← pa + ṭa⌜r⌝, resp. pa + ṭa⌜l⌝ || арм. массов. нар. (из шипящей группы) pu-ṭur, не говоря о длинном ряде терминов господства без дифференциации и позднее, по нарастании соответственной материальной базы, накоплении опытных знаний и усовершенствовании техники мышления, дифференцированно (с расщеплением диффузных понятий) — власть — руки и руководства тотемического, мастерства и знахарства, учительства и т. п.

Однако все наши разъяснения грешат одним большим грехом, именно односторонним или частичным применением палеонтологии речи. В предложенных разъяснениях стадиальность так или иначе, притом все-таки в известной лишь мере учтена в значениях основного слова, так 'неба' и в его сменах, в части

---

[1] Н. Марр, Заметки по яфетическим клинописям, ИГАИМК, т. III, стр. 293—298.

ли действительно небесных, космических явлений или в тех же путях возникших дериватов связанных с 'небом' представлений по мировоззрению и технике синтетическо-аналитического мышления. И в этой линии не учтены с той же последовательностью основные идеологические смены 'небо', 'море' и 'земля' и их дериваты [например, перс. kab-u + k ('птица' по 'небу', но определяемая цветом) 'птица лазоревая' ('синяя') по 'небу[1]- верхнему', 'солнечному' или по 'небу[3]- преисподнему', 'морю'] или учтены некоторые виды их попутно (как бы случайно), вернее — по той или иной связи с предметом нашего исследования, „кокошника", напр. с рогатыми зверями, дериватами 'земли'. И все-таки здесь со стадиальной смены значений завеса приоткрывается. Но совершенно не затронута стадиальная смена значений а) слов на службе связи или б) оформлений.

А. Так, 'дитя' из слов службы связи, каким бы звуковым комплексом это значение ни было представлено (-ska←⌐h¬ka← элемент С: -skan←⌐h¬kan), есть осмысление уже эпохи родовой формы общественной структуры.

Б. Колебание оформления между различными родами, в первую голову женским и мужским, нас относит в эпохи по вхождении в силу патриархального строя на смену матриархальному, когда сменяемый матриархальный строй, раньше господствовавший безраздельно и не нуждавшийся для этого ни в каком особом оформлении, уступив общую свою форму представителям именно мужской общественной силы, сам стал оформляться вновь придачей того или иного придаточного признака.

В. Элемент А губной социальной огласовки (o ⟷ u): kor ⟷ ⟷ kur (→ gor ⟷ gur → qor ⟷ qur↘ ⌐h¬or ⟷ ⌐h¬ur и т. д.).

Что этот ряд означал 'небо', 'круг', разъяснялось не раз, и в то же время kur, resp. qor, и без придатка какой-либо образовательной частицы означало 'птицу', resp. 'курицу', откуда:

1) Груз. qor 'коршун', древнелит. qor 'горница', 'комната' ← св. qor 'дом' (ср. груз. kar, см. ниже).

2) Тот же элемент А, но слабой ступени и в удвоении ⌐h¬or ⟷ ⌐h¬ur дает: арм. ur-ur 'коршун', русск. or-ol 'орел', баскск. gurpil 'колесо', груз. gogora 'колесо', gor-i + θa 'захребетная корзина', ↘ баскск. go 'верх' → русск. gor + a 'гора'.

3) То же слово kur при tu + mo 'голова' ← 'хвост' (ср. груз. du + m-a, арм. də + m-a + k 'курдюк'), kur-tu + mo 'гузка' (← *gur-zka ← kur-ska), фр. 'le croupion'.

4) В скрещении с элементом С при огласовке той же социальной группировки (шипящей) русск. „кор-шун", буквально 'небесенок', но это же скрещенное двухэлементное образование раньше обозначало тотемически воспринятое 'небо' (→ 'кров'), а отсюда все виды жилья или населенного пункта,

и его нельзя не усмотреть в названии города Корсунь (→kor + шun - e); но какое конкретное значение данное наименование имело, это зависит от стадии, на которой оно было впервые присвоено данному населенному пункту, судя по форме социальной его структуры (городской, сельской или более древней диффузной стоянки) и по ступени соответственного тотемного мировоззрения космического или более раннего животного, resp. растительного. В Армении его двойник, также название одного из древнейших культовых мест, еще при язычестве, потому и облюбованное древнехристианским строительством, звучит O - ďun. Это впоследствии, в VIII в., стан грекофильства, возглавлявшийся Иоанном Одзунским (Oďən - eϑ - ı), в длительно развертывавшейся борьбе двух местных феодально скроенных христианских церквей, восточной на службе персидского великодержавия и западной на службе греческого (мелькитского). Здесь Oďun может восходить к эпохе с тотемом 'змеею' (арм. o - ď 'змея', в языке армянских феодалов собственно с готским раздвоением o в aw (авест. o→ao) — aw - ď).

5) Оставаясь в пределах интересов „кокошника“ и „сороки“ целиком, т. е. и идеологически, и формально, или хотя бы только идеологически, я опускаю, во-первых, такие разновидности, тотемные дериваты того же слова, как арб. ḳur - ān (← ḳor - ʕan) 'коран', груз. a - kur + ϑq̇a 'он благословил его' [1] и т. п., во-вторых, держусь в первую очередь социального оформления губным гласным, хотя бы лишь первой части, элемента A, ибо с гортанной огласовкой (a ←→ ä), как и с небной (e ←→ ı), мы попадаем в другой социальный слой, хотя бы одного и того же социально-экономического образования, в результате чего мы имеем в одном и том же слове выявление би-социальной структуры хотя бы лишь по огласовке не только o (←→ u) — a (←→ ä), как ḳor - ʕan ←→ ḳur - ʕan и т. п., но и a — e вм. e ←→ ı, так, например, kar + a - pet, ker + e - me - t ←→ kır + e - me - t.

6) При разнобойности огласовки: a) гортанной огласовки элемента C — kur - a (женск. р., мн. ч. kur - ы) ← *kur - an 'курица', буквально воспринятое первично в смысле 'дитя', но также раньше просто 'небо' (ср. греч. ōr + an - ó + s ←→ ur + an - ó + s), равно дериват 'неба' → 'крова', 'покрова' арм. vər - an (↙ ur - an) 'палатка' ‖ q̇or - an 'палатка', 'свод', 'абсида' и *kur - ən 'жилище', 'хата', откуда 'курная изба', но с сохранением диффузного, resp. гортанно-заднеязычного по норме яфетической системы груз. k̇or - an 'ворон'.

Ясно, надо владеть исторически самой техникой мышления, чтобы сознательно следить за всеми этими сменами, стоящими в ярком противоречии с общепринятыми взаимоотношениями

[1] Н. Марр, Происхождение терминов 'книга' и 'письмо', ИР, III, стр. 240.

понятий с понятиями и вообще понятий с предметами. Здесь лишь сошлюсь на установленное уже яфетической теорией общее положение, что имя действующего лица (nomen actoris, nom d'agent, актив) и имя действия (nom d'action) выделились из одного и того же образования, раньше и не оформленного никакой надбавочной служебной частицей, как в так наз. архаических образованиях такой схоластическо-грамматической категории, как повелительное наклонение. Кстати, потому сейчас излюблено восприятие имени действия, так наз. неопределенного наклонения, с функцией повелительного наклонения, ибо в языкотворчество внедряется низовая масса с ее доклассовым мышлением. Сошлюсь также на то, что имя действующего лица это не словесная звуко-техническая, а первично мышленная надстройка, тотем, как название служителя тотема, 'почитателя' его, впоследствии 'язычника', специально 'жреца'; это тотем по сопричастию, сначала весь коллектив, затем, очень поздно, по нарастании представления о частной собственности и, следовательно, выработке соответственных местоимений единственного числа, отдельный член коллектива, во власти, как и коллектив, тотема, владеемый им. Коллективность же есть путь, по которому позднее получено через общее понятие (надстройку обобществленного предмета, орудия производства) — отвлеченное понятие, каковым в надстройке является имя действия, уже не образ для представления, а акт для уразумения.

В этой линии нарастания и смены значения γomer, предполагаемое имя автора греческих эпических творений, раз оно также не оформлено, могло бы иметь значение не только персональное 'певца', 'сказителя', но и действия и продукции, самого творения. И если в цитированной уже работе [1] по социальной среде термин разъясняется как шумерский, resp. иберский, то на севере, в восточной Европе, это не только чув. yomə-z 'колдун', 'знахарь', но suomı, resp. komı [←skomı] и т. д., [2] ряд коллективов (мы назвали только два), которые, будучи различными социально-экономическими образованиями, носят, однако, разновидности одного и того же наименования, следовательно, это и тотемы, и так наз. племенные названия, собственно названия всей формации и каждого ее члена. И если в линии развития тотема и созидания его дериватных понятий, помимо значительно позднее возникшего 'бога', мы имеем и 'колдунов', 'знахарей', 'кудесников', то в линии развития общественного строя, смены его форм, общее наименование коллектива, так наз. племенное название, получает функцию обозначать и каждого члена коллектива, как право-

---

[1] Н. Марр, К толкованию имени Гомер, ДАН, 1924, стр. 2—5.

[2] Н. Марр, Суоми-карельские и сомех-картские языки, ДАН, 1929, стр. 29—33 [ИР, т. V, стр. 389—392].

мочного общинника, следовательно, обозначать социальные взаимоотношения, что при родовом строе дает термины родства.

Отсюда разновидности suo + mi ~ ko + mi, тотемически на соответственной стадии наименования господствующего социального слоя, первое — нынешнего населения Финляндии, второе — обширного некогда края от реки Камы до Печоры, всего севера, из полных видов suo - mir ~ ko - mir. Производственно-общественное осмысление этих слов сейчас дает жизнь и плоть, содержание, как идеологическому использованию, так технике выявления, формальному моменту этих слов, отрешенно лингвистически уже отожествленных в работе „Суоми-сомехи и карелы-карты“. Они от позднейшей стадии населения прибалтийских стран той же Финляндии и Эстонии, и по религиозно-культовому осмыслению 'бог', у эстов yu + mal, у суомиев-финнов, как тотем именно суомиев — yu + mal - a, что на Кавказе имеет многочисленных двойников в терминологии:

а) культовой, как-то har + ma - z, дохристианский 'кумир' Иберии-Грузии, сибилянтно ṫar - ma - ϑ 'бог', переживший у сванов, тотем сарматов (sar + ma - t) эпох шаманского мировоззрения. Отсюда у грузин еще древних, феодалов, уже в классовом выявлении алфавитной письменности архаичнейший вид ṫar + mar - ϑ 'язычник', собственно 'оборотень' или воплощение кумира того же наименования, также религиозно-культово у чанов с их социальной огласовкой, общей с феодалами древней Армении, да Грузии, — ğer + me - ϑ, феодальное древнеписьменное грузинское, собственно тотемически иберское ğ + mer - ϑ, у тех же грузин-иберов без придаточного элемента C (-ϑ) — дохристианский языческий бог ker - p господствовавшего хозяйственно-социального слоя не одного доклассового общества Грузии-Иберии, на еще более ранней производственной стадии того же общества — тотем, отсюда у армян ker - p 'образ', 'форма' и далее на Иране;

б) социальной терминологии с детерминативом личности me — у грузин — me - gobar 'товарищ', 'друг', 'один из производственного коллектива go + bar', без детерминатива у мегрелов qo - mol 'мужчина' и т. д. Итак, эст. yu-mal и суоми-финское yu + mal - a, помимо таких (да еще более многочисленных) двойников в терминологии и культовой [раньше производственной, потом религиозной], и социальной, находят свои закономерные соответствия, свидетели их единого общественного происхождения подлежащей стадии, родовой, в таких терминах родства как чанск. d̂u -maᴦlᴧ (мегр d̂i + maᴦlᴧ) 'брат', груз. d̂ma (из d̂a + ma-[r]) 'брат', но и 'товарищ', груз. q - mar 'супруг', 'муж' и только. А мегр. qo + m - on - d̂? Но здесь осложнения техники, ибо налицо лишний еще элемент - d̂, а то лишних два элемента -on - d̂. А чанское qo + mo - d̂? Во-первых, здесь в этой разновидности опять-таки один лишний элемент - d̂, если не d̂i,

*

а главное, оно более древней стадии, ибо значит и 'супруг', 'муж', и 'мужчина'. Между тем, мегр. qo + m - on - d̂ı только 'муж', 'мужчина', а чанск. qo + mo + d̂ и 'муж', 'мужчина' и 'муж-супруг'. Впрочем, еще яснее для незнатоков презренных и в глазах самих раболепных кавказцев грузинского, мегрельского, чанского языков, но хоть элементарно знающих русскую речь, те же разностадиальные соотношения между термином „'муж'", означающим и 'мужа-супруга', и 'мужа-мужчину' (это более древней стадии) и термином „мужчина", означающим исключительно 'мужа-мужчину', и, как это ни странно, с женским окончанием, это более поздней стадии. И это уже разъяснено, и всем известно, кроме затыкающих свои уши и закрывающих глаза от ослепляющих и оглушающих их революционизирующих волн света-грохота. Поскольку известно, что женское окончание -а идет не от первичной стадии нераздельного господства матриархального права, а от надстройки той стадии производства и производственных отношений, когда в профессиональном социальном образовании мужской социальный слой захватил производственно господствующее место, сменил в части производства женский коллектив, добыл преимущество мужскому, впоследствии отцовскому праву, но женский коллектив, безоговорочно представлявший раньше господствовавший или руководящий слой, отстоял себе часть прав, связанных с сохраненными за ним видами производства, в том числе не только корма и воспитания, но и суда и т. п. Потому „судья" (← su + d̂e - a) также женского рода, как и слово „мужчин-а", раньше означавшее не 'мужа-супруга', и не 'мужа-мужчину', а 'мать-женщину', придаточный же „- чин", последующая ступень озвонченности d̂ın, и представлен с усечением исходного - n — d̂ı в мегр. qo + m - ond̂ı и чанск. qo + mod̂ı, а с утратой и огласовки и без фрикативности это - ϑe ← - ϑ чанского ğor + mo - ϑ 'бог', св. ğer + me - ϑ и т. д. Если же искать ближайшего двойника чанского d̂u + maᒥᒣ 'брат' по формальному моменту, то мы должны бы указать не только go + bar без детерминатива me-, основу груз. me - go + bar 'товарищ', 'друг', еще не 'брат', но и готскую разновидность без всякого начального или конечного придатка — gu - ma 'муж', 'мужчина', но только и это уже образование более поздней стадии. А что следует здесь напомнить, так это два слова армянской феодальной древнелитературной речи, располагавшей уже уточненным термином для выражения 'супруг' без всякого морфологического указания их пола или грамматического рода: это — сохранившая полностью заключительный придаток sın, разновидность d̂ın'a, составной из тех же элементов ABC, что чанск. qo - mo - d̂ı, именно a - mu - sın. А что значит d̂ın → ϑ̂ın или их армянская разновидность sın, это нам скажет лишь стадия, опрошенная с учетом всех ее качественных и количественных показателей

не только материального базиса и его техники, но и его надстройки и ее сложной техники. Пока отметим на всякий случай, что и без него, этого дополнительного придатка, основная двухэлементная часть (AB) с элементом B в непочатости трезвучном mol (⟷mul) виде, именно a-mol (⟷a-mul, особенно pl. t. a + mol-a) означает ['супругу' ←] 'одного из упряжи' ~ a-mul 'бесплодная' (лат. sterilis).

Все сказанное подтверждает, что основной источник творимых кем бы то ни было зол в исследовательской работе по теоретической проблеме о ἔθνος и определяемой им форме социальной структуры, это то, что термины родства (допустим, по крови, словом — родового родства в нашем нынешнем понимании термина 'род') воспринимаются без ретроспективной, т. е. озирающейся на совершенный путь осведомленности, обоснованной на достижениях нового учения об языке, его палеонтологии речи.

И вот со скачком от производственно возникших социальных терминов на конкретные термины родства (это по стабилизации родовой формы социальной структуры) только и возникло общее понятие — слово 'род', перестроившись из общего понятия-слова для дородовой, сменившей тотемизм профессиональной формы трудового процесса, именно из термина, означавшего цех, что в свою очередь для каждого вида производства с его неделимой техникой имело первоучителя, раньше тотем, соименный с самим рабочим по данному производству коллективом, одним из профессиональных слоев единого хозяйства, в целом представлявшего первобытную формацию. При этом эти различные тотемные образования в зависимости от различных производственных профессий в свою очередь на различных стадиях развития ряда производств были и космическими, в частности астральными, и животными, прямо-таки звериными, и растительными (в какой последовательности, это особая проблема). Так, в языке феодалов древней Армении, уже в обществе классовом, описываемом историком Хоренским, 'род' назывался ϑe-ğ, а это слово означало 'цех', т. е. людей одного производства (перс. ham-kār, груз. am-qar-e, как нем. „Ze-ch“, подобно последнему восходя к своему формальному архетипу ṫer-ğen ← ϑer-q̇en), что на соответственной тотемической стадии означало 'ребят', или 'товаришей' (q̇en ⟷ q̇ın) производственного коллектива с тотемным названием 'небо' (ср. арм. ṫır ⟷ груз. ṫer → ṫre 'круг'). И тогда той же профессионально-социальной формации другой производственный коллектив оставил в речи тех же феодалов также классового общества свое тотемное наименование a-zg, средневековое a-sk (→ a-sı ~ a-gı) уже со значением 'народа', 'нации' и 'племени', да 'рода', а еще у халдов 'семьи-дома' — a-sı, у сванов 'дома' a-gı.

Так и груз. go-war, нар. g-var 'род', слово общее для

наименования всего коллектива и для каждого его члена, как то 'товарища', 'друга' me-go+bar (груз. с детерминативом me-), при родовом строе 'брата', чанск. du-mal, 'супруга', груз. q-mar и т. д., и отсюда так наз. племенное название ku-mar-ı+t, да и 'небо', 'свод небесный' ka-mar, на астральной стадии 'месяц', арабск. ka-mar, откуда и 'счет' или исчисление по-армянски ha-mar (перс. ш̄u-mar), с чем, в частности, имеет не случайную связь и грузинское название армян so+me-q̇ и т. п.

Однако счет не такое простое дело, каким он теперь всем кажется. Об одном надо предупредить, что сложность не в разности предметов исчисления и трудности единого способа счета отвлеченными числовыми понятиями: когда с одним легко справиться поштучным перечнем руками или пальцами рук, для другого требуется счет емкости или массы, и совсем иное дело исчисление пространства с его содержанием и иное времени с его событиями. И сейчас грузин, верный многостадиальной системе своего языка и с ним мышления, выявит себя не грузином, если, справляясь о числе комнат в доме, спросит: „сколько комнат?“ — без приложения слова ϑval 'глаз': „сколько *глаз* комнат в доме“, не отдавая себе отчета в том, что здесь речь не о 'глазе', а функции комнаты в доме, в сакле, иметь не слуховое окно, а освещающее для восприятия света, лучей светила, что и означало раньше космически и тогда это было достоянием лишь одного производственного коллектива, носившего соответственное так наз. этническое название, именно ϑobal, или ϑobel, откуда и название Тифлиса— tpıl-ıs, ϑbıl-ıs (из ϑobelıs), а вовсе не прилагательное ϑbıl 'теплый', лишь качество того ϑobel как светила, уже 'солнца', и, разумеется, не по связи с минеральными водами. Таким же не грузином выявит себя грузин, когда, собираясь заказать два костюма, два комплекта платья, а то и два блюда кушанья, скажет: „приготовьте мне два костюма, два комплекта платья“, „приготовьте мне обед в два кушанья, в два блюда“, а не: „принесите мне две *руки* платья (orı q̇elı tanısamosı), „принесите мне на обед две *руки* кушанья“ (orı q̇elı saṭmelı), а рассказывая о смене событий во времени, он вместо „то-то“, или „раз-раз“, или хотя бы „иногда-иногда“ не скажет „время-время“ (q̇an... q̇an) и т. п.

И как действительно далеко мы скакнули не только от действительно „доисторических эпох“ индоевропейского научного мышления, когда мегрельский казался если не испорченным грузинским, то его как бы наречием или одним из языков картвельской группы, но и от того этапа в развитии все еще по названию „яфетической“ языковедной теории, когда грузинский и мегрельский с чанским определялись как языки одного общего типа, как мы выражались — одной ветви (сибилянтной), причем каждая из сторон или половин этой ветви

осознавалась как группа, представлена ли была (предполагалось — по несохранности) одним языком или несколькими, одна группа — свистящая, представленная грузинским языком, другая группа — шипящая, представленная двумя языками: мегрельским и чанским.

Естественно, всякое уклонение от этой нормы, добытой, как в естественных науках, эмпирически, казалось выходящим за пределы правильного теоретического мышления, научно недопустимым, и при всей противоположности старому, успевшему сжиться с классовыми историческими традициями учению, индоевропеистике, порождению европейского буржуазного мира, и в этом смысле революционности и даже материалистичности, получавшейся от разработки ее в тесной связи с историею материальной культуры, новая языковедная теория носила в себе ряд очажков явной непоследовательности, то в идеологии, то в технике, вытекавшей, главным образом, от невольной в недоработанных частях приверженности формальной логике. Достаточно сказать, что исходным пунктом классификации брались взаимоотношения отдельных звуков вопреки фактическому положению, технически ею учитывавшемуся, но идеологически не осознававшемуся, именно вопреки тому, что взаимоотношения определялись сменою не одного, а двух и даже трех звуков, т. е. целых элементов, четырех лингвистических элементов в апогее своего развития полностью трехзвучного (согласного + гласного + согласного), по утрате одного из звуков своего состава — слогового.

От осознания сложной истории этих элементов, лишь бегло указываемой здесь, прежние достижения по взаимоотношениям отдельных звуков отнюдь не теряют значения, но при одном условии, именно, когда им отводится место на соответственной стадии развития. Так, грузинский, оказался более классово-развит, а мегрельский и чанский, или лазский, более доклассово. И идеологический момент выступил ярче, продвигая вперед содержание, не вытесняя формального момента и сочетая с ним диалектически способ выявления содержания, т. е. технику мышления. В результате чанский, он же лазский, оказался отнюдь не разновидностью одной глоттогонической стадии с мегрельским языком. Так, в частности, термин 'бог' у мегрелов ǧor + on - ϑı разъяснился иначе, чем раньше, когда предполагалось, что в нем имеем мы фонетическое видоизменение чанск. ǧor + mo - ϑı. На деле в них чередование двух элементов, элемента В (-mo-) с элементом С (-on-), причем в результате от появления элемента С (предшествовало ли оно, или последовало), мы получаем на первый взгляд разлучение чанского, или лазского, с мегрельским и сванским и др. и в то же время сближение его непосредственно с греческим, разумеется, не с цельным массивом единого греческого языка, чего в природе не суще-

ствует, а с определенным, одно время ведущим слоем, наличным в речи и позднейшего образования лишь как строительный материал, структурно уже осознаваемый самими говорящими, ибо говорящие и на классическом греческом, классовом языке, в доклассовом состоянии вовсе не были греками, как мы себе „этнически" их представляем.

В то же время не только в стране ныне мегрельского населения, но и в Лазистане, все побережье Черного моря было во владении господствующего социального слоя ионов, отнюдь еще не греков. Для них элемент on из ḣon ⟷ ḣun, явно родной тотемный, делает непосредственно близким двухэлементную основу ğor-on и для населения Лазики, доселе называемого соседями, в том числе и грузинами ṭan'ами, разновидностью zan, как называют потому мегрелов сваны (zan-är), и шon ⟷ шun, что сохранилось у сванов с перестановкой (шnu) в названии и их родного языка (lu-шnu), и их собственного племени (mu-шnu), а в сопредельных ныне со сванами странах, Раче и Имерии, в спирантной разновидности ⌜h⌝on ⟷ ḣun от того же господствовавшего в крае социального слоя zan ⤳ yon в названиях городов On-ı (вм. Hon-ı в Раче) и Q̊on-ı (↖ Hon-ı в Имерии). При этом господство этого социального слоя в VIII в. до н. э. находило свое государственное оформление в царстве Юниев (Yun-ı), о чем свидетельствуют каменописные анналы ванского царя Сардура, сына Аргиштия, на халдском языке. Мы уже не повторяемся о первичной длительности этого же образования за более древние эпохи, во всяком случае за стадию доклассового общества с тотемическим мышлением. От этой стадии ряд названий как племен, стран (равно городов с детерминативом AN, 'тотем' уже иной производственной группировки) в бассейне Чороха и в б. Карсской области и в названиях рек по всему северному побережью Черного моря (Don, Tan + aı + s, Dunay, Dan-u + b, Dn + epr [ср. E-bro] и т. п.).

Столь же глубоко ведет нас первая часть, уже общая, у тех же основ ğor-mo ⤳ ğor-on, именно ğor ⟷ ğur, без фрикативности наличная в названии, казалось бы, вклинившейся позднее между чанами и мегрелами Гурии (Gur-ı + a), на деле удела именно господствовавшего по всему восточному побережью социального слоя гуров, название коих тотемически 1) с придачею детерминатива личности me-, эквивалента e- у сванов (he- → e-), армян (e-) и немцев (he- ↗ ge-), налицо в так наз. племенном названии груз. me-gr-el (← me-gur-er || ma-gr-al по свидетельству греков с „опиской" ma-nr-al + ı = μανράλιοι, мегр. mar + g-al-ı, арм. e-ger-a + ϑı-q) и 2) в сочетании с элементом С со сванской огласовкой (e ⟷ ı) пережило также в тотемическом наименовании реки, прорезающей Сванию в страну эниохов (Hen-ı-o + q̇) в Абхазии, и берущей начало из той Рачи, с городом On-ı, откуда

течет река с тем же on в составе в предшествии рачинского тотемического детерминатива ri- (Ri-on) орошать страну имеров, где от строительства тех же ионов, как было сказано, сохранился ныне городок Хон-и.

В обстановке таких связей со стадиями доклассовых обществ различного уклада, включая первобытную с тотемическим мышлением и докосмического мировоззрения, на стадии возникновения двухэлементной основы ǧor + on при космическом восприятии означал 'небо' = 'время + место', что является в разновидности q̇or-n ⟷ hor-an (⟷ hur-an) архетипом греческих слов ōr + an-o + s ⟷ ur + an-o + s 'небо', да еще в единстве противоположности χρ + ον-ο + ς 'время', одна от осознания действия или производства — 'время', χρ + ον-ο + ς (вместо q̇or + on-o + s, ср. груз. qor + on-ik + on 'дата по исчислению уже движения светил'), другая по осознанию места производства в сибилянтной разновидности ϑor-on 'место', полностью в греч. ϑρ + ον-α + ς 'трон', раньше 'место производства', 'остановки', как ϑ or в составе арам.-сир. ʼa + ϑr-ā (из ʼa + ϑor) 'место', арм. a-ϑor 'местопребывание', 'седалище', 'трон', и самостоятельно со сванской огласовкой арм. teǧ-i (← ter-i) 'место'. Что полногласное ϑoron действительно существовало в соответственной социальной среде в значении 'неба', даже 'верхнего', 'астрального', в этом легко убедиться, вспомнив об его наличии в виде tor-on в основе названия тезки 'неба', именно 'голубя', у мегрелов tor + on — ḍi.

Ясно, что 'трон', хотя бы 'стул', является в надстройке осмыслением в процессе нарастания в ней позднее коллективного осознания нового производства с его техникой и новых производственных отношений на позднейших стадиях, как отнюдь к первобытным стадиям, да и вообще к одной стадии не относятся при греч. ur + an 'небо' ⟷ ōr + an (← hor-an, ср. q̇r + on-o + s) два армянских термина: 1) vər-an 'палатка', но и 'ковчег' в древнелитературном языке феодалов Армении (Паралип. vəran ȷamu 'ковчег завета', точнее первично 'место времени', или 'место часа', 'таинства', 'культа религиозного', раньше производственного культа), 2) арм. q̇or-an 'палатка', позднее 'абсида' и т. п. А, главное, подлинное значение ǧor + on-ϑi стадиально-изменчиво, и это касается как двухэлементной основы, каждого ее элемента в отдельности, так придатка -ϑ⌈i⌉, казалось бы—суффикса, на самом деле социального термина, но и при функции социального термина отнюдь не всегда со значением 'сына', 'дитяти', а смотря по стадии: 'сын' уже позднейшей стадии, следовавшей за возобладанием патриархального строя, когда стал слагаться, т. е. выделяться из этноса-племени, 'род' и этот термин означал одновременно две социальные противоположности коллектива — и 'отца', и 'сына', а 'дитя' переходной ступени от господства женского

начала в социальном строе по свержении полноты господства матери. 'Дитя', собственно 'дети' и 'родители', равноправно представляли низовой социальный слой ('дети', 'дитя' и 'она', и 'он', и 'оне', и 'они') и верхний социальный слой ('родители', и 'матери', и 'отцы', и 'родительница', 'мать', и 'родитель', 'отец'). Однако тот же социальный термин, элемент C, третий член в его составе, усеченный вид разновидности ϑın ← tın, диффузно или аффрикатно ϑ̣ın ← ṭın, resp. ϑ̇ın ← ← ṫın и т. д., имел при той же функции и социальной стоимости иное содержание, в зависимости от стадии, более ранней, да не одной, с тотемно-космическим мировоззрением и техникой мышления, или более поздней стадии с микрокосмическим воззрением и техникой мышления. Так при микрокосмическом мировоззрении, с расщеплением тотема на сменившее его космическое, стихийное или астральное тело-явление и весь коллектив, одно слово, уже 'имя' в роли все еще производственно-культового тотема, перенесенное целиком уже на образование, означало и верховодящий социальный слой и каждую единицу, смотря по стадии, свидетельствуемой групповым или личным правом собственности, особый производственный коллектив, род, семью или отдельного человека. И этот способ наименования, так наз. словотворчество, реализовался каждым особым видом производства, какая бы сторона его коллектива ни потребовала ее выявления в речи. Так весь коллектив и отдельный 'род — дом' назывался, например, словом древнелит. a-zg⌜ı⌝ 'племя' и 'род-дом', халдск. a-sı || св. a-gı, также a-ϑ̇ (↙ ka + ϑ̇) 'люди' и в исчислении разновидность того же слова a-ϑ (← ar-ϑ) '10' и '1' (мегр., чанск. ar + ϑı); ныне в грузинском, как уточненном в борьбе, классово дифференцированно в значении 'единицы' мы находим разновидность со сванской огласовкой er-ϑ (← er-dın, ср. с утратой плавного r, как у грузин в (ka-ϑ̇ ↘) a-ϑ̇ 'человек'), у русских все три групповые разновидности: a-dın (в живой речи, в произношении акающих говоров, а также и в белорусском языке), o-dın (русский в письменности, также и в украинском) и ye-dın = „е-дин" (древнерусский, на деле подлинный русский).

При выделении за родовой еще строй, при выделении и 'детей' вообще и из мужского и женского слоя (понятно, опять-таки в силу новой стадии в производственных отношениях) с различением терминов — у русских „свет" мужского рода и „светило" среднего рода, тогда как у французов „la lumière" женского рода означает и 'свет', и 'светило', тот же 'свет солнца' ('лучи,' lux, раньше 'месяц', потому созвучие полное с 'луной') в надстройке, в мировоззрении и технике мышления, являлся точным выразителем продолжения человеческого рода, его появления на свет, роста и вообще развития, т. е. 'рождение' воспринималось все еще не как физи-

ческое явление, а как социальное, по тому времени астральное стадии мышления и мировоззрения, как астральное рождений 'светила' через 'лучи', посылаемые 'солнцем', раньше 'месяцем', на 'родильницу', и тот же (если не забыли его) термин ϑın, resp. ϑın, равно tın, resp. tın, означал 'свет' (отсюда грузинское имя Θın-a-ϑın 'свет света', 'отражение света'), ϑın 'свет', 'зрение', так ϑvalıs ϑın-ı 'свет очей', 'глаз' и т. п.

Здесь мы закончим одну линию наших интересов, указав на то, что со 'света' на 'кровь' в надстройке, а в материальной базе с союзной спайки производственных отношений профессионально-социальных образований на физическую спайку, в данном случае 'кровь' родового строя, был не один скачок. До крови сюда вклинивается 'молоко', своим оформлением среднего рода открывающее нам время соответственной стадии в развитии материального базиса, именно в социальной части. Это, как мы видели, время захвата руководства молодежью в борьбе с родителями, старшими, матерями и отцами. Это коллектив детей со старшими, родителями, не в нашем смысле 'мужьями' и 'женами', а при зачаточной ступени родового строя с наследством по крови, когда матери-девицы отстаивали свое материнское женское право в пользу дочерей по виду производства женского коллектива, а отцы-братья домогались своего отцовского наследственного права по крови сначала для старшего в роде, а затем для своих сыновей, как прямых наследников. Девичье-материнское право на воспитание детей вообще было связано с молоком, в надстройке на стадии астрального мировоззрения с представлением о 'солнце', раньше 'луне', resp. 'месяце', как о корове с рогами месяцем. Вот почему точное социально-фонетически двухэлементное соответствие грузинского mze 'солнце' → 'свет' в живой речи в говорах bze (mzer ↙ bzer) в мегрельском b-ȷa (← b-ȷal) значит 'молоко'. А что bȷal → bȷa также означало действительно 'солнце' у группы мегрело-чанской, первично собственно производственного коллектива с тотемом из элементов BA, можно видеть из того, что

1) в чанском это образование с губной огласовкой, фондовой для всей названной группы, мы имеем в основе, казалось бы, трехэлементного (BAC) чанского слова m + ȷor-a (← m + ȷor-an) 'солнце', на деле трехэлементного BAD: m + ȷo-ra,

2) у армян (и далее на Иране в так наз. авестском языке) врач, берущий свое искусство от светила 'месяца', затем 'солнца' носит наименование bə + ȷ-ı + шk⌈a⌉, буквально 'дитя (-шka) солнца' или 'солнце-женщина',

3) bȷa ↘ mȷa со свистящей заменой z вместо шипящего ȷ у абхазов или a-базгов звучит с членом a- — a-mza 'луна', 'месяц', 'лучина', 'зимний рабочий год', resp. 'млечный путь', 'звезда вечерняя', 'утренняя', впоследствии 'звезды' (груз. va⌈r⌉-skul-a + v), 'солнце', 'год' и т. д.

Заключу указанием, что, во-первых, с этим именно тотемным именем в составе или целиком трехэлементным (BAC) образованием с функциею тотемного имени на Кавказе имеем ряд исторически известных народов не только в крае этом, но и в мировом масштабе древнейшей письменной огласки. Таковы ma + s - q'и, на Западе ƀa + s - k'и, в Закавказьи a - ƀa + s - k'и, mo + so - q'и и т. п. (казалось, и a + φq̇a + z'ы, по грузинскому искажению вместо a - ƀa - sq̇ → a - φa - zq̇, но на деле это a + φ - q̇a + z ← a + b - q̇a + z); во-вторых, у сванов с детерминативом la - || le - налицо оно в названии 'огня' — le - me + s - g и в календарном наименовании 'дня солнца', 'воскресенья' la + mīш, буквально, когда-то самостоятельно 'день солнца' (см. ниже).

В терминах родства северного населения восточной Европы, именуемого финским, именно у удмуртов, находим qarđ 'муж', 'супруг', на Кавказе тотем и название ряда социально-экономических образований, так наз. племенное, позднее национальное название, да не одно. Мы удовольствуемся указать тот же усеченный вид двухэлементного (AC) образования qar - ϑ в основе национального названия грузин: груз. qarϑvel 'грузин' (буквально 'дети тотема qar + ϑ', при космическом, астральном мировоззрении 'солнца'), qar + ϑ - ul 'грузинский (язык)' и т. п.

В то же время уточненное осмысление терминов родства имеет свою историческую последовательность. Не с 'сына' или 'дитяти' начинается эта последовательность даже по перестройке матриархального строя в патриархальный, когда первым членом рода, ставшим на смену 'матери' во власти, был 'брат — муж'. Потому, когда палеонтологически разъясненное в qarϑvel 'грузин' vel приходится понимать в смысле 'дитяти', 'сына' (и это поддерживается в грузинском же не только его разновидностью ƀel 'дитя' в применении к зверям[1] — 'медвежонок', 'верблюжонок', но и разновидностью vıl в составе двухэлементного образования ш - vıl (← шo - ƀıl) 'сын'), то при сопоставлении груз. vel ←→ - vıl 'сын' с суоми vel-ı 'брат' становится до очевидности ясным, что расхождение в значениях это результат исторического процесса в базе, социальном строе: в прасуоми был еще только ранний этап патриархальной формы родового строя, когда у прагрузин в этот родовой строй полноправно входила уже молодежь — 'сыновья', 'дети'. Архаичность термина vel видна из его одноэлементности. Тожественная нёбная огласовка, одинаково не определяющая тип ни суоми, ни грузинского языка, теперь представляется вкладами в грузинском — сванского языка, в суоми — одного из исчезнувших образований севера восточной Европы, где эта огласовка

---

[1] Н. Марр, Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык, стр. 100 [ИР, т. V, стр. 514].

теперь характеризует языки и вне финского круга — русский (в суоми ve + nä ⌈l⌉'ский) и немецкий.

Основная социальная огласовка грузинского языка, выделяющая и общий фонетический склад suomı, именно гортанная, дает себя знать в термине 'сестра', но здесь обратное соотношение в использовании двухэлементного и простого (A) образования. Тогда как в грузинском одноэлементное слово da (↙ dal ← ďal), в суоми его разновидность sar (вместо sal ← ȟal) появляется в сложении с sı-, пережитком элемента C — sın: sı-sar 'сестра'. По палеонтологии речи появление женского оформления относится, как уже знаем, ко времени по смещении матриархальной формы социальной структуры, когда рядом с господством мужчины женский состав коллектива еще отстаивал свое общественное правомочие. Однако заслуживает внимания проблема переноса общего и для 'сестры' и для 'брата' слова на два уточненных моносемантических термина. У суомиев и у грузин она разрешается с поучительными встречами и расхождениями. Тогда как у суомиев, утративших простое состояние и элемента B, и элемента A, для 'брата' появляется vel-ı, означавший некогда и 'сестру' в чужой нёбно-социальной огласовке с последующим элементом C спирантного порядка ı-(← hı- ∼ sı-), для 'сестры' используется общий с грузинским элемент A в разновидности sar, но с придатком детерминативным в роли префикса элемента sı- — sı-sar. Грузинский для 'сестры' настойчиво сохраняет тот же элемент в разновидности sal в простом состоянии — da ↙ dal ← ďa ↙ ďal, а для 'брата' образует составное выражение ď-ma (← ďa-mal), описательное, с буквальным значением 'сестра + мужчина'. Ясное дело, что груз. da (← dal ↗ ďal) 'сестра' вовсе не учитывало первоначально физиологического момента и тогда, когда рядом с общественной значимостью матриархального строя 'сестры' наросла общественная значимость 'брата', рядом с понятием 'сестра' появилось понятие 'брат'. Оба понятия, возникшие в результате развития социальной структуры в линии родового строя, покрывались одним термином, как это можно видеть по немецкому „Geschwister", собирательно 'сестры и братья', да и по следующим использованиям грузинского слова 'сестра' da (↙ ďa) в значении 'брата' в составе груз. bı-ďa 'дядя', буквально 'брат отца'.[1]

Однако история разобранных терминов родства не завершается тем, что 'сын', resp. 'дитя', собственно 'дочь' и 'сын', восходит к термину, означавшему 'сестру' и 'брата', первично

---

[1] Сюда же, значит, не только 'брат' ď-ma, ďa + m-i + a 'братец', но и ď-ı + a-w 'братец' в обращении рядом с di + a (в dı + a-saq̇l-ı s-ı 'хозяйка', слово в слово 'мать дома') ← мегр. dı-da 'мать' ⟷ груз. de-da 'мать', древнелит. 'женщина' (||de-do) ← de-dal 'самка', dal (∼ шум. gal → груз. qal 'женщина', 'девушка', 'жена') ↘ da 'сестра' и др. См. Н. Я. Марр, Яфетические зори на украинском хуторе, стр. 4 [ИР, т. V, стр. 226].

только 'сестру', впоследствии или только 'сестру', или только 'брата'. Вообще внесение в эти социальные термины физической родственности и ее развитие — дело позднейшее, именно дело родового строя. Тем не менее, от 'брата' до перехода (до ли? или после?) к детям тот же термин был перенесен на 'мужа-отца'. И при постепенном уже укреплении представления о родственности с тем же термином развился культ физической увязки братской. Потому, во-первых, 'брат' и 'кровь' в языках архаичных систем совпали или ясно созвучны; во-вторых, по мере замыкания в себе господствующей группы, как эксплуатирующего слоя, по мере роста родовой, а затем племенной классовости стоимость именно термина 'кровь' социально повышалась сравнительно с термином 'брат', с ростом господства данного коллектива расширялось господство его термина 'кровь'. В этом смысле очень показательны следующие факты: в суоми velı 'брат' и verı 'кровь', в коми vo-k и vo-n 'брат' и vır 'кровь', в удмуртском vә-n ←→ vы-n 'брат', и опять-таки vır 'кровь'. Наличие одного и того же слова в значении 'крови' (ver⌈ı⌉ ←→ vır) у суомиев, комиев и удмуртов явление социально-генетическое. Оно вскрывает наличие одного господствующего коллектива. Какого? Речи не может быть ни об удмуртах, ни о коми, ни о суоми, даже учтя их общеизвестные вторые названия, „вотки“ или „вотяки“ у удмуртов, „зыряне“ у комиев и... мы хотели сказать „финны“ у суомиев, но... „финны“ ведь это в устах самих суомиев „вены“ — 'русские'. Получается курьез или его противоположность — неразрешимая дилемма, ибо „финн“ лишь одна из многочисленных разновидностей пока нас здесь интересующей пары ve-n ←→ vı-n, из коих ve+n'ами суоми называют русских, а vı-n'ами, resp. „финнами“ русские упорно именуют суомиев. Выход, однако, есть, поскольку перегородки в языковом строительстве яфетической теорией сметены: ven'ы или fın'ы — предки и русских, и суомиев, но такое решение чересчур упрощенное, поскольку нас интересуют и русский и суоми (финский) язык сами по себе, ибо у каждого из названных языков есть свой specificum. И в составе этого specificum'а у языка суоми огласовка e ←→ ı вовсе не является исключительно решающей для его технического склада, даже в той степени, в какой ее значимость выступает в русском. Тем не менее, из звуковой техники вылущивается общественное содержание, поскольку мы считаемся с такими палеонтологически установленными положениями, как то, что, с одной стороны, названия стран и их частей, населенных пунктов, рек, морей, стоянок, урочищ (т. е. пока речь о собственных именах, собственно о названиях отдельных конкретных предметов) происходят от названий населения. Потому по обобществлении отдельных, как бы частных явлений пространственные термины становятся омонимами социальных терминов. С другой

стороны, общественно человек, будучи частью целого коллектива, носит его собирательное название, с дальнейше наросшими функциями сигнализовать отвлеченно единицу, производственно — 'производителя', 'товарища' по трудовому процессу, отвлеченно по категории языковой стройки — имя действующего лица и т. д. При учете этих положений ярко выступает факт, что в суомийском социальном термине mı-e+s̹, трехэлементном (BAC) образовании, первая часть mı также 'человек', resp. 'единица' (ср. арм. mey←→mı[ı] 'один', груз. me-префикс имени действующего лица), в полном виде mır, идеологически является пережитком этого слова, наличного в русском в значении 'собрания', 'общества', буквально 'вселенной'. Тот же „мир" в значении страны также имеет свои двойники не только в удмуртском в смысле 'земли', 'страны', muzem̹, и в комийском в смысле 'страны', 'земли' — mu, но и в суоми, где, однако, то же слово звучит с основной для данного языка огласовкой — mā 'земля' („maa" ↙ mal, resp. mar).[1] Термин 'человек', как и термин родства 'брат', равно термин социальной значимости 'кровь' имеют одну общую огласовку (e←→ı) в самом суоми -mı 'человек', vel-ı 'брат', verı 'кровь', причем вторая часть скрещенного слова mı-es̹, откуда извлечен нами mı-, именно -es̹, означала 'часть целого', 'единицу' коллектива, отвлеченно 'человека', конкретно — 'товарища', в каком значении оно сохранилось у удмуртов, звуча еш.

Однако нам сейчас нет надобности далее прослеживать развитие терминов родства и действительных или призрачных символов их общественной значимости в эпохи разложения не только рода, но и племени, в эпохи нарастания и сложения феодальной формации.

Нам важно вскрыть более глубокие корни общественной увязки народов, находящихся на двух противоположных концах восточной Европы и Кавказа, в первую голову народов СССР, на концах северном и южном. Если с той и другой стороны мы выходим за пределы и берем в той или иной мере под исследовательский обстрел зарубежные страны, от Балтийского и Северного морей до заливов Персидского и Аравийского, ставшего Красным морем, то это происходит под напором речевых и так наз. фольклорных фактов, заставляющих вовлечь в этот же исследовательский рабочий просмотр и немецкий язык, ибо даже на такой специальной теме, как проблема терминов родства, немецкий язык привносит скрепу связям севера и юга, именно на слове 'сестра', выявляя солидаризованность свою особую с суоми и особую с грузинским языком.

Что 'сестра' у немцев „Schwester" и у суомиев sısar созвуч-

---

[1] Н. Марр, Карфаген и Рим, fas и jus, стр. 377.

ны, это не требует никакого особого орудия разумения, кроме ушей и слуха. Но для лингвистического анализа, притом диалектико-материалистического, марксистского, недостаточно ушей: требуется историзм, притом реальный, а не призрачный, тем более фальшивый, без перспективы за пределы добуржуазных и дофеодальных эпох. Так ставили, ставим и будем ставить дело, пока имеем нужду в языке, как он есть, а не как мы хотели бы его иметь без всяких для этого предпосылок. И для выявления этих предпосылок, многими незримых, ибо они требуют не одного физиологического зрения, существует палеонтология речи, т. е. учение о сдвигах в такой надстройке, как наша речь, следовательно, о сдвигах в языке и мышлении. Но сдвиги сдвигам рознь. Для вскрытия более глубоких слоев речевой культуры с более ранними идеологическими взаимоотношениями тех же слов недостаточно палеонтологического разъяснения родства понятий 'брат' в речи суоми и 'сына' в грузинской, 'сестры' и 'брата' в каждом из этих языков. Недостаточно хотя бы потому, что как и по установлении совместной общественной функции 'сестры' и 'брата', а затем с решительным возобладанием патриархальной власти — 'брата' и 'сестры', и с внесением четкого деления их уже раздельных функций — 'братской' особо и 'сестриной' особо, все еще не было правомочного 'отца', 'молодца', мощного производителя, социально при родовом строе 'родителя'. Наоборот, до утверждения братской власти и братской общественной увязки при патриархате была власть 'женщины', главенство 'матери', увязка общественной структуры материнства, да сестрина, да дочерняя без несменяемой дифференциации общественных их функций. В обоих случаях общественного бытия те же термины имели иные в зависимости от смен в материальной базе значения, на более ранних этапах — вовсе не родственности, прежде всего не кровной родственности, чего еще не было ни в общественности групп, ни лиц. И с этим находится в связи относящееся уже к „становлению" [созиданию] патриархального строя смешение понятий противоположного значения, 'отца', собственно 'родителя', resp. 'родительницы' и 'сына', выражавшихся потому одним словом, так, например, термин, наличный у грузин в социальных разновидностях, отнюдь еще не морфологических — шо + bel (↘ ш + vel) ⟷ шо + bıl (↘ ш + vıl), означал безраздельно и 'родителя', 'отца', и 'рожденного', 'сына'. [1] По отрешенной от базы в схоластическом восприятии морфологии, т. е. по грамматике (грамматическим категориям), вне сомнения, что формы с огласовкой „e" это действительный залог, с огласовкой „ı" — страдательный; следовательно, шō-bel, равно ш-vel, должно означать 'родителя', что могло бы быть, как шобıl 'рожденный', равно шvel, всегда

---

[1] Н. Марр, Из Пиренейской Гурии, стр. 30.

'сын', resp. и 'дочь'. Однако эта морфология — позднейшее достижение, слова же те же самые существовали раньше, и, действительно, все они одинаково означали на известной ступени стадиального развития и 'сына', и 'отца'. Такое положение дела почти полностью сохранилось в самой грузинской речи. Осечку, казалось бы, получаем с разновидностью ш-veI, которая совершенно выскакивает из ряда терминов родства, не означает ни 'отца', ни 'сына', а животное, именно 'дикую козу'←'оленя'. Но с 'оленем' мы попадаем именно в нашу социологическую сферу, поскольку надстройка слагается по производству и производственным отношениям, ибо олень — животное передвижения, и как таковое оно двояко отразило себя в речи, в производстве как одомашненное животное, получившее общее название с коллективом (оно же индивидуально, смотря по развитию родовой формы социальной структуры, 'сын' или 'брат', раньше чем 'отец'), но в надстройке у него, как производственно-культового фактора по транспорту, имеется иное, именно тотемическое отражение, и соответственные увязки и в словах. Нам сейчас важнее констатировать, что ш-vel, несмотря на огласовку „е", в морфологии характера действующего лица, означало 'сына', а не 'родителя', и это подтверждается окончательно тем, что часть с огласовкой I — vel ↗ bel, действительно, значила 'сын' ('дитя'), 'детеныш', как то было выше разъяснено. И, следовательно, она должна была означать 'отец'→'муж'→'человек', и его-то и имеем самостоятельно со значением 'мужа' в лат. vir 'муж', 'супруг', с падением же r в у и далее по полной его утрате — vey→ve←→vı — ve-k (←→vı-k) ↙ vey-k — в составе сугубо скрещенного термина „человек" по трем основным социально-фонетическим огласовкам с безукоризненной выдержкой первой его части — белор. „чал-а + ве-к", укр. „чол-о + вi-к", русск. „чел-о + вѣ + к", во всех трех социально-типичных в звуковом выявлении разновидностях; по отстранении показателя единичности (-к) одинаково выступает сочетание одноэлементного (А) „чал" || „чол" || „чел" с двухэлементным образованием (АВ) „а + ве", „о + вi" и „о + вѣ".

Первая часть „чал" (→ϑal) и т. д. уже разъяснена в ее полисемантизме эпох материнского права: со стадии кровного родового строя она означала весь ряд основных членов рода от 'матери' до 'дочери', до 'невесты + невестки', впоследствии 'жены'.

Социальные взаимоотношения безукоризненно выявлены в трех основных славянских разновидностях восточной Европы в отношении огласовки; что же касается согласных, то ими уже утрачена более резкая разграниченность, присущая состоянию их на стадии яфетической системы, как можно видеть по следующей табличке: ϑal, яфет. ϑal || ϑol, яфет. ϑor←→ϑur || ϑel, яфет. ϑer (из спирантно-шипящего состояния), resp. ɋer (из спирантного).

Ныне эти основные типы и их разновидности представлены и с основными социальными и дериватными значениями в языках не только яфетической, но и отходящих от нее систем, то в сторону турецкой системы (чув. χĕr 'дочь'), то прометеидской („индоевропейской") (арм. qeṛ 'сестры'), или, как это принято в „науке", в языке совсем индоевропейской системы, греческом, где χήρα || ион. χήρ-η 'вдова'.

Самая широта стратификации свидетельствует о громадной длительности глоттогонического процесса, сложности социальных путей, где в первую голову подлежат учету расхождения городского и деревенского населения не только в надстройке — в путях мышления и звукового, раньше ручного выявления, но и в материальном базисе, во взаимных социально-экономических связях. Особенно богаты языковые материалы во всех этих отношениях у второй основной части разбираемого термина, в аналитическом письме a + ve || o + vı || o + vey, по которой достаточно сейчас ограничиться несколькими примерами, оговорившись, что в перечисленном ряде элемент A не представлен в той именно огласовке, нёбной (e ⟷ ı), какая выдержанно выступает в элементе B (ve⌈y⌉ ⟷ vı). Если восстановить такой идеально выдержанный вид, то при учете недифференцированности губных v ⟷ m, как мы то видели на примере mı суомийского слова mı-eṣ 'человек', получим архетип e-mel ↗ e-bel, наличный в аварском e-bel 'мать', в шумерском с усечением исходного плавного e-me 'мать', куда примыкает ряд разновидностей из баскского (e-me 'женщина') и за пределами яфетической системы как из удмуртского, так с разнобоем в огласовке из ассирийского a + mēl 'человек', resp. a-mēl-u (-u '1', а не часть lu 'человек'), с губной огласовкой — лат. ho-mo (↙ ho-mor, ср. мегр. qo-moḷ 'мужчина', чанск. 'герой', 'муж'), род. ho + mı-n⌈e⌉, где -ne равным образом пережиток числа '1'.

Термин mel также имеет дальнейшее применение не только в числительных, как то было разъяснено (напр., усеченно mey → me → m 'один' у армян и у грузин, полностью у турок в bır 'один'), но и в различных местоимениях, в том числе и относительном (груз. ro-mel → ro-me → ro-m). Однако сейчас для еще большего зафиксирования факта исконной общественной увязанности языков ныне вне обычно учитываемых норм, разобщенных территориально, не можем не указать, что именно основа „косвенного", т. е. активного падежа латинского слова ho-mı на крайнем севере восточной Европы имеет от тотемических эпох связи, будучи двойником племенных названий ko-mı и suo-mı. История их в увязке с Кавказом и Месопотамией достаточно выявлена в печатной литературе.[1] Но на севере

[1] Н. Марр, Суоми-карельские и сомех-картские языки, ИР, т. V, стр. 389—392; Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык, ИР, т. V, стр. 505—507 и другие работы.

идеальная по выдержанности социальной нёбной огласовки разновидность разнобойного русского „чел-о + вѣ-к“, с соответственным соблюдением социальных норм корреспонденций и согласных, дает не племенное, а историческое национальное название ϑer-e + mı-s, с его тотемом в спирантной разновидности ker + e + me-t. Тотем этот, в астральном уже осмыслении 'солнца', выявляет на том же севере неразрывную связь от эпох космического мировоззрения с таким существенным предметом производства, как 'серебро'.

Сложность нарастания перечисленных производственно-общественных терминов отнюдь не исчерпывается сказанным и в технике выявления. Таким образом, так наз. скрещенность отнюдь не вклад внешнего фактора, отнюдь не формальное механическое нанизывание идеологически равноценных элементов или элементов равноценной служебной функции с расхождением опять-таки лишь формальным в порядке их расстановки. Скрещенное состояние разъясняется на различных стадиях развития языка и мышления (в зависимости от развития материального базиса, в частности и трудового процесса, производства и техники) не только различно, но и в противоположностях, вышедших из единства и на следующей стадии снимаемых единством, каждый раз иного порядка и иной системы. Так, на одной стадии, если ограничиться надстройкой, диалектическим мышлением только двух стадий, на одной, именно позднейшей из двух стадий, коллектив, производственно-социальный слой соответственной формации, как мы замечаем в ряде языков одной и той же системы, предпосылает родовое понятие, слово, одноэлементное ли оно или многоэлементный комбинат (что в клинописи начертательно зримо и именуется термином 'детерминатив'), дотоле многозначимому слову, также простому элементу или комбинату многоэлементному. На другой стадии уже в зависимости от иного способа производства коллектив соответственно иной формации 'детерминатив' не предпосылает, а перемещает на противоположный конец. Впоследствии не значимое уже самостоятельно слово, служебное, вскоре просто-напросто префикс, обращается в суффикс, но и это не происходит механистически или просто механически: коллектив в зависимости уже от качественно изменившегося мышления перестраивает многозначимое понятие в звуковой комплекс, слог, или даже только звук, гласный или согласный, в носителя одной смысловой функции, одного уточненного значения. Так раньше, на предшествующей стадии не было самостоятельного отвлеченного понятия, а был двузначимый образ, представление, служившее для выражения и понятия. Мыслили не понятиями, а образами, т. е. было, собственно, не мышление, а соображение. Тогда детерминатив, предшествующий дотоле многозначимому слову, был уже не родовым отвлеченным понятием, мышленным детерминативом,

*

а родовым конкретно представлением, воспринимаемым как понятие, зрительно, и его собственно следовало бы именовать не детерминативом, а индикатором. Таких приемов словообразовательной техники, использующей скрещения, несколько.

Ни „кокошник“, ни „сорока“ не нуждаются для разъяснения во всех этих разновидностях мыслительной техники созидания так наз. скрещенных слов.

Однако во всех них наблюдается в стадии становления наглядная связь с производством и производственными отношениями, по окончательном же сложении понятия с его неизменным уже звуковым выявлением слово отрывается в представлении о нем от производства и общественности и становится независимым и самодовлеющим. В результате, естественно, каждое подобное слово представляет неисчерпаемый материал для соблазна искать его осмысление, отвернувшись от действительного источника живой воды, общественно творимого изменчивого материального базиса, в отрешенно воспринимаемом языковом же мире, надстройке, и связывать с подобными ему членами этого мира, синонимами, омонимами, вообще с формальным звуковым выявлением лексической продукции обоснование его существования, его происхождение. В частности, на такой общей установке языковедного дела покоится утверждение, что есть слова, мол, возникшие из звукоподражения; налицо соблазн 'курицу', по-удмуртски звучащую kur-e + g (коми kur-ə + g), производить от „ку-кар-е + ку“, как независимо возникшего по звукоподражанию. На самом деле, наоборот, звукоподражательность внесена в слово позднее, так же, как еще позднее, значительно позднее вносится в слово, уже фетишизованное, оприродовленное, обозначение его рода, пола, с возложением такой функции на надбавочные формативы, первично определяющие общественную категорию не слова, а обозначающегося им предмета. Звукоподражательность есть вклад уже высокого развития речевой культуры общественности, и лишь в связи с нею и техники языкотворчества. При неучете этих сложных сдвигов в глоттогоническом процессе налицо большой соблазн также за „сорокой“, головным убором, полностью созвучным своим наименованием с 'птицей' „сорокой“, и „кокошник“ связать с 'птицей'. Могу предупредить: языковые материалы дают полное основание и ему присвоить значение пернатого существа.

Тем более потребность в такой опасной обстановке блуждающих огней найти путь „кокошнику“ или „сороке“, 'головному убору', от производства и производственных отношений, занесенных позднейшими фазами глоттогонического процесса.

Ограничимся просмотром развития технических средств звуковой речи, одного из четырех лингвистических элементов, именно элемента А, нужного нам в связи с „сорокой“ и „кокошником“, в каком бы смысле слова ни воспринимать, в смысле

ли 'птиц' или 'головного убора'. Ясно, что такой просмотр этого технического средства может быть произведен лишь с учетом общественного его оформления по звуковой части и возлагавшихся по связи с той или иной общественностью идеологических функций, как социально-экономических стоимостей, порождений производства и производственных отношений. Но каких конкретно? Это сигнализуется и надстройкой. Его сигнализует даже совпадение родового названия 'птиц', да видовых, увязанных по палеонтологии речи с 'небом', и названия женского головного убора, которому не может быть отказано в культовом значении, не может быть, следовательно, отказано в связи с тем же космическим мировоззрением. Потому-то совершенно не случайность, что с 'птицею', словом действительно женского рода в языках действительно прометеидской („индоевропейской“) системы, так в латинском (avı-s), да и в греческом (ὁ, но и ἡ ὄρνις), с колебанием (но колебание зависит от колебания в оформлении женского рода, именно or+nı-ϑ [a] || -ϑ⌜e⌝∼or+nı-χ [a] || χ [ı] в единственном числе, появляющемся лишь в активных падежах) сближается именно женский головной убор в такой степени, что „сорока“ значит и 'птица', и 'головной убор'.

Языковая надстройка, увязанная с 'небом' и 'птицей' по космическому мировоззрению, имеет, следовательно, сигнализовать конкретно производство и производственные отношения, опираясь на такой памятник материальной культуры, как вершающая часть костюма — 'головной убор'.

Ясное дело, что если „сорока“ — 'птица', и в значении 'птицы' она означает „кокошник“, то и „кокошник“ означает 'птицу', 'птицу-сороку'.

И, действительно, „ко-ко+шн-и+к“ представляет оформление, по существу тождественное с оформлением „сороки“. Это ласкательно-уменьшительная форма с частицей -ka, эквивалентом той же значимости у армян и грузин -a+k(|| -o+k ←→ -u+k ∼ -e+k ←→ ı+k): в соответствие русск. sor+o+ka, у армян sar+e-a+k 'дрозд'. Того же порядка -ı+k в „ко-ко+шн-и+к“. Но остающаяся часть этого термина „ко-ко+шн“ также не чистая основа: на почве яфетической системы шn — стянутый вид полного комплекса шеn, элемента C. Этот шеn, относясь к свистящей группе, в шипящей имеет эквивалент skan, и от этой пары шеn || skan (∼kan), полностью засвидетельствованной, особенно в топонимике, на Кавказе и в восточной Европе, ряд морфологических использований в усеченном виде: -ше || -ska. С утратой и огласовки -ш входит в состав двухэлементного образования по шипящей группе — kош. Уже kош с акающим двойником kаш по изложенным выше разновидностям образования, то детерминативной — ko-kош, то удвоенной — kаш-kаш, в грузинском выявились в основе ряда слов космического зна-

чения — 'сияния звезд' и т. п. Но kaш-kaш с подъемом шипящего в ṭ — kaṭ-kaṭ по-грузински также значит 'сороку'. А в русском переживает образование яфетической системы и без детерминатива, собственно с заменой, как в перс. kaḃ-ka сравнительно с груз. ka-kaḃ 'куропатка' детерминатива-префикса ka суффиксом -ka — koϑ-ka в том же значении 'кокошника' и далее в русском же переживания в диалектах, с перебоем o(⟵⟶u)⁓ı — kıϑ-ka с утратой (или без восприятия) элемента С — kı-ka, все одинаково со значением 'кокошника'. Когда то же слово в разновидностях „котыга" (⟵*ko + ṭu-ka), „коць" || „кочь" (⟵ko-ϑe) в древнерусском означает вообще 'платье' (Савваитов, стр. 64), то перед нами то же явление, что наблюденное в груз. kaḃa (см. выше, стр. 122).

Для поддержания значения 'птицы сороки' за kaш ↗ kaṭ, следовательно, и kaϑ, в чисто словарном порядке материал далеко не исчерпан: в груз. k̇az + al-aq̇'e как и в kaϑ + ağ-ak'e (resp. kaϑ + aḷ-ak'e) 'сороке' присутствие того же kaϑ ⟵ k̇aϑ нельзя отрицать.

Но при головном уборе „кокошнике" в том виде, как то мы находим и у чувашей, для специальной связи с 'сорокой' в памятниках материальной культуры опоры нет, да и надобности в ней нет, ибо 'сорока' здесь может появляться и появляется лишь по связи вообще 'птицы' с 'небом', как то мы видели с груз. qor 'коршун' (см. стр. 128), или как то можно еще видеть на анализе арм. an + ṫeğ, resp. an-ṫel (→ d̆el) 'сорока' ⁓ an + geğ 'коршун', где an значит 'небо' (шум.) и ṫel 'год' (груз.), следовательно, также 'небо'.

Это ṫel, оно же ṫre (из ṫer ⟵⟶ арм. ṫır 'круг'), с ṫ на низшей ступени s — ser в составе баскск. ser-u 'небо', груз. ser 'гора', 'вершина', перс. ser 'голова' (⟵⟶ sır древнелит. груз. 'птичка', 'воробей' и т. п.). Однако независимо от всего, при явной рогообразности основной части головного убора можем ли мы останавливаться на отожествлении „кокошника", хотя бы и „сороки-кокошника" с „сорокой-птицей"?

В свою очередь 'небо' представляет интерес для нашей темы по определенной линии его идеологической функции, но не по всем направлениям его семантического расщепления, уточнения и развития.

Так, поскольку речь о трех небесах, плоскости верхней, 'солнечного неба [1]', плоскости глубинной, 'моря,' 'бездны', 'неба [3]', плоскости нижней, 'неба [2]', как бы среднего, 'земли', да 'низа', то при чув. ṣer 'земля', равно ↗ ter(⟵ṫer) в составе лат. ter-ra (ср. ter-sa) 'земля', следовательно 'низ', как то находим в озвонченных разновидностях перс. zır ↗ груз. d̆ır-ı (дат., местный падеж на-s[a]: d̆ır-s 'вниз'), когда к тому же 'низ' по палеонтологии речи отожествляется с 'западом', 'задом', как 'верх' — с 'востоком', 'передом', 'лицом', ser ↗ ṫer с уменьшительным оформлением на-ak sr-ak ↗ груз. ṫr-ak 'podex'

обслуживает обозначение человеческого микрокосма, причем в русском от sr (←ser) образуется и глагол „ср-а+ть", „сер-е+т" (диал. с сохранением огласовки „е" и в первом лице).

Однако спирантные разновидности ser↔sır, именно ⌜h⌝er↔⌜h⌝ır, охранили если не значение 'земли', то значение 'населения', дававшего название земли по мере ее культивирования, по способу устанавливавшихся у него производственных отношений, таковы груз. er 'народ', 'воинство', баскск. er-ı 'нация', er-'земля' в нем. er-de, ır 'народ' в составном халдск. ır-ta 'глава определенной части населения', баскск. er-ı 'население', 'село', 'город', нем. ır-dıш 'земной', -kır в удвоении er-kır 'земля'.

И другое дело, когда от sor-o+ka 'сорока', да и от sr-ak (*ser-ak) имеем дальнейшее вторичное образование ласкательно-уменьшительной формы „сорочка" и „срачица" как в ru-ba-шka от ru-ba ('*солнце'→'красный', лат. ru-ber, русск. „румяный"←ru-me-an и др.), но особенно синоним 'отрока', 'мужчины-солнца'—„па-ру+б-о+к" 'мужчина' ('отец-солнце'), груз. per+an-g 'рубашка' (←per-an-g⌜ın⌝, ср. перс. φera-hın || φıra-hän от *per+an 'небо', ср. Per-un, см. ниже, стр. 153), груз. kwar-ϑ 'хитон'←kor-ϑ(←→kur-t, ср. русск. „кур+т-ка") 'хитон' от kur 'небо' (см. выше,). Ясное дело, что „срачица" 'рубашка' происходит от srak, не имеющего никакого отношения по идеологии со словом, означающим микрокосмически 'зад'. Слово должно быть из терминов облачения. И, действительно, в соответственном значении его мы имеем в грузинском названии женского головного убора ϑav-srak, буквально 'головной (ϑav) srak'.

Мы снова возвращаемся к 'небу', но в иной идеологической функции, именно 'небо'→ 'светило' ('звезды'→'луна'→'солнце'). И тогда миф о птицах, когда и где он действительно бывает выражен в памятнике материальной культуры или в обстановке исторически рассказываемых жизнеописаний легендарных или в легендарные герои преображенных лиц (ср. 'голубь' в рассказе о легендарном крещении Иисуса), миф о тотеме, астральный ли он, или космический, или звериный, из язычества перебрасывается на легендарные предметы христианского культа. Христианская „нешвенная срачица" 'хитон', по-грузински kwarϑ [если не kwar+ϑ], прикрепленная к Грузии, также не простой нанос в культуре этой страны, как и культ „богоматери" или также „Георгия победоносца". Уже известно, что Георгий в Грузии (Иверии) занял место краевого бога 'месяца', вернее — 'богини луны', смещенной 'солнцем', в странах с языком яфетической системы представлявшейся в образе 'женщины', с чем связан и женский род немецкого нарицательного имени солнца — die Sonne; богоматерь наследовала Иштари, также восприемнице (кормилице → родительнице → матери), 'утренней заре'='двери', сама Иверская богоматерь также потому портатисса или 'вратарница'.

„Сорочка“ не случайно появляется в выражении „родился в „сорочке“ про счастливчика. И появляется она отнюдь не в связи с „оболочкой“, покрывающей, мол, порой в трудных родах вынашиваемого на свет ребенка, что представляет своего рода „материалистическое“ объяснение.

Стало по роковому недоразумению общим местом, что будто с первого же момента существования человека искусство и ремесло, религия и трудовой процесс были дифференцированы. И естественно в энциклопедическом словаре под рубрикой „Убор головной“,[1] сообщается, что „коренной мотив забот об убранстве головы — утилитарный... Вот почему, где этому не мешали религиозные причины, волосы срезывали, брили“.

Если бы вопрос шел о сегодняшней моде, то и тогда было бы основание сомневаться, правда ли религиозный момент исключает утилитарность. Но когда дело идет о стадии возникновения чего бы то ни было, костюма ли, производства или промысла, было бы столь же и еще более несостоятельно утверждать обратное. Так, в корне несостоятельна мысль Meinhoff'а, что „происхождение хозяйства с крупным рогатым скотом (Rinderzucht) надо искать в области не мирского, а религиозного порядка (nicht mehr auf profanen sondern auf religiösem Gebiet suchen)“.[2] Почему? А потому, мол, что „взаимоотношения человека и крупного рогатого скота (Rind) по сей день еще в значительной части религиозного характера“. Но если действительно так обстоит дело теперь среди отсталых народностей Африки, то это не опора для суждений о той подлинной первобытной стадии в развитии человеческого общества, когда возникало одомашнение животных, хотя бы уже крупного рогатого скота, быков, коров, буйволов и буйволиц. Тогда не было религии. Более того, не было дифференциации производства и развлечений, трудового процесса и культа, ибо и физический, и умственный труд был ручным, с ручным мышлением и с ручным языком.

'Сорока' в линии идеологической функции 'неба' в сторону 'солнца', его 'появления', 'восхода', 'возникновения' связана с рождением в определенный день удачи или неудачи, в силу чего 'рождение' и 'судьба' выражаются одним термином, как уже было оговорено нами при разъяснении „ро + д“ и „ро + к„ (см. выше, стр. 117). И потому отнюдь не случайно созвучие русск. sor + o - ϑ (→ sor - o + ϑ -) основы sor - oϑ - ka и франц. „le sort“ 'судьба', „sortir“ 'выходить'. Однако глагол этот означал не только 'выходить', но и 'восходить', 'подниматься', почему основа его sor-t налицо в составе „ressort“, эквивалента англ. s + pr - ın-g (ср. нем. „s - pr - un - g“ ← „*s - pru - un - g“

---

[1] Большая Советская энциклопедия, т. XXXIV, стр. 409—413, статья Л. Ш-га.

[2] Carl Meinhoff, Die Religionen der Afrikaner in ihrem Zusammenhang mit dem Wirtschaftsleben, Oslo, 1926, стр. 72.

'скачок', 'прыжок' ↙* pru + ɪ - o + k, ср. нем. „Ursprung" 'происхождение', 'возникновение', нем. Fe - der, русск. „пружина"; ср. русск. „пер - о [н]" ⟷ Per - un, груз. bur - dĝa 'пух', bru 'кружение' → 'небо'. Французский глагол упирается своим происхождением целиком в баскск. ŝor - tu 'являться' (о солнце), а в связи с тотемическим восприятием 'солнца' и 'успокаивать', 'унимать боль', 'происходить', 'возникать', 'зачать', 'рождать', но и без форматива t, элемента C (баскск. - tu, - ten, resp. - ϑen), у басков sor - ɪ значит 'судьба' (+ 'рождение'), 'рок', потому sorɪ - on 'хорошее рождение', 'хороший рок', 'счастие', sorɪ - ϑar 'злое рождение', 'злой рок', 'злая судьба', 'несчастие'.

У русского с баскским есть связи в числах, поскольку в числительном „сорок" мы имеем 'два + двадцать', как в баскск. ber - o + gɪy, причем 'два', представленное в данном русском термине словом sor, имеется и у басков как в числительном sor - ϑɪ '8', так в значении 'раздвоения', 'сомнения' в sor 'сомнение' и т. п. Но сейчас нам достаточно знать, что 'родился в сорочке' палеонтологически значит 'появился на свет в счастии', с 'небом' или 'солнцем' и т. п.

К 'небу' направляет мысль и баскск. sor - o + z-tu 'заострять' от 'острия' [sor - o + ϑa 'верха', 'вершины']. И при этом не можем не вспомнить столь популярного на Кавказе, в Передней Азии и далее в Африке головного убора с заостренным концом. Впрочем, само слово, о котором речь последует сейчас, опять-таки первично увязано с 'небом' не по форме ('голова', 'гора', 'небо'), а по магическому сопричастию, почему то же слово у грузин означало не 'головной убор' [только kabal - a + q̇], а 'платье', 'верхнее платье' (kaba).

Нам уже приходилось указывать, что арамейское karbla 'накидка', что семитологи производят от корня ḳbl 'связал', 'обвязал', на самом деле налично еще в ассирийском составном слове с наращением - sut: его имеем в виде, следовательно, karbal - sut в ассирийском столбце Бехистунской надписи. В ней sut — разновидность груз. qud 'шапка', resp. zuϑ 'шлем', а karbal — разновидность того термина, который сохранил нам Геродот в κύρβασιας — εἰς ἴζὺ πεπημένας: из греческой передачи κύρβασις 'тиара', 'колпак' выделяется основа-архетип kur - ba ⌈l⌉, при акании и утрате плавного ka - bal, основа груз. k̇a + bal - aq̇ 'башлык', и с перебоем ϑabalaq̇, еще у Шоты (597,1).

Связь k̇abalaq̇'a ∼ ϑabalaq̇'a с украинским женским головным убором na + mɪ - t - ka (польск. namɪt - ka „namiet - ka", „namiot - ka", „namiot - e + k", болгарск. namot - ka), конечно, требует особого рассмотрения вместе с укр. „перемітка", „наміт - е + ць" с учетом таких внеславянских встреч, как то видим у укр. „серпано - k" с чув. surβan и как то наблюдается с переносом функции 'головного убора' на другие части костюма, в данном

случае 'войлочную накидку', 'бурку' — груз. na + ba - d, арабск. la + ba - d, la + bā - d[un] 'войлок', 'кошма', li + b - d[un], перс. na + ma - d 'войлок', 'войлочная настилка', и других предметов, курдск. ne + me - d. Это приводит к иному социальному слою из состава украинцев, где также намечается встреча с 'птицей', притом играющей существенную роль в мифологии Украины.

Здесь в связи с Геродотовым κύρβασις [kur - ba + si - s], из которого с опорою на ряд фактов вместе с karbal → kabal выделяется kur - bal → ku - bal, более уместно вспомнить об укр. „кибал - ке", да укр. „гибал - ке", также со значением 'кокошника'.[1]

Здесь не можем не остановиться на определении Лениным первобытности мышления у греческого философа словами „детская наивность" в его суждениях об одинаковости процессов (космических) в мироздании и (микрокосмических) в органических телах.

В связи с упоминанием древних греческих философов с мировоззрением космической стадии, вскрытой палеонтологией речи,[2] может быть привлечен ряд мыслей философа ионийской школы Гераклита (576—480), между прочим место, обратившее внимание Ленина по другому поводу и основанию в „Конспекте книги Лассаля „Философия Гераклита Темного из Эфеса",[3] где в признании полезности за переводами отрывков из Гераклита в книге Лассаля читаем: „Иногда прямо прелестна по своей детской наивности философия древних и Гераклита, например, стр. 162 — „чем объяснить, что моча тех, которые поели чеснок, пахнет чесноком?" И ответ: „не тем-ли, что, как говорят некоторые из последователей Гераклита, один и тот же огненный процесс превращения происходит как в мироздании, так и в (органических) телах, а затем после охлаждения выступает там (в мироздании) как влага, здесь принимает форму мочи, а превращение из пищи сообщает запах того, из чего она благодаря смешению с ним возникла?"

Ленин не располагал тем материалом, каким располагает теперь наша наука об языке по истории мышления, чтобы „прелестную детскую наивность" (т. е. первобытное мышление) греческого философа VI — V вв. признать если не „руминированием", т. е. „пережевыванием", беря выражение самого

---

[1] Кстати, если исходить из сводчатой или дугообразной формы сближаемых с головным убором „кибал-ка" предметов, в том числе „кибитка", также абсолютно нельзя „корень его признать турецким", как то предполагает Д. К. Зеленин, как невозможно согласиться с его утверждением (стр. 326), что „редкое укр. гибалка явилось, конечно, по применению к глаголу с-гибати", смена k → d имеет дославянско-украинскую историю.

[2] Н. Марр, Язык и мышление, стр. 47—48 [ИР т. III, стр. 113].

[3] XII Ленинский сборник, стр. 296—298.

Ленина из оценки Лассаля сравнительно с Гегелем по диалектике, то обработкой определенной зарождавшейся классовой философией Греции того, что составляло давнишнее достояние человечества, в частности и на греческом отрезке, как мировоззрение одной из первичных стадий, именно стадии с космическим мышлением о трех небесах, в развитии языка и, следовательно, мышления. Главная заслуга Гераклита в том, что он зафиксировал и тем увековечил в истории господствующих слоев классовых формаций общественности давнишнее стяжание за многие десятки тысяч лет предшествовавших первичных общественных образований, отложившееся в речи, ибо не только 'чеснок', но и 'лук', как то явствует из палеонтологического анализа соответственных слов в языках яфетической системы — q̇a-q̇v ← q̇a-q̇u 'лук', буквально 'дитя неба', 'небесенок' (q̇a ← ϑa 'небо' в составе грузинского составного 'нёбо', 'гортань'), масс. нар. q̇ar-q̇a, по сибилянтному оформлению [свистящему: sa-q̇u ||] шип. so-q̇u (вм. шо-q̇u), масс. нар. so-q̇v. В значении 'чеснока' другое также составное из двух элементов, но иных (DA) nıor, буквально 'неба (nı- ⟷ ne-) дитя' (-or); оно же на морфологической стадии — признак мн. числа. И не иного происхождения слова „лук" и „чеснок" русского языка, где они восприняты как культурное наследие предшествовавших стадий в истории становления русского языка, lu-k 'зелень' вместе с lu-k'ом 'оружием' и lu-ϑ⌈e⌉ 'светом', все одинаково с палеонтологически разъясняемым значением 'неба (lu-) дитя' (k ← ko), 'небесенок' по губному оформлению, а по нёбной, определяющей specificum русской звуковой речи огласовке в основной части выявляет ту же структуру „чеснок" — ϑe + s-no + k, первично 'неба (ϑe + s) дитя' (no + k⌈o⌉, ср. с некоторым осложнением „ре + бёнок" ← re + be-o + no-k⌈o⌉ и др.), ибо ϑe + s ← ϑey-s,[1] имея указанную вполне обоснованно огласовку, является лишь социальной разновидностью слова „час", которое означало и „час" 'время', следовательно, и 'небо', если не говорить об его дериватах 'светилах'.

Но как увязать с 'небом' «кокошник-сороку» с двумя остриями, представляющими совершенно ясный образ 'рога'?

Ведь раньше, чем подымать взоры на 'небо', не следует ли оглянуться на 'рога' крупного скота, будь то бык или буйвол, корова или буйволица? На вишапах-рыбах мы также имеем роскошные рога, казалось бы, бычьи. Однако с сомнением: бычьи они, оленьи или буйволовы? Нас поддержала в решимости настаивать на бычьей голове и, следовательно, на бычьих рогах овская („осетинская") народная версия Прометеева или

[1] В этот раз, разумеется, не единственный, индоевропеисты правильно восстанавливают архетип „*чѣ-с-ъ", но это не праславянская, а прарусская, вернее дорусская форма, если смотреть на русский с точки зрения его славянского „гражданства".

Амиранова эпоса о морском быке, о родине героя Амирана в море, о борьбе его с морским быком. Мы находились во власти лично наблюденного в Свании молодого холеного быка с роскошными рогами. Мы не углубили палеонтологии речи до конца: упустили из виду, что если Иштарь, царица нерасчлененных еще небес (солнечного и водного, она же богиня и подземного мира, моря), в Средиземноморьи переродилась в мужчин, Посейдона и Нептуна, естественно, на героев, изобретателей огня, кузнецов, Прометея и Амирана, на которых переносится сказание о вишапах-рыбах, приходится смотреть как на преемников Иштари-рыбы, и набрасываемая на них шкура, высеченная на вишапах голова с рогами — бычья, буйволова или коровья — вот в чем загадка. Зоологические соображения, т. е. физиологическая реалистичность, для нас не имеют значения, когда дело идет о явлениях надстроечного мира. 'Бык' является символом 'солнца', но 'солнце' на стадии яфетической системы ведь представлялось в образе 'женщины'.

Производственно-культовое значение 'коровы' пережило и в мифологии Средиземноморья. Напомним об Европе, давшей имя старой части света. Имеет совершенно определенную конкретную производственную базу и то отнюдь не формальное лишь явление, что 'бык' у персов gāw, у армян лишь название 'коровы' kow, в русском kor-o + va, оформленное по неоформленной раньше производственной функции и производственным отношениям хозяев. Обычно при тяжбе между земным существом и небом вопрос ставится в иной плоскости. Ставит его также африканист Meinhoff и опять-таки анахронистически, противополагая земное, производственное небесному, религиозному: он спешит высказаться в пользу первичности религиозных начал. Так, имея в виду, очевидно, корову, Мейнгоф задает вопрос: „Что могло решительно (vollends) подвинуть человека приручить столь громадного, сильного и непреоборимого (ungebärdiges) зверя, каким является от природы крупный рогатый скот? Надо ли принять, что он хотел подоить зверя? Это очень мало правдоподобно, ибо восточные азиаты [палеоазиаты?) доселе не доят своего крупного рогатого скота, своих коров и своих буйволиц“ и т. д.[1] И этот довод по существу вовсе не так вразумителен, чтобы свести все к области религии, как то было уже процитировано нами, и к религиозному стимулу, „ибо, — пишет он, — мотив, приведенный к приручению крупного рогатого скота, должен был быть очень сильным, и такой мотив представляет именно религия“.

Однако, повторяю, палеонтология речи исключает дифференцированность культа и производства, следовательно, независимое материально-хозяйственное восприятие опять-таки круп-

[1] Ук. соч., ук. место.

ного скота, хотя бы дойной коровы, и религиозно-духовное восприятие предметов культа, хотя бы 'неба' и 'светил', учитывавшихся лишь равным образом производственно. Будь дело так, то нечего было бы ставить вопрос о происхождении того, что уже существовало, ибо такое дифференцированное в мышлении осознание противополагаемых сторон предполагает высокое развитие и скотоводства и религии, чего Meinhoff не учел, работая по лингвистике формальным методом. А по идеологии? По идеологии у него независимая от языка незыблемая установка иного источника. Между тем Meinhoff, признав „доение изобретением большой значимости" (weittragender Bedeutung), сообщает о молочном деле в Африке, что представляет положительный интерес для нас, когда перед нами стоит вопрос о взаимоотношении 'дойной коровы' и 'неба': „Среди многочисленных пастушеских племен восточной Африки, — пишет он, — мясо и молоко не используются в один и тот же день, иначе у коров утекло бы молоко (R. Randt, Caput. Nili, Berlin, 1905, стр. 507), — следовательно, пользованием молока между человеком и скотиной устанавливается магическая связь, и Hahn окажется прав в утверждении, что право питаться молоком (Genuss der Milch) как особым магическим напитком предоставлялось жрецам и царям (ср. также религиозное употребление молока у Джагга, Gutmann, Das Recht der Dschagga, München, 1926, 5, 10, 163, 180, 182, 305; ср. также Hollis, The Massai, Their language and folklore, Oxford, 1905, стр. 290, 349; Fokken, Gottesanschauungen und religiöse Ueberlieferungen der Massai, Arch. f. Anthrop., N. F., т. 15, стр. 237—252). Те пастушеские племена, которые имели обязанность охранять назначенный для жертвенного приношения скот, вместе с тем брали на себя один вид жреческой функции и чувствовали себя значительно выше других. Им предоставлялась священная пища, молоко коров, кровь их и говядина, другие могли питаться земными плодами (von irdischen Stoffen)" и т. д. Магичность связи человека с коровой через коровье молоко африканист подтверждает самим существующим обычаем и его бытовым объяснением, но быт в наблюденной среде представляет уже высокую форму социальной структуры с расслоением населения на три группы: низовую с питанием лишь от того, что дает земля, среднюю, на страже интересов господствующей группы с правом питаться от крупного рогатого скота высокой жертвенной значимости, их мясом, кровью и даже молоком наравне с господствующей, явно эксплуатирующей группой, где уже два четко раздельных слоя, жрецов особо и царей особо. Да может ли быт такого общества сложной структуры дать руководящую нить в понимании возникновения и смысла хотя бы магической силы молока? Почему молоко *не* религиозная, *а* производственно-магическая связь *не* человека, *а* человеческого коллектива высшего порядка в данном обществе с дойным крупным

рогатым скотом? И почему кровь в том же обществе является также уже трудмагической силой в увязке с крупным рогатым скотом у другого коллектива, но второго ранга, правом группы, стоящей в ином положении? Ясно, что кровь еще не в полном почете, она общественно расценивается ниже молока. Но откуда берется высокий магизм молока и почему, наконец, такое производственно-культовое, а по африканисту, в противоречии с излагаемыми им же бытовыми фактами, прямо-таки чисто религиозное магическое явление, сводится к установлению связи прежде всего и полностью верхушки общества, обоих слоев господствующей группы, и культового („жрецов") и правящего („царей")? Мы знаем, что кровь (им.) сменит молоко (вин.) в феодальном обществе, хотя молоко будет еще продолжать играть роль „магической", но не трудовой, а родовой и родственной увязки с новым институтом, институтом кормилиц и молочных сестер, братьев и т. д. Но что сменено молоком как идеологическая увязка господствующей группы? Палеонтология речи нам и дает ответ не полный, но все-таки вскрывающий завесу с такого „чреватого последствиями" (weittragender Bedeutung) производства, как доение крупного рогатого скота, связанного своим происхождением с прочно установленной матриархальной формой социальной структуры и имеющего уступить 'крови' при окончательной победе патриархального строя. Африканистам описываемый быт рисует разве пережиточное состояние в новых условиях бытия того коллективного производства и особенно соответственного общественного уклада еще при матриархате, когда верхушки женского жречества и власти из матерей и девиц располагали уже служилыми, тянувшимися к разделению руководства с ними пастухами-отроками, будущими братьями, мужьями и отцами для соответственно организованной эксплуатации (сначала совместной с материнской-девичьей частью, сестрами и женами, а затем независимо) труда низового массового населения, в Африке доселе остававшегося с питанием от земной продукции. Это дело особое, без доследования которого так же нельзя пользоваться историку материальной культуры, следовательно, историку человечества дописьменно-исторических стадий его развития, как за письменно-исторические эпохи нельзя пользоваться историческими документами без идеологической критики, построяемой не на формальной критике и ее словесной акрибии, а на опять-таки истории материальной культуры, уже иного порядка, на учете того, что идеологически говорят смежные области человеческого знания, искусство и техника. А сейчас нам остается лишь поделиться тем, что говорит по материальной культуре язык в противоположность ничего не говорящему о молочном деле и его генезисе, магизме молока крупного рогатого скота, вещанию африканиста — в расхождении с выразительным лозунгом Фробениуса: „Und Afrika sprach".

„И Африка сказала“, говорит палеонтология речи по новому учению об языке (яфетической теории) о 'молоке', как идеологической смене 'света', 'лучей', служивших трудмагической связью в социальной структуре при космическом мировоззрении: 'молоко' в тех языках яфетической системы, которые наиболее тесно связаны общественно, следовательно, и речью, грузинском, мегрельском, чанском (или лазском) и тут наиболее близко примыкающем сванском, звучит совершенно различно: груз. sďe (массов. нар. rďe), мегр., чанск. в bȷa↖mȷa и сванск. ləḓa, но так — формально. Что же касается идеологической значимости или общественной функции, стоимости, она одинакова, тождественна для стадии, на которой этот термин возник. Все они двухэлементны: из них 1) мегр., чанск. mȷa↗bȷa, в архетипе m-ȷal↗b-ȷal, имеет точный эквивалент в груз. m-ze↗диал. b-ze 'солнце' с утратой плавного r, который, однако, сохранился в глаголе m+zer-a↗b+zer-a 'смотреть', происходящем от 'солнца', да и в мегрельском m-ȷa значит 'солнце', лишь чанский (лазский) обзавелся для обозначения 'солнца' дифференцированной разновидностью родного mȷal, собственно его усеченного вида mȷa↗bȷa, именно переключением на основную социальную огласовку шипящей группы, губную — mȷo- с придачею элемента D-ra (ср. 'день' с тем же значением 'солнца': mȷora); в сванском, где la (ra) 'солнце' появляется со значением 'дня' в скрещении ladeǧ 'день', двухэлементное m-ȷa || m-ȷo также налицо в виде mī-ш в составе христианского термина mī+ш-la+deǧ 'воскресенье' (ср. выше), буквально 'солнца день'. Кроме того 2) груз. s-ďe представляет двойник груз. sı-ďe 'жених', собственно 'молодец' (ďe ныне у грузин 'сын', дериват-смена 'неба', 'солнца', как русский „отрок“ — 'мужчина-солнце'). Диалектически груз. r-ďe, распространенное особенно в Гурии и Имерии, представляет своим r не фонетическую смену s, а элемент D в виде re⟷rı (ср. выше ra) 'солнце'←'небо', эквивалентом которого и является сванск. lə-ḓa по закономерности шипящей группы с губной огласовкой, нормальной для сванского языка, „скрещения“ спирантного типа с шипящим: это lə [↙lo⟷lu↜le⟷lı] || la.

У грузин — ďe, ибо ḓa(→da) с таким значением отсутствует, и точно систематически устраняется закономерное для груз. da 'сестра' мегр., чанск. соответствие do⌜r⌝⟷du⌜r⌝ (←ḓo-r⟷ḓu-r), однако не бесследно: так, его пережиток dul в dadul 'курица' (см. также sur, resp. sul↜⌜h⌝ur, resp. u+h←ur-hı), а также ḓu↜ḓı- в названии 'брата', чанск. ḓu-ma⌜l⌝↜мегр. ḓı-ma⌜l⌝, где ḓu раньше 'сестра', как da⌜l⌝ в чанск., мегр., у грузин (ср. выше) ď⌜a⌝ в ď-ma 'брат' при da (←ďa) 'сестра' и ďa 'брат' в bı-ďa 'дядя' (буквально 'отца брат'). К женскому значению (←женской организации, ее праву владеть) относится и ďu-ďu 'груди', ďu-ďe 'кормилица', 'воспитательница'→'воспитатель', сванск. dı 'мать', груз.

de-a (ср. выше de-day, ďı-ďa и также уже в значении 'брата' ďı-a). Мегрельский и чанский выявляют упорно гортанную огласовку грузинского языка: груз. da, мегр., чанск. da⌈l⌉ также в слове 'мать'→'женщина'→'самка': груз. de-da 'мать'→'женщина' (ср. арм. dal и dayl←dal-ı 'первое молоко после родов'), мегр. dı-da←груз. ďı-ďa 'кормилица', чанск. da-de 'посаженная мать', мегр. 'подруги' как со стороны невесты, так и со стороны жениха, груз. de-dal 'курица', 'самка', мегр., чанск. da-dul, груз. qal 'женщина', 'девушка', -ďal (в s-ďal), но в значении 'жены', наоборот, у грузин лишь усвоенная от мегрелов, чанов, у коих 'жена' ϑıl∽ϑur 'vulva', также мегр. o+sur-ı 'жена', 'женщина', чанск. o-sur-e→o-sur-ı 'девушка', губная огласовка ϑol (вм. ϑal) лишь в значении 'дочери' с перебоем в огласовке a-sul. Это абсолютно не отвлеченное звуковое явление, как, разумеется, не каприз, а результат истории института брака, установление которого в грузинской общественности относится ко времени господства иберов с языком сванского (спирантно-шипящего) типа, и тогда с закономерной двойственностью в огласовке как с „e" (св. yeq̇w ↗ q̇e-q̇w 'жена', 'женщина', в пережившем от матриархального строя способе образования социальных терминов у сванов, как, например, q̇elıφ-q̇e 'царица', собственно 'дочь', resp. 'жена царя', откуда у мегрелов -q̇e[1]), так с o←→u в разнобойном скрещении da-ϑur, resp. da-ϑwır 'сестра' (ср. груз. a-sul 'дочь'). В связи с этим и у армян в значении 'сестры' двойственность огласовки qer- (в род. qər-en, ср. qer-ı 'кум', древнелит. 'тетя'='сестра матери') и qor в им. древнелит. qoyr←→qur (им. quyr, род. qər-o+d и т. п.), равно в значении 'женщины', 'девушки' в скрещенном образовании ur+hı (|| +he), у грузин с обратным расположением тех же служебных слов, как например, -e+ul || -o+ul (ср. мегр., чанск. o+sur-ı) для образования ряда правовых терминов по наследованию; по предмету же темы d̂ul→d̂ur→dul из dur от тотемического мышления и матриархального строя и действующее лицо (соответственно форматив имени действующего лица) и действие (тотем и отвлеченное понятие): m-zar+dul 'кормилица'→'воспитатель', m-sa+d̂ul 'судья' (ср. женский род русского термина) и s-d̂ul (массово r-d̂ul) 'закон', 'религия' (отвлеченно: 'женство', конкретно 'женский закон' по производству→'религия'∽'закон'), с усечением sa-d̂ — основа глагола 'судить', 'казнить', древнелит. шd̂a, ср. sa-ш+d̂-el, resp. sa-s+d̂el 'суд', 'приговор', 'наказание', массово-нар. sa-r+d̂el 'труд'.

Использование [s-ďe→] sı-ďe в значении 'жениха'→'солнца-парня' в противоположность его разновидности s-ďal

---

[1] Н. Марр, Нарицательное значение термина q̇era в „митанских" женских именах, стр. 124.

(←* sı-ďal) 'невеста', 'невестка' ← 'солнце-девица' есть дело позднейшей дифференциации, именно расщепления одного слова-понятия 'солнце' → 'заря-солнце' с нарастанием новых социальных групп в правомочные по тотему-светилу возрасты по противоположности — 'старость' ('вечерняя заря') и 'молодость' ('утренняя заря'), сначала 'девица' и потом 'отрок'. В связи с этим находится большая пестрота и формальная непоследовательность в огласовке терминов родства молочного → кровного и брачного, одинаково выработанных из производственных названий.

Так, груз. ďe 'сын' в мегрельском и чанском должно бы звучать ḓa. Такое нормальное соответствие мы и имеем для груз. sı-ďe 'жених', 'зять' в мегр. sın-ḓa (← sın-ḓal, ср. sın + dal-am + o 'вместе с зятем' и т. п.) → sın-da. Эта нормальность исчезает для груз. s-ďal 'невеста', 'невестка', что в мегр., чанск. должно бы звучать *s-ḓor ←→ *s-ḓur; по-мегрельски 'невестка' nu-sa, по-чански 'невеста', 'невестка' 'новобрачная' — nu-sa⌜l⌝, по-мегр., чанск. nı-sa⌜l⌝, скрещение no ←→ арм. nu 'невеста', 'невестка', шум. sal 'женщина' ↗ груз. ďal. Эта нормальность не соблюдается для груз. ďe 'сын', ибо ḓa (→ da) с таким значением отсутствует и точно систематически устраняется закономерное для груз. da 'сестра' мегр., чанск. соответствие dor ←→ dur (↙ḓor ←→ ḓur) ↘ do⌜y⌝ ←→ du⌜y⌝, однако не бесследно: его пережиток ďul в dadul 'курица' [см. также сиб. sur (вм. шur, resp. su⌜l⌝) → zu⌜r⌝ в сванском скрещенном zur-al 'женщина' ↗ ďu 'самка', спирантно hur, resp. u-h (← ur-he/ı), см. ниже ḓu- ∼ ḓı- в названии 'брата' - ḓu — ma⌜l⌝ ∼ ḓı-ma⌜l⌝].

Со сменой 'девицы' 'парнем', 'парубком', или 'отроком', имела, однако, место смена и более существенная, именно осознание и наречение светила, раньше ночного, затем дневного, т. е. смена 'луны', 'месяца' 'солнцем'. Отсюда и то обстоятельство, что мегр. mȷa 'солнце' ↗ bȷa в абхазском с переключением по его строю на свистящий лад — mza значит 'месяц': à-mza. Сванское la ‖ lə ↙ lu 'день' ← 'солнце' в полной форме ruш, resp. luш 'свет' и в арм. loys ←→ luys 'свет' в виде lu-sın значит 'луну', как в удвоении лат. lū-na (lū + un-a?] → русск. lu-na.

В связи же с развитием питания, в начале коллективного, восходящего к производству, находившемуся в жреческих руках, в противоположность стадии, на которой „возникли" (перестроились) языки прежней стадии в семитические языки с их арабск. ṭabāq[un] 'повар', собственно 'заклатель', евр. ṭabāq 'заклатель', 'повар', мн. ч. 'гвардия царя' и др. [ср. арабск. ḓabaḥa 'он принес в жертву', 'зарезал (животное) и т. п.], у грузин имеем m-zar-e + ul, буквально: 'занимающийся молоком' ('занимающаяся молоком', 'женщина [e + ul], действующая по молоку', вернее, 'занимающаяся изготовлением молочной еды',

вообще 'еды', 'питания', ср. m-zar-dul 'воспитательница'→ 'воспитатель'). Отсюда m-za + d-e-ba 'готовить еду', sa-m + za + d-is 'место изготовления пищи' рядом с позднейшим sa-m + zar-e + ul-o 'кухня'.

„Кокошник" или „сорока" своим происхождением относятся к стадии, когда 'головной убор' не был вовсе ответом заказа на красоту и удовлетворение „эстетических" вкусов. Происхождение „кокошника" и „сороки" связано генетически с производством еще той стадии, при матриархальном строе, когда верхушка социальной структуры была женская, состояла из матерей-девиц. Это общественно-женское начало было повинно в том, что матери не только рождали и кормили особой организациею, институтом матерей-девственниц, но они же вели коллективный уход и лечение тем же институтом, как воплощением производства, они судили и рядили и руководили коллективным питанием общества. От них пошли первые не только повитухи или бабки (груз. нар. de + da-mania), но и знахарки, лекарки, поварихи, и в качестве таковых они носили одеяния и головные уборы, связанные с их производством в идеологии пережитых стадий, начиная с начальной, не говоря о связи этого головного убора также с такими ставящими и теперь женщину на первый план актами, как брак, лишь изживаемый у нас пережиточный обряд, в быту с трудом освобождаемый из пленения, в каком он находился у захватившей его идеологически церкви.

Конечно, не 'головной убор' как таковой представляет интерес для обществоведа, ни даже как технически его кроили и из какого материала, вне генетической связи с потребностями и возможностями социальной среды и производства, когда в классовом обществе и на стадиях сложения элементов и взаимоотношений классового общества о прямом назначении каждого предмета материальной культуры, как это нам теперь представляется, понятия не было, и даже выявить представление о нем приходилось в труде и борьбе. Для историка материальной культуры источником интереса к „кокошнику" и „сороке" является смена, притом не одна, в корне изменяющих идеологию функций этого сейчас лишь головного убора и с нею общественную стоимость, смысл самых обозначавших его слов по производству.

В работах по яфетической теории не раз отмечались частичные семантические встречи слов, обозначающих предметы, отнюдь не ассоциируемые нашим мышлением. Поскольку речь не шла о терминах, с одной стороны, явно материальной культуры по архитектуре, вообще по искусству, ремеслу и вообще самому веществу обработки, а, с другой, — столько же из тех или иных форм социальной структуры, сопоставления таких слов воспринимались как или фигуральные поэтические вольности или явления, имеющие отношение к ограни-

ченному кругу предметов и явлений из сказочного, мифического и легендарного мира, равно названий населенных пунктов и племенных или национальных образований и их взаимной увязке в их замкнутом мире. Такие сопоставления отнюдь не ограничиваются, когда они составляют темы отдельных статей или заметок, как, напр.: „'Лошадь' || 'птица' тотем урарто-этрусского племени и еще два этапа в его миграции"; „Термины из абхазо-русских этнических связей. Термины „лошадь" и „тризна" (К вопросу о племенном происхождении средиземноморского населения)"; „Название этрусского бога Ḳalu и термины 'писать', 'петь', 'чорт', 'поэт-слепец' (К вопросу об Iштar-Ḳarmenta)"; „La Seine, la Saône, Lutèce et les premiers ḥabitants de la Gaule, Etrusques et Pelasges"; „Книжная легенда об основании Киева на Руси и Куара в Армении"; „Ольвия и Альба Лонга"; „Сухум и Туапсе (Кимерский и скифский вклад в топонимику средиземноморского побережья)"; „Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении их племенных названий"; „Из переживаний доисторического населения Европы, племенных или классовых, в русской речи и топонимике"; „Из доистории Индии и Вол-Камья по названиям городов"; „Филистимляне, палестинские пеласги, и расены, или этруски (Из мира лошадей от Пиренеев до Малой Азии, до Руси)"; „К толкованию имени Гомер"; „'Смерть' → 'преисподняя' в месопотамско-эгейском мире". В работе „Иштарь (От богини матриархальной Афревразии до героини любви феодальной Европы)" как будто мы прямо-таки подходим к „вишапам", где смены значений прослеживаются от рыб до Венеры, но разница громадная, поскольку в трактовке каменных рыб, как преображения семантических изменений самих вещественных памятников, рассматриваются как идеологические перерождения результаты сдвигов в производстве и в социальном строе, с учетом мышления и мировоззрения.

В этом отношении ближе к правильной постановке самой работы над лингвистическим материалом подводили мелкие заметки с материалистическим обоснованием взаимных увязок предметов хотя бы в тесном кругу сродных понятий, если бы каждый такой круг, лишь отрезок целого, не воспринимался как замкнутый мир, стоящий, казалось (а многим кажется и доселе), в зависимости от словаря повседневного обихода и текущей жизни, не исключая предметов первой необходимости и физической потребности.

По связи 'головного убора' с 'небом' рассмотрим его дериваты в элементе А, а из трех социальных группировок, характеризуемых тремя основными разновидностями огласовки, гортанной (а), губной (o ⟷ u) и небной (e ⟷ ı), рассмотрим разновидности его в гортанной огласовке, представленной чрезвычайно богато:

А) kar || kal и одноэлементно (А) означало космически и

*

'небо' и дериваты, как небесные (космические) явления, так и части его, предметы его окружения, 'птицу,' в частности 'курицу'; от космического восприятия мира у груз. kar 'дверь' палеонтологически вскрыто первично значение 'заря'. Это теперь видно и из его сибилянтного двойника в русском zaŗa (← sar + e - ā); в грузинском же, как не раз разъяснялось, ϑıskarı 'утренняя заря', буквально 'дверь неба' при нынешнем восприятии, когда kar значит 'дверь', есть позднейшее построение. На более же ранней стадии, когда впервые выявлялось в мышлении как надстройка представление о *'двери* дома', т. е. 'крова' ← 'неба', то именно она, 'дверь', называлась описательно 'заря дома' (← 'неба'), а не 'заря' — 'дверью неба'. В то же время kar значило 'курицу' (см. ниже) и потому армянский глагол, представляющий своей основой удвоение того же слова — kar - kaŗ - el — значит 'кудахтать'; но космическое мировоззрение — позднейшее, весьма позднее достижение, и нам необходимо охватить для правильного истолкования „кокошника", „сороки" более ранние мировоззрения, более ранние стадии мышления, притом в связи с развитием базы.

В) kar, конечно, означало 'небо' и в связи с 'небом' → 'кровом' и 'население', 'жилое место', 'жилище', как 'город', resp. 'село', так 'дом'. Но для созидания и слова 'город' и слова 'дом' требовалась соответственная материальная база; ни слова 'город', даже представления о нем не было до градостроительства, ни частного понятия 'дом' не существовало до необходимых для этого предпосылок в виде соответственных социальных условий. Поэтому приходится прослеживать значения по производству с учетом общественности и мышления:

а) В восточной Европе элемент А, простой вид kar, у комиев с удмуртами из нынешних „финнов" и у чувашей значит еще 'город'. На Кавказе в таком развитом языке так наз. яфетической системы, как грузинский, kar означает еще 'двор', 'стоянку', без дифференциации скотоводческой от земледельческой, следовательно (что труднее себе представить, но важнее) — номадной от оседлой. Тогда, разумеется, не было того явления, что в одном грузинском от kar (~→ kra, resp. kar + a), естественно, в ряде переоформлений (от внутреннего переоформления и скрещения) набираются десятки терминов и пастушеского и земледельческого быта. Так, из пастушеского номадного быта, например, kar - a + v 'шатер', 'палатка' (← 'кибитка'), карельск., суоми kar - ya 'стадо', kreba вместо kra - ba (см. мегр., чанск. ⌜o⌝kor + o - b - ıı⌜a⌝ 'сбор', древнелит. феод. a - kr + b - e + s, нар. a - ı + krıb - en 'снялись с места стоянки', 'собрались в путь', 'переселились', груз. массов. нар. go - gor → go - gor - a 'колесо' [← 'арба', 'сани'] вместо утраченного им, грузинским, *ka - kar, resp. ka - kal 'глазное

яблоко', 'зерно', ср. арм. kar-q 'колесница', 'повозка', груз. ur-e+m 'арба', чув. or-a+pa⟷ur-a+pa 'телега', 'колесо') вместо *kar-ba (ср. баскск. ar-ba 'полозья' или 'сани для горных бездорожных скатов',[1] как в Свании; русск. ar-ba, тат. ar-a+ba); груз. kra-v 'ягненок', 'барашек' (ср. арабск. q̇ar-ū+f, мн. ч. q̇ır-fān 'ягненок') || по шипящей группе *korov (ср. русск. kor-o+va || kar-o+va 'корова', арм. ko-vᴦu˥ 'корова', перс. gā-w 'бык') ⟵kra-vel 'ягненок', 'агнец' (ср. арм. gar+ᴦə˥n⟷*kar-ın∽*kar-un), kar-a+q 'сливочное масло' (ср. арм. kar+a-g ⟶kar+a-q id.) и т. д.

Из земледельческого оседлого быта термины у грузинского сбиваются на губную и нёбную социальные огласовки и тогда, когда гортанная социальная огласовка тех же терминов существует. Так q̇or-bal 'пшеница' вместо *q̇ar-bal (ср. тат. ar-φa 'ячмень'), qer-ı 'ячмень' вместо *qar-ı (ср. греч. kerı), ka-kal 'зерно' (и хлебное, ср. халдск. kal+ın-ı 'хлебный злак', 'ячмень' [?]), kre-φa 'сбор винограда' (ср. арабск. garīfᵘⁿ 'осень') и т. д.

Иное дело связь с 'небом' в домо- и градостроительстве:

b) 'Небо' и его дериваты охватили все подробности оседлого хозяйства, не говоря о том, что налицо избыток терминов по этой части; поэтому используются они с дифференциациею, например, в древнелит. kar 'дверь' и b-ṭe 'ворота', ныне kar также 'дверь' и для 'ворот' в живой речи ṭıш+kar-ı (вместо bṭıs-karı), слово в слово 'дверь (kar) ворот' (ṭıш от ṭe, второй лишь части скрещенного образования b-ṭe, да еще в родительном падеже шипящей группы -ı-ш вместо ı-s).

Однако если ныне kar (gar) называется 'дверью', то это позднейшее по уточненности, связанной с моносемантизмом, осмысление, да и возникло оно совершенно иначе, чем это представляется, и тогда, когда для начальных эпох языкотворчества отпадает возможность переноса названия жилищной 'двери' на 'зарю'. Казалось бы, налицо обратное явление — по названию 'зари' наречение 'двери' в порядке переноса космического термина на хозяйственный микрокосм, что с точки зрения установленного уже космического мировоззрения выступает как бесспорный факт. На деле здесь опять-таки находимся перед позднейшим положением дела, перед результатом диалектического процесса расщепления акта, приуроченного к 'началу дня', 'восходящему солнцу', в противоположность концу 'дня', 'заходящему солнцу' в осознании в зависимости от сдвигов в материальной базе, в две

---

[1] В двух наречиях, в бастанском Верхней Наварры и алдудском Нижней Наварры, см. de Azkue, s. v.: „traîneau rustique fait de deux branches en forme de ⌣⌣, pour transporter des ajoncs dans les endroits où ne peuvent passer les charrettes“. Pierre Lhande (Dict. basque-fr. et fr.-basque) лишь повторяет кратко 'traîneau rustique' Azkue, прибавив из рукописного словаря Maurice Harriet'a значение 'якорь'.

стороны, определяемые 1) протяжением и длительностью производства, как отрезка места ('стоянка', 'мрак') и времени ('движение', 'свет'), и 2) противоположением 'утра' и 'вечера', в общем — 'открытие', оно же 'свет' или 'проход', 'выход', 'восход' или, что то же, 'ущелье', 'рот', 'ворота', 'дверь' и 'закрытие', оно же 'мрак', или, что то же 'заход', 'спуск', 'возврат', 'внутрь'.

Между тем представление о стоянке расщепилось в зависимости от состояния оседлого хозяйства и с ним связанного домостроительства на 'двор' или 'дверь', даже 'ворота', но в таком средневековом „народном" скрещенном грузинском термине как kar + a - ba + k 'просторный двор', 'обширная стоянка' или пусть 'широкие ворота', не имело никакого отношения к градо- или домостроительству.[1] Не только у груз. kar, но и у арм. bak имеются связи совершенно иного порядка с космическим, в частности астральным миром: bak + m по-грузински значит 'ореол', 'светозарная полоса', кольцом окружающая луну; формативm (элемент B) нарос на формативk (элемент C) термина, тогда как обычно элемент B смещает элемент C или, наоборот, сдается его господству, в процессе борьбы социальных групп, хозяев каждый одного из этих двух элементов. Действительно, ba - k сохранил без элемента C — ba ↘ va ← vā — в значении, казалось бы, 'ворот', 'рта' „новый" персидский язык в составном глаголе vā qerden 'открывать' (дверь), vā шuden 'открываться', 'появляться' и bā - m: 1) 'кров', 'терраса', 'крыша' и 2) 'утро' (bā + m - dād), но vā шuden значит не только 'появляться', но и 'уходить', 'исчезать'. Следовательно, дело имеем в основе с предметом, который появляется (восходит) и исчезает (уходит, спускается), а это не что иное, как 'светило', одно из двух „великих светил", но какое? Если исходить из обычно признанного „великодержавия", то, разумеется, 'солнце', и этого нельзя оспаривать, да и нет надобности оспаривать, так как на последнем, захватывающем и нас отрезке времени господство солнца безоговорочно и безгранично, но 'солнцу' предшествовала 'луна', почему сутки начинались с 'вечера', и еврейская

---

[1] Сохранил слово karabak, казалось, грузино-армянское по составу грузинский поэт Шота из Рустава в основе произведенного от него глагола ϑa - v - a - karabak - e 'я продрал в шатре движением меча сверху донизу широкую полосу как просторный двор' ‖ 'обширную стоянку' еще лучше — 'тогда я прорубил в шатре одним взмахом меча сверху донизу широкие ворота', палеонтологически — 'просеку я тогда в шатре прорубил движением меча с неба до земли, светлую точно утренняя заря'. Поскольку bak 'двор' действительно существует в армянском; а Шота слыл (да пока не имеет основания не слыть) за выходца из грузинской со смешанным армяно-грузинским населением среды, термин в целом — kar + a — ba - k был признан по происхождению грузино-армянским из-за проявления его впервые в письменности у названного писателя с другими арменизмами того же порядка. Но теперь и у этого вывода, филологически установленного нами же, новым учением об языке подтачивается основание.

Библия с мифологическим рассказом о мироздании черпает свое осведомление не из откровений бога и не из схожего месопотамского легендарного сказания того же содержания, а из собственного „фольклора“, отражающего рост мышления человечества, когда в ней читаем: „и был 'вечер', и было 'утро'“. Фольклор же не природная продукция „народа“, а создание первобытного общества, по форме и тогда, когда он содержит идеологию и сегодняшней стадии.

И функционально название осознанного в соответственном производстве 'вечера' было перенесено на 'утро', о чем свидетельствует соответствие сванск. ha-m 'утро' груз. ğa-me (баскск. ga-w) ['вечер'←] 'ночь' (ср. баскск. a+par-ı 'ужин', 'вечерняя трапеза'), равно соответствие евр. ша-q̇ar, в паузе шā-qar 'утренняя заря' — груз. ṫu-q̇el 'вчера', m-ṫu+q̇r 'вечер', в христианском культе — 'вечерня'.

И в то же время при учете палеонтологического положения о тожестве названия 'солнца', resp. 'луны', с названием 'глаза' в микрокосмическом применении космического термина к последнему, если абх. ba↘bə, основа глагола a-ba-ra↘ a-bə̀-ra 'видеть', означает 'глаз', как пережиток bal (ср. абх. à-bla 'глаз'), и тем устанавливается связь его и с перс. vā, означавшим некогда 'светило' ('солнце' или 'луну'), то, когда у грузин архетип vā←va↗val (арм. др.-л. val 'утро', массов. нар. 'утром' 'завтра', груз. q̇-val 'завтра')←→mal (чув. 'перед', груз. u-mal 'раньше', mal-e 'скоро'), resp. var, выступает со значением 'глаза' (ср. коптск. bal 'глаз' [1] в скрещенном ϑ-val (древнелит. ϑo-wal) и 'луны' в скрещенном ⌜m⌝+ ϑo-var-e→ϑ-var-e 'луна') то тем в грузинском вскрывается наиболее архаичное состояние развития материальной базы, сигнализуемое мировоззрением, когда было еще господство 'луны', и не только m-ϑ⌜o⌝+var-e, но и ϑo-wal→ϑ-val означали 'луну', 'месяц'. С этим и связано происхождение значения грузинского глагола (действия) ϑval-a 'он считал'; но счет по месяцу говорит уже не о первичном восприятии 'луны', ибо сначала не было восприятия времени ни солнечного, ни лунного как длительности. В отношении выявления в речи, это все относится к паре двух противоположностей в единстве — сванск. ha-m 'утро' и груз. ğa-me←→ баскск. ga-w ['вечер'←] 'ночь', одинаково скрещенных образований из двух элементов AB, куда привходит от языков семитической системы и арабск. ḳa-mar^{un} 'луна'. К такой же паре двух противоположностей в единстве из элементов AA, как еврейск. шаq̇ar 'утренняя заря' и груз. ṫu-q̇el 'вчера' (m-ṫu+q̇r 'вечер'→'вечерня' в христианском культе), относятся арабск. ша-γr^{un} = сир. sa+γr-ā 'месяц', что, однако, также пережило

---

[1] Н. Марр, Абхазоведение и абхазы, ИР, т. V, стр. 172; его же, Китайский язык и палеонтология речи. I. 'Глаза' и 'слезы', ДАН, 1926, стр. 93—96.

со значением 'луны' → 'глаза' в основе грузинского глагола ϑ + qer - a 'смотреть', 'вперить глаза'.

Однако счет по месяцам говорит уже не о первичном восприятии 'луны', ибо сначала не было восприятия времени ни солнечного, ни лунного, как не было счета и по дням.

'Ночь' и 'день' также связаны космически с 'небом', как движением, временем, в материальной базе действием трудового процесса, однако, ни 'ночь', ни 'день' и тогда, когда они были уже осознаны и дифференцированы, не воспринимались по длительности времени, а по безвременью и удачливости времени,[1] как носители противоборствующих, тормозящих или благоприятствующих сил, 'мрака' и 'света', ночного и дневного светила, 'луны' и 'солнца' (раньше это без дифференциации и луна и солнце, как части 'неба', носившие с ним одно и то же название). Поэтому-то kаш (чув. kaş 'ночь'), на той же стадии, следовательно, и 'день', и 'небо', воспринимаемое диффузно, т. е. без уточнения и как 'синее', и как 'светлое' в удвоении kаш - kаш служит основой грузинского глагола ga + d - ı + kаш + kаш - a в смысле 'прояснилось небо' или 'небо открыло свою синеву', слово в слово: '(об)наружило (ga - a) себя (ı) небо + небо (kаш + kаш)'. Это построение нас заводит в начальные стадии с тотемами иного порядка. Установление же не только длительности, но и счета по месяцам с созданием самостоятельного термина для этого понятия это — громадный сдвиг в мышлении, выявление производства высокой техники и сложных производственных отношений, орудия не только борьбы, но и прочно, т. е. классово организованной эксплуатации господствующим слоем ниже стоящих социальных слоев. В массовом живом народном языке, например, мегрельском, одно слово ϑuϑa означает и 'луну', и 'месяц'; если в массовом народном грузинском глагол ϑ + val - a 'считал' устанавливает за его основой 'глаз' и значение 'месяца', то этот скачок к надстройке низового слоя с его отсталой техникой речевой культуры на стадию языка господствующего слоя в базе сигнализует двусторонний акт, с одной стороны своего рода подтягивание путем вовлечения в сложное производство низового слоя в целях эксплуатации, с другой — и это основной и решающий момент — захват низовыми слоями идеологического орудия в борьбе за овладение орудием производства в своих классовых интересах.

Не о чем-либо ином говорит и наличие в сванском особого слова для 'месяца' ϑe - w || ϑö - w, разновидности армянского ϑı - w, род. ϑo - wo - y ⟷ ϑu - wo - y ↘ ϑə - wo - y 'число' и особого для 'луны' — do + шd - ul [do + ш - dul?] при ином по составу

---

[1] Кстати, греч. καιρός 'удачное' || 'удобное время', восходящее к архетипу kar + ı - o + s, связано по противоположности 'ночи' || 'вечера' 'дню' || 'утру' с груз. kar - ı ['утро' →] 'дверь', см. стр. 164, 176.

двухэлементном ϑö (←ϑo-e) со значением 'месяца', так и 'глаза', и одноэлементном 'глаз'. Это творческое движение языковыми фактами сигнализуется общественно как коллективизация человеческих производительных сил, переход в процессе нового производства с новыми ресурсами природы и с новой более усовершенствованной техникой на отношения более широкого охвата. При этом на одной стадии этого глоттогонического процесса термины восходящей общественной организации — двухэлементного образования, конкретно субарского, шумерского, или кимерского, впоследствии иберского, с закономерными социально-огласовочными взаимоотношениями трех группировок ϑ-val (←ϑa-val) груз. ['луна' +] 'глаз' .|| ϑö-w ← *ϑo-we ←→ ϑu-w сванск. ['луна' +] 'месяц' и в активных падежах арм. ['месяц →'] 'число' || ϑew (→ груз. масс. нар. ϑ-ve 'месяц') ←→ ϑı-w (в пассивных падежах арм. 'число'). На другой стадии идеологически те же термины в рост идущей общественности, также составные, представляют образование уже из элементов AC, конкретно скифское, и в грузинском древнелитературном феодальном в значении 'месяца', как термина длительности времени, только это образование и гражданственно — ϑϑue ← *ϑu-ϑe, как закономерная разновидность мегр. и чанск. ϑu-ϑa, означающего и 'луну', и 'месяц' и в сванском представленного двояко: 1) как двойника ϑu + ϑe: ϑö (←ϑoe) в значении 'месяца' и 'глаза', но не 'луны', и 2) в уменьшительной форме на -ul [-dul], в виде do + шd-ul (см. выше) исключительно со значением 'луны'. В значении 'счета', первично 'счета времени', и сванский, и мегрельский выявляют своими расходящимися социально-фонетическими оформлениями иные общественные связи, оставаясь верными скифскому образованию все из тех же двух элементов — AC: у мегрелов, как и у чанов, 'считать' o-kor + e + ϑq̇-u ⤳ o-kor + oϑq̇u (чанск.), kor + o + ϑq̇-u + a (мегр.) со связью первой, основной части kor ←→ kur:

1) с суоми и эстонским, где утрачен исходный плавный, но сохранено его возмещение долготой огласовки — kū („kuu“) в значении и 'луны', и 'месяца';

2) с kur 'глаз' в составе грузинского народного kur-ϑq̇al 'слеза', буквально 'глаза вода', что имеет на этой архаической стадии одноэлементного образования весьма тесные связи за пределами так наз. яфетической и финской системы, в греческом, чувашском и в языках турецкой системы. У сванов самостоятельные слова и для глагола 'считать' и для слова 'счет' также от двухэлементного AC образования, скифского, но с различными социально-фонетическими оформлениями, в основе глагола 'считать' — lı-шəl + d⌈an⌉ı 'исчислять', 'считать' с ослаблением мегрело-чанской (группы шипящего типа) губной огласовки (шəl + d- ↙ шul + d-), а в значении 'числа' с нёбной огласовкой (древнелит. арм., сванск. спирантного

порядка, русск., немецк.) — шеl-d, с историей, выходящей за пределы интересов темы настоящего исследования, по которой с ним увязаны kı-ϑq̇ (в грузинском глаголе kı + ϑq̇-va 'гадать', 'читать', 'спрашивать'), равно kur-ϑq̇ в груз. a-kur-ϑq̇-a 'посвятил', 'освятил', 'благословил', а также ϑı-s, ϑı-t || ϑo-t⌈e⌉ в основе русск. „чи + с-ло", „с-чи + т-а + ть", „с-че + т", „чи + т-а + ть" и др. Но в значении 'числа' и 'считать' у грузин и армян еще ряд терминов; так, у грузин в сочетании с элементом D в феодальном древнелит. rı-ϑq̇u 'число' (ra + ϑq̇a 'счел за что-либо').

И в то же время гражданственное в грузинском m-ϑo + wa-re (масс. нар. m-ϑ + var-e) и лишь палеонтологически устанавливаемое для его двойника ϑ-val 'глаз' как чуждые „народной" речи значения — 'луна' и 'месяц' с его наличным дериватом ϑvl-a 'считать' (аор. ϑ + val-a) отнюдь не изолированы. С этим ϑ-val, увязанным со сванск. ħa-m 'утро' (~ 'вечер') и арабск. ḳa-mar 'луна', вскрывается общественность еще более широкого охвата, куда входит арм. масс. нар. ħa-mar, равно „новоперсидское" ⌈h⌉a + mār 'число', арм. масс. нар. ħa-mar 'считать', „новоперсидское" γa + mār 'счет', 'число', 'мера', пехлеви amār и перс. шu-mar 'счет', 'счетчик' (шu + шar-ī + den 'считать'), сохраняющее в своем оформлении тотем su + ħar'ов || шu + mer'ов. Наконец, в значении опять-таки 'счета' у армян и грузин имеются два термина, казалось бы, изолированные.

Один из них арм. ħa-шıw, род. ħa-ш⌈ə⌉ + wo-y, принимавшийся за заимствование (!) из сирийского q̇a-шīb 'сосчитанный', представляет с элементом A — шı + w двойник арм ϑı-w 'число', дериват („отпочкование") 'луны + месяца', в конечном счете [первично] 'неба', и в этом разрезе проявляет словарную связь древнейшей общественности не только с сирийским, но и арабск. ħı-sā + b 'счет', 'исчисление' и т. п., причем в значениях нет-нет, но все-таки выплывают термины космического порядка, как-то арабск. ħu + s-b + an-a + $ϑ^{un}$ 1) 'громовой удар', 2) 'град' (ср. груз. q̇o + ш-ka + kal 'град'), сирийское культовое q̇eш + ħo-ϑa 'траурные песни'.

Другой термин из элемента D в сочетании с элементом C — груз. rıϑq̇u 'число' (глагол ra + ϑq̇-a 'счел за что-либо'), имеет весьма богатые связи на севере, в том числе с суоми la + ske-a 'считать', но отнюдь не изолирован и на Кавказе среди языков своей системы по линии связи с космическими терминами, так редчайшим чанским ru + n-ϑ̇-ı 'радуга' (слово в слово, казалось бы, на известной стадии 'пояс (ϑ, ср. груз. ϑa 'небо') неба (ru-n)', и, что сейчас важнее отметить, с обычным названием 'звезды' — мегр. mu-rı + ϑq̇, мегр., чанск. mu-ru + ϑq̇, чанск. mu-ru + n-ϑq̇. Идеологически с mu + ru-ϑ̇q 'звезда' вне всякого спора находится в неразрывной связи не поддававшееся доселе удовлетворительному анализу мегрельское слово

mara || marua || maruo 'неделя', независимо от того, имеем ли первым из этих синонимов состав из элементов BC — mar-a (↙ mar-gan) или BD — ma-ra. В двух словах, трехэлементных, состав трудно оправдать без элемента D, т. е. в них налицо элементы BDC [B в роли идеологического дифференциала] — ma-ru-a || ma-ru + a, следовательно, это двойники mu-ru + ϑq̇ ∼ mu-rı + ϑq̇ с колебанием в огласовке в конечных слогах, особенно в начальном. Из них mar-a (↙ mar-gan вместо mar + ga-an) нам может прийти на помощь для разъяснения не только перс. ma-g, груз. me-mar + g-e, древнелит. арм. mo-g⌈u⌉, древнелит. груз. mo-gu 'маг' и сир. ma-gu + ш-a (← ma-gu + ша-у) 'пророк', представленного в халдской клинописи ma-kul + a + nı, но и масс. арм. mar + gar, древнелит. арм. margarey 'пророк', а также мегр. ma-squr 'гороскоп' и ma-skul ⟷ va⌈r⌉skul в составе древнелит. груз. va + skul-a + v ⟷ ma + skul-a + v, масс. нар. var + sk⌈v⌉l-a + v 'звезда' и др.

Таким образом, на стадии астрального мышления мы скатываемся в глубину времен со звездами или с одной из определенных звезд в положении занявшей впоследствии господствующее место в надстройке 'луны', когда и длительность-то „месяца“ могла быть иная. Следовательно, реальное основание этого надстроечного понятия не могло быть тожественным с положением дела при лунном центризме космического мировоззрения ни в орудии, ни в способе трудового процесса.

Потому нельзя давать один ответ на вопрос, какая же была конкретно материальная база, т. е. какое производство и какие производственные отношения были при 'луне', ибо 'луна', смещенная в мировоззрении господством 'солнца' в результате коренных сдвигов в производстве, сама же в тех же путях сместила 'звезды', выделившиеся сначала без дифференциации, затем коллективно ('млечный путь'), значительно позднее — парно ('Медведицы', 'Близнецы') и индивидуально (в том числе 'Венера').

Вскрытие осознания звезд со столь свойственной ролью мерила времени, притом в более раннюю стадию — той или иной группой, коллективной частью звездного неба, требует пересмотра существующего обоснования ряда слов, с ними увязанных и толковавшихся яфетидологически также по бытовым поныне представлениям. Так, казалось, 'небо[1]' непосредственно использовано как магическая сила космического тотема, в значении его деривата не времени, а пространства и перенесено на 'небо[2]'-'землю', 'лицо земли', в круг питательно-хозяйственных предметов, например, древнелит. груз. mar-ṫku 'земляника', при нынешнем восприятии 'дитя земли'. И при выяснившейся сейчас общественной значимости 'звезд неба' на первичной ступени стадиального развития трудно мириться с таким толкованием, удовольствовавшись лишь переменой абстрактной мотивировки того же самого обывательского

осмысления вроде того, что эти земные плоды были прозваны 'небесными детьми', 'звездами', как воплощающие в себе их, тотемно воспринимаемых, магическую силу, хотя тожество названия 'земляники' и 'звезд' выступает с неотразимой очевидностью. Грузинский термин mar-ṫku (ср. сванск. ba-sk̇) лишь закономерный двойник (с усечением плавного исхода — mar-ṫkul) основной части груз. ma⌈r⌉ + skul-a + v ⟷ va⌈r⌉ + skul-a + v 'звезда'. Магизм отрицать нет надобности, но функцией обозначения длительности времени сигнализуется связь с ягодным производством, вытекавшая из потребного для данного трудового процесса времени, в пределах длительности света звезд, определенной их группы или ведущей единицы, причем нет основания название каждого вида ягод, в том числе в первую очередь 'земляники', возводить к столь ранней стадии глоттогонического процесса.

'Луна', однако, оставила в речи и быте особенно богатые отложения, увязывающие в надстройке с нею не только 'колдовство' и интуитивное 'прорицание', и его противоположность — трезвый 'счет' высокого порядка, но и 'пение', 'эпос',[1] 'письмо', 'чтение' и т. д.

Исходя из этнографических материалов по мировоззрению, мы можем утверждать, что народы с речью так наз. яфетической системы 'солнце' представляли себе 'женщиной', а 'луну' — 'мужчиной', конечно, не на первичной, а на одной из ранних стадий. В связи с этим находится и в русском языке (здесь пережиточно из состояния его на стадии яфетической системы) употребление «месяц» mey-sy + a + ϑ̇, слова мужского рода (раньше в уменьшительной форме) в обоих значениях (диффузно) и 'луны' («месяц», «полумесяц») и 'месяца' («один месяц», «продолжение месяца») и т. п.

Архаичность русского термина «месяц» исключительна в том отношении, что он одновременно означает и космически астральное тело и его функцию, измерение длительности. Что же касается рода, то 'месяц' резко противополагается 'луне', уже выделившейся вполне в самостоятельную единицу своим

---

[1] Между прочим, о терминах и их внедрении в христианский культ, именно арм. ϑıw, ϑowel (ср. ϑov-el 'ворожить'), груз. ϑeva 'бдеть' в честь тотемов-духов, сир. шaγrā 'бдение' (ср. арабск. шaγrᵘⁿ 'новая луна', 'месяц', сир. saγrā 'луна') и в армянских христианских культовых песнопениях шar-a + kan см. Н. Марр, Из летней поездки в Армению. Заметки и извлечения из армянских рукописей. III. О песнях ϑoweleaϑ (ЗВО, т. V, стр. 214—216); его же, Ефрем Сирин, О днях празднования Рождества (ТР, кн. 1, стр. 22—23), где обращается внимание на рукописное чтение saγrā, как, „повидимому, на ошибочное чтение вместо шaγrā". Эта ошибка, если она действительно описка, воспроизводит слово 'луна', первичное значение шahrā 'бдение', как то теперь выяснено палеонтологически. Там же к груз. ǆılıspırnı или dılıspırı 'ирмосы', отожествляемому с dılıs-pırı, resp. ǆlıs pırı 'сумерки', 'вечер', 'бдение' надо прибавить ǆılpırı 'поздняя ночь' из Шоты Руставского (503, 4): „ǆılpıramdıs sıq̇arulsa sıq̇arulı gwanda vera 'веселие до поздней ночи не имело себе подобия ни в каком веселии'.

женским оформлением как исключительно ночное светило, что сигнализует соответственный четкий сдвиг в материальной базе.

Противоположное восприятие 'солнца' и 'месяца-луны' как 'женщины' и 'мужчины' имеет соответственную материальную базу в противоположности интересов двух, лишь двух сторон, как общественных группировок, в свою очередь отраженную и в речи такого языка прометеидской системы, как немецкий, где «die Sonne» 'солнце' женского рода и «der Monat» 'месяц' и «der Mond» 'луна' — мужского рода, хотя в немецком существует и третий род — „средний". В языках же о двух родах, мужском и женском, так в языках семитической системы, 'солнце' и без внешнего оформления — женского рода, притом в арабском с полной выдержкой, а в еврейском с колебанием — мужского и женского рода, в сирийском же редко женского рода, обычно мужского, и 'луна', равно 'месяц', у арабов всегда мужского рода Ķamar^{un}, шaγr^{un}, сирийское saγr-ā то мужского, то женского рода.

Наконец, в языках с тремя резко отграниченными грамматическими родами в большинстве, наоборот, 'солнце' всегда мужского рода (греч. ὁ ἥλιος, лат. sōl и т. д.) и 'луна' женского рода (греч. ἡ σελήνη, лат. lūna), лишь в русском находим иное весьма показательное распределение, с использованием всех трех родов.

Когда в значении длительности времени мужской род выступает без перебоя, как в русском «мѣсяц», так именно в лат. mens-ı + s и греч. ὁ μήν (‖ дор. ὁ μάν, эол. и ион. ὁ μείς при женском ἡ μήνη), то это архаичное явление. О более позднем стадиальном состоянии свидетельствует колебание семитических языков в выборе рода (см. выше).

Вопрос идет об явлениях в надстройке, но они сигнализуют действия в материальной базе: смещая женское начало в социальной структуре, мужская ее часть уже располагала, успев захватить, новым орудием и новым способом производства, требовавшим учета времени, как достижения опытных знаний в ослабление господства магии. В перестроившейся по производству коллективной организации за взявшим верх в общественности социальным слоем на соответственном отрезке надстройки остались идеологические орудия и способы борьбы и эксплуатации в том оформлении, в каком они имели традиционную силу, со внесением лишь нового содержания. Новое светило, первично не имевшее специального родового оформления, и осталось без такового, значение мужского рода оно получило впоследствии. Это достижение в свою очередь имело предпосылкой в материальной базе упрочение за смещенным в господстве женским началом нового положения в реконструированной общественности, особенно четко ставшим с опорой на третье, именно возрастное начало, молодежь, что в

свою очередь представило новую руководящую силу благодаря ее роли в организации по потребностям трудового процесса детопроизводства, с чем в дальнейшем нарождается культ фалла (в языке омоним мальчика, как, например, в грузинском до сего дня диалектически в Гурии ku-ta 'фалл' и 'мальчик'). Женская же часть закрепила за собой как предметом своей компетенции оставшуюся актуальной по представлению переживавшейся исторической стадии производственную магию. Русское распределение родов сигнализует эту намеченную в общих чертах предпосылку в материальной базе, когда борьба давно привела, с одной стороны, к господству производства с учетом времени по светилу, но не 'солнцу', а лишь 'месяцу', как мерилу времени. 'Месяц' отнесен был без какого-либо надбавочного оформления, впоследствии получившего функцию предметов мужской части, в одну общественность с мужским господством, а с другой стороны в той же борьбе женское начало отстояло в связи с производственной для эпохи значимостью магии общественную стоимость 'месяца-луны'. 'Луна' внесена была сначала также без особого добавочного оформления (см. русск. «месяц» 'луна'), как астральное тело, увязанное с производством речевого выявления в члене его принадлежности женской общественности (греч. ἡ μήν || ἁ μήν), слово само собою было переведено в женский род с возложением оформления такой функции на тот же член (греч. ἡ μήν-η, русск. «лу + н-а», лат. lū + n-a, resp. lu[u + h] un-a). Для входившего лишь в силу важнейшего природно, но еще не общественно светила, 'солнца', не оставалось ничего, как оформить его признаком новой, третьей общественной силы, молодежи, уже не женской, шедшей к убыли и, наоборот, искавшей опору в новом возрастном слое (как то наблюдаем в отношении оформления в нем. die Sonne), и не мужской, в борьбе со старшим поколением которой выковывались 'дети', 'отроки', по противоположности ей, как в языке определительный член — первоначально лишь показатель принадлежности этой новой мужской общественной силе в речевом выявлении, у греков, также по единству противоположностей, τὸ с ударением сибилянтного фонетически ряда в противоположении мужскому ὁ (← ὁν, элемента С) спирантного ряда и без ударения. Функцию так наз. среднего рода самого слова, отрешенного для формалиста от материальной базы, это τὸ (← τόν) получило лишь впоследствии. Так греч. ὁ παῖς и τὸ παιδί-ον среднего рода с оформлением 'дитя', у русских «дитя»; при мужск. «ребенок», у немцев «das Kind» без оформления самого слова при мужском «der Knabe», выдающем свое возникновение по яфетической системе общностью основы, элемента С — kın ↘ kn (ср. арм. kın 'женщина', твор. kən-a + m-b ← a + n-w), от которой с be 'сын' (уже при родовом патриархальном строе) образован «der Knabe», с -d — «das Kind», первично

'женщина + девушка', 'девица', обращенная в средний род, сванск. ṭk̇ın-t 'отрок' без члена, и, казалось бы, без всякого оформления, на самом деле с полной утратой в языковом сознании пользующихся им коллективов с мышлением более развитой стадии (например, у грузин) связи с предметом его материальной базы и с переводом в мир отвлеченных качественных представлений, грамматически — в прилагательное 'молодой', 'свежий' (однако в гурийском говоре в применении лишь к сыру — ṭkın + t-ı k̇vel-ı 'свежий сыр', к кукурузному початку с молочновидным соком ṭkın + t-ı sımınd-ı 'молодая, свежая кукуруза').

В то же время связь 'отрока', в частности самого русского слова «отрок», продукта, понятно, определенной стадии, с 'солнцем', выявляется его составом, означающим 'мужское (← отцовское, -ot) солнце' (+ 'дитя' rok).[1] Это указывает на существование, независимо от оформления, женского 'солнца', женского 'дитя', т. е. представления о 'солнце' как 'женщине-девице', что налицо у народов с яфетической системой речи. В таком языке с тремя родами, как русский, — предшествие женского рода среднему, следовательно, в материальной базе — борьба соответственных общественных групп общностью звукового выявления среднего рода с женским (так именно в слове «дитя» → dıy + te ← dı + tı-a). В этом смысле женский род 'солнца' у немцев, собственно его член, «die Sonne», архаичен идеологически, лишь формальное его выявление позднейшее. Сдвиг в материальной базе, потребовавшей учета длительности времени, произошел еще при господстве вообще 'месяца' в мировоззрении, до выработки родовых, первично собственно классовых различений, как, например, у армян lu-sın 'луна' и a + mı-s (род. a + m-se-an || a + m-so-y). Об окончательном закреплении сдвига и его многотысячелетне длительном господстве свидетельствует более резкое выражение в звуковой части надстройки оформлением термина женским окончанием. Тогда сигнализуемое производство давно было уже основной специальностью женской организации, явно не городского строительства, в надстройке — не городского мышления. Таковой представляется широко организованная охота, возглавляемая у сванов женским божеством Dāl (ср. da⌜l⌝ ← d̆al 'женщина', 'девушка'), у римлян богинею Дианою, раньше Артемидой; и та, и другая одинаково 'девственница-охотница', имеющая общие черты с 'солнцем' по наследованию последним функции от 'луны'. Сами имена говорят об их функциях на различных ступенях стадиального развития: Dı + an 'девица' (dı || an) с позднейшим женским оформлением (-a) разновидность груз. dı-la 'утро', св. d̆ın-ar 'утро'. При этом расходящиеся вторые

[1] Н. Марр, Семантическая палеонтология в языках неяфетических систем, стр. 5 сл.

части an, la, ar имеют отложения в языках яфетической системы в ряде культовых терминов, ныне и нарицательных по свету или времени дня и ночи. Что касается имени Ar-te+mı-s, в косвенных, т. е. активных падежах с придачею-d, пережитка de 'дитя', 'дети', в Армении Ar-tıme-d (в топонимике), по отвлечении детерминатива астральных предметов культа temı←→teme, представляет двойник св. ϑe-w 'луна', 'месяц', наличного и в разновидности ṭem в основе сванского глагола lı-ṭem-e 'гнаться', 'преследовать', первично 'охотиться', собственно 'производить действие богини-тотема охоты', космически 'луны', как то наблюдаем в отношении к св. ϑe-w 'луна' и у грузин в звонкой с d его разновидностью de-v в основе глагола de+v+n-a 'гнаться', 'преследовать', наст. время s-de+v-s 'за ним (s-) гон⌜ится⌝ она (-s)', devnıs 'преследует', 'гонит', в аористе одноэлементно — s-dı-a 'гнался за ним'. В обстановке этих материалов и одноэлементное dı и двухэлементное de-v получили культовое значение, да не одно, независимо от каких-либо внешних механических вкладов вроде заимствования или миграции, и в самом армянском — dı-q 'боги', dı 'труп' (в связи с культом теней умерших) и грузинском — de-v 'демон', 'нечистый дух', 'чудовище', 'дракон', мегр. demı от космического мировоззрения качественно [впоследствии при логическом мышлении грамматическая категория: прилагательное] ('великий', 'большой') 'сказочный великан неимоверной силы', 'исполин' ['герой'←], 'глуповатый' ('слабосильный') n-demı id., dıı (→n-dıı)→n-dı id. (ср. нем. «Gott» 'бог'←→Götze 'Dummkopf', 'Schwächling'). Но связь наличной в греч. Ar-te+mı-s←→Ar-tı+me-d той же двухэлементной основы без яфетической фрикативности te-me с 'луной', 'ночным светилом', свидетельствуется противоположным 'свету' его значением, сохраненном в русском языке: «темь» (↙te-me) 'мрак', 'тьма', «тем-н+ы-й» и т. п. Естественно, на более древней стадии развития, до выделения из космического комплекса 'луны', и вообще 'светил', то же ṭım означало 'небо'. Это свидетельствует груз. ṭı+m+ṭı+m-el← kı+m+kı+m-el 'небо небес', 'небеса'. У грузин ṭım сохранилось с позднейшим значением синонима de-v в уменьшительном оформлении на-ka — ṭı+m-ka, уже космически в связи со 'светом', именно 'лунным светом'. Это видно из образования одноэлементного ṭı (←→ṭe, ср. ṭe 'заря'→'дверь' в разобранном выше b-ṭe 'ворот⌜а⌝', гур. ṭ+ıш-kar-ı 'ворота', двойник груз. ϑıs-kar-ı' заря') с тем уменьшительным оформлением -qa (←-ka) — нар. ṭı-qa 'стекло'→'стакан', раньше показателем не уменьшительным по позднейшей связи с представлением о 'ребенке', а показателем принадлежности носителя данного термина женской части патриархальной формы социальной структуры.

В целях нашей задачи по теме „кокошник“ и „сорока“ ука-

занием на мифологическую надстройку коллектива, его же без оформления коллективный, разумеется, тотем, груз. ga - ϑ [← ka - ϑ] 'бог', resp. 'кумир' картвелов-язычников и с переносом, значит, слова позднее на его члена как 'единицу', в противоположность 'множеству', части — целому, на известной ступени — 'человек', груз. ka - ϑ ↘ a - ϑ (см. mam - a + ϑ - ı 'отец + человек', 'мужественный', dı - a + ϑ 'мать + человек', 'женщина'), первично при наглядности связи надстройки с базисом имело многообразные функции все еще социального порядка. Так именно:

1) С сохранением коллективности в присущем ему тогда полисемантизме использование его в виде a - ϑ (↙ a - ϑ) ↘ a - s для выражения вообще 'множества' (баскск. a + ş - ko (a - şko) 'много', a + ş - kı (a - şkı) 'достаточно', 'всего', 'цельности', а при числовом уточнении на более ранней стадии, когда наибольшее осознанное в данном коллективе количество не превосходило числа пальцев двух рук — груз. aϑ 'десять', когда же осознание коллектива покрыло столько же десятков, то то же слово в виде a - s получило значение 'ста'.

2) Использование дериватов непосредственно тотема с общественной функцией или социальной расценкой их стоимости в зависимости от потребности определенных противоборствующих слоев коллектива или от их мировоззрения, имеющего более далекие, точнее не наглядные корни также в материальном базисе. Кау означал не только 'небо [1]' (→ 'птицу'), но и 'небо [2]' = 'землю', и потому kay - ə + k также 'дикое животное', 'зверь'. Отсюда чув. ka - kay 'мясо' (ср. чув. a - щüt и рə - ш 'мясо'). Kar в Грузии и Армении также появляется со значением 'города', но связано с целым рядом сдвигов в материальной базе и ее технике, а с нею и в мышлении и мировоззрении, обязанных своим развитием борьбе противоречий интересов города и деревни. Все это прослеживается и в топонимике, которой отводим место в конце статьи.

От неучета головокружительных сдвигов вся установка изучения конкретного языкового материала искажается более чем от вскрытой новым учением об языке по так наз. яфетической теории индоевропеистической пирамиды, стоящей верхом вниз. Без учета этих сдвигов не получить качественно полноценного развития диалектического материализма на конкретном языковом материале.

Само открытие существования ручной стандартизованной речи в мировом масштабе, доселе редко кем оцениваемое в его революционизирующем для науки об языке значении, обеспложивается и сводится к отвлеченному схематическому построению без пользы для действенной теории при неучете тех ошеломляющих сдвигов, захватывающих собой даже такое, казалось бы, простое натуральное явление, как 'смех' и его выявление в звуковой речи. И 'смех' увязан в надстройке с кос-

мическим мировоззрением. 'Смех' для нас иначе не мыслится, как выражение 'радости'. 'Улыбка' тонкая, можно сказать, художественная игра мимики, 'хохот' — резкий, если не сказать сильнее — грубый, чувственный взрыв, „звукоподражательно“ сигнализируемый. Между тем таких тонкостей в выражении аффектов у подлинно первобытного человека, с трудом вырабатывавшего себя в производстве из животного, вовсе и не было. Правда, все три термина вместе с 'радостью' ныне палеонтологиею речи вскрыты как дериваты ('неба[1]' =) 'солнца': в них мы имеем с момента космического мировоззрения не что иное, как светозарное 'небо' ('небо[1]'), 'солнце'. Так, груз. sı-ϑın 'смех' значит 'небесный (sı) глаз' = 'солнце' (ср. ṫın 'перед' ← 'на глазах'),[1] ğı + mıl 'улыбка' (ср. англ. „smile“) — 'солнце', некогда 'небо' (ср. нем. „Himmel“, арм. qı + m - q 'нёбо'), груз. q̇ar-q̇ar 'хохот' и q̇ar (греч. χαιρ ← q̇ar-ı, χar-ı + s 'радость', 'благодать') основа mı-q̇ar-ı + s 'радуюсь', 'у меня радость' (от q̇ar — 'небо', 'солнце', 'заря', еще архаичнее масс. нар. kar-ka + ϑ 'хохот', древнелит. ka + s - ka + s).

Казалось бы, фигуральное использование космического термина 'неба[1]' ('солнца', 'звезд', 'светил неба[1]' = 'пространства') как 'цветка лица земли' = 'неба[2]', 'алого цветка' и по образному восприятию как 'улыбки лица' микрокосма 'человека', отсюда и арм. ṫal-ı + k 'цветок' и ṫı-ṫaḷ 'смех', k̇a + ka - ϑ̇o (← k̇a + k̇a - ϑ̇on) 'красный цветок', 'мак' и k̇ar + ka - ϑ̇ (← * kar + kar - ϑ) 'хохот'. На деле и здесь первично с переносом названий астральных тотемов не только на 'цветок', но и на 'улыбку', далее на 'хохот', связывалось по мировоззрению того времени перемещение производственно-магических сил. 'Цветок' становился и 'целебным' и 'отравой', впоследствии и 'милым' и 'противным', 'ласкающим' и 'колючим', так груз. var-d 'роза' и ḃar-d 'колючка', лишь разновидности одного слова; в значении 'шипа' у грузин же сохранились e-kal и qa-ϑu (нар. qa-ϑv), они же в значении питательного средства, 'шиповника', без изменения или e + kal - a (← e + kal + an), a qa-ϑu (нар. qa-ϑv), разновидность тотема * qar-dun, в форме имени действующего лица qa + ϑ̇v-ı + a используется как эпитет героя сатирического произведения поэта Давида Гурамишвили Qaϑv-ıa mṫk̇es-ı 'Пастух Кацвиа'.

С использованием целебных зелий определенным производством у нас связаны весьма сложные отношения с врачами,

---

[1] Однако и это толкование также анахронистическое: оно приспособлено к мировоззрению нашей стадии, когда, казалось, 'глаз' был назван раньше, чем 'солнце', как было это разъяснено с грузинским термином kar 'заря', буквально 'дверь неба', тогда как первично, наоборот, 'глаз' был назван по 'солнцу', и посему 'смех' — 'солнце человека', как 'дверь' — 'заря дома'. Но и здесь не конец сдвигов, и это анахронизм, поскольку 'солнце' позднее сместило в космическом мировоззрении 'луну'.

во всеоружии различных отраслей медицины, и специалистами по лечебным средствам, фармакологии и по одной медицине коллективными организациями изготовления целебных средств и их потребления. На первичных же стадиях становления звуковой речи лечебное дело входит в компетенцию тоже профессиональных коллективов, но оно неразрывно с магическими молениями, заговорами и заклинаниями, разрешающими не только физические болезни, но и общественные и политические недомогания, пропажу и убыль, коллективные тяжбы и военные столкновения, воздействующие на улов, прирост, урожай, победу. Это прежде всего 'знахари', 'шаманы', они же 'колдуны', 'прорицатели', когда имя действующего лица и имя действия, равно продукция в своем оформлении не различаются. От той стадии тот же элемент в обсуждаемом социальном оформлении отложил богатый словарный слой, одновременно и термины каждого названного порядка, так у грузин скрещенное с qa-(←ga←ka ↙ kar) образование qa + d -a + g значит 'знахарь', 'заклинатель', 'вещун', 'прорицатель', проповедник, а у армян — qar-o + z 'проповедник', 'певец', 'глашатай', груз. qadag также 'проповедь', арм. qaroz 'проповедь' (в христианском культе 'эктения'), qa + d-a 'культовое печение' (ныне в словарях Чубинова 'сдобная булка'), арм. ga + ϑ-a + y (↙ga + da — k). К полному виду этого термина (qar-d-a + y, ср. qar + d-a + q 'вероломный') восходит (при d⇝g→q) арм. ar + q-a + y 'царь', первично нераздельно 'жрец + царь'.

В Грузии и Армении с изжитием общественного строя, руководимого организацией коллектива qadag'ов, qaroz'ов, в архетипе qar + d + a + q'ов, q̇ar + da-q получает значение 'обманщика', 'вероломного'.

Элемент A с социальной гортанной огласовкой kar←gar на Междуморьи черноморско-каспийском в Абхазии ли, Грузии, Армении или Азербайджане появляется в сопровождении элемента C сибилянтного (san) или спирантного (han←an) типа. Так, у грузин Kar-san, название местечка в районе Мцхета, усеченно k̇ar-s 'Карс'; у армян со спирантной огласовкой того же дополнительного элемента C — ın, ən (↙ un) и q (←q̇ını); последняя разновидность в армянском языке уже с функциею флективной морфологии вместо собирательности определенных категорий (при q в „именительном падеже", собственно в пассивном „падеже", ранее в именах предметов пассивной категории, ϑ — в „родительном и схожих с ним падежах", ранее в именах предметов активной категории), это в названии того же Карса (Kar + s'a) в речи феодалов им. Kar-q, без употребления, род. и сходные Kar-u + ϑ, Kar-ın 'Эрзерум' и Gar-nı (←Gar + ən — ı), а в Грузии еще лишь в названии коллективов и занимаемых ими стран — Gar + da-ba + n [Gar + d-a + b-an?], Qar + ϑı 'Грузия' (Qarϑın) и тотемов, смотря

*

по стадии и типу производства, тотема растительного, животного и космического; так у халдов Ванского „царства“, строителей крепостей и храмов, городов, тотем космический, более того уже 'бог', у грузин же не только схематически, но и исторически, но без учета всей сложности процесса образования нации Qar + ϑ - vel'ов, 'детей Qar + ϑ'a', тотема, смотря по стадии растительного, животного и космического — ϑa⌈n⌉ ~ qa⌈n⌉ ← da⌈n⌉ || ga⌈n⌉ ← ta⌈n⌉ || ka⌈n⌉.

При элементе C с той же огласовкой чув. kar - ϑ + a 'скотный двор', 'скотник', 'хлев' [← 'стоянка' диффузного еще хозяйства без расчленения земледелия и скотоводства, сельского и городского строительства →] gar-da → русск. gra-d 'город', kar-ϑa - || kar-χe- — основы названия как средиземноморского города Карфагена (лат. Kar + ϑa - go⌈n⌉ || gi⌈n⌉ || греч. Kar-χē - don), так малоазийского Kar + q̇e-miш, сами самостоятельно названия того времени, когда те же населенные пункты представляли лишь 'торговую стоянку' = 'двор', чув. kar + ta - ш 'двор' и как дериват 'неба' ('солнца'), хозяйственно арм. kar-q (-q уже флективно-морфологически из собирательного множ.) 'колесница', готск. gayr-da („gairda“, ср. нем. „Gürtel“ 'пояс') ~ сир. kar-ka 'круг', отсюда чув. kar-ta 'изгородь', в глаголе „о-горо-д-и-ть“, „о-гра-д-ить“, а по развитии и уточнении формы социальной структуры и ее дальнейших частей готск. gar + d - s 'дом', как развитие космического 'неба' → 'крова', микрокосмически (и далее у армян феодалов) 'семья'.

О развитии уже как термина градостроительства как целого, так и его частей ('стен', 'башен'), перенесенных далее с развитием права мелких групп и личности на 'дом' и части (также 'стены', 'башни'): арм. qar + qa 'стена', арм. qa! + a - q (из kar + a - q) 'город', но и 'стена' (см., между прочим, у Фауста скрещенное образование qa! + aq - or + m 'стена', 'ограда парка', груз. qal-a-q 'город').

Излишне говорить о такой тесной связи армянского языка именно в слоях его еще бесспорно яфетической стадии, когда тот же элемент A сибилянтной разновидности в различных по огласовке оформлениях (a, e, o), разумеется, не в значении „кокошника“ или „сороки“, а того или иного тотемического образа из смен идеологического восприятия пройденных всеми предметами нашего бытия и быта, покрывают всю почти площадь РСФСР уже в названиях городов, как то: Sar + a - to + v (ср. Ar + da - to + v ~ Har₁ — ko + v), Sar + a - pul, Sor - mo + vo и т. д. и т. д. Это наблюдается там в значительной мере, где 'небо' называлось saramat, судя по чувашскому астральному термину 'радуга' sar + ama + t kĕperи, слово в слово 'свод неба', тотемически по племенному названию sar - ma + t, на Кавказе отложившемуся у грузин (со сванами) в культовых терминах 'бог', раньше тотем tar - ma - ϑ (сванск.), 'язычник' — tar - mar - ϑ (груз.), а у армян по спирантной разновидности

в длинном ряде слов, из коих сейчас удовольствуемся названием 'корня' (космически — 'земли', раньше и 'воды', ср. выше, стр. 150, груз. d̆ır-s 'внизу', оно же 'корень', d̆ır [раньше и 'воды', откуда da-d̆ıra 'пошел ко дну'] — ar-ma-t.

Тотемически увязанные дойные животные, следовательно, не один крупный рогатый скот перед нами совлекают завесу с громадного движения коллективного человеческого творчества скачками, доселе необъятом даже нашим научным мышлением конкретно-материалистически.

Сомнения не может быть в том, что и столь древний по связи с матриархальным строем двурогий головной убор, как „кокошник“ или „сорока“ соответственно убранной голове 'жрицы', 'знахарки' общественной материнской организации не есть начало начал, что раньше связь выявлялась между двурогой 'луной' и двурогой 'коровой', не говоря о более поздних эпохах со сменой и 'луны' 'солнцем' и 'коровы' 'быком'. И вот от эпохи таких исключительно анималистических связей природы со своим производством Африка сохранила в своей общественности маску уже очеловеченной, но все-таки животновидной головы, лошадиной скорее, чем коровьей.[1]

---

[1] Paul Guillaume et Thomas Munro, La sculpture nègre primitive (Peintres et sculpteurs). Sculpture, 12. „Côte d'ivoire“. Masque „Gouli“ des Baoulé.

Роберт Блейхштейнер

СУБАРЫ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА В СВЕТЕ ИЗУЧЕНИЯ ЯФЕТИДОВ

(Die Subaräer des alten Orients im Lichte der Japhetitenforschung) [1]

Если я в нижеследующем пытаюсь обсуждать тему необычной области яфетического языкознания, то одновременно я должен выразить мою радость по поводу того, что достижения этой молодой и в западной Европе еще почти неизвестной специальности были без предубеждения рассмотрены и использованы великим ученым, которому посвящается этот сборник, в его образцовом труде „Языковые семьи и языковые круги мира".

Допущение некоей более или менее единой в языковом и этническом отношении группы народов, которая задолго до вторжения индогерманцев и семитов в Средиземноморье была оседлой в смежных с ним частях Передней Азии и еще дальше, ни в коем случае не является новой идеей. Фриц Гоммель называл этот доиндогерманско-досемитический пласт населения, пользуясь греческим обозначением древних жителей Армении, алародийским и ставил его в связь с древними малоазийскими племенами. Кречмер и Фик доказали отношения этих последних к доиндогерманскому населению Греции, Паули расширил этот круг, показав тесное родство между этрусским и пеласгским языками, также лигурский язык и иберийский Пиренейского полуострова были уже очень рано отнесены к этой группе. Уже Гоммель высказал мысль, что современные кавказские языки представляют остатки этой старой языковой группы; Генрих Винклер, Борк и Хюзинг пытались установить родство кавказских языков с эламским и другими клинописными языками древнего Востока; первый пробовал это и по отношению к баскскому, последнему пережитку доиндогерманских языков Иберийского полуострова. При недостаточном знакомстве с тогда в Европе еще почти неизвестным кавказским языковым материалом все эти попытки

---

[1] Напечатано в сборнике „Festschrift P. W. Schmidt", Wien, 1928, стр. 1—19.

могли быть лишь робко нащупываемыми зачатками, но уже тогда они довольно часто выдавали поразительную способность предчувствия истинного состояния вещей. Впервые благодаря трудам русского ученого Николая Марра и его языковедной школы был очищен путь, на котором изумительно богатые и интересные языковые материалы кавказских народов могут быть плодотворно использованы для решения этой в различных отношениях важной проблемы. Марр, изложивший свои исследования по большей части на русском языке в многочисленных книгах и статьях, обозначает алародийский слой Гоммеля, кавказский Борка и Хюзинга наименованием яфетический, поскольку он при выборе этого названия исходит от библейской таблицы народов и мифической истории грузин и армян. Хотя этот термин и был использован, так как им раньше обозначали индогерманские народы, употребление его может быть рекомендовано, потому что он более охватывает и менее вводит в заблуждение, чем другие, названные выше. Поэтому, где в дальнейшем идет речь о яфетических языках и народах, означает это в марровском смысле доарийско-досемитический этнический, соответственно, языковый субстрат определенной области Евразии, точное установление границ которой еще невозможно и в которой баски на Западе, кавказцы в центре, и вершики (буришаски) Памира-Гиндукуша на Востоке представляют последние, ныне еще существующие пласты. [1]

Одним из древних переднеазиатских клинописных языков, который уже Борк (Die Mitanni-Sprache, MVAG, XIV, 1909, 1—126) включил в круг кавказской группы, является язык Митанни, дошедший до нас в одном из писем телль-эль-амарнских таблеток и в остатках харрийского, или хуррийского, языка текстов из Богаз-Кея. Митанское царство, центр которого составляла северная Месопотамия, простиралось от Тавра до Курдистана, а к югу через Сирию до Палестины;

---

[1] См. в числе других: F. Hommel, Die sumero-akkadische Sprache und ihre Verwandtschaftsverhältnisse, 1884; Archiv f. Anthrop., 19 (1891), стр. 251—260; Geschichte Babyloniens und Assyriens. Kretschmer, Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache; Fick, Vorgriechische Ortsnamen, 1905. Hattiden und Danuber, 1909. H. Winckler, Die Sprache der zweiten Columne. F. Borck, Die Mitanni-Sprache, MVAG, 14 (1909), стр. 1 — 126. G. Hüsing, Die elamische Sprachforschung, Memnon, IV (1910); Die einheimischen Quellen zur Geschichte Elams, I (1916). K. Pauli, Eine vorgriechische Inschrift von Lemnos, 1884. Japhetitische Studien zur Sprache und Kultur Eurasiens, herausg. von F. Braun und N. Marr: I. F. Braun, Die Urbevölkerung Europas und die Herkunft der Germanen, 1922; II. N. Marr, Der japhetitische Kaukasus und das dritte ethnische Element im Bildungsprozess der mittelländischen Kultur, 1923. Последний труд является немецкой переработкой XI выпуска Материалов по яфетическому языкознанию, 1920; ср. мою рецензию в „Anthropos“, XXI (1926), стр. 1057—1060. N. Marr, Ri϶ ϑq̇ovrobs ıaφeturı enaϑmeϑnıereba, Leningrad, 1923 (на груз.); Об яфетической теории, Новый Восток, V (1924), стр. 303—339; Über die Entstehung der Sprache (Unter dem Banner des Marxismus, I, стр. 558—599).

первые владетели Ассирии, Ушпия и Кикия, показывают формами своих имен принадлежность к этому досемитическому слою населения, влияние которого глубоко проникло в Вавилонию, и именно уже в очень древние времена, потому что митанские имена находятся в вавилонских текстах 3-го тысячелетия (Arı-шеп, князь Urkıш'а и Navar'а) в таблетках из Дрехема близ Ниппура, урской династии (2600—2400 до н. э.), в документах Дильбата близ Борсиппы, времени первой вавилонской династии (2400—2100 до н. э.) и в хозяйственных актах из Ниппура времени касситской династии (1700—1200 до н. э.), т. е. такого времени, когда в Вавилоне господствовало другое яфетическое племя, касы, или касп'ы (-п окончание множественного числа), ближайшие родичи эламитов, или галла.

К митанскому языку принадлежат далее имена ряда сирийских и палестинских князей городов и наместников. Так, имя одного властелина Иерусалима Abd-ḳера сопоставляется с именем митанской богини Qıpa или Qера, имя „хетта" Урии, несчастного современника Давида, также отчетливо показывает митанский отпечаток. Особенно силен этот языковый отпечаток в собственных именах так наз. каппадокийских клинописных надписей, где большое количество подобных имен подсказывает мысль о смешанном аккадско-митанском населении, о чем будет еще сказано подробно.[1] Благодаря находкам архивов Телль-Эль-Амарны и Богаз-Кея мы осведомлены, что около XV столетия до н. э. царство Митанни управлялось арийско-индийской династией и кастою благородных, мариянас'ами (Marıjanas). Это показывают царские имена, как Артатама, Сутарна Арташумара, Душратта, упоминание индийских богов Митры, Варуны, Индры и Насатьи и некоторого количества индийских слов в богазкейских текстах, которые относятся преимущественно к искусству верховой езды.[2] Таким образом мы имеем здесь, также как и в соседнем хеттском царстве и позднее в Армении, примеры господства индогерманских слоев над яфетическими народами, которым оно было навязано вследствие или их численности или этнической жизненной силы языка и народности или над которыми они поднялись при постоянном смешении. Результатом этого расового смешения являются скрещения в области языковой и культурной, причем сильнее подчеркиваются то одни, то

---

[1] Bork, Die Mitanni-Sprache, MVAG, 14 (1909), стр. 1—126; статья Gustav'a „Mitanni" в „Reallexikon der Vorgeschichte"; H. Winckler, Auszug aus der Vorderasiatischen Geschichte, Leipzig, 1905.

[2] Ср. Hüsing, Die Völker Alt-Kleinasiens, Wiener Prähistorische Zeitschrift, 1920/21, стр. 34—35; E. Forrer, Die Inschriften und Sprachen des Hatti-Reiches, ZDMG, 1922, стр. 247 сл. Последний обозначает индийское племя богазкейской эпохи как манда-мидийцы; здесь нельзя входить в обсуждение того, насколько это обозначение обосновано.

другие компоненты. Подобные отношения должны быть приняты и для древней Европы.[1]

Митанский язык в настоящее время по примеру Иенсена и Унгнада почти везде называется субарским. Основанием для этого является то обстоятельство, что встречающиеся в силлабарах митанские слова именуются там субарскими. Древняя космология вавилонян знает четыре больших части мира: Аккад, Амурру, страну амоowитов, Элам и Субарту. Здесь можно оставить без обсуждения вопрос о том, насколько идентично космологическое понятие Субарту с распространением субарского народа или царства Митанни,[2] также как и то, должно ли понимать под субарами единый языковый или этнический комплекс, или, что мне кажется более вероятным, под этим именем объединяется целый ряд родственных, но не единосущных племен. В то же время является немаловажным отметить, что В. Христиан (Mitteil. der Anthrop. Ges. in Wien, LIII, 1923, стр. 236) так называемый слой F раскопок храма Иштари в Ассуре сопоставляет с ворвавшимися в это время, приблизительно в середине 3-го тысячелетия до н. э., в Месопотамию субарами и с одновременным, явно родственным завоевательским пластом чутеев, причем я не рискую решить, пришли ли эти племена действительно с востока или скорее с запада, из Малой Азии, как позднее в XII столетии очень им родственные табал-ы, муски и др., которые стали так неприятно известными Ассирии, тогда политически довольно-таки ослабевшей.

Здесь речь идет прежде всего о том, можно ли методами яфетического языкознания осветить наименование Субарту и дает ли нам анализ этого слова возможность отнести народ субаров к одной из пяти или, соответственно, семи больших яфетических групп племен.

Прежде всего в имени Субарту (Subartu) отделяется суффикс -tu, который служит для образования названия стран. Этот суффикс, встречающийся и в ассирийском названии Арме-

[1] О далеко идущем воздействии яфетических языков на индогерманские языки Европы ср., кроме отмеченной в примеч. 1 на стр. 183 литературы: различные статьи в издаваемом Марром „Яфетическом сборнике“, томы I—III (Ленинград); Н. Марр, К вопросу о происхождении племенных названий „этруски“ и „пеласги“, ЗВО, XXV (1921), стр. 301 сл.; Яфетические названия красок и плодов в греческом, ИГАИМК, II (1922), стр. 325 сл.; La Seine, la Saône, Lutèce et les premiers habitants de la Gaule Etrusques et Pélasges, Petrograd, 1922 и др.

[2] Arthur Ungnad, Untersuchungen zu den im VIII Hefte der Vorderasiatischen Schriftdenkmäler veröffentlichten Urkunden aus Dilbat, Beitr. zur Assyriol., т. VI, вып. 5, 1909; его же, Die ältesten Völkerwanderungen Vorderasiens, Kulturfragen, вып. 1, Breslau, 1923; его же, Luwisch — Lykisch, ZA, neue Folge, т. 1 (1924), стр. 1—8. Там же: J. Lewy, Lykier-Syrer und Choriten-Syrer, стр. 144—147, и B. Landsberger, Über die Völker Vorderasiens im dritten Jahrtausend, стр. 213—244, особенно стр. 228 сл. Статья Gustav'а „Mitanni“ в „Reallexikon der Vorgeschichte“.

нии Urar-tu < *Uraш-tu, известен также, кроме того, в различных яфетических языках. Мы встречаем его в эламском языке в форме -tı (tu > tı по частному в яфетических языках изменению звуков), напр., Ha-pı-r-tı < Ha-ya-pı-r-tı < Halla-pı-r-tı,[1] туземное наименование страны Элам, также как и в грузинском, ср. rus-e-ϑı 'Россия', φ̣rang-e-ϑı 'Франция', Os-e-ϑı 'страна оссов'. Для того, чтобы объяснить остаток имени subar, являющийся собственно наименованием народа, необходимо разобрать одну особенность яфетической языковой формы, которая особенно сказывается в названиях стран и народов. Так же, как семитические, а также в меньшей мере и хамитические языки, употребляют и кавказские языки для образования имен многочисленные местоименные элементы, префиксы, которые первоначально присоединялись для значения и указания к собственно корню слова и образовали с ним единый комплекс, который может быть приблизительно передан, как „это этого"…, т. е. некий вид генетивной связи.[2] Так означает грузинское sa-qm-e 'вещь', собственно „это делания" от глагола qm(n)-a 'делать', 'творить', причем префикс sa- заключает в себе встречающийся также самостоятельно указательный элемент. Что этот последний действительно мыслится в генетивной связи с корнем слова, следует из таких примеров, как грузинск. sa-dg-ıs-ı 'шило', буквально 'это втыкания' от $\sqrt{dg}$ 'ставить', 'втыкать', в котором еще фактически находится грузинский показатель родительного падежа -ıs. Весь комплекс в таком случае снабжается окончанием именительного падежа -ı. Целый ряд таких префиксов представлен особенно в южнокавказских языках, которые частью в своем звуковом оформлении соответствуют семито-хамитским (s-, h-, n-, m-); среди них особенно интересны m-содержащие, которые здесь, как и там, служат для образования причастий. Нужно помнить, что сравнение семитических языков с южнокавказскими послужило первым поводом для построения яфетической теории.

Эти префиксы играют, как было упомянуто выше, особенную роль при образовании названий стран и народов, хотя их применение много шире. Так груз. sa образует не только названия стран, ср. Sa-qarϑwel-o 'Грузия' от Qarϑwelı 'грузин', но также, между прочим, причастие будущего времени; соответствующее фонетическим законам o (< *ho при *шо)[3] в мег-

[1] Hüsing, Die einheimischen Quellen и т. д., стр. 93 сл.

[2] Для семитического ср. чрезвычайно содержательный труд моего уважаемого друга H. S. Nyberg'a Wortbildung mit Präfixen in den semitischen Sprachen, Le Monde Oriental, т. XIV (1920), стр. 177—288. V. Christian, Die deiktischen Elemente in den semitischen Sprachen nach Herkunft, Anwendung und Verwandtschaft untersucht, WZKM, т. XXXI, стр. 137—192.

[3] Вместо соответствующего по фонетическим законам грузинскому префиксу sa- в ш-языках префикса шо-, в мегрельском повсюду выступает o < ℘o. Значок ℘ обозначает спирант, природу которого мы еще не можем установить с достоверностью.

рельском также O-dıш-ı 'древнее название одной части Мегрелии', o-qıϑq-e то, что 'спрашивают', 'вопрос'; в близко родственном мегрельскому языке лазов начинается инфинитив на o-, напр., o-rd-u 'расти'; также сванское соответствие le образует названия мест. С этим префиксом родственен грузинский sı, который образует отглагольные отвлеченные существительные, как sı-qwd-ıb-ı 'смерть' от qwd-oma 'умирать', sı-ŧıw-e 'холод' от ŧıwa 'холодно'; соответствующее по фонетическим законам сванское lı- употребляется для образования инфинитива: lı-bn-e 'начинать', lı-ϑr-e 'пить'. В абхазском, примыкающем к мегрельскому с северо-запада, но относящемся к особой ветви кавказских языков, соответствует грузинскому sa- префикс a-<*ha-, который здесь стал определенным членом (a-la 'собака', a-r 'войско'), с чем можно сравнить древнегреческое название абхазов "Α-βασ-γοι, в котором γ является местным показателем множественности. Этими префиксами, однако, далеко еще не исчерпывается формальный материал яфетических языков. Важнейшие из них показаны на следующей табличке:

Сибилянтная группа [1]		Спирантная группа	Сонорная группа
s-языки	ш-языки	*ha>a	le-
sa-	*шo,d ‖ [to,tu]	*ho>a ‖ *hu>u	lı-
sı	*шe,dı ‖ [te,tı]	*he>e ‖ hı>ı	

Как показывают эти и последующие примеры, названные префиксы живут еще полной жизнью в современных кавказских языках. Мы находим их, однако, также в сходном употреблении в древнеяфетических языках, как и в баскском, еще более того: современные кавказские языки сохранили формы слов, которые по своему звуковому облику должны быть заимствованы из того или другого древнеяфетического языка. Так, встречается известное из большой надписи Дария в Бегистуне эламское слово u-man 'город' (u-man-ıш 'в городе')<*hu-man в грузинском, как u-ban-ı 'место', 'пригород', 'площадь', 'городской квартал' и во многих грузинских названиях мест, как Qolobanı, Zed-ubanı и др. [2] Префиксу u<hu должно в s-ветви сибилянтной группы соответствовать su-, которое как мне известно, находится только в древнегрузинском слове su-φew-a 'власть', которое показывает сванский отпечаток

[1] О группировке яфетических языков ср. Braun, ук. соч. стр. 56 сл. Сообразно языкам принадлежат префиксы sa, sı — грузинскому, o-, d-, dı — мегрельскому-лазскому, le-, lı- — сванскому, d- — абхазскому, tu-, te-, u-, ı- встречаются преимущественно в древних яфетических языках, но сохранились также в качестве пережитков в современных.

[2] Ср. Марр, Определение языка второй категории ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания, ЗВО, т. XXII, 1914, Спб., стр. 66 сл. Сюда же относится, кроме халдского e-ban-ı 'страна', также митанское o-men-ı — 'город'.

и наряду с которым выступают такие формы, как u-φal-ı 'господин', 'повелитель', 'господь' и me-φ-e точнее me-u-φ-e 'царь'. В то время как u-префикс встречается в обозначении древней Армении U-rar-tu < *U-raш-tu (ср. название армянского княжества Rəш-ϑu-nı < Ruш-ϑu-ne),[1] узнаем мы su- сибилянтной группы в первом слоге интересующего нас племенного названия su-barr (вспомни также sumer!).[2] Таким образом, остается в качестве носителя племенного названия только слог bar.

Это bar, вернее — его соответствия по звуковым законам, встречаются то без префикса, то с префиксом для обозначения определенного яфетического племени, следы которого еще явственно сохранились в Закавказьи. В Средиземноморьи распространено это название, так же как и названия всех других яфетических народов, вплоть до Испании и до северной Африки. При таком положении вещей, естественно, нужно думать не о далеких переселениях больших, замкнутых в себе народов, а об относящихся к различным периодам многих находящихся в движении малых группах, возможно — тотемных группах. Мы имеем многочисленные показания в пользу того, что яфетические обозначения племен первоначально были названиями животных.[3]

В XII столетии до н. э. приходит в движение в Малой Азии ряд племен и проникает на Восток, в Месопотамию, Армению и Закавказье: это племена табал, муски, хилакку, куманы, каски. Среди них нас особенно интересуют два названных первыми. Табал'ы, которые называются в ветхом завете Тубал, или Тӯбал, в переводе 70 толковников Θοβέλ, а у античных авторов тибаренами, суть не кто иные, как bar'ы с закономерной по звуковым законам корреспонденцией l || r (ср., напр., груз. l = мегр. r); t-префикс пережиточно сохранился до сих пор в мегрельско-лазском и встречается также в яфетическом племенном названии Et-rus-k || Tu-ruш-a. В имени Тубал-Кайна (Быт., IV, 22), сына Ламеха и изобретателя кузнечного дела, мы имеем обозначение двух малоазийско-яфетических народов — металлургов железа и кузнецов, которые в качестве иберов и чанов были предками современных мегрелов и лазов (la-z со сваноидным префиксом la- из la-zən; грузины называют этот народ ṭan-ı). Еврейский историк Иосиф Флавий ясно свидетельствует, что тубал'ы Библии идентичны

---

[1] Н. Марр, К вопросу о происхождении племенных названий „этруски" и „пеласги", стр. 326—327.

[2] О принадлежности шумерского языка к яфетической группе ср. M. Tseretheli, Sumerian and Georgian, JRAS, 1913, стр. 783—821, 1914, стр. 1—36, 1915, стр. 255—288, 1916, стр. 1—58, рецензию на эту работу Марра в ЗВО, т. XXV (1921), стр. 453—464.

[3] Марр, Астрономические и этнические значения двух племенных названий армян, ЗВО, т. XXV, стр. 229—256; его же, Термин „скиф", ЯС, т. I, стр. 67—132 и 'Лошадь' || 'птица', тотем урарто-этрусского племени, ЯС, т. I. стр. 133—136.

с позднейшими иберами: Κατοικίζει δὲ καὶ Θόβηλος Θοβήλους οἵτινες, ἐν τοῖς νῦν Ἴβηρες καλοῦνται. [1]

С иберами достигаем мы новой истории нашего племенного названия. Западная часть Грузии называлась в римское время Иберией. Под иберами, однако, нужно понимать не грузин, племенной родиной которых является восточная Грузия, а народ, который в общем и целом был идентичен современным мегрелам. Грузины только в относительно поздние времена грузинировали южные и западные провинции их современной области, и язык этого края до наших дней являет особенности, которые отчетливо показывают его отношения к иберскому. Таковы прежде всего говоры западногрузинских племен имеров и гурийцев. Область Имер⌈ет⌉ия показывает уже своим названием ı-mer < ı-ḃer принадлежность к обсужденному племенному имени, которое выступает так же, как ı-wer, wer, ср. армянское наименование Грузии Wr-asϑan, Wır-q = грузины. Побочная диалектная форма gwer > gur образует название провинции Гурии, старое наименование Мегрелии E-ger-ıa < E-gwer-ıa и грузинское обозначение мегрелов me-gr-el-ı < *me-gur-el-ı. Исключительно богатые материалы, относящиеся к этим племенным названиям как раз в восточной части Черного моря, не могут быть здесь полностью переданы без того, чтобы не выйти за рамки этой работы.

Другой звуковой вариант имени ḃer || mer мы имеем в племенном названии mus-ku, которое показывает относящийся к западной группе кавказских языков гуттуральный суффикс множественности. Мус-ку ассирийцев, мешех и мосох Ветхого завета переживают в названии древнегрузинской столицы Mİq̇eϑ'a, грузинской области Mes-q̇-eϑ-ı или Sa-mϑ-q̇-e, побочной формой к нему является ḃas, которое между прочим известно из имени западногрузинского племени, абхазов, греч. Ἄ-βασ-γοι, собственное наименование a-aṭs-ua < *a-φas-ua. [2] S на месте r объясняется нередким в яфетических языках изменением звуков. [3]

Таким образом, мы имеем, если нас не вводят в заблуждение эти сравнения слов, изумляющие своеобразием яфетических изменений звуков, в Su-mer, Su-ḃar и Tı-ḃar || Iḃer при родственных им Bas-k || Mus-k три потока одинаковых яфетических народов, которые в разные времена вторгались в

---

[1] И. Кипшидзе, Грамматика мингрельского (иверского) языка, МЯЯ, т. VII, стр. XIII сл.

[2] Н. Марр, История термина „абхаз“, ИРАН, 1912, стр. 697—706.

[3] Ср. в этой связи этно- и топонимических названий U-rar-ṭu — ассирийское название Армении, при Rəш-ϑ-uпı — название армянского княжества, A-rar-at — страну у одноплеменной горы, которая у армян называется Masıs, и название реки A-rasq̇, Аракс, Et-rur-ıa и Tu-ruш-a, Et-rus-k, далее племенное название Pe-las-g при πε-λαρ-γός 'аист', которое, возможно, было тотемным названием этого народа и др.

Междуречье и соседящие с ним страны. Если это предположение правильно, то должны быть открыты в западном Закавказьи, где еще ныне живут, вернее — в относительно новое время жили, потомки иберов, родственные отношения между их языками и языками их древневосточных предков, потому что голое созвучие племенных названий может оказаться обманчивым, несмотря на богатый содержанием доказательный материал. На пути исследования языкового родства стоит, однако, то препятствие, что митанско-харрийский язык, отношения которого к кавказским языкам после Борка едва ли могут быть отрицаемы, еще далеко не достаточно изучен, особенно в отношении значения его слов, а также то, что, кроме митанского письма и немногих куррийских глосс, до нас дошли лишь собственные имена, последние, правда, в достаточном количестве.

В то время как труд Михаила Церетели и относящиеся к нему замечания Марра о родстве шумерского языка с современными южнокавказскими едва ли оставляет какие-либо сомнения, сравнение остатков субарского языка с южнокавказским оказывается в силу указанных соображений значительно более трудным. Я хочу мимоходом напомнить, что шумерский в своих словесных образах особенно созвучен с современным сванским языком, эламский же стоит ближе к грузинскому, а халдский Урартского царства ближе к мегрельскому, как это я надеюсь обосновать в не очень далеком будущем. Также, кажется, выдает один из доиндогерманских слоев греческого языка отчетливые отношения к западной, черкесско-абхазской группе кавказских языков. Еще очень недавно являлись подобные сравнительные изыскания, когда даже научное исследование этого великого, наряду с индогерманцами и семитами, третьего этнического элемента было только интуитивным, по меньшей мере невозможными. Ныне представляет метод яфетического языковедения и масса тем временем собранных кавказских языковедных материалов уже достаточные средства, чтобы с расчетом на успех приступить к этому делу.

В отношении субарского для языкового сравнения, естественно, принимаются во внимание те языки, в которых в значительной мере отложилось иберское языковое наследие, таким образом, прежде всего мегрельский, лазский, далее грузинский, сванский и абхазский с их отчетливо различимыми иберскими слоями.

Здесь разрешим сделать отклонение в сторону одной из многих проблем изучения Богаз-кея. Лувийский язык по причине его близких отношений к канезийскому склонны считать, как и этот последний, языком индогерманским, хотя его тип, насколько об этом позволяют судить материалы, еще дальше отстоит от настоящего индогерманского, чем канезийский, который мыслится скрещенным из индогерманского и некоего

малоазийского языка.[1] Вернее сказать, должен быть лувийский, которого характер и созвучия с ликийским будут отмечены в дальнейшем, не чем иным, как канезийским без индогерманских составных частей. В своей ценной статье „Luwisch-Lykisch“ (ZA, 1924, стр. 1 сл.) называет А. Унгнад лувийцев-лукийцев первыми пришедшими из Европы в Малую Азию индогерманцами. Однако и он должен согласиться с тем, что „их язык, кажется, уже очень далеко отстоит от того, что мы называем праиндогерманским“, и что на них оказал далее идущее влияние язык „древнего населения, наиболее известной группой которого являются для нас субары“. В принадлежащем к богазкейскому, следовательно уже „индогерманскому“ периоду имени Luw, также как и в названии ликвийцев, Унгнад различает индогерманское слово для 'волка' (лат. lupus, греч. λύκος). Это объяснение слова, однако, не дает нам права усматривать в лувийцах индогерманское племя, по большей мере оно придает значение предположению, что определенный малоазийский народ в богазкейское время и позже, когда индогерманцы уже осязательно господствовали над Малой Азией, был этими последними, переведшими на свой язык их тотемное имя, назван „волками“. Тем более нет налицо никаких признаков того, что эта этимология позволяет штемпелевать лувийцев индогерманцами.

То, что приводится Унгнадом как дальнейшие материалы для доказательства этимологии лувийцы='волки', представляет большой интерес как раз для нашей темы. В надписи VAT 13061 вместо обычного lu-ú-i-li 'лувийский', идеографически UR-BAR-RA-i-li написано шумерск. UR-BAR-RA=аккадск. barbaru, которое также означает 'волк', но в переносном смысле значит 'чужой'. К аккадскому слову barbaru восходят различные индогерманские слова, которыми обозначают чужих, говорящих на непонятном языке „варваров“. Первоначально, однако, понимался под этим выражением яфетический племенной слой bar'ов, ber'ов; во всяком случае элемент bar налицо в обоих словах. Предположение, что (Su)-bar'ы дают повод к упомянутому выражению, получает замечательное освещение со стороны грузинского языка. В грузинском звучит один из глагольных корней для 'говорить'—$\sqrt{br}$; с частицей u-, которая означает отнятие, лишение чего-либо, u-bar-i 'не говоря', откуда u-br-ob-a 'быть в ссоре с кем-нибудь', 'не говорить', 'молчать', далее, уже в противоположном значении mo-u-bar-i 'говоря' и sa-u-bar-i 'разговор'. В таком случае,

[1] Ср. о лувийском E. Forrer, Die acht Sprachen der Boghazköi-Inschriften, Preuss. Ak. d. Wiss., LIII (1919), стр. 1034 сл.; F. Hrozny, Über die Völker und Sprachen des alten Chatti-Landes (Boghazköi-Studien, вып. 5), стр. 39 сл., Forrer in MDOG, его же, Die Inschriften und Sprachen des Hatti-Reiches, ZDMG, Neue Folge, т. I (1922), стр. 215 сл.

так как Марр показал,[1] что в яфетических языках многочисленны еще отчетливо заметные первоначальные конкретные значения слов, должен был корень br || bar 'говорить', первоначально значит не что иное, как 'говорить по-иберски', 'говорить языком bar'ов' в противоположность картвелам, говорящим „по-грузински". По всей вероятности, противоположные значения 'не говорить' и 'говорить' объясняются тем, что u- представляется в одном случае грузинской частицей, служащей для отнятия чего-либо, лишения (Privativum), а в других уже известным нам префиксом для образования названий народов, причем u-bar-ı, возможно, может быть возведено к u-u-bar-ı.

Теперь к собственным именам субарско-митанского слоя населения! Нам известно некоторое количество имен, в состав которых входит элемент q̇ıpa || q̇epa; чтение с „е" должно быть более соответствующим. В телль-эль-амарнских таблетках называется митанская принцесса, дочь царя Сутарны, Gılu-q̇epa, две дочери его наследника Душратты Tātum-q̇epa и Tadu-q̇epa; в переписке по поводу знаменитого мирного договора между египетским Рамзесом II и хеттским царем Хаттушилем (эгейск. Hetasar) пишет египетская царица Наптера, жена хеттского царя, Pudu-q̇epa, принцессе, родом из Кисвадны у Черного моря. Властитель Иерусалима в телль-эль-амарнскую эпоху носит имя Abd-q̇epa „слуга Хепы", что, по Густаву (OLZ, 1911, стр. 341), звучало по-субарски, вероятно, Putı-q̇epa; точно так же звучит одно мужское имя в документах из Телль-Та'анек. В амулете К 3787 Британского музея названа некая „чужа̇я рабыня" Q̇epa. Наконец, также и в богазкейских надписях звучит имя одной богини Q̇epa.

В своей работе „Нарицательное значение термина q̇epa в „митанских" женских именах (по яфетическим данным)" (ИРАН, 1920, стр. 121—127) Марр занимается отношением этого словообразующего элемента к словарному запасу современных яфетических языков. В итоге этого q̇epa означает 'девушка', также и 'дочь', выражение, которое в яфетических языках часто составляется из слов 'женщина + дитя' = 'девушка': груз. q̇alı-шvılı, мегр. osuri-squa, арм. awri-ord, баск. ala-ba. Подобным же образованием является груз. qal-tulı 'женщина + дитя' = 'девушка', шумерск. kel-tur. Также нужно думать, что и q̇epa состоит из двух слов, из которых одно должно означать 'дитя', а другое 'женщина'. В абхазском звучит 'дитя', 'сын' -ҩa, вернее -ba; также и в приведенных словах шvılı, squa, ordı соединяются эти два значения. Ср. фамильные имена ҩaϑe-ҩa, Aϑ-ba, Laz-ba, Laqır-ba и т. д. В мегрельских и западногрузинских фамильных именах находится абхазское слово в форме -ua, -ıa, -wa, ср. имерское фамильное имя Leja-wa (см. ниже).

[1] Marr, Über die Entstehung der Sprache, стр. 588 сл.; его же, Der japhetitische Kaukasus, стр. 50 сл.

Таким образом, для q̇e остается значение 'женщина'. Также и это предположение находит достаточные доказательства в современных яфетических языках Кавказа. В близко родственном абхазско-черкесскому спирантном слое сванского языка называется 'женщина' q̇e-q̇w, ye-q̇w q̇elṫiꝕ-q̇e 'царица' (от q̇elṫiꝕ 'царь'), буквально 'царица-женщина'. В мегрельском фамильные имена, когда речь идет о женщине, образуются при помощи суффикса -q̇e: Dadıa „Дадиан", Dadı-q̇e „Дадианша", точно также и в имерском говоре грузинского языка Ṭaṭwanı-d̊e (d̊e 'сын') и Ṭaṭwanı-q̇e. В абхазском называется 'дочь', 'девочка' ꝕha, в близкородственном ему на Кавказе вымершем убыхском языке[1] pq̇a || pq̇e в ȷepq̇a, буквально 'брат-девочка' = 'сестра', в черкесском pq̇u; во всех этих языках мы находим таким образом обратный порядок обоих словообразующих компонентов митанского q̇epa.

У сванов составлено с абхазским 'дочь', 'девочка' название княжеской фамилии Garda-ꝕq̇a, Gal-ꝕq̇a, в грузинской форме Garda-ꝕq̇a-d̊e (ср. также княжеское имя Gēl-wān, груз. Gelowanı), что, возможно, указывает на древние, матриархальные отношения, которые предполагаются во всей области яфетидов.[2] Если значение митанского q̇epa 'девочка', 'дочь', то это хорошо соответствует как для обозначения рабыни, так и для имени столь почитаемого у яфетидов женского божества, последние воспоминания о котором у грузин переживают в наполненных мифами сказаниях о девственной царице Тамаре. Составные митанские слова с q̇epa, возможно, однако, не являются, как это думает Марр, фамильными именами типа мегрельских и имерских на -q̇e, а представляют, — таков, по крайней мере, случай с Abd-Putı-q̇epa, — теофорные имена, которые были обычны повсюду на древнем Востоке. Может быть, относится сюда и составная часть hı в довольно редко встречающемся женском окончании армянских слов urhı, uhı, напр., в qrm-uhı 'жрица', θag-uhı 'царица'.

Среди митанских богов, которые названы в договоре хеттского царя Субелулме с Мативакой (Matiwaca), находятся „божества" (Forrer, ZDMG, 1922, стр. 250), а также и богини Шаman-minu-q̇ı (вариант-q̇e) „богиня восьмерки" (вавил. шаman-minu), Pardā-q̇ı и Шurū-q̇ı, в именах которых суффикс -q̇ı, -q̇e является не просто харрийским окончанием имен прилагательных, но, по всей вероятности, также и показателем рода носитель-

---

[1] A. Dirr, Die Stellung des Ubychischen in den nordwestkaukasischen Sprachen, Kuhn-Festschrift, стр. 413—419.

[2] Ср. между прочим P. D. Kreichgauer, Die Religion der Griechen in ihrer Abhängigkeit von den mutterrechtlichen Kulturkreisen (Jahrbuch von St. Gabriel, т. II). F. W. König, Mutterrecht und Thronfolge im alten Elam (Festschrift der Nationalbibliothek in Wien, 1926, стр. 529—552. E. Kornemann, Die Stellung der Frau in der vorgriechischen Mittelmeerkultur (Orient und Antike, 4), Heidelberg, 1927.

ниц этих имен. В протохеттском соответствует, по Форреру (там же, стр. 232), слову kātte 'царь' женская форма katta-q̇ 'царица'. Для ликийского А. Н. Генко (ДАН, 1924, стр. 190 сл.) показал возможность того, что суффикс-q̇a в собственных именах Purihimei-q̇a (надп., № 78) и Muwa-q̇a (№ 55) также обозначает женский пол носительниц имен и что эти имена точно так же относятся к мужским Purihime-ti и Muwa-ti, как в имерско-грузинском Ṭawṭani-q̇e к Ṭawṭani-d̄e, как в восточногрузинском Maqa-шvili к Maqis-asuli.

Самым ценным источником для субарских собственных имен являются каппадокийские клинописные надписи. В последних туземцы и ассирийцы выступают как два различных и по языку и по народности этнических слоя. Б. Ландсбергер в своей статье „Über die Völker Vorderasiens im dritten Jahrtausend" (ZA, 1924, стр. 213—238) склоняется к тому, чтобы ассирийский элемент собственных имен в этих документах сильно переоценивать за счет субарского, объявляя большое число многих уменьшительных и ласкательных форм семитическими. Ласкательные имена он делит на оканчивающиеся удвоенным слогом -aq̇aq̇a, -aƀuƀu и т. д., на оканчивающиеся на-ia, на те, в которых оба эти принципа образования комбинируются, и, наконец, на уменьшительные формы с ānum. Нас больше всего интересуют первые два образования. Формы с удвоенным последним слогом свойственны времени аккадской династии, но встречаются еще много позже в эламском, в то время как на семитической почве они исчезают; уже это показывает, что мы имеем дело с не семитическим принципом образования имен, внедрением которого аккадский язык обязан чужому этническому элементу. Даже в бесспорно семитических именах, которые подобным образом преобразованы, мы должны считаться с чужим налетом. Я оставляю нерешенным вопрос о том, действительно ли образование этих имен, как думает Ландсбергер, восходит к „детской речи", но, во всяком случае, для каждого знатока южнокавказских языков это знакомое явление: груз. ç̣adara 'маленький', ç̣aṭaṭa 'маленький, quṭuṭi 'кудрявый' при qoṭori 'локон', 'кудри', ƀaqaqi 'лягушка', ƀoϑoϑo по-гурийски 'кисть маисового початка', ƀoq̇oq̇i 'барашковая шапка', мегр. ƀuϑuϑia 'комар', 'муравей', q̇aϑeṭi, qaṭeṭi 'невеста', 'новобрачная', q̇aṭiṭi 'новогодний завтрак', q̇ugagi 'пожилой', 'слабый', 'больной', q̇uṭuϑi, quṭuṭi 'кудрявый' и т. д. Относящиеся сюда собственные имена я отметил при беглом перелистывании грузинской книжки сказок:[1] Anana (женск.) (от груз. anani 'источник'?), Boṭoṭina, Фisoso, далее в перечислении грузинских знатных фамилий в географии Вахушта название кахетинского рода Waq̇aq̇i-шvili.

От тех имен в каппадокийских клинописных надписях,

[1] Raziq̇aшvili, Q̇alq̇uri zgaç̣reƀi, 2 т., Тифлис, 1909.

в которых второй слог удвояется, так что образуются трехсложные имена, отделяются двухсложные типа Dudu, Kıkı, Nana, Lulu, Zuzu; образования этого рода в мегрельском, а также в грузинском, еще более часты, чем вышеназванные: ср. мегр. dudı 'голова' и ϑuϑa 'луна', 'месяц', мегр. qeqı 'топор', qıqo 'детеныш оленя', 'зайца', 'серны', мегр. nana, груз., гур. диал. nena 'мать', груз. lolo 'вид печенья', груз., мегр. ďuďu 'груди', 'материнская грудь'. Не придавая ценности этимологической стороне вопроса, все же замечательно, что каждому из приведенных выше каппадокийских имен можно противопоставить точно или сходно звучащие слова мегрельского и грузинского языков.

В именах на -ıa, вернее на -ua (-wa) различает Ландсбергер между семитическими ласкательными формами, в которых суффикс-ıa является собственно pron. suff. 1 Sg., и туземными полными именами. Является необычайно трудным различать имена на -ıa и на -ua (последний суффикс Ландсбергер не пробует толковать как семитический) по их семитическому и субарскому происхождению; по-моему, первые очень не многочисленны, причем окончания -ıa и -ua я считаю даже в настоящих семитических именах влиянием со стороны субарско-яфетического населения. Кавказские языки и здесь утверждают это предположение. В мегрельском оканчиваются почти все фамильные имена на -ıa или -ua (-wa); наряду с этим встречается также окончание -aıa, которое соответствует каппадокийскому aa, точнее aıa (=a-a, aıa). Кавказские фамильные имена подобно германским на -son, -sen оканчиваются словом, которое означает 'сын', в восточногрузинском на -шvılı 'сын' (Maqa-шvılı, Qalandara-шvılı и т. д.), в западногрузинском на -ďe 'сын' (Θoφurı-ďe, Abaшı-de), в черкесском на -qo, -quo (Temryu-qo, Antonı-qo), в абхазском на -φa, -ba, wa от a-φa 'сын'. Таковы абхазские фамильные имена Zuq-ba, Aϑ-ba, Ṭan-ba, Шen-wa и т. д. Известное число этих имен вследствие переселения и денационализации их носителей попадается среди грузинских и мегрельских и сохраняют еще иной раз обычные в фамильных именах их прежней народности окончания. Я называю Leja-wa, Фaφa-wa, Sula-wa, Anϑa-ba-ďe, Θoϑı-ba-de. С этими формами на -wa, -ba этимологически родственны настоящие мегрельские, на -ıa (< ı-wa). Рядом с ними стоят также необычайно частые в мегрельском имена на-ua. Приведем теперь отдельные справки для всех вышеуказанных суффиксов из мегрельского языка и сопоставим с ними таковые же из каппадокийских источников:

мегрельские:	-ıa	-ua	-wa	-aıa
	Nod-ıa	Boq̇-ua	Gwıla-wa	Adan-aıa
	Mel-ıa	Θonϑ-ua	Q̇aındra-wa	Basıl-aıa

Gobeϑ - ıa	Lol - ua	Qoıa - wa	Θq̇ad - aıa
	(срв. выше lulu, lolo)		Φıϑq̇ - aıa
Buq - ıa	Ṭqoϑ - ua	Bırula - wa	Ṭanϑur - aıa
Q̇oφer - ıa	Q̇urua	Zarqu - wa	
субарские:[1] - ıa	- ua	- wa	- aıa
Ial - ıa	Ak - ua	Ara - wa	Babal - aıa
Akl - ıa	Man - ua	Ba(?)ru - wa	Q̇an - aıa
Tal - ıa	Миш - ua	Waza - wa	(ср. Q̇an - ua)
Q̇azul - ıa	Шarabun - ua	Kuku - wa	
Zuan - ıa	Ber - ua		
Balq̇az - ıa	Garun - ua		
	Q̇an - ua		

К -aıa-группе относится еще также некоторое число других имен, которые Ландсбергер считает ассирийскими, как Inaıa, Irraıa и т. д. Ландсбергер упоминает также, что многочисленные названия мест из каппадокийских памятников письменности показывают окончание - ıa; это имеет место и в мегрельском, что показывают такие названия мест, как Θaıa, Eqal - ıa, Qıϑıa, Bedıa, Θqa - ıa (ϑqa 'лес') и др. Поскольку окончание - aıa может быть прочитано также как aa, следует считаться при сравнении также с мегрельскими фамильными именами, у которых a- wa редуцировано в a-a: Leja - wa в Leϑa-a, Фaφa - wa в Фaφa - a.

Во всяком случае в высшей степени замечательно, как принцип образования каппадокийских собственных имен вплоть до всех мелочей снова открывается в современном мегрельском или грузинском. Сходство распространяется, однако, дальше. Наряду с окончанием -a в мегрельском часто -e: Leφarϑ - ıa, Leφarϑ - ıe фамильное имя, bağıre, груз. bağıra 'воробей', φanϑe, груз. φanϑa 'лесная груша', qalıa, qalıe 'куст', ϑomare, груз. ϑomara 'кишка' и т. д.; то же самое имеет место и для говорящих на древней иберской основе имерского и гурийского диалектов грузинского: bambura, bambure 'длинноволосый', nınua, nınue 'десна' и т. д. В каппадокийских текстах мы находим в равной мере наряду с - ıa, - ua также -ıe, - ue: Шulıa, равно Шulıe, Waklıe, ср. Aklıa, Adue (женск.), Вашunıe, Мишugae. Иногда связываются субарские имена, оканчивающиеся на -ıa, -ua еще с -n: Iшtalk - ıa - n, Q̇aq̇aluan, Ашu - wa - n, Wad - ua - n. Это же обнаруживает и мегрельский, где при Dadıa Dadıan(ı), Raϑıa и Raϑıan - ı, Θıqwan - ı (Θıqowan-ı) и др. Также и в грузинском выступают подобные же имена,

[1] В качестве источников для субарских имен использованы преимущественно: B. Landsberger, Über die Völker Vorderasiens im dritten Jahrtausend, ZA, 1923, особ. стр. 221 сл.; J. Lewy, Die altassyrischen Texte von Kültepe bei Kaisarije, стр. 73—74; A. Ungnad в Beitr. zur Assyriol., т. VI, вып. 5 (1909), Untersuchungen zu den im VII. Hefte der Vorderasiat. Schriftdenkmäler veröffentlichten Urkunden aus Dilbat.

напр., Qiφiani. Они происходят из сванского, где фамильные имена, подобно тому как в армянском языке, оканчиваются на -ean, -ān, -wān, напр., сванский княжеский род Gēl-wān'ов (груз. Gelo-wan-i); -in, -an < -wan является полной формой к абх. ba, wa > ia и одинаково означает 'сын'. Только диалектно отличается man от wan, которое различным образом встречается в субарских именах: Arnu-man, Шalinu-man, Шimnu-man и др. Естественно, что не все разнообразные окончания, которые представлены в субарских именах, могут быть объяснены из современных живых яфетических языков или доказаны их материалом. Некоторые из них при ближайшей проверке окажутся суффиксами имен прилагательных, а также падежными окончаниями. Не нужно также забывать, что субарское каппадокийских надписей отделено от грузинского и мегрельского промежутком времени в несколько тысячелетий и что некоторые языки и диалекты исчезли бесследно. Не является невозможным, что часто встречающееся окончание -шu (Niwa-шu, Hamada-шu), которое проникает также в окончания -ia, -ua — Abaz-ia-шu, Qabua-шu, Qalq-ia-шu, — может быть поставлено в связь с восточногрузинским шv-ili 'сын' от $\sqrt{\text{шw}}$ 'создавать', 'рождать'. Соединение двух окончаний, особенно в именах переселившихся фамилий, очень нередко в современном грузинском: Anϑa-ba-ďe, Θoϑi-ba-ďe, Dgeb-ua-ďe, Фal-ia-шvili и т. д.

В заключение остается еще дать список подсобных субарских имен, которые совершенно непринужденно могут быть этимологизированы на основе мегрельского или грузинского, или к которым еще ныне могут быть отысканы в этих языках одинаковые формы имен. Этимологии я по самой природе вещей придаю меньше значения, тем более, что орфография клинописи оставляет обширное поле действий при объяснении усложненных звуковых систем яфетических языков. Как отмечает и Ландсбергер, не делается никакого различия между звонкими и глухими звуками, i употребляется вместо e, и u для o, под ш может скрываться s, ш, ȷ и возможно также ϑ, d, z может стоять вместо z, ď, t, ϑ и т. д. А потому, если я делаю опыт нижеследующие имена сравнить с языковыми материалами современного грузинского, абхазского и мегрельского, то я делаю это, меньше имея в виду объяснить, чем показать, что в обоих случаях общий отпечаток слов является родственным, если даже не идентичным.

1. A-baz-ia, A-bez-ur-a, Baш-ur-ie. Эти три имени включают в себе вышеобсужденное этническое название bas в различных вариациях. Обе первые формы показывают абхазский указательный префикс a- и звонкий шипящий, как и грузинская форма этнического названия A-φqaz-i < A-φaz-qi (ср. греч. "Αβασ-γ-οι) и черкесские племенные названия A-baď-eq и A-baz-a, обезы древнерусских летописей. Среди древних

княжеских фамилий Грузии называет географ Вахушт род A-ƀaz-a-đe.[1] Окончание -ur второй и третьей форм является суффиксом, который и в современном грузинском образует прилагательные от этнических названий; ср. qaq̇-ur-ı 'кахетинский', ꝕшаw-ur-ı 'пшавский', Dıdo-ur-ı 'дидойский'.[2] С третьей, диалектически отличной формой сопоставляется мегрельское фамильное имя A-ƀaш-ıa, образование с абхазским членом, и название имерского княжеского рода A-ƀaш-ı-đe. Ср. также A-ƀaш-a, название мегрельской реки. Наряду с этим выступают и мегр. Aꝕq̇azawa и Aƀшılawa и народ 'Αψιλαί на правом берегу Фазиса (a-ps-ıl).

2. A-du-a-q̇-шı, A-du-e (женск.); абхазск. a-đəu, a-du 'великий', 'большой'. То же самое означает мегрельское имя Dıdıa.

3. A-lu-wa-zı; абхазск. a-ləw, a-lw 'мельничный жернов', откуда с абхазским суффиксом -wa + имерским -đe — Aluwađe. Объяснение zı является, однако, поскольку я до сих пор отыскал его только в этом единственном имени, сомнительным.

4. Ara-wa; ara грузинское отрицание, для сравнения — мегрельское фамильное имя Wera-wa, которое содержит грузинское отрицание, выражающее невозможность.

5. Arzan-aq̇-шu; груз. arđan-ı 'большой камень', арм. arđan или абхазск. eı-rđnə 'серебро'.

6. Aшk-wa, ср. абхазск. a-sə 'снег', a-шə 'просо', 'пшено'.

7. Udgarıa — U-dg-ar-ıa; груз. мегр. √dg 'стоять', 'пребывать', также 'тот, кто не стоит, остается, пребывает'; u — образует привативные формы. От корня dg образуются мегрельские фамильные имена Dg-eƀ-ıa и Dg-eƀ-ua-đe.

8. Baba'a, Baƀa'a-ıa, ср. в рачинско-имерск.* ƀaƀla 'длинный' в ƀaƀla-qwera-'grđel-qwera 'с длинными тестикулами' (Беридзе, стр. 2).

9. Ber-ua, Ber-uwa, в этом имени также сохранилось племенное обозначение ƀer. Мегрельское фамильное имя Ber-aıa, имерско-грузинское Ber-ı-đe. Ср. также груз. ƀer-ı 'старец', лазское ƀer-e 'дитя', 'сын', 'мальчик'.

10. Dadıa, Dadaya (ср. хеттское мужское имя Dada-ш, имя божества dadda); к этому мегрельское название княжеской фамилии Dadıa, Dadıan.

11. Dudu, также Dudıkı, Dud-q̇alıaш (также хеттское царское имя), Dudu-ƀeala; ср. мегр. dud-ı 'голова'. Хеттское мужское имя Duda-ш также относится сюда.

12. Gabzıa (женск.). Абхазск. a-ǧa 'vulva' + a-bz 'язык', a-ga-bz, следовательно, должно означать 'клитор', что в современном абхазск. называется a-ꝕa-a + bz от a-ꝕa 'карман',

[1] Ср. примечание 2 на стр. 189.

[2] Живущий на восточном Кавказе народ дидоев упоминается с грузинским окончанием -urı уже Плинием (N. H, VI, 10, Dıdurí) и Птолемеем (V, 9, Διδουροί).

мешок' и a-bz 'язык'. Подобные клички не редки и ныне у южнокавказцев. Впрочем, фамильные имена возникли по большей части из кличек.

13. Gadudu; a-bga-dıw, a-bga-du 'волк', буквально 'большая собака' от bga 'собака' и dıu, du 'большой'. Слово является в полугрузинской, полуабхазской форме, как Ga-dıda (абх. bga 'собака' + груз. dıdı 'большой' - абх. dıu, du), в названиях местностей. Если сопоставить dudu не с dıdı, а с мегр. dudı 'голова', то это имя будет означать 'собачья голова'.

14. Ganı; мегр. genı, gını 'теленок'.

15. Garıa; мегр. gerı, груз. mgelı 'волк'. Gerıa 'волчонок' называется герой известной мегрельской сказки.

16. Q̇ab-ıa, Q̇ab-ua-шu, Q̇ab-ua-la: мегр. q̇aφa 'большой', 'неуклюжий', также мужское имя, груз. q̇aφı 'тыква'. Абхазское мужское имя Q̇abaq̇u (q̇u образует мужские имена).

17. Q̇aq̇al-uan; груз. q̇aq̇alı 'корзина', 'сито', 'решето'.

18. Q̇alada; груз. q̇elı 'рука', q̇el-ad в форме наречия 'под рукой', 'ловко', 'быстро'. Отсюда может быть образовано прилагательное q̇el-ad-ı, 'ловкий', 'быстрый', также как от gulı 'сердце' gul-ad-ı 'храбрый', 'смелый', 'отважный'. От q̇elı 'рука' образовано мегрельское фамильное имя Q̇elaıa.

19. Q̇alk-ıa-шu; груз. q̇alq̇-ı 'народ'.

20. Q̇ama'a-nı, груз. q̇rmalı, q̇malı, 'сабля' 'меч'. Суффикс -nı также должен быть понят как образующий прилагательные, так что это слово должно означать 'мечом вооруженный', что по-грузински звучит q̇ʳmb-osan-ı или q̇ml-ıan-ı.

21. Q̇an-rıa, Q̇anaıa; нужно считаться с груз. q̇anı 'время', откуда q̇nıanı и q̇nowanı 'старый', или груз. q̇n-wa, мегр. q̇on-ua 'пахать'. Абхазское мужское имя Q̇ana-q̇u.

22. Kıdar; груз. qıde 'край', 'граница', 'берег' или груз. qedelı, мегр. qıda, qıdala 'стена'. Мегр. фамильное имя Qedıa.

23. Kıkı, Kıkıa (один из первых патеси Ассура); мегр. qeqı 'топор', груз. qeqo (Беридзе — ṫaϑara doq̇ı 'маленькая лопата').

24. Kuku-wa; принадлежит к хорошо известному в яфетических языках ряду слов, которые, исходя от основного значения 'небо' || 'свод' || 'круглый', испытали большие семантические изменения. Об этом подробнее в моей работе об эламском, имеющей скоро появиться в „Anthropos". [1] Груз., мегр. qoqa 'большой кувшин для воды', агульск. koka 'круглый поднос' и т. д. Также мегр. qoqı 1) 'остров', 'полуостров', 'местность на берегу реки', 2) название селения в округе Зугдид, 3) мужское имя.

25. Kukr-an; мегр. qoqorı 'осленок'. Груз. qoqorı, ququrı 'почка'. Ср. еще груз. gogra 'тыква'.

26. Kuz-ıa; мегр. quϑı 'иглистое растение', 'тернистый',

---

[1] [Beiträge zur Kenntnis der elamischen Sprache, Anthropos, т. XXIII, вып. 1—2, Januar-April 1928, стр. 167—198].

'колючий'. Если u > ı, мегр. qiṭ-ı 1) мужское имя, 2) название сказочной змеи; qiṭ-ıa название селения в округе Сенак.

27. Ḳuzız-ıa; груз. quϑuϑı, мегр. q̇uṭuṭı, quṭuṭı 'курчавый'. Ср. Ландсбергер (стр. 229), также Ḳuzuzu, имя вестника Барбараги.

28. Maq̇uшı, (maq̇usı), ср. также хеттское имя Ma-q̇uz-ı (также Q̇uzıa); груз. mo-q̇uϑ-ı 'старый', mo-q̇uϑ-eba 'стареть'; груз. q̇uϑ-esı 'старейший', 'жрец', q̇uϑ-ur-ı 'священнический', 'священническое письмо' (в противоположность к еще употребительному ныне в Грузии mq̇edrulı или „военному письму"). Составная часть q̇u (q̇o) в q̇uϑ-es-ı есть сванский префикс сравнительной степени (в груз. u-), ср. сванск. q̇o-шa 'старше'. Ma-q̇uш-ı представляет как груз. mo-q̇uϑ-ı m-содержащий префикс и шипящий звук сванского. [1]

29. Maṭadu; абхазск. (a-)maϑa 'рука', 'рукоятка' + dıu, du 'большой'. Следовательно, 'большая рука'. Можно, однако, также привлечь абхазск. (a-)maϑ 'змея'.

30. Memebrı, груз. mama-ebrı 'равный отцу', 'похожий на отца'; mama 'отец' и ebrı, eburı, ebuwı (как послелог -ebr, ebrıw = армянск. ıbr, ıbrew) 'равный', 'похожий'.

31. Мuш-ua; здесь выступает соответствие по звуковым законам племенного названия bas в языке ш-группы. Ср. выше названия Мuш-ku, μοσοχ.

32. Naq̇uma; мегр. q̇wama 'просить' (wa || o, u — известная, яфетическая вариация звуков, особенно наблюдаемая в мегрельском); отсюда Pt. Pref. passivi na-q̇wam-a 'выпрашивать', также 'выпрошенный'. Ср. na-ṭara 'написанный' от ṭar-ua 'писать', na-ϑas-a 'посеянный' от ϑas-ua 'сеять' и т. д. [2]

33. Шul-ıa, Шul-ue (Sul-ıa); груз. sul-ı 'душа', мегрельское фамильное имя Sulawa.

34. Sulılı; груз. sulelı 'глупый', 'безумный', 'глупец', 'дурак'. По-мегрельски звучит это слово sunelı. Ср. груз. sul-ı 'душа', 'дух', 'дыхание' и груз. sun-ı 'запах', которые произведены от этого же самого корня.

35. Tamur-ıa; мегр. θamur-ıa ласкательная форма от женского имени θamar. Содержит субарское имя, имя матери его носителя или, возможно, созвучие лишь случайно. Во всяком случае следует ожидать в субарском слое след матриархальных отношений. Следы их на современном Кавказе нередки.

36. Tarq̇unu; мегрельское мужское имя θarq̇un-ıa. Ср. известное имя малоазийского бога Tarku, Tarq̇unt.

37. Tatalı; груз. dedalı, мегр. dadulı 'курица'.

38. Warq̇ıla; $\sqrt{}$brq, $\sqrt{}$wrq̇ и т. д. 'светить', 'блестеть', также и в семитических языках широко распространен происходя-

[1] Н. Марр, Яфетические элементы в языках Армении, VII, ИРАН,1914, стр. 60 сл.
[2] Кипшидзе, Грамматика мингрельского языка, стр. 95.

щий от этого корня ряд слов.[1] Ср. груз. brqı-alı (< bırq-al-ı), brṭqıalı, ṗrqıalı 'блестеть', 'светить', 'искриться', 'сверкать', груз. brϑq-ın(w)a 'блестеть', 'светить', 'сверкать', 'искриться'. Груз. warsqu-lawı 'звезда', буквально 'фонарь', 'светильник ночи' — warsqw-law-ı, marsqu-law-ı, marsqu-lam-ı и т. д., мегр. murıϑq̇-ı 'звезда', лазск. muraϑq-ı 'звезда', груз. werϑq̇-lı 'серебро', мегр. warϑq̇-ıl-ı 'серебро'. Груз. merϑq̇-al-ı 'ласточка', мегр. marϑıq̇-ol-ı 'ласточка'. Все эти слова произведены от корня brq 'блестеть', которых последний корневой q, k, q̇ является усиленным ṭ, ϑ, ϑ, s, как это очень часто в южнокавказских языках. Также следует сопоставить каппадокийское имя Burk-ıa.

39. Waza-wa; груз. waz-ı 'виноградная лоза'; груз. waϑı 'козел'.

40. Zagar-ıa; груз. ďağl-ı, мегр. ḓoğor-ı, сванск. ȷeğw̑, чеченск. ḓel-ı 'собака', баскск. * ďagar в u-ďagara 'выдра', буквально водяная 'собака', баскск. sakur, ϑaḳur 'собака', сардинск. gıágaru, корсиканск. yaϑaru 'собака'; средневеков. греч. ζαγάριος, новогреч. ζαγάρι 'ищейка', 'охотничья собака' и т. д.[2] Ср. также мегрельское фамильное имя Θagur-ıa.

41. Zala-nu; груз. ďala, ďalı 'сила', 'мощь', 'крепость', первоначально '*рука', ďal-ıan-ı 'сильный', 'мощный'.[3]

42. Zuan-ıa; груз. m-ϑuan-e, ϑuan-e 'зеленый', 'зелень'.[4]

43. Zuzu, Zuzu-ıa (Дильбат), Zuz-ua, Zuzulı; груз., мегр. ďuďu 'женская грудь', 'материнская грудь'. Ср. также фамильные имена, как груз. Θıϑı-шvılı (Вахушт), мегр. Ṫıϑa-wa, Θıϑua, Θoϑ-ua, абх. Θıϑ-ba, фамилия языческих жрецов, которые справляли свою службу на священной горе Dıdrıш.[5]

44. Zaz-ıa; мегр. ϑaϑ 'наполнять', 'наливать'. Также фамильное имя Θaϑ-ua.

45. Lulu (ср. выше), Lull-aıa; мегр. фамильное имя Lol-ua.

46. Uшp-ıa, A-uшp-ıa [ср. Uш-be-z (ı) в Кюль-тепе!] — первый строитель храма Ассура в городе Ассура. Это имя стоит в тесной связи с древнеяфетическим культом мифического, живущего в воде существа, которое выступает как змея или рыба и которое оставило свои следы в археологическом

---

[1] Н. Марр, Яфетическое происхождение армянского слова margarey 'пророк', ИРАН, 1909, стр. 1153—1158.

[2] Н. Марр, Le terme basque „udagara" 'loutre', ЯС, т. I, 1922, стр. 9 сл., 25 сл.

[3] Груз. ďal-ı означало первоначально 'рука' > 'сила', 'мощь'. Ср. ЯС, т. I, стр. 58 сл.

[4] Груз. m-ϑwan-e, мегр. r-ϑwan-e означало первоначально 'небесно-голубой' и служило в различных языках для обозначения 'неба', 'моря', 'озера'; в языках спирантного типа звучит это слово kwane, qwane, ср. греч. κύανεος 'темносиний' и κύανος 'лапис-лазури', в андийском quan-or 'светлый' и т. д. Н. Марр, Яфетические названия красок и плодов в греческом, стр. 329.

[5] Державин, Абхазия в этнографическом отношении, Сборн. материалов по описанию племен и местностей Кавказа, т. XXXVII, отд. отт., стр. 32.

смысле слова в древних памятниках Армении.[1] Ср. арм. иш-аφ, ош-аφ, wiш-аφ 'дракон', груз. weш-аφ-i, народно-этимологически представленное в груз. gwelашаφi, мегр. gwerшаφi (груз. gweli, мегр. gweri 'змея'). Слово встречается в Авесте как прозвище змеи-aji в форме wiшāра и, поскольку индогерманские попытки его этимологизации не увенчались успехом, должно быть причислено к доарийскому языковому слою, хотя бы эламско-каспийскому, что также подсказывает -р-суффикс. Сюда же относится халдское имя бога Те-iш-ba < *Те-иш-ba, т. е. 'господин змей', 'вишап', с которым идентично хеттское Тешир < *Те-и-шр.[2] Также в сирийском, — Сирия, как мы видели, древняя субарская почва — сохранилось слово уаwшра, уōшрā 'большая змея'. Ср. еще гимирское имя Теиmрā времени Ассаргаддона.

При моих исследованиях я пока оставил в стороне сложные, особенно теофорные имена. Последние относятся преимущественно к знатному, тем самым в тесных отношениях с ассирийскими колонистами жившему слою населения. Когда в каппадокийских таблетках в ассирийских фамильных именах встречаются имена с отчетливым отпечатком субаров, то это явление лучше всего объясняется смешанными браками. Наоборот, субары охотно принимали новые, важно звучавшие семитические имена. Было время в Грузии, когда члены благородных фамилий с охотой носили такие персидские имена, как Rosϑomi, Maniuϑar, Qai Qosro и т. д. Поскольку я ограничился только не теофорными, простыми субарскими именами, надеюсь, что я, по крайней мере, показал поразительные совпадения в звуковой форме и выражении этих субарских имен с современными кавказскими фамильными именами.[3]

---

[1] И. Мещанинов, Змея и собака на вещевых памятниках Кавказа, ЗКВ, т. I, 1925, Ленинград, стр. 241—256; его же, Каменные статуи рыб-вишапов на Кавказе и в северной Монголии, там же, стр. 401—409.

[2] Н. Марр, Надпись Русы II из Маку. ЗВО, т. XXV, стр. 44—46; его же, К вопросу о происхождении племенных названий „этруски" и „пеласги", там же, стр. 323 сл.

[3] Языковые материалы, использованные в этой моей статье, взяты из известного грузинского словаря Чубинова, из В. Беридзе, Грузинский (картский) глоссарий по имерскому и рачинскому говорам, из собственных заметок над гурийским диалектом грузинского языка; далее, И. Кипшидзе, Грамматика мингрельского (иверского) языка, МЯЯ, VII, 1914, Н. Марр, Грамматика чанского (лазского) языка, МЯЯ, II 1910; Н. Марр, Абхазско-русский словарь Лнгр., 1926.

М. П. Чхаидзе

ПАЛЕОНТОЛОГИЯ РЕЧИ И ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД [1]

Палеонтология — греческое слово и означает дословно: учение (-логия) о сущности (-онта) древностей (пале-).

Сперва этот термин был применен в геологии, где он означал и означает учение о геологических древностях. Впоследствии этот термин стал применяться в археологии и, наконец, в языкознании; в этой последней области знания он вначале обозначал учение вообще о древней сущности речи. [2]

Несмотря на то, что, с одной стороны, само слово „палеонтология“ по своему образованию не дает нам повода к тому, чтобы объявить его собственностью какой-либо частной области знания (его этимология говорит нам, что оно есть учение вообще о древностях), а с другой стороны, оно и фактически было использовано не одной областью наук, — традиционная наука, однако, относит его только к геологии. Так, даже в недавнем (изданном в 1933 году) „Словаре иностранных слов“ говорится, что палеонтология означает „науку об ископаемых животных и растениях, населявших землю в прошлые геологические времена“.

В языкознании этот термин встречается с двумя противоположными значениями; с одним значением он употребляется в старом учении о языке (индоевропеистике) и в совершенно ином значении употребляется он в новом учении о языке (яфетидологии). Индоевропеистика осталась до конца верной этимологии данного термина: она действительно ограничила круг применения палеонтологии областью изучения языковых древностей. [3] А новое учение о языке превратило палеонтологию

---

[1] Напечатано на грузинском языке в юбилейном сборнике, посвященном сорокапятилетию научной деятельности акад. Н. Я. Марра „За марксистское языкознание“, Тифлис, 1934 г., стр. 45—62. В настоящий перевод, сделанный автором, внесены некоторые частичные изменения.

[2] Ср. Н. Я. Марр, Язык и современность, ИГАИМК, вып. 60, 1932, стр. 29.

[3] Ср. Н. Я. Марр, К семантической палеонтологии в языках не яфетических систем, Известия ГАИМК, т. VII, вып. 7—8, 1931, стр. 2.

в учение о стадиальном развитии речи, начиная с древнейших времен и кончая коммунистическим обществом.[1]

Принципиальное различие между двумя использованиями этого термина состоит в том, что палеонтология нового учения о языке изучает язык в его историческом развитии, тогда как палеонтология индоевропеистики изучает древний вид языка, беря этот предполагаемый древний вид статически, т. е. вне истории развития.

Здесь же нужно отметить еще одно обстоятельство: некоторые индоевропеисты палеонтологию связывают с эволюционным развитием речи;[2] существуют даже гипотезы об истории развития того или иного типа языка. Но, какие бы наипрогрессивные варианты палеонтологии ни обнаружились в индоевропеистике, принципиальный и существенный недостаток ее все равно остается без исправления: она игнорирует стадиальные смены в развитии речи.

И тогда, когда индоевропейская палеонтология затрагивает вопросы эволюции языка, в виду имеется по существу лишь одна стадия, взятая вне генетической связи с предыдущими стадиями; при этом и прослеживание развития подразумевает эволюцию языка и семьи языков от праязыка до современного их состояния.

Новое учение о языке отбрасывает теорию праязыка, как буржуазный миф, и за исходную точку берет стадиальные смены в речи.

Новое учение перенесло центр тяжести в исследовательском деле на содержание, идеологию речи. Изучение идеологии речи обусловило возникновение специального учения в яфетидологии; это — функциональная семантика, или учение о стадиальных сменах слов и его частей. Заметим, что слово „семантика" употреблялось и в старом учении о языке; но там оно, как и слово „палеонтология", понято было схоластически, — и там в виду имелась его статика, но не динамика.

Итак, палеонтология нового учения о языке изучает стадиальные сдвиги как формы, так и содержания речи. Так именно и трактуется этот вопрос у акад. Н. Я. Марра; он пишет: „палеонтология речи — это учение о коренных идеологически обоснованных сдвигах и сменах не только содержания, но и оформления языковых явлений".[3] В другом месте Марр говорит о палеонтологии речи: „это учение о сменах самих закономерностей обоих моментов языка, содержания и оформления".[4]

Новое учение, как это видно из данной трактовки, подчеркивает, что мало сказать о существовании закономерных

---

[1] Ср. Н. Я. Марр, Язык и современность, стр. 23.
[2] По этому вопросу см. Н. Я. Марр, Язык и современность, стр. 30.
[3] Там же, стр. 29.
[4] Там же, стр. 30.

смен в развитии речи; важно то, что происходили смены самих закономерностей, т. е. на всем протяжении развития речи закономерность этого развития была не одна, а их было несколько.

Вопрос о стадиальных сменах является вопросом очень сложным. Сложность этого вопроса тем более очевидна, что старое языкознание ни единым словом не обмолвилось о нем.

В новом учении о языке многое останется для нас непонятным, если не разберемся как следует в этом вопросе, — по существу вопросе об изменениях законов и закономерностей в историческом развитии речи. С этой стороны прежде всего следует уяснить себе, что речь при переходе от одной стадии развития к другой претерпевала — как это иллюстрируется новым учением — серьезные, существенные изменения; речь в это время настолько кардинально меняла свой облик, что, будучи на следующей стадии, она часто казалась совершенно противоположной тому, чем она была на предыдущей стадии. Менялись при этом как содержание, так и форма и техника речи. Н. Я. Марр следующим образом трактует силу этих стадиальных смен речи: „Речь в процессе своего развития пережила ряд стадий, сменявших и идеологию, и оформление, и технику во всех разрезах до расхождений по противоположности“. [1]

Само собою разумеется, что стадиальное развитие речи связано с развитием производительных сил и производственных отношений; стадиальные смены обусловлены в конечном счете стадиальными сменами экономики общества. [2]

Новое учение изучает язык в его единстве с мышлением; поэтому оно считает своей также непосредственной задачей исследование стадиальных смен мышления. Положение об единстве языка и мышления (в его материалистической постановке) встречаем мы впервые в работах Маркса и Энгельса. Это ясно вытекает из следующих слов Маркса и Энгельса: „язык как раз и есть практическое... действительное сознание“. [3] Н. Я. Марр развил эту мысль на огромном языковом материале и выяснил, что в истории развития мышления имели место такие же глубокие стадиальные смены, какие наблюдались в языке; собственно говоря, у этих двух моментов одного целого налицо одни и те же стадиальные закономерные смены. Если не считать менее значительные стадии, у мышления с звуковым языком особенно рельефно выступают две стадии, из которых одна — ранняя и называется космической стадией, а другая — позднейшая и носит название технологической стадии.

Историей мышления раньше мало занимались. В этом отношении особенно интересны попытки изучения истории мыш-

---

[1] Н. Я. Марр, Язык и современность, стр. 5.

[2] Ср. Н. Я. Марр, Доистория, преистория, история и мышление, ИГАИМК, вып. 74, 1933, стр. 12 и далее.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология, Партиздат, 1934, стр. 20.

ления, исходя из языковых и иных данных так наз. первобытных народов. При таком подходе мысли исследователей иногда справедливо были направлены к тому, чтобы освободиться самим от норм современного европейского мышления, поскольку выяснялось, что эти новые нормы мышления мешали им при выявлении норм древнего мышления, — они заслоняли им наиболее специфические особенности древнего мышления. Однако, несмотря на это, буржуазная наука не смогла справиться с этой задачей. Причину этого нужно искать, во-первых, в том, что буржуазная наука игнорировала революционные моменты, стадиальные сдвиги в развитии мышления, и, во-вторых, в том, что современные нам отсталые племена (североамериканские, африканские и т. д.) она принимала за те действительно первобытные общественные единицы, которые существовали на заре человеческого развития. На самом деле эти племена находятся на сравнительно высокой ступени экономического и культурного развития. Поэтому и нормы мышления этих племен отнюдь не совпадают с нормами мышления человечества действительно первобытной эпохи.

Наиболее, казалось бы, резкое разграничение двух структур мышления — европейской и более ранней (что у отсталых племен) — мы находим в работах Леви-Брюля.[1] Зато и результаты его исследований оказались весьма значительными. Он подчеркнул, что мышление отсталых племен не какой-нибудь конгломерат случайных и вообще несуразных категорий, как то думали раньше, а оно существует как определенная, закономерная система.[2] Однако Леви-Брюль не дошел до признания стадиальных смен в мышлении; Леви-Брюль говорит о различных структурах мышления, но допускает изначальное их сосуществование.

Язык представляет собой чрезвычайно сложную надстройку, поэтому без идеологически четких перспектив исследовательские работы по языку могут оказаться безрезультатными. Самое главное — это учет того, что одна стадия противоположна другой. Ни на минуту не следует забывать, что нынешняя технологическая стадия развития языка и мышления представляет собой диаметральную противоположность прежней космической стадии. В связи с этим вопросом мы попытаемся вкратце изложить мысли Марра о том, что конкретно происходило в языке и мышлении при смене одной стадии другою и какие вехи намечаются в выявлении последовательности стадий.

До звуковой речи существовала ручная речь. На той ступени мышление было тотемистическое. Затем происходит скачкообразный переход на стадию космического мировоззрения (тотемистическое мировосприятие в известном смысле остается

---

[1] См. русский перевод, изд. „Атеиста", 1930, — Леви-Брюль, Первобытное мышление.

[2] Там же, Предисловие к русскому изданию.

в силе и на этой стадии). Н. Я. Марр говорит, что когда звуковая речь сложилась, космическое мышление успело к этому времени значительно развернуться в пределах возможностей кинетической речи. [1] Переход на космическую стадию трактуется им следующим образом: „с определенной ступени развития материального базиса расширялось мировоззрение, делался скачок на новую ступень, в конечном счете скачок на ступень мирового охвата, космическую, и тогда отправная точка для осознания и наречения [предметов] в корне менялась до противоположности. Смена имен происходила в обратном порядке по противоположности предметов к осознаваемым в производстве мирам, небесам, верхнему, нижнему, подземному..." [2]

Дальнейшее развитие сопровождается новым количественным накоплением в области мышления и речи, и в процессе этого накопления зарождаются новые противоречия, снятие которых происходит на новой, уже технологической ступени. Это развитие происходит на базе дальнейшего осложнения производства; при этом прежняя производственно-культовая процедура переходит в религию и мистику; „от такого осложнения производства и производственных отношений, — пишет Марр, — нарастал и происходил скачок, и в свою очередь в надстройке происходило качественное повышение мышления до технологического восприятия предметов... и с этим мы попадаем уже в классовое общество, с религиею, с правом, с зачатками философии и т. п.". [3]

Космическое мышление было синтетическим. К тому же оно было „более наглядным, по увязке с материальной базой, диалектико-материалистической логикой, соответствующей в базисе — первобытному коммунизму". [4] Технологическое мышление является по существу формально-логическим; оно уже аналитическое, т. е. „оно стало воспринимать мир аналитически, все более и более проникая в технику его построения и утрачивая чувство целого". [5] В дальнейшем его антитезой выступает диалектико-материалистическое мышление новой, современной ступени, которое будет все время расширяться и углубляться, но оно никогда не может быть сменено каким-либо принципиально иным мышлением. [6]

Из всего сказанного ясно видно, что происхождение и развитие языка и мышления в новом учении трактуется как единый, монистический процесс. Здесь нет места территориальному делению языка и мышления; это значит, что, напри-

[1] Ср. Н. Я. Марр, Язык и мышление, стр. 61; его же, Язык и современность, ИГАИМК, вып. 60, 1932, стр. 39.

[2] Н. Я. Марр, В тупике ли история материальной культуры, ИГАИМК, вып. 67, 1933, стр. 51.

[3] Там же, стр. 52.

[4] Н. Я. Марр, Язык и современность, стр. 13.

[5] Н. Я. Мар., Язык и мышление, стр. 61.

[6] Там же, стр. 62.

мер, язык и мышление африканских отсталых племен нельзя считать изначально разобщенными с европейской культурной речью и мышлением. А это — вопрос принципиальный. Известно, что буржуазное языкознание игнорирует единый процесс развития речи (индоевропеистов нельзя считать сторонниками монистического процесса по одному тому, что у них была теория, согласно которой современные языки являются происшедшими из одного праязыка; само это положение так же в корне ошибочно, как и построенный на нем „монизм"). Наоборот, вся индоевропеистика построена на противоположной монистическому процессу теории. Эта противоположная действительности теория состоит в делении языков на изолированные и замкнутые в себе семьи, между которыми или не находят реальной связи, или умалчивают о ней. С точки зрения индоевропеистики, индогерманская семья языков, „культурная и прогрессивная", это — одно, а, например, палеоазиатская семья языков, „не культурная и неспособная к развитию", это—совершенно другое; о какой-либо связи между ними — согласно той же науке — излишне говорить. Хорошо известно, какую благодарную роль для европейской буржуазии сыграла эта теория в колонизации отсталых племен Запада и Востока.

Согласно теории языковых семей языки, входящие в одну семью, происходят от одного праязыка. Вот до каких „глубин" только и способна доходить индоевропеистика в области происхождения и развития человеческой речи. Оборотной стороной теории праязыков является теория расового деления народов. Это — та самая теория, в силу которой фашистская, гитлеровская Германия оказалась в состоянии официально признать (когда это стало для нее политически выгодным) японцев, раньше считавшихся принадлежащими к „жалкой", желтой расе, представителями арийской (т. е. благородной) расы. Такую смешную „дипломатическую" роль играет ныне индоевропейская „объективно-научная" теория!

Языковые факты часто и в руках индоевропеистов говорили против теории изолированных языковых семей. Индоевропеисты замечали, что многие слова и языковые формы общи в языках разных „семейств". Но для объяснения этого в старых же путях индоевропеистика выработала теорию заимствования, которая учит, что если у данного языка нехватает какого-либо слова, то он может взять, заимствовать его у другого языка. Таким образом, у индоевропеистов все направлено к тому, чтобы одну группу языков („семью") разъединить по всем показателям с другой группой.

Н. Я. Марр подчеркивает, что „основное, это монистическое учение об языке". [1]

---

[1] Н. Я. Марр, Значение и роль изучения нацменьшинства в краеведении, журн. „Краеведение", 1927, № 1, стр. 7.

Монистический процесс мы можем констатировать не только в языке и мышлении, но и в человеческой культуре в целом; этот процесс выступает как отражение монистического процесса развития материального базиса. Н. Я. Марр с исчерпывающей ясностью трактует вопрос об единстве культур. Он говорит: „Собственно, этнических культур по генезису не существует, в этом смысле нет племенных культур, отдельных по происхождению, а есть культура человечества определенных стадий развития... сама же культура едина по происхождению, все ее разновидности — производные единого процесса творчества на различных ступенях его развития“. [1]

Предполагая существование отдельных племенных культур, разобщенных между собой, буржуазные ученые ищут прародину этих культур. Таким образом, если языки возводятся индоевропеистами к мифическому праязыку, то культуры отдельных племен также возводятся к мифической пракультуре с ее не менее мифической прародиной. Все это естественно выступает как противоположная монистическому взгляду теория культуры. Поэтому Н. Я. Марр путем анализа многочисленных языковых и археологических фактов вынужден был поставить крест на теории прародины: „Бесплодны все поиски прародины культуры, — говорит Марр, — ее так же не было, как не было в начале рая, как не было в начале бога. На искомой прародине одно пустое место“. [2]

Теория этнических или, вернее, расовых культур настоятельно необходима буржуазии, потому что эта теория оберегает европейскую культуру от законных притязаний на нее со стороны культурно-отсталых народностей. Но для этого расовая теория требовала необходимых дополнений: потребовалось доказать, что европейская культура чиста, что она не смешана с культурами низших рас. Из этой потребности в Европе возникло учение об этнической расовой чистоте племен и народов. Поэтому нельзя дать этой теории определение иное, чем оно дано у Марра: „Чистота племени и нации, несмешанность крови есть идеалистическая фикция, продукт тысячелетнего господства желавших быть изолированными классов, захватчиков власти“. [3] Нам кажется, что на этих примерах воочию можно видеть поразительную общность буржуазной политики и буржуазной науки.

Вопрос о смешанности языков является особенно актуальным в нашей советской действительности. Факт смешения языков или влияния одного языка на другой выступает в исследованиях некоторых наших лингвистов как единственный фактор развития речи. Некоторые пытаются решить вопрос

[1] Н. Я. Марр, Значение и роль изучения нацменьшинства в краеведении стр. 7 [ИР, I, стр. 236].

[2] Там же, стр. 12 [ИР, I, стр. 241].

[3] Там же, стр. 13 [ИР, I, стр. 241].

о возможности развития до социалистической ступени языков ранее угнетенных национальностей нашего Союза теорией заимствования и взаимовлияния языков. Опасность здесь в том, что при таком подходе этот вопрос решается, естественно, в пользу великодержавного шовинизма. Между тем, новое учение о языке наглядно иллюстрирует тот факт, что в наших условиях строительства социализма отсталые языки Советского Союза могут перескочить на новую ступень языкотворчества, минуя промежуточные стадии. В связи с вопросом о смешанности языков приведём замечательные слова Маркса. Маркс в письме к Энгельсу излагает свой иронический ответ на замечания Бруно Бауэра, который говорил: „Английский язык „никуда не годен“ — совершенно романизирован. Я утешил его, — пишет Маркс, — тем, что голландцы и датчане говорят то же самое о немецком языке и что исландцы являются единственными истыми германцами, не затронутыми южной иностранщиной“. [1]

Язык, как надстройка, развивается на базе внутреннего развития производительных сил и производственных отношений. Поэтому для объяснения развития, напр., немецкого языка, нет никакой необходимости бежать в Индию, как это делают индоевропеисты, а нужно, чтобы причины этого развития были найдены у себя же в Германии, в развитии ее материальной действительности. Но индоевропеисты иначе поступить не могут, потому что, согласно их теории, немецкий язык произошел от индоевропейского праязыка, наиболее близким к которому является санскрит, а родиной санскрита, как известно, была Индия. Более того, поскольку индоевропеистам неведомы стадиальные смены в речи, постольку им опять в идеалистическом духе пришлось решить и вопрос о том, каким путем территории, ранее занятые одними племенами, ныне занимают совершенно другие племена и народы, с совершенно другими самоназваниями (напр., в Грузии вместо прежних „иберов“ ныне выступают „грузины“). Для объяснения этого явления была выдвинута теория миграций. Следовательно, и здесь исторические сдвиги в этногонии были объяснены не стадиально, а на основе анализа внешних факторов — теорией переселения народов. В действительности это произошло потому, что древние этнические образования тех или иных краев успели за определенный период перестроиться в новые образования, сложившиеся из тех же прежних этнических единиц и на той же территории. [2]

Таким образом, изучение каждого конкретного языка индоевропеисты начинают с того, что сначала удаляют из-под него

[1] К. Маркс, Письмо Энгельсу от 14 XII 1855 г., см. Письма, Соцэкгиз, 1931, стр. 87. Ср. Н. Я. Марр, Вишапы, Труды ГАИМК, 1 31, стр. 25, второе примечание.

[2] Н. Я. Марр, Доистория, преистория, история и мышление, ИГАИМК, 1933, вып. 74, стр. 12.

все реально-историческое основание. Об этом прекрасно сказано у акад. Марра: „племенное образование вместе с его речью трактовалось как массив с корнем вне себя (где-то на прародине), с источником общения также внешнего порядка, также вне себя (миграция), с творческим фактором также вне себя (чужое влияние и заимствование)“. [1]

Итак, всесторонне понять речь можно только при условии, если мы будем ее рассматривать как надстройку, отражающую внутреннее развитие материальной действительности, и будем исходить из факта единого, монистического развития всех языков, стало быть, будем учитывать, что „не только различные системы звуковой речи, но и по орудию производства различные языки, ручной язык, звуковой язык, лишь отдельные звенья этого грандиозного монистического процесса творчества речи“. [2]

Когда с точки зрения стадиальности обращаемся к отдельным словам, то в них также усматриваем закономерные изменения, в частности, в них особенно ярко выступает закон функциональной передачи названия одного предмета на другой. Для иллюстрации этого закона Н. Я. Марр чаще всего приводил пример с перенесением названия 'собаки' на 'лошадь'. Установлено, что название 'собаки', возникшее раньше названия других животных, — поскольку собака была самым первым средством передвижения — функционально перешло на 'лошадь', как только последняя заменила собаку в выполнении ее хозяйственной функции (как средство транспорта). [3]

В яфетидологии существует особое учение под названием функциональной семантики. Стадиальные сдвиги в терминах и в отдельных языковых формах происходят по определенной закономерности; для освещения этой закономерности и служит функциональная семантика. Она является составной частью яфетидологической палеонтологии.

Необходимо здесь же коснуться и другого момента в данном вопросе. Функциональный переход слов и вообще возникновение нового названия подразумевает не созерцательное лишь отношение человека к предметам и явлениям, а именно наличие производственного отношения к ним, т. е. при наречении предмета люди руководствовались теми материальными потребностями, в силу которых те или иные предметы получали определенную хозяйственную функцию. Предмет осознавался только в процессе использования его в производстве. Это значит, что предметы и явления, не вовлеченные в произ-

---

[1] Н. Я. Марр, Бретонская нацменовская речь в увязке языков Афревразии, ИГАИМК, т. VI, вып. 1, 1930, стр. 5.

[2] Н. Я. Марр, Язык и мышление, Л., 1931, стр. 57–58 [ИР, III, стр. 118].

[3] Н. Я. Марр, В тупике..., стр. 52; см. также „Значение и роль изучения нацменьшинства в краеведении“, стр. 11 [ИР, I, стр. 239—240].

водство человеческого коллектива, оставались без названия — человек знал только то, что так или иначе проходило через его руки. Само собой понятно, что круг нареченных предметов все более и более расширялся по мере того, как эти предметы вовлекались один за другим в производство коллектива.

Положение о производственном осознании предметов было впервые выставлено Марксом. Он писал, что „люди дают название целым классам этих предметов, которые они уже отличали на опыте от остального внешнего мира“. [1] Маркс специально касался вопроса о функциональной семантике слов (хотя Маркс этого термина не употреблял, — он был введен в употребление позже новым учением о языке, — тем не менее Маркс гениально по существу трактовал данный вопрос) и подчеркивал, что отвлеченные понятия функционально происходят от конкретных понятий. [2] Это положение получило дальнейшую конкретизацию в новом учении о языке. В результате этого новое учение о языке оказалось могильщиком буржуазной теории звукоподражания, которая подменяла закон производственного осознания и наречения предметов вымышленным законом возникновения новых понятий путем звукоподражаний. [3]

В классовом обществе закономерность развития терминов отражает закономерность развития классовой борьбы; развитие терминов отражает историческое движение классов. Блестящим подтверждением этого положения являются следующие слова Ленина: „Мы ставим в кавычки слово крестьянство, чтобы отметить наличность в этом случае не подлежащего никакому сомнению противоречия: в современном обществе крестьянство, конечно, не является уже единым классом“. [4]

При анализе языковых явлений новое учение пользуется палеонтологическим методом. Палеонтологический метод по существу является тем же диалектико-материалистическим методом, конкретизирующим этот общий марксистский метод на материалах языка. В вопросе о взаимоотношении диалектико-материалистического и палеонтологического методов бесспорным является одно: никуда бы палеонтологический метод не годился, если бы он не был диалектико-материалистическим. Сила палеонтологического метода именно в том, что он диалектико-материалистичен. Вопрос этот является чрезвы-

[1] Критические замечания на книгу А. Вагнера, Архив Маркса и Энгельса, т. V, 193', стр. 387.

[2] К. М ркс, Письмо Ф. Энгельсу от 25 III 1866 г., см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXIV, стр. 34; ср. Н. Я. Марр, В тупике..., стр. 127 (об Энгельсе).

[3] Н. Я. Ма р, Язык и мышление, стр. 43 [ИР, III, стр. 111].

[4] В. И. Ленин, Соч., т. V, стр. 92.

чайно важным, и поэтому необходимо коснуться некоторых основных вопросов палеонтологического метода именно с этой точки зрения.

Палеонтологический метод требует, чтобы язык рассматривался как надстройка. Но, кроме языка, существуют, как мы знаем из марксизма, еще другие надстройки. Стало быть, необходимо отыскать спецификум языка в отличие его от других надстроек. Палеонтологический метод дал возможность выявить этот спецификум языка. Он заключается в том, что язык выступает надстройкой всех моментов как базиса, так и других надстроек. Н. Я. Марр пишет: „язык, немыслимый без неразрывно с ним связанного мышления, является надстройкой всех сторон и всех моментов производства и производственных отношений“.[1] Одновременно с этим „в языке находят свое полное надстроечное отложение и другие категории самой надстройки“.[2]

Палеонтологический метод требует, чтобы язык рассматривался в неразрывном единстве с мышлением. Согласно новому учению о языке язык и мышление представляют собой лишь два момента одного целого: „Язык есть не просто звучание, а и мышление“.[3] Но язык и здесь вскрывает свою особенность: язык представляет собой „накопление смен мышления, смен мировоззрения“.[4] Мышление не обладает таким сосудом, где бы оно могло накопить все нормы пройденных ступеней своего развития; язык же в этом отношении сам является сокровищницей богатейших общественно-исторических документов. Кроме того, язык тем отличается от мышления, что первый есть непосредственное выявление последнего.[5]

Основное требование палеонтологического метода заключается в том, чтобы вскрыть диалектику развития речи и мышления и выявить породившие ее реальные материальные причины. Палеонтологический метод настолько ясно вскрыл диалектический процесс в развитии речи и ее отдельных явлений, что без его учета теперь в языкознании нельзя работать сколько-нибудь успешно.

Особенно показательны факты, иллюстрирующие закон единства противоположности, развитие языка и языковых явлений путем раздвоения единого, раньше не расчлененного (диффузного) целого. Теперь нас не удивляют такие „курьезы“ с точки зрения индоевропеистики, как, напр., то, что слово (q̇el), в армянском означающее 'умный' (арм. q̇ebaϑı), в древнелитературном грузинском означало, наоборот, 'безумный', 'одержимый' (qel-ı). Теперь мы знаем, что эти противополож-

---

[1] Н. Я. Марр, Язык и современность, стр. 35.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 9.
[4] Там же.
[5] Н. Я. Марр, Язык и мышление, стр. 45 [ИР, III, стр. 112].

ные по значению слова произошли из одного диффузного слова, которое имело все эти значения лишь в потенции.

Палеонтологический метод опирается на марксистское понимание взаимоотношения базиса и надстроек. Основное требование марксизма в этом вопросе заключается в том, чтобы развитие базиса и надстроек, взятых в целом, рассматривалось как единый монистический процесс. В „Немецкой идеологии" Маркса и Энгельса мы читаем по этому вопросу следующее: „определенный способ производства или определенная промышленная ступень всегда связаны с определенным способом сотрудничества, с определенной общественной ступенью . . . совокупность доступных людям производительных сил обусловливает общественное состояние и, следовательно... „историю человечества" всегда необходимо изучать и обрабатывать в связи с историей промышленности и обмена".[1]

Само собой разумеется, что развитие и форм общественного сознания (идеологии) нужно рассматривать в этой всеобщей связи.

Палеонтология речи вскрывает, что языковые факты (и не только языковые), взятые изолированно, сами по себе ничего не доказывают. Факты получают ценность доказательства только тогда, когда они освещены в причинной связи со всей обстановкой, породившей их. „Факты не доводы, — пишет Марр, — если они генетически не освещены".[2] Исчерпывающую формулировку этой мысли Марр дает в позднейшей работе: „Ни даты, ни факты, самые подлинные и всесторонне документированные, не имеют никакого значения для истории, если они не освещены в своей материалистической и диалектической причинности".[3]

Но при такой генетической трактовке языковые факты говорят очень многое для истории, и говорят четко. Исходя из этого положения, становится естественным требование нового учения, чтобы языковые факты проверялись на истории материальной культуры. Справедливо поэтому категорическое утверждение Марра: „без истории материальной культуры, конечно, все языковедное здание рухнуло бы давно, и никакой кислород не помог бы".[4]

Таковы в кратких чертах достоинства палеонтологического метода.

Метод индоевропеистов называется сравнительно-историческим методом. Однако слово „исторический" для характеристики этого метода по существу непригодно; с историей этот метод имеет то общее, что он возник на определенной

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 20.

[2] Н. Я. Марр, Происхождение терминов 'книга' и 'письмо', см. „Книга о книге", 1930, Л., стр. 48 [ИР, III, стр. 221].

[3] Вестник Академии наук, 1932, № 10, стр. 12.

[4] Н. Я. Марр, Доистория, преистория, история и мышление, стр. 34.

ступени исторического развития. С исследовательской точки зрения этот метод является аисторическим или, вернее, антиисторическим; момент развития, „становления“ речи никогда не был предметом этого метода. По существу метод индоевропеистики, это — сравнительный метод, или компаративистика.

Палеонтологический метод выступает как противоположность компаративистике. Совместить эти два метода может только эклектик, но не диалектик. Исходя из всего сказанного, мы должны признать вполне закономерным тот факт, что индоевропеисты целиком отказываются от палеонтологии нового учения о языке и объявляют ей борьбу. Так, Чикобава пишет: „мы не особенно доверяем палеонтологии; есть у нас для этого достаточные основания“.[1]

Новое учение перенесло центр тяжести в исследовательском деле с формального момента языка на его содержание, идеологию. Это перенесение центра тяжести оказалось нелегким делом для яфетидологии. Для этого понадобился пересмотр всего индоевропейского наследства, а отчасти и старых положений самой яфетидологии. Все это новое учение сделало не сразу, а путем упорной работы над новыми материалами.[2]

Несколько слов скажем и о значении палеонтологии. Н. Я. Марр в своей работе „Родная речь — могучий рычаг культурного подъема“ (стр. 13) писал: „До палеонтологии речи, как она сложилась теперь, в лингвистике нельзя было ничего ни утверждать, ни отрицать по самым основным вопросам“. Стало быть, палеонтология сумела выработать такие исследовательские приемы, которые не допускают двух возможностей при решении любого языкового вопроса; „может быть так, а может быть и иначе“, такая факультативность заранее исключена новой палеонтологией.

В этом аспекте четко вырисовывается вся порочность индоевропеистики, как науки. Что это за наука была, которая по самым существенным вопросам языка не могла ничего ни отрицать, ни утверждать? Была ли она вообще наукой? Разве не справедливо после этого заявление Марра: „были лингвисты, но науки о языке доселе не было“.[3]

Палеонтологический метод не менее ярко выявляет свою действенную сторону и в вопросах фонетики, звуковых корреспонденций. Благодаря ему в новом учении выработана

---

[1] Чикобава, статья в сб. „Обозреватель“ (на грузинском языке), 1926, стр. 308.

[2] О том, каким образом яфетидология освобождалась от старых своих недочетов, у Марра сказано в нескольких местах: „К семантической палеонтологии“, стр. 2—3; „Языковая политика“, стр. 4; „Яфетические языки“, БСЭ, т. 65, стр. 311 („Литература“).

[3] Н. Я. Марр, Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком, Сборник „Языковедение и материализм“, 1929, стр. 28.

специальная техника формального и идеологического анализа речи. Особенность этой техники состоит прежде всего в том, что в каждом звуковом явлении языка ею вскрывается идеологическая сторона этого фонетического явления. Благодаря ей всякое формально-фонетическое явление возводится в степень социальной категории и подыскиваются реально-исторические причины, породившие его. Благодаря этому новому подходу к языковым фактам наука о языке впервые становится научной дисциплиной, объясняющей факты, а не только описывающей их.

Техника нового учения (четыре лингвистических элемента, аналитический алфавит и т. д.) выявляет свое назначение прежде всего в идеологическом анализе каждого языкового явления, она сама идеологична во всех своих моментах. И кто забывает об этой идеологической сущности яфетидологической техники, тот отходит от наилучших достижений яфетидологии. Так случалось раньше не с одним попутчиком яфетидологии. Первостепенная важность идеологического анализа языковых фактов обусловливает указанное идеологическое построение яфетидологической техники. Это особенно наглядно можно видеть на примерах анализа по четырем лингвистическим элементам.

Четыре лингвистических элемента, согласно учению Н. Я. Марра, суть категории не только языка, но также и мышления.[1] Лингвистический элемент есть элемент не только звучания, но и мышления.[2] Поэтому значение его, как исследовательской единицы, безусловно велико для решения всех языковых проблем, как малых, так и самых больших. Однако нужно всегда помнить, что разложением слов на составные элементы не заканчивается исследование, а именно только начинается. Обратное суждение по этому вопросу есть выдуманная „языкофронтовцами“ клевета на яфетическую теорию.

Элемент, по утверждению Марра, представляет собой ту лингвистическую протоплазму, в качестве каковой у индоевропеистов выступает звук.[3] Отыскивание элемента в слове есть одновременно и аналитический прием (разложение слов на элементы) и вместе с тем синтетический (вскрытие идеологии данного элемента на разных стадиях). Поэтому анализ слов по четырем элементам, вскрывая историческую изменчивость значений слов, вынуждает направить исследовательский интерес на выяснение стадиальных смен значений элементов. Исследование же заканчивается там, где дается идеологическое освещение языкового факта во всей его причинной взаимосвязи с другими фактами.

---

[1] Ср. Н. Я. Марр, Язык и современность, стр. 18.
[2] Там же, стр. 5.
[3] Н. Я. Марр, Избранные работы, т. I, стр. 258.

Четыре лингвистических элемента — ничем не заменимое техническое средство в деле лингвистического исследования. Только посредством их мы в состоянии проследить стадиальные смены в развитии речи. А стадиальный анализ языка дело весьма трудное и сложное. Н. Я. Марр особо подчеркивает сложность этого дела. Сложность эта усугубляется тем, что вопросы техники языка и техники мышления не ставились старым учением о языке; эти вопросы выдвигаются и разрешаются впервые новым учением о языке. [1] Чтобы убедиться в сложности стадиального анализа, достаточно привести следующее место из работ Н. Я. Марра: „трудность представляет то, что смена происходит не только в двух разрезах, идеологическом и формальном, но еще в двух по технике — в технике мышления и технике формального построения. Трудность восприятия этих четырех лингвистических элементов, а с ними и правильного восприятия языкотворческого процесса, следовательно и четких перспектив языкового строительства, не дважды, не трижды, а еще многократно возрастает оттого, что речь в процессе своего развития пережила ряд стадий, сменявших и идеологию, и оформление, и технику во всех разрезах, до расхождений по противоположности“. [2]

Проблема элементов ставится в новом учении, как это видно из работ Марра, в неразрывной связи со всеми основными проблемами речи. И это вполне естественно, ибо „анализ по элементам чрезвычайно сложен и труден, однако именно потому, что он не формален, а идеологичен, увязан с техникой мышления“. [3] Из всего этого становится ясным, какой ничтожный может получиться результат при игнорировании элементов в процессе языкового исследования. Но, к сожалению, это еще не ясно некоторым даже ярым сторонникам нового учения о языке, которые, кстати сказать, считают, что анализ морфологических и вообще грамматических категорий можно производить и без элементов.

Практически вследствие такого игнорирования анализа по элементам получается притупление острия палеонтологического метода и в конце концов — замена палеонтологического анализа языка формальным.

Палеонтологический метод явился тем орудием, благодаря которому новое учение имеет на данном этапе целый ряд блестящих достижений. Отметим некоторые из них.

Языковые факты, разъясненные палеонтологическим методом, явились неоценимыми источниками для истории человечества. [4] Новое учение вносит новый свет в область основных

[1] Ср. Н. Я. Марр, Язык и современность, стр. 12.
[2] Там же, стр. 5.
[3] Н. Я. Марр, предисловие к сборнику „Язык и мышление“, т. I, 1933.
[4] Н. Я. Марр, В тупике..., стр. 127; его же, Доистория, преистория, история и мышление.

проблем истории. В частности, проблемы истории Кавказа новое учение ставит на совершенно новой практической и теоретической основе.[1]

Новое учение путем применения все того же палеонтологического метода наметило разрешение ряда проблем по истории мышления; оно в значительной мере осуществило конкретизацию теории познания на материалах языка.

Наряду с этим новое учение о языке дает развернутую, глубоко историческую трактовку самих языковых явлений. И здесь палеонтологическим методом вскрывается весь процесс стадиального развития речи. Тем самым новое учение теоретически обеспечивает осознанное участие лингвиста в современном языковом строительстве; оно, прежде всего, дает нам теоретическое оружие в деле всемерного расцвета в период социализма ранее отсталых национальных языков выдвижением и обоснованием положения о неравномерности развития языков, согласно которому „народы с языковой установкой одной из ранних стадий идеологически перестраивают свою речь по потребностям актуальности, минуя промежуточные стадии, необходимые для мирового процесса".[2] А это положение имеет и будет иметь огромное значение в деле изжития культурной отсталости отдельных национальных областей нашего Союза.

В такой небольшой статье, как наша, невозможно даже перечислить все достижения нового учения о языке, полученные на основе палеонтологического анализа языковых явлений. Поэтому мы остановимся еще на одном, более характерном примере, на котором можно отчетливо видеть огромную исследовательскую глубину, до которой доходит новое учение со своей палеонтологией, наряду с беспомощностью индоевропеистики. Речь идет об одном грузинском глаголе объективного строя.

Н. Я. Марр, в работе „Verba impersonalia, defectiva, substantiva und auxiliaria",[3] дает палеонтологический анализ грузинского глагола m-ш1-a 'я голоден'. Особенно интересно в этом анализе то, что там даются все значения, которые имел глагол mш1a на различных ступенях стадиального развития речи. Когда ближе присматриваемся к этому анализу, находим, что между значением этого слова по стадиям существует огромная разница, прямо-таки пропасть, — значения эти почти ничем не похожи друг на друга. Стало быть, выявить эти совершенно различные на разных стадиях значения возможно было только методом палеонтологии, но не индоевропейской компаративистикой, потому что палеонтологический метод учитывает смены

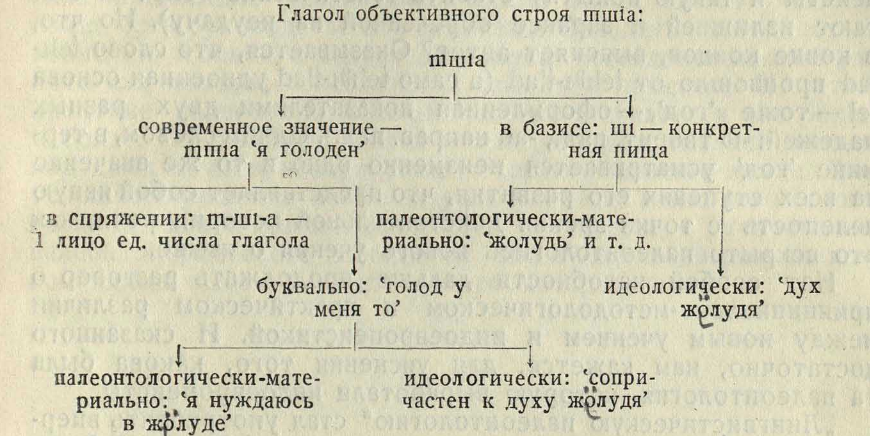
[1] Специально данному вопросу посвящена работа Н. Я. Марра „К истории Кавказа по данным языка", Тифлис, 1933.

[2] Н. Я. Марр, Язык и современность, стр. 33.

[3] Изв. Академии наук СССР, 1933, № 8, стр. 722.

значения слова по диаметральной противоположности одной стадии другой. Н. Я. Марр устанавливает здесь все конкретные значения, которые имело данное слово на той или иной определенной ступени развития речи и мышления.

Представим этот анализ в виде схемы:

Чтобы хорошо понять данную схему, нужно учесть следующие обстоятельства: 1) когда речь идет о жолуде, в виду имеется то, что жолудь являлся одним из главных предметов питания на ранней ступени человеческого развития, 2) наряду с этим жолудь (как и все другие предметы) раньше воспринимался анимистически: люди его наделяли духом (идеологически-культовое восприятие); 3) необходимо в каждом конкретном случае вскрывать различие между тем, что собой представляет сам предмет материально (в данном случае 'жолудь'), и тем, в каком виде этот предмет представлялся первобытному человеку (в данном случае 'дух жолудя').

Нынешнее восприятие глагола mшia 'я голоден' результат уже позднейшей стадии, ибо ныне при употреблении данного глагола говорящие не ощущают никакой связи его ни с 'жолудем', ни с 'духом жолудя'. Кроме того, ныне глагол этот уже оформлен (чего на аморфной стадии не требовалось): m ('меня', 'у меня') шi ('голод') a ('то', 'есть'). Смотря по стадиям, и это оформление воспринималось различно; так, если раньше оно означало идеологически: 'я сопричастен духу жолудя', или палеонтологически материально (см. схему): 'я нуждаюсь в жолуде', то ныне это оформление как бы освобождено от всех этих материальных оснований ('жолудь' и т. д.) и, став уже отвлеченной категорией, означает вообще 'мой голод в настоящее время' ('я голоден'). Ныне это уже глагол объективного строя.

Сравните теперь эту безукоризненно историческую трактовку слова с обычными этимологиями индоевропеистов. Незачем далеко итти за примерами, — обратимся к работе проф. Шанидзе, в которой он пытается дать анализ грузинского термина ṫeliṫad 'год'. [1] Автор пытается выяснить происхождение слова ṫeliṫad (нужно сказать, что другие грузинские индоевропеисты и такую попытку ставить генетические вопросы считают излишней и заранее обреченной на неудачу). Но что, в конце концов, выясняет автор? Оказывается, что слово ṫeliṫad произошло от ṫeliϑi-ṫlad (а само ṫeliϑi-ṫlad удвоенная основа ṫel — тоже 'год', — оформленная показателями двух разных падежей: -iϑ творит. пад., -ad направ. пад.). Одним словом, в термине 'год' усматривается неизменно одно и то же значение на всех ступенях его развития, что представляет собой явную нелепость с точки зрения действительной истории речи, как это вскрыто палеонтологией нового учения о языке.

Нет особой надобности дальше продолжать разговор о принципиально-методологическом и практическом различии между новым учением и индоевропеистикой. И сказанного достаточно, нам кажется, для уяснения того, какова была та палеонтология, которую выработали индоевропеисты.

„Лингвистическую палеонтологию" стал употреблять впервые под таким названием женевский ученый Пикте. [2] Свою задачу Пикте видел в следующем: мы всегда дожны начинать с санскритского слова, если таковое существует, чтобы через него восстановить первобытную форму слов, наличных ныне в живых европейских языках; а если это полностью не удается, то во всяком случае установить их вероятную этимологию. [3]

Таким образом, по мнению Пикте, история европейских языков начинается с санскрита, как праязыка, и кончается современными конкретными европейскими языками. А палеонтология речи, разумеется, служит делу восстановления этого мифического праязыка. Иного значения палеонтологии не придавал ни один индоевропеист. В полном согласии с другими индоевропеистами и О. Шрадер считал задачей палеонтологии подбор лингвистических объяснений первобытного индогерманского житья-бытья. [4] На основании этого мы и говорили выше, что у индоевропеистов палеонтология есть просто учение о древностях речи. Метод же у индоевропеистов был всегда сравнительный. Этого не отрицают и стороники индо-

[1] А. Шанидзе, К этимологии Ṫeliṫad, в сб. Ṫeliṫdeuli (на грузинском языке), 1926, Тифлис.

[2] Les origines indo-européennes ou les Aryas primitifs, Essai de paléontologie linguistique, Париж, 1877.

[3] Там же, стр. 23.

[4] О. Шрадер, Сравнительное языкознание и первобытная культура, русский перевод, Спб., 1886, стр. 22.

европейской палеонтологии. Наоборот, они именно и дают торжественную клятву в своей верности компаративистике (см., напр., Шрадер, там же, стр. 218).

Наш палеонтологический метод не есть нечто такое, что можно положить в карман и доставать оттуда по мере надобности. Он не представляет собой доктрину, сумму схоластических положений. Палеонтологический метод нового учения о языке есть руководство для действия. Овладеть им полностью возможно только в непосредственной исследовательской работе над языком, в осознанной языковой практике. И в этой практике палеонтологический метод оттачивается все более и более. Он особенно силен в историческом анализе живых народных языков, игнорируемых старым учением о языке. Для успешного решения новых актуальных задач языкового строительства необходимо дальнейшее углубление и оттачивание палеонтологического метода со все более возвышающихся командных высот диалектического материализма.

А. А. Глонти

ПОЧЕМУ ПОКОЛЕБАЛСЯ АВТОРИТЕТ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

(Странички из яфетидологии) [1]

I

Разрабатывая языковые проблемы, акад. Н. Я. Марр пришел к выводу, что „языковед, отворачивающийся от проблемы о происхождении языка, как не своего дела первой очереди в теоретических изысканиях, тем самым вычеркивает себя из числа языковедов“. [2]

Именно поэтому Н. Я. Марр сделал упор на изучение единого процесса развития речи — единого глоттогонического процесса. Таким образом Н. Я. Марр снес ту стену, которая была воздвигнута индоевропеистикой против историзма в деле изучения языковых проблем, и построил все свое учение о языке на базе изучения происхождения, развития и творчества речи. Это была великая революция в языкознании, чем окончательно была разбита расовая и фантастическая теория праязыка индоевропеизма, которая господствовала в среде языковедов вплоть до последних лет.

На основе изучения многочисленных языковых материалов Н. Я. Марр доказал, что язык и мышление произошли на одной и той же стадии. На этой стадии человек не успел еще перейти на звуковую речь, — он тогда прибегал к так наз. ручной речи, а когда мышления и языка (ручного) не существовало, тогда не было и общественного человека. Оба эти момента, язык и мышление, существовали тогда в так наз. животно-коллективном „производстве“. Но когда не было ручного производства, не было взаимоотношений коллектива, то не было ни того мышления, ни того языка, на котором люди говорят теперь, — было только производственное мышление, природно-производственный язык. [3]

---

[1] [Напечатано на грузинском языке в сборнике „За марксистское языкознание“, посвященном 45-летию научной деятельности акад. Н. Я. Марра, Тифлис, 1931, стр. 83—90].

[2] Н. Я. Марр, Язык и современность, ИГАИМК, вып. 60, 1932, стр. 11.

[3] Ср. Н. Я. Марр, К семантической палеонтологии в языках не яфетических систем, ИГАИМК, т. VII, вып. 7—8, 1931, стр. 37.

Отсюда понятно, какое громадное значение имело и имеет выдвижение проблемы происхождения и развития речи, ибо без учета этой проблемы так же нельзя понять человеческую речь, как нельзя понять самих современных народов без учета их истории.

Уже доказано, что мышление и язык человека развивались по стадиям. К этому выводу привело Н. Я. Марра основательное изучение памятников материальной культуры и истории. Само собой понятно, что нельзя было изучать происхождение и развитие речи вне общей истории развития человеческого общества. Если „язык важнейшее орудие человеческого общения" (Ленин), то невозможно трактовать его в отрыве от человеческого мышления. Изучение языка вне развития человеческого общества невозможно еще и потому, что развитие речи целиком увязывается с развитием общества. „Развитие языка без совместно живущих и друг с другом говорящих индивидов есть бессмыслица". [1]

В освещении этого вопроса Н. Я. Марр применял метод палеонтологии речи, благодаря чему он сумел дать глубокую трактовку языковых фактов и проанализировать ряд сложнейших вопросов истории. Палеонтологический анализ звуковой речи при учете всех стадиальных отложений, в том числе и отложений ручной речи, вскрыл, что язык не начинается с звуковой речи и звуковая речь, так же как ручная, которая предшествовала звуковой, была прежде всего речью производственной. [2]

Акад. Н. Я. Марр признает, что та дифференциация составных частей речи, которую мы сейчас имеем в языке, дело сравнительно новое, раньше этой дифференциации не было. Те элементы речи, к которым тогда прибегал человек, Марр называет звуковыми комплексами. [3]

Звуковые комплексы связываются с тотемом, с конкретным образом общественной связи. Существование этих звуковых комплексов помогло на определенной стадии в развитии речи началу перелома от кинетической к звуковой. [4]

Палеонтология речи дает ключ для понимания происхождения слова. Первобытный человек, постепенно привыкавший к окружающей природе, больше всего боялся явлений природы. Гром, молния, удар молнии действовали на него потрясающе. Если при этом вспомним еще зверей, которые также истребляли его, то станет ясным, что сверхъестественными

---

[1] Маркс, К критике политической экономии, 1932, стр. 16.

[2] Ср. Н. Я. Марр, К семантической палеонтологии, стр. 36, или „Вопросы языка в освещении яфетической теории", сост. В. Б. Аптекарь, Лнгр., 1933, стр. 183.

[3] Ср. Н. Я. Марр, Яфетическая теория, Баку, 1928, стр. 126.

[4] Ср. Н. Я. Марр, Язык и письмо, Известия ГАИМК, т. VI, вып. 6, 1931, стр. 14.

силами на этой стадии выступали в представлении человек не только явления природы, но и звери (как более сильные сравнительно с человеком существа), вместе с этим и дерево, и поле и камень, одним словом — все то, что могло сломить силу человека, испугать его.

Естественно, на этой стадии человек еще не был подготовлен к тому, чтобы обладать многогранной речью. Тогдашняя лексика исходила из названия тотема и связанных с ним отдельных явлений.

Палеонтология речи „диктует нам, что пространство и время были одно и то же по представлению первобытного человечества". Н. Я. Марр доказал, что для выражения этих двух понятий человек в свое время располагал одним словом; это — 'небо', которое с одной стороны, означало 'действие,' 'движение', 'пространство', с другой стороны, — 'год', 'время'.[1] Такие явления не случайны для той ступени. Человек на этой ступени развития не мог обладать другими возможностями. Развитие речи и сама тенденция ее развития состоит в том, что на определенной ступени человек научился обозначать каждое объективное данное своим именем, причем часто не одним, а многими. Так обогатилась лексика. Этот процесс истории развития речи ныне для всех очевиден.

Современный культурный человек будет смущаться при обнаружении того, что на определенной ступени развития грузинского языка ṫel 'талия' и ṫel (ṫelı - ṫad) 'год' были одним и тем же словом. Н. Я. Марр вскрыл, что оба эти слова связаны с 'небом'. „Одно, именно 'год' ṫel (ṫelıṫad), уподобляется 'повороту' и 'вращению неба', а 'талия' ṫel, фр. ceinture, 'среднее место тела', 'место пояса' (ср. фр. ceinture, id.) приравнивалось круглой форме 'неба'; вследствие такой истории значений слов, — писал Марр, — обычные грузинские названия 'пояса' qamar-ı,sarṫkel-ı и ḳamara 'voûte', 'arc', 'свод', 'арка', 'круг' одинаково оказались названиями 'неба', именно в форме множественного числа — 'небеса', поскольку в обоих словах окончание -ar означает множественное число".[2]

Лексика человека той эпохи была чрезвычайно бедна. Известно, как много значений имело тогда слово 'рука'. И не только 'рука', а и много других слов имели одновременно массу разных значений. Это положение разъясняется основоположником нового учения о языке следующим образом: „Первоначальный язык не нуждался во множестве слов, потому что одним словом первобытный человек мог назвать вещи, не связанные друг с другом с точки зрения нашего логического мышления. В последующие периоды развития человечества в результате такой системы образования слов одно и то же

[1] Н. Я. Марр, Искры и заметки о яфетической теории, журн. „Mnaϑobı", 1925, № 5, стр. 235—236 [на груз. яз.].

[2] Там же.

слово выступает обозначающим — как это показывает яфетидологическая палеонтология — сотни, тысячи различных предметов. Одно такое простое слово, как 'рука' оказывается в состоянии носить больше ста различных главных значений".[1]

В своей исследовательской работе методом палеонтологии речи Н. Я. Марр пришел к весьма интересному выводу. Оказалось, что от слова 'семя', которое по-персидски имеет значение также и 'племени', произведено слово 'родственник', от слова 'брат' происходит слово 'муж', потому что некогда, пишет Марр, „до возникновения семьи 'брат' выполнял функцию 'мужа'". Само латинское слово trıbu-s в первичном яфетическом архетипе et-rem-on означает 'братство' или 'побратимство'.

'Семя' (груз. ϑesl) и произведенное от него 'родственник' (na-ϑes-av) являются названиями тотема, представляют собой своеобразные вариации названий этого тотема.

Характерно, что на современной стадии развития культуры языка, на стадии широкого развития национальной по форме и социалистической по содержанию культуры, легко восстанавливаются первоначальные языковые особенности. Это, между прочим, становится ясным и при анализе слова 'ветер' qar. Происхождение этого слова безусловно нужно связывать с мышлением первобытного человека.[2] 'Ветер' qar выражает одно значение, а 'ветер дует' qrıs — уже другое. Первое не может происходить от второго; второе же, нужно полагать, есть продукт первого.

Изучение генезиса слова qar 'ветер' показало, что оно связано с 'небом'. 'Небо' отождествляется с 'солнцем', а 'солнце', resp. 'луна', и 'глаз', — с 'круглым', 'колесом' (borbal) и т. д.[3] Человек, у которого беседа с яфетидологом вызывает обычно неудовольствие, особенно возмутится, особенно сильно сомкнет брови, услышав такое толкование слов. Но дело в том что именно благодаря такому анализу вскрывается не только уровень речевой культуры и горизонты мышления наших древних предков, но и специфические стороны языка и его развитие.

Изучение генезиса слова qar толкает нас, кроме того, еще к другим знаменательным выводам. 'Ветер' (qar) в представлении человека выражал определенный процесс, 'дуновение ветра' (груз. qrola, berva). От него произведены слова: da-ber-a 'подул', sa-ber-wel-ı 'горн', 'мех' (в кузнечном деле), ga-ber-a 'вздул', 'надул' и т. д. Этот глагол образован от ber, элемента B, который встречается в том же значении в русском,[4] напр.

---

[1] Н. Я. Марр, Культурный фронт грузинского народа по данным языкознания, журн. Mnaϑobı, 1925, № 5, стр. 297 [на груз. яз.].

[2] Ср. Н. Я. Марр, Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком, сб. „Языковедение и материализм", Лнгр., 1929, стр. 51.

[3] Там же, стр. 52. Здесь же заметим, что borbal в данном случае приводится нами как синоним русск. „колесо", что по-гурийски звучит gogora.

[4] Н. Я. Марр, Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком, стр. 53.

„буря“, слово, которое имеет сродство с груз. bu-q-ı 'вьюга', 'буря'. Все эти ряды связаны со словом 'небо' и происходят от него.

Связь грузинских слов qar, qrıs с 'небом' подтверждается и тем, что, напр., армянское kar-q'повозка', груз. gor-avs 'катится', gogor (gogor-a, borbal-ı) 'колесо' в баскском означает 'небо' goy → go. Все эти слова связаны также с названием 'головы'. Напр., арм. gəlu-q (kol + o-q), русск. golo-va и т. д. От него происходят также груз. gor-a (gor-ak-ı), мегр. gor-e ('холм'), русск. gor-a,[1] как слова, обозначающие один и тот же предмет объективной действительности.

Как видим, палеонтологические изыскания дают надежный ключ для изучения своеобразия древностей языка и вообще культурного уровня ранней человеческой речи. Уже установлено, что многозначимость слов, так наз. полисемантизм, характеризовал определенную стадию развития речи, но с установлением полисемантизма далеко еще не исчерпываются вопросы, связанные с развитием слова: мы должны выявить тенденцию развития речи.

Великая заслуга нового учения о языке в мировой истории развития языка и вообще культуры речи состоит в том, что ему первому удалось научно обосновать природу, силу и своеобразие развития речи. Но открытие и изучение этих тенденций развития невозможно при замыкании в узкую скорлупу; также недостаточно для этого знание нескольких языков, чтобы на этом самоуспокаиваться, а нужно, чтобы наряду с ними учитывались и различные диалекты языков, а также так называемые „благородные“ и „неблагородные“ языки. И, конечно, если этот момент забыт, если языковед опирается на знание одного или двух „благородных“ языков, на которых пусть даже создана богатая научно-техническая литература, и обходит молчанием так наз. „неблагородные“ бесписьменные языки, то он никогда не сможет добиться научного изучения языка, действительного анализа всех его своеобразий.

II

При помощи палеонтологии речи новое учение о языке выясняет, как было отмечено выше, развитие речи по ее сменяющимся стадиям. Значительное своеобразие языка заключается в том, что он легко открывает исследователю двери в лабиринт тайн, выявляемых через языковые формы. Язык сохранил вплоть до нашего времени много таких слов, палеонтологический анализ которых наглядно иллюстрирует данное положение. Акад. И. И. Мещанинов дает ясное указание на то, что мы можем произвести анализ данного слова и увидеть

---

[1] Н. Я. Марр, Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком, стр. 52.

в нем отложение таких эпох, которые древнее, чем эпохи откапываемых археологией памятников, созданных человеком.

Для здравомыслящего человека слово, конечно, не представляет собою идеалистического отвлеченного понятия. Только филистер может утверждать самобытность слов, их независимость, „божественность", рассматривать их как плод таинственных, сверхъестественных сил.

В противовес индоевропеистам всех мастей, Н. Я. Марр говорил: „Новое учение об языке по яфетической теории основано в первую голову на закономерности возникновения и развития сначала речи, потом слов, как социальных стоимостей, порождаемых производственными отношениями в процессе их диалектического развития и оформляемых мышлением соответственных стадий".[1]

Вопреки всем лингвистам-метафизикам Н. Я. Марр доказывал, что „язык есть выявление общественной деятельности и общественной жизни человека. Язык не голое звучание и не просто слова со значениями. Язык это — слово и дело. Вначале слово и предмет выступают слитно, нерасчлененно. Так что первоначальное слово было изображением предмета, его живым портретом".[2] Потому новое учение о языке и выдвигает на первый план вопросы семантики слов, вопросы выяснения значений их.

Известно, что человек на отдельных стадиях своего развития расширял, уточнял и изменял значение слов. Из одного слова возникали целые ряды слов, которые и выставлялись за ним, как его разновидности. Эти так наз. семантические ряды, или ряды значений слов, конечно, целиком были связаны с основным первоначальным значением. Мы уже приводили ряд характерных примеров для иллюстрации этого положения. Приведем еще один пример.

Новое учение о языке признает родственное отношение между языками. Например, уже доказана определенная родственная связь между грузинским и берберским языками; эта связь, понятно, определяется соответствующей стадией. Современный грузинский язык и ныне определяет отдельные слова, которые с тем же значением встречаются в берберском. В значении 'воды' в грузинском встречается слово su;[3] это слово, как синоним 'воды', употребляется во всех языках турецкой системы, а также и в берберском. В грузинском от слова su произведены: глагол su-ma, s-ma 'пить',[4] название 'дождя' ṫu-ma (ṫvı-ma). Губная огласовка относит дан-

---

[1] Н. Я. Марр, Язык и мышление, Соцэкгиз, 1931, стр. 33.

[2] Н. Я. Марр, Культурный фронт грузинского народа, „Mnaϑobı", 1925, № 5, стр. 289. (Курсив мой. *А. Г*).

[3] Н. Я. Марр, Место грузинского языка в мировой истории созидания и развития речи, Тифлис, 1930, стр. 8 (на груз. языке, перевод см. здесь, стр. 42—61).

[4] Там же, стр. 5 (перевод см. здесь, стр. 46).

*

ное слово к шипящей группе; можно предположить, что некогда вместо su существовало шu в значении 'воды'. И, действительно, мы его находим в языках шипящей группы, в чанском и мегрельском. Напр., в чанском слово о-шu-mu значит 'пить', в мегрельском в том же значении выступает глагол шu-ma-ҫa.[1] А в чувашском языке шu и по сей день сохраняет значение непосредственно 'воды'.[2] Ясно, что шu представляет собою определенную разновидность элемента sal (A), архетипом которого является ṫkal.

Таким образом выясняется, что объяснение этих так наз. семантических рядов и изучение изменчивости слов возможно только при помощи лингвистических элементов, к которым свел Н. Я. Марр значительный лексический запас яфетических языков.

Исследуя вопросы анализа слов, Н. Я. Марр писал, что важнейшее в деле формального объяснения слов, это — понимание и изучение четырех лингвистических элементов. Новое учение, яфетическая теория, отбрасывает фетишистское почитание изолированных звуков, представление о неизменности якобы их статичных, отвлеченных значений, связанных с грамматическими функциями, и руководствуется, при сравнении, комплексностью звуковых изменений, открытых семантической палеонтологией; на древнейшей ступени стадиального развития речи эти звуковые комплексы были единственные тогда цельные слова. И эти простые слова, являясь четырьмя лингвистическими элементами, своими также изменчивыми значениями увязывают языковые явления, считающиеся отвлеченными, с общественностью и ее базисом, с производством, и вместе с ним также с изменчивыми функциями материальной культуры.[3]

Конечно, все это слова, происшедшие от одного и того же значения. Уже установлено на основании авторитетных источников, что слова, происшедшие от одного и того же элемента, имеют иногда противоположные значения. Напр., 'вода' груз. ṫkal и 'огонь' груз. ϑeϑq̇l, несмотря на то, что они произошли от одного элемента sal (A), ныне строго дифференцируют между собой значения. Здесь же мы должны вспомнить о своеобразной вариации элемента A, kur -ϑqal 'слеза', букв. 'глаза вода' (слово, однако, содержит два элемента). Что касается слова ϑeϑq̇l 'огонь', то оно образовано из ϑq̇al, которое в свое время означало 'небо', 'верхнее небо', 'нижнее небо', resp. 'земля', 'преисподняя' вместе с 'морем', и в последнем значении отождествлялось с 'водой'.[4]

Такова та система углубленного языкового исследования

[1] Н. Я. Марр, место грузинского языка мировой истории созидания и развития речи, стр. 6 (см. здесь, стр. 46).

[2] Там же (см. здесь, стр. 46).

[3] Там же, стр. 12—13 (см. здесь, стр. 49—50).

[4] Там же, стр. 13 (см. здесь, стр. 50).

с помощью палеонтологии речи и четырех лингвистических элементов, которая давно уже построена новым учением о языке.

III

Языкознание это — теория и практика языкового исследования. Новое учение о языке, яфетидология, связанная с именем Н. Я. Марра, представляет собой науку, имеющую задачей изучение не только разговорного языка, но и вообще речи человечества. Яфетидология вышла из узкой скорлупы письменных источников и врезалась в речь древнейшего человека через народные разговорные языки, и этим яфетидология определила новый период в языкознании, когда действительно научное изучение речи начало быстро эволюционировать. До этого периода в языкознании царствовала пустая игра в положения, превращавшиеся в догмы, метафизические блуждания и вопль о расовых теориях.

Официальная лингвистика буржуазии, индоевропеистика, ныне мечущаяся в тисках уничтожающего кризиса, и в наилучший период своего развития изучала также лишь языки, известные по письменным источникам. Она исключала из круга вопросов своей компетенции те языки, которые не имели собственной письменности, собственной истории в виде письменных источников; и это было для нее не случайным.

Сравнительно-исторический метод, единственный метод индоевропеистики, представляет собой наглядную иллюстрацию того, что индоевропеистика не в состоянии даже поставить вообще вопрос об изучении речи. Классовые интересы буржуазии, однако, и не требовали этого от своей служанки — индоевропеистики.

Само собой разумеется, что при исследовании сравнительно-историческим методом нельзя говорить о народной речи, или, вообще, о языках, которые до сих пор, во всяком случае до Октябрьской революции, не имели своей письменности. Ясно, что работать над письменными источниками, копаться в архивах рукописей и сравнивать „открытые“ в них языковые формы — дело сравнительно более легкое, нежели изучение многогранных и сложных живых языков.

Но положение меняется именно после выхода из этого узкого тупика; тогда именно перед нами встает как вишап с раскрытой пастью вся древность. Без укрощения этого вишапа и без овладения подлинно-историческими жемчужинами нельзя всерьез говорить о подлинной науке. И в самом деле, какая может быть цена пустым размышлениям о науке? Разве возможно полноценное обоснование каких-либо положений без глубокого изучения речи, сохранившейся в народе? Разве возможно установление норм того или иного языка без осно-

вательного учета народной речи и ее отдельных диалектологических разновидностей?

Для сравнительно-исторического метода является чуждым подход к бесписьменным, действительно разговорным народным языкам. Это явление разъяснено в известном сборнике грузинских языковедов следующим образом: „язык, имеющий долгое, отображенное в памятниках, историческое прошлое, дает сравнительно-историческому методу *гораздо бо́льшую опору, нежели языки, не имеющие письменности*“.[1]

В том же сборнике отмечается, что кроме грузинского, ни один из собственно кавказских языков не имеет истории, данной в письменных источниках; этот прирожденный „грех“ не может быть искуплен никаким „благодеянием“; невозможно полностью восполнить этот пробел; поэтому и сравнительно-историческое изучение этих языков поставлено в специфические рамки и перспективы их достаточно очерчены.[2]

Сомнительная вера в теоретическую непригодность бесписьменных языков настолько глубоко пустила корни в сознании индоевропеистов, что они порой считают некультурностью и отсталостью разговор о таких языках. По их мнению, бесписьменные языки загораживают путь развития языкознания, не дают ему возможность развернуться. Кстати, эта точка зрения вынудила Арн. Чикобава договориться до следующего: „Бесписьменные языки никогда не могут дать сравнительному методу того простора, который он находил при изучении индоевропейских языков“.[3]

Конечно, ничего нового сотрудники названного „Ежегодника“, в том числе и упомянутый Арн. Чикобава, этим утверждением нам не дают. Они повторяют здесь то, о чем пишут и говорят известные индоевропеисты (глава индоевропеистики, профессор Сорбонны А. Мейе не раз указывал на это положение, наставляя своих последователей).

Огромнейшая заслуга Н. Я. Марра заключается в том, что он взялся за основательное изучение этих разнообразнейших живых языков, не имеющих собственной письменности. Такие языки в большом количестве сгруппированы в частности на Кавказе на очень маленькой территории, но характеризуются „колоссальными расхождениями между собой в построении и лексическом запасе“ (И. Мещанинов). Этим Н. Я. Марр вышел за заколдованный круг и взялся за изучение огромного материала, благодаря чему он окончательно отошел от индоевропейской методологии, от ее традиций.[4]

---

[1] См. сборник Грузинского лингвистического общества, „ṫeliṫdeuli“ (Ежегодник), 1926, т. I—II, предисловие, стр. V (Курсив мой. *А. Г.*).

[2] Там же, стр. VI.

[3] Там же, статья Чикобава „К общему мировоззрению“, стр. 17.

[4] См. И. И. Мещанинов, Яфетидология и марксизм, АзГНИИ, Баку, 1930.

Мейе и все его последователи без исключения признают наиболее древним тот язык, существование письменности которого датируется более древним периодом. Таким образом, древность языка индоевропеисты целиком связывают с древностью письменных источников. Яфетидология же при основательном изучении современных бесписьменных народных языков вскрыла тот факт, что в деле выяснения древности речи исторические даты не при чем: „исторические даты не играют ровно никакой роли в определении генетического момента той или иной языковой формы или явления“.[1]

В результате многолетнего углубленного исследования Н. Я. Марр пришел к выводу, что письменные документы, дошедшие до нас и датированные 2000, 3000 и более лет до нашей эры (напр., письменные памятники жителей Вавилонии, которые жили и создавали культуру за несколько тысячелетий до нашей эры), в смысле языкового построения и формы содержат гораздо более поздние особенности, чем нынешние народные языки, или, вернее, особенности, сохраненные в этих бесписьменных языках.

Это положение на первых порах может кое-кого и смутить: как же это так, источник написан за десять веков до нас, и вдруг язык его оказывается более новым, чем языки современных нам народов? Как мы можем сказать, что письменные документы VII и VIII веков (напр., древнелитературного грузинского) в языковом отношении содержат более развитые формы, чем, если хотите, нынешняя народная грузинская речь, например, гурийская, хевсурская, аджарская? Все это, мол, сказка. Действительно, многие именно так и рассуждают, но они забывают один „незначительный“ момент в этом вопросе, именно, взаимоотношение народной и литературной речи.

Известно, что литературный язык всегда являлся языком господствующего класса. Этим языком раньше пользовались только привилегированные классы, которые благодаря своему сословному и классовому положению владели государственным аппаратом, а народ, трудящаяся масса, была отдалена от него, и народная речь развивалась независимо от литературной речи. Литературный язык отобразил в памятниках те изменения, которые внес в него руководящий класс; народный же язык по традиции не забывал и об „изначальных“ словах и своеобразиях их форм. Соответственно с этим литературный язык становился более эластичным, он развивался более заметно и быстро, а народный язык сохранял более консервативные формы, развивался менее заметно.

Грузинский язык, который нам дан в текстах VI и VII веков, есть литературный язык класса грузинских феодалов, несмотря на вскрывшийся факт, что он не был языком исклю-

---

[1] Н. Я. Марр, Об яфетической теории, ПЭРЯТ, 1926, стр. 202.

чительно карталинской или картской феодальной знати: в его создании принимали участие (в результате исторических сдвигов, особенно вследствие сближения с западной Грузией), как имер[етин]ское, так и гурийское и другие княжества. Когда-то Н. Я. Марр писал: „С VI — VII в. в развитии этого литературного языка начинают принимать участие, помимо грузин-карталинцев, все прочие грузинские племена (гурийцы, мингрельцы, сваны, лазы и пр.). И они делают в общегрузинскую литературу в общем, конечно, больший вклад, чем сами грузины-карталинцы. И, таким образом, литература становится из племенной национальною, литературный же язык из диалектически-грузинского, областного, общегрузинским. Потому-то многие места любимой грузинской поэмы „Барсовой кожи“ более понятны, например, гурийцам или имеретинцам, чем карталинцам, сынам истой этнографической Грузии“.[1]

Однако этот язык не был собственностью всего народа, им пользовалось меньшинство общества.

В древнелитературном грузинском, дошедшем до нас в памятниках, бросаются в глаза тяжелые и высокопарные обороты речи, к тому же очень трудные для усвоения. И это, конечно, бесспорно свидетельствует о том, что этим языком пользовались высшие классы, верхушка, а не широкое население, трудящиеся. Язык же трудящихся масс прост, легок, многообразен и усваивается легко.

Все эти явления наблюдаются, однако, не только в грузинском, в частности при сравнении древнелитературного грузинского с народным языком, эти явления имеют место во всех языках. Н. Я. Марр доказал, что так наз. новые языки, сохранившиеся до нас на европейском континенте — французский, немецкий, английский, на которых ныне имеется богатая технико-экономическая и научная литература, — глоттогонически являются более древними, чем классические мертвые языки Европы, латинский и греческий.[2] Теперь и для индоевропеистов должно быть ясно, что так наз. новые языки Европы, в том числе и особенно немецкий язык, тяготеют и по происхождению и географически к языкам яфетической системы.

Между прочим, необходимо отметить, что особенное внимание основоположника яфетидологии было обращено за последнее время на близкие языковые связи немецкого с языками яфетической системы, в частности со сванским. Знаменательно, что те особенности употребления гласных (фонетика), которые характерны для сванского языка, выступают одновременно

---

[1] Н. Я. Марр, Грузинская нация, Кутаис, 1905, стр. 5, или в газете „Рассвет“, №№ 68 и 79, 14 и 15 мая 1905 г. [на груз. языке; русский перевод см. его же „История Грузии. По поводу слова прот. И. Восторгова о грузинском народе“, Спб., 1906, стр. 57].

[2] Ср. Н. Я. Марр, Язык и мышление, стр. 22, пункт 7.

как особенности и немецкого, равно изменение корней глаголов, соотношения окончаний, строй глагола[1] и целый ряд других особенностей, по которым немецкий язык относят к индоевропейской „семье“, находит полную поддержку не только в сванском, но в целом ряде случаев и в грузинском.[2] Выяснение этих явлений, несомненно, значительно расширяет горизонт нового учения о языке и уничтожает дымовую завесу расовой теории индоевропеизма в вопросе о происхождении европейских языков.

Этим доказывается также, что языки яфетической системы, в частности те из них, которые имеются на Кавказе, до нашего времени „сохранили в себе более старую структуру речи, сохранили более старый строй ее, из которого потом вышли те языки, на которых говорят англичане, французы, немцы, русские. Следовательно, то, что сейчас сохранилось на небольшом участке земли на Кавказе и что сохранилось также, по признанию самих индоевропейцев, в еще более маленьком кусочке на Западе, в Пиренеях, на юге Франции и севере Испании, является остатком довольно широко распространенной человеческой речи по всей Европе и Азии, остатком того, что сохранилось в прежнем не измененном виде, тогда как кругом остальное продвинулось вперед, образовав те языки, которые называются индоевропейскими“. [3]

Выяснение вопроса о взаимосвязи немецкого и сванского языков имеет огромное значение для изучения происхождения европейских языков, но, кроме того, оно имеет не меньшее значение в отношении выяснения других явлений. Прежде всего, это заостряет наше внимание на вопросах изучения языков колониальных, полуколониальных и бывших колониальных народов, поскольку выясняется, что именно эти народы, которые перенесли и переносят безжалостное унижение со стороны господствующих классов и которые не имеют собственной письменности, все богатство своего (народного) языка сохранили в устной словесности. Они донесли до нас все древности своего языка и, что главное, дают нам надежный ключ для выяснения происхождения их языков.

Потому и новое учение о языке обращает исключительное внимание на вопросы выдвижения таких языков на первый план, изучения их и создания на них письменности и собственной литературы.

Однако наше утверждение о том, что в нынешних разговорных народных языках сохранены бо́льшие древности, чем в древних мертвых языках, столетиями отдаленных от нас

---

[1] Ср. Н. Я. Марр, Новый поворот в работе по яфетической теории (Из результатов научной командировки в Германию), ИАН, 1931, стр. 643.

[2] Там же.

[3] И. И. Мещанинов, Яфетидология и марксизм, АзГНИИ, Баку, 1930, стр. 17—18.

и представленных в письменных источниках, — наше это утверждение не должно быть понято так, будто мы целиком отрицаем значение письменных источников вообще и признаем нахождение нынешних народных языков на первобытной стадии. Нет, письменные источники имеют большое значение в языкознании так же, как и в других областях науки, но в деле изучения древнейших форм, а иногда и структуры языка, письменные источники не могут считаться авторитетными документами. Для этих целей надежной опорой является народная речь, которая сохранила до нашего времени значительные древности в виде отдельных форм, структуры речи и слов, „как отдельные обломки уже в измененном по своему основному развитию речевом строе“ (Мещанинов).

Для иллюстрации этого положения мы приведем несколько примеров из наших наблюдений над древнелитературным грузинским языком и диалектами современного нам грузинского языка.

IV

Акад. И. И. Мещанинов справедливо замечал: „Даже и пятитысячелетний размах не уничтожил того наблюдения, которое оказалось у него [Н. Я. Марра. *А. Г.*] сначала, когда он сравнивал древний грузинский язык с языком современным. В частности, в шумерском языке, отдаленном от нас тысячами лет, он нашел более развитую речь, чем та, которую он изучал у народов Приволжья, например, у чувашей“.[1]

И действительно, в древнелитературном грузинском мы встречаемся с более развитыми словами и способами образования слов, чем в нынешнем народном грузинском языке.

В древнегрузинском, в частности в тех письменных источниках, которые дошли до нас, целый ряд имен, оканчивающихся на гласный, получает в конце звук „y“. Здесь же нужно отметить, что „y“ появляется в древнегрузинском не так уж редко: он встречается как в конце слова, так и в середине, но употребляется в известных случаях и по известной системе. Это особенно легко можно заметить в родительном и творительном падежах имен. Окончание род. падежа -ısa и творит. падежа -ıϑa в древнегрузинском в именах, оканчивающихся на гласный, несколько видоизменяются. Здесь гласный ı ослабевает, теряет полногласие и превращается в полугласный „y“, напр., слово udabno 'долина' в родительном падеже должно звучать udabno-ıs(a), но на деле в текстах это не так: конечный гласный слова „o“, повлияв на следующий гласный окончания ı, превратил его в полугласный, и в результате мы получили udabno-ys(a). К таким примерам относятся: Iovaneys(a) 'Иоанна', Pavleys(a) 'Павла'

[1] И. И. Мещанинов, Яфетидология и марксизм, стр. 8.

и т. д. А должны были ожидать: Iovaneısa, Pavleısa и т. д., как это действительно встречается во многих диалектах современного грузинского языка.

Нужно отметить, что в некоторых случаях звук „у" встречается в том же древнегрузинском и в словах, выражающих действие. Приведем несколько примеров из источников, относящихся к VIII — X вв.;[1] romelmaϑ ğmerϑebısa naϑlıϑa ağavso *ϑay* da *qowekanay* savsebıϑowrϑ; romelman dahwsna *mtrobay* pırvelı da aqara *muwıdobay* шoreulϑa da maqlobelϑa; saϑnaowr hkav *ϑwϑebay* orϑa bownebaϑa; da dğes ıшev beϑlems qaltowlısagan naϑlad tarmarϑϑa *mzey* ege sımarϑlısa; vıϑarmed qaltowlman gwшves *krmay*; kovlad *tmıday* qaltowlı; da ğmerϑ hkav *bownebay* kaϑobıwı kaϑϑ mokowarebaϑ: jamϑa mıϑvulebısa шenısas, ınebe meored *шobay* howrısa mıs; *sıbrdney sowlısay* da *ganaϑlebay* gonebısa *ϑowlay* momeϑ; romelmaϑ шeqmna zğoway ese dıdı da vrϑelı и т. д.

Как видим, в древнелитературном грузинском в подчеркнутых нами словах звук „у" выступает в различных контекстах.[2]

В новолитературном грузинском этот полугласный „у" уже не встречается; теперь ни один культурный человек даже случайно не скажет шobay ('рождение') или zğoway ('море'). В таких словах „у" совершенно утрачен благодаря влиянию предыдущего гласного, и ныне эти слова звучат так: шoba, zğva.

Но встает вопрос, являются ли формы шobay, zğoway древними формами вообще (мы здесь уже не останавливаемся на палеонтологическом анализе этих слов, в данном случае нас интересует историческая преемственность данных форм)? — По нашим наблюдениям, они являются формами сравнительно поздней стадии. Их древнейший вид, судя по письменным источникам, до нас не дошел. Но зато его можно восстановить через народную речь, которая сохранила в себе древности сравнительно более отдаленного прошлого, чем V столетие, когда было написано дошедшее до нас сочинение известного писателя Якова (Jakob Quϑesı) „Мученичество святой Шушаники".

Что говорит нам наблюдение над народным языком? Анализом народной речи вскрывается, прежде всего, то, что древнелитературные йотированные (с окончанием на „у") слова являются образованиями более поздней стадии и восстановление древнейших форм-особенностей производства этих слов становится возможным только в народной речи. Это положение можно подтвердить фактами из диалектов почти всех

---

[1] Примеры взяты из работы П. Ингороква „Древнегрузинская духовная поэзия", кн. I, тексты VIII — X века. Тифлис, 1913 (на груз. языке).

[2] Следующая за этим в грузинском оригинале фраза исключена нами при переводе по личному желанию автора.

районов Грузии, как в Гурии, Имер[ет]ии, Карт[алин]ии, Kax[ет]ии, так и в Хевсурии, Аджаристане и других местах.

Мы ниже приводим примеры из некоторых диалектов грузинского языка.

Имена, которые по нормам современного литературного грузинского языка оканчиваются на гласный (mama 'отец', deda 'мать', da 'сестра', ϑa 'небо', qva 'камень', mϑa 'гора', q̇e 'дерево', ṙko 'жолудь', ḃu 'сова'), в гурийском, аджарском, а также и в других говорах представлены с своеобразным оформлением. В грузинском языке, как и во многих других языках, имена всегда выступают в именительном падеже при самостоятельном употреблении, напр., qal-ı 'женщина', шvıl-ı 'сын', q̇el-ı 'рука', adamıan-ı 'человек', mdıvan-ı 'секретарь' и т. д., но далеко не все имена получают при этом показатель именительного падежа „ı", т. е. слова с исходным гласным в основе не получают окончания именительного падежа „ı"; стало быть, в этом падеже они появляются в виде их неизменных чистых основ. Напр. mama 'отец', q̇e 'дерево', ḃu 'сова', ṙko 'жолудь' и т. д. Мы можем предположить, что эти слова в свое время имели этот показатель именительного падежа. Как было указано выше, слова с исходным гласным в текстах древнелитературного грузинского языка даны с окончанием на „у". Из этого становится ясным, что на определенной стадии слова характеризовались соответственными особенностями. На определенной иной стадии эти особенности, став оковами в деле развития языка, исчезли, вернее сказать — их вытеснил язык. Так литературный язык вытеснил, утратил „у" совершенно, но зато он сохранился в народной речи.

Это положение наиболее резко вырисовывается в гурийском говоре. В гурийском обычное явление, когда слова с гласным исходом получают окончание „ı": ďmaı 'брат', dedaı, nenaı 'мать', daı 'сестра', q̇eı дерево', ḃuı 'сова' и т. д. Ниже даются выдержки из гурийского фольклора. Шen mokalı ϑemı *ďmay*, amıϑ damıṫklule gulı saṫvaleblaϑ es q̇eḱoꞩa-qe q̇ar ϑolze gagdebulı.[1] 'Ты убил моего брата, этим ранил сердце мое, а тебе достаточно для мучения то, что валяешься в снегу (бездыханный)'; ϑemı *dmay* lamazaϑ mḱavs loginze dasvenebulı 'брат же мой лежит опрятно на постели';[2] ḃzey ḃrıḱınavs, *ϑay* ğrublavs, ϑolıa dazavebulı[3] 'блестит солнце, небо начинает скрываться за облаками, (все) снегом полно'; или же: ꞩalaska gamomeϑala ṫḱvıa davq̇arde *ḱvelay*, kabalaq̇ı maϑ uϑvene, dadeqı ϑav-шıш*velay*, sanam mqonda *patronay*, qe vısrodı *ϑalqelay*, vktebı da genıшvıdobebı me Nıkoloz *Moq̇uklay*.[4]

---

[1] Стихотворение записано в Гурии т. Чиковани, см. сборник „За марксистское языкознание", Тифлис, 1934, стр. 113.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 114.

[4] Там же.

К этому роду слов относятся следующие гурийские слова: abdalay 'дурак', bağanaı 'ребенок', bzğartuaı ['человек низкого роста'], gaıdonaı ['соловей'], keııeı 'очаг', kotobaı 'маленький горшок', kurkantelaı ['плод шиповника'], gzaı 'дорога' busunıkaı ['негодный'], uzandaraı ['шкаф для посуды'], nenaı 'мать', pataı 'маленький', φuqaraı ['бедняк'], шavııozaı 'чернокожий' [слишком черный], ϑıϑaı 'девушка', tıtıeı ['мясо'], blш 'немой', 'заика', kruı 'глухой', ϑruı 'врун', pkeı 'налить вина', tleı 'худощавый'; 'нежирный', ğreı 'пропасть', 'овраг', qφoı, φqoı ['теленок'], droı 'время', dorkoı 'скамья', шtoı ['ветка дерева'] leloı 'гол' [при игре в мяч] и многие другие. [1]

В этих именах конечный ı является слоговым. Он слышится в обыденной речи как полногласный ı. В отношении древнелит. груз. языка мы должны сказать, что там звук „у", напр. в слове ďey 'сын', слабо, а иногда и еле слышен. Здесь „у" представляет собой неслоговую ослабленную разновидность „ı". [2]

В гурийском говоре аналогичных с вышеприведенным примеров очень много, в этом говоре имена имеют обычно такой именно вид. Разве благодаря сильному влиянию литературного языка кто скажет: gza 'дорога', ğre 'овраг'; но обыкновенно всегда говорят: gzaı, ğreı, rvaı 'восемь', ϑqraı 'девять' и т. п. Окончание „ı" получают в гурийском говоре не только родные грузинские слова, но и иностранные: напр., karabınaı 'карабин', kantoraı 'контора', qoııalaı 'холера', bombaı 'бомба', broшuraı 'брошюра' и др.

Таким образом, выясняется, что слова, по нормам новолитературного грузинского оканчивающиеся на гласный, в гурийском говоре выступают в их первичной, полной форме, тогда как в древнелитературном грузинском они представлены в новой, сравнительно более развитой форме.

Теперь проследим, каково положение вещей в аджарском говоре. Подобно гурийскому и здесь обычны случаи появления этого „ı". Это видно как по данным нашего наблюдения над народной речью аджарцев, так и по данным уже записанных и опубликованных фольклорных текстов. Lambaı (lampaı) 'лампа', Esakıaı 'Исак', Rızmanaı 'Ризман' (собств. имя), kvelaı 'все', ďmaı 'брат', daı 'сестра', ϑaı 'небо', gzaı 'дорога'. [3]

---

[1] Переводы, заключенные в скобках, даны у автора в грузинской литературной форме; переводы, данные вне скобок, сделаны везде мною. *Пер.*

[2] Здесь однако же должны заметить, что многие утверждают наоборот, высказывают мнение, будто бы в сванском „у" образует слог, напр., будто в слове yeqw ('жена') „у" является слоговым, но это утверждение мало убедительно. В частности, в армянском „у" не является гласным, не образует слога и не получает ударения.

[3] Однако во множ. числе в адж. говоре эти слова теряют коренной „а", напр., ďmaı, во множ. ч. ďmıebı 'братья', daı dıebı 'сестры', ϑaı — ϑıebı 'небеса', gza-gzıebı 'дорога' (см. Мак. Хубуа, Верхнеаджарское языковое обозрение, Батум, 1932, стр. 13 [на груз. яз.].

Приведем несколько примеров из записанных текстов.

Erϑı ğorı, erϑı daϑvı da erϑıϑ melay dadmobılebulan 'Подружились: одна свинья, один медведь и одна лиса'. Ilıasaı ğele gağma gakrulıko шıϑ φurğunшı 'Мать была связана в фургоне на том берегу оврага'. Erϑı mağla шeviqede φaıϑonısa qmavı ϑanda 'Посмотрел раз вверх, слышен [букв. виден] был грохот фаэтона'. Kedıaı ıdaqoda, gagvıtkvıta dıd-patara 'Кедия кричал: „уничтожили всех [букв. малых и больших]'. Шenısϑanaı usvındıso ara kaϑıϑ ar ıqneba 'Такого бессовестного, как ты, не может быть ни одного человека'. Θvaljujunaı, ϑeϑrφerovanı mϑvaresavıϑ gamsılı 'Голубоглазая, белолицая, полнокровная [букв. полная] как луна'. [1]

Как видим, и гурийские и аджарские материалы дают возможность сделать один и тот же вывод. И те и другие указывают на то, что народная речь сохранила интересующие нас слова в более древнем звучании, чем древнегрузинский язык, дошедший до нас в письменных источниках, хотя они и имеют более чем 15-вековую давность.

Интересную картину рисует нам и хевсурская народная речь. Архаизмы и здесь подтверждаются. В этом отношении гурийские и аджарские говоры обнаруживают значительное сходство с хевсурским диалектом, несмотря на территориальную их давность. Хевсуры говорят: *dmaı* urumebın mamıkles, шın mıol sırϑqvılıanı (стр. 69); sadılobısad ϑqen-kaϑa qvadϑ *Snoı* [назв. деревни. *А. Г.*] mogalıano [стр. 69]; bevras *dedaı* ıtırebs, bevra daqrıvda qalıo (стр. 91); Ionas ar sϑıldebıan dmıs *Garsıaıs* ϑvalnıa (стр. 107); Aqala *Mgelaıs* шvılı kaϑ daıbada raφerı? (стр. 109); amdınar ϑamomdınarı tkemsı, *mишaı* dğebısa (стр. 109); dedav ar mında *Baϑanay*, mında *Gıgaı* Gıgaurı (стр. 293); или же: es rom *Mandıaıs* mamas gaugaı, gaulandğav шvılı (стр. 193); [2] ϑauvlav Arqotıs talaı, ϑasulas sadromϑ (стр. 184); vmkıϑ kanas da шamaϑındes ϑoφ-ısarağıϑ marϑulnı *Grardaıd Tvrılaı* (стр. 191); Marıemı da *Θınaı* tkved taıkvanes qalnıa (стр. 214); Durqam gadeza *lurdaı* eg muqlıϑ nıav-qarıa (стр. 215). [3]

Итак, хевсурские материалы указывают на то же самое явление, что и гурийские и аджарские.

То же самое говорят и материалы имер[етин]ского говора: [4] gaganıaı ['сильная жара', 'духота'], boqotıaı ['название мухи'], megordıaı ['один из приемов в борьбе'], guntakıaı ['вид игры'], ϑabutıaı ['бедно одетый'], saqaqanaı 'обязанный подчиняться повелениям всех' [членов семьи], qorobıaı, qınϑqınıaı 'мать' [по форме то же самое, что гур. nenaı, адж. Ilıasaı, хевс. dedaı]. Но особенность имер[етин]ского говора заключается в том,

---

[1] Ук. соч. Хубуа.

[2] Здесь страницы указаны из работ Габуури „Хевсурские материалы", под редакцией А. Шанидзе в „Ежегоднике".

[3] Проф. А. Шанидзе, Народная поэзия (Хевсурские материалы).

[4] См. В. Беридзе, Грузинский глоссарий, МЯЯ, VI, Спб., 1912 г.

что здесь слова, оканчивающиеся на гласный, получают в конце „е“, который влияет на ı и превращает его в „у“. Напр., erϑuϑqunaey 'немножечко', vaϑaey, ϑq̇ıpaey, kerketaey и т. д., а должны были ожидать: erϑuϑqunaı, vaϑaı, ϑq̇ıpaı (гур. ϑq̇ıapaı), kerketaı и т. п.

На примерах, приведенных как из древнелитературного грузинского языка, так и из нынешнего разговорного языка, устанавливается следующее:

а) Древнелитературный грузинский язык, представленный в письменных источниках, несмотря на их древность согласно датировке, часто содержит отдельные более развитые формы, чем нынешний разговорный язык, в частности народная речь. И это понятно, нам кажется, после соответствующей нашей иллюстрации. Письменностью пользовалась та часть общества, в руках которой находились все командные высоты управления обществом. Литературный язык всегда принадлежал господствующему классу, который унижал и преследовал народную речь. А свою литературную речь он обогащал своими же средствами и по своему вкусу. Грузинский язык, представленный в письменных памятниках VII, VIII и т. д. веков, являлся грузинским феодальным языком, официальным языком помещиков, параллельно с которым продолжал существовать тогдашний разговорный язык трудящихся, язык более понятный, более приятный и богатый, язык класса угнетенного, народный язык; литературный же язык был собственностью, достоянием привилегированных классов.

б) Необходимо основательное изучение народной речи. В частности, необходимо вывести на широкий путь развития те языки, которые до Октябрьской революции не имели своей письменности. Такие языки сохранили до нашего времени драгоценнейшее богатство древних норм, которые своим разъяснением открывают нам перспективы для выяснения многих интересных вопросов не только языка, но и материальной культуры и истории человека, — вопросов, изучение которых до сих пор находится в девственном состоянии.

Потому и ленинско-сталинская национальная политика осуществляет задачу вывода на широкую творческую дорогу нацменовских языков, угнетенных ранее политикой великорусских шовинистов. Тов. Сталин на XVI партсъезде дал жесточайшую критику антимарксистских теорий в национальном вопросе, в частности в вопросе о слиянии всех языков в период социализма. Он говорил, что в период социализма „национальные языки не только не отмирают и не сливаются в один общий язык, а, наоборот, национальные культуры и национальные языки развиваются и расцветают. Не ясно ли, что теория отмирания национальных языков и слияния их в один общий язык в рамках *одного* государства в период развернутого социалистического строительства, в период социализма в *одной*

стране, есть теория неправильная, антимарксистская, антиленинская". [1]

Игнорировать бесписьменные национальные языки на данном этапе, в период социализма, забыть о них и не считаться с ними как с „неблагородными" (обычный взгляд буржуазных языковедов) значит мешать проведению ленинской национальной политики. Это значит также отказаться от выполнения тезиса Ленина — Сталина о национальной культуре. На это идут наши классовые враги. Вот почему Ленин и Сталин и ленинско-сталинская партия систематически разоблачали подобные идеи и стремления наших врагов.

Тов. Сталин говорил: „теория слияния всех наций, скажем, СССР, в одну общую *великорусскую* нацию с одним общим *великорусским* языком есть теория национал-шовинистская, теория антиленинская, противоречащая основному положению ленинизма, состоящему в том, что национальные различия не могут исчезнуть в ближайший период, что они должны остаться еще надолго даже после победы пролетарской революции *в мировом масштабе*. Что касается более далекой перспективы национальных культур и национальных языков, то я всегда держался и продолжаю держаться того ленинского взгляда, что в период победы социализма в *мировом масштабе*, когда социализм окрепнет и войдет в быт, национальные языки неминуемо должны слиться в один общий язык, который, конечно, не будет ни великорусским, ни немецким, а чем-то новым". [2]

Вот из каких положений исходил и основоположник нового учения о языке акад. Н. Я. Марр, когда он упорно ставил вопросы изучения именно национальных языков и перевода их на широкий путь социалистической самодеятельности.

в) Наконец, из приведенных нами примеров лишний раз подтверждается, что с точки зрения выяснения древних закономерностей в языке дошедшие до нас письменные источники не имеют авторитетного значения. Языковые древности сохранены в народной речи лучше, чем где-либо, чем достаточно основательно расшатывается авторитет письменных источников.

Декабрь 1933 г.

---

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма, 10-е изд, стр. 432—433.
[2] Там же, стр. 431.

